

Джек Макдевит

Законный наследник
Азимова и Кларка.
Стивен Кинг

Макдевит — лучший из авторов,
пишущих в наше время
о дальнем космосе.
The Denver Post

ВОЕННЫЙ ТАЛАНТ

ЦИКЛ РОМАНОВ ОБ АЛЕКСЕ БЕНЕДИКТЕ

Джек
Макдевит

ВОЕННЫЙ
ТАЛАНТ

ВОЕННЫЙ
ТАЛАНТ

Джек
Макгевит

ЗВЕЗДЫ НОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОМАНЫ
об Алексее Бенедикте

Военный талант

•

Полярис

Искатель

Око Дьявола

Эхо

Жар-птица

Джек
Макдевит

ВОЕННЫЙ
ТАЛАНТ

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
М 15

Jack McDevitt
A TALENT FOR WAR
Copyright © 1989 by Jack McDevitt
All rights reserved

Перевод с английского Назиры Ибрагимовой

Иллюстрация на обложке Джона Харриса

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-07095-0

© Н. Ибрагимова, перевод, 2015
© ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Джозефу Х. Паррофу,
преподобному Л. Ричарду Касавану
и преподобному Роберту Э. Карсону.
Этот долг я никогда не смогу оплатить*

Я благодарен за консультации при написании этой книги Джеймсу Х. Шарпу из Планетария им. Альберта Эйнштейна при Смитсоновском институте. Кроме того, я бы хотел выразить свою признательность Льюису Шайнеру за его советы, Джинджер Бьюкенен — за помощь в работе с рукописью, а также Морин Макдевит, чье присутствие ощущается во вселенной Кристофера Сима.

ПРОЛОГ

Воздух был тяжелым от запаха ладана и горячего воска.

Кэм Чулон любил эту простую каменную церковь. Преклонив колена, он следил за тем, как хрустальные капли воды стекают с пальцев отца Кэрри в серебряную чашу, которую держал послушник. Этот символ извечного человеческого стремления избежать ответственности казался Чулону самым значительным из древних ритуалов.

«Вот в чем наша сущность, многие века выставленная напоказ», — подумал он.

Чулон обвел взглядом альков Девы Марии, тускло освещенный несколькими мигающими свечами: фрески с изображением крестного пути Христа, простой алтарь, деревянную кафедру с лежащим на ней массивным фолиантом Библии. По сравнению с роскошью Окраины, Ригеля-III и Тараминго, все было слишком скромным. Однако великолепие огромных соборов, изысканность витражей, громады мраморных колонн, звуки могучих органов, широкие хоры почему-то всегда мешали и пугали. А отсюда, с горы, он мог смотреть вниз, на долину реки, которую отцы давних времен передали Антонию Токсиконскому. Здесь были только река, скалы и Создатель.

Приезд Чулона стал первым визитом в аббатство вышестоящего епископа. Альбакор, этот погребенный под снегом холодный мир на самой границе Конфедерации, служил домом лишь святым отцам. Наслаждаясь тишиной, прислушиваясь к отдавленному рокоту лавин, вдыхая в легкие холодный, бодрящий воздух, нетрудно было понять, почему Альбакор время от времени становился приютом для самых блестящих ученых, состо-

явших в Ордене. Мартин Брендуга создал свои великие хроники Смутного времени в келье, расположенной над часовней, Альберт Кейл завершил здесь свое знаменитое исследование транс-галактических рядов, а Морган Ки написал эссе, навсегда связавшие его имя с классической теорией экономики.

Да, эти места почему-то пробуждали в людях величие.

С мессы Чулон шел в сопровождении аббата Марка Тазангалеса. Они кутались в пальто, и изо рта у них то и дело вырывались облачка пара. Аббат имел много общего с долиной Святого Антония: никто в Ордене не помнил его молодым, а черты его покрытого глубокими морщинами лица казались такими же жесткими, как известняковые стены и заснеженные скалы. Тазангалес был столпом веры. Чулон не мог представить себе даже тени сомнения, столь свойственного обыкновенным людям, в этих темно-синих глазах.

По дороге они вспоминали лучшие времена, как это обычно делают давно не встречавшиеся пожилые люди, но потом аббат вдруг отбросил прошлое и, повысив голос, чтобы перекричать ветер, сказал:

— Кэм, вы преуспели.

Чулон улыбнулся. Тазангалес умел добиться субсидий и распорядиться ими, что ни в коей мере не вредило его ореолу святости. Он был превосходным администратором и оратором, умеющим убедить слушателей, именно тем человеком, который способен представлять Церковь и Орден. Но ему не доставало честолюбия, поэтому при первой же возможности он вернулся в долину Святого Антония и провел здесь всю жизнь.

— Церковь добра ко мне, Марк. И к вам тоже.

Они смотрели вниз с вершины горы, на которой располагалось аббатство. Приближалась зима, и долина была абсолютно голой, какой-то монотонно-коричневой.

— Мне всегда казалось, что я с удовольствием вернулся бы сюда на пару лет. Преподавал бы теологию. А может, просто для того, чтобы привести в порядок свою жизнь.

— Вы нужны Церкви для более важных дел.

— Возможно. — Чулон посмотрел на кольцо, символ своего ранга. — Я многое за него отдал. Вероятно, цена слишком высока.

Аббат не возражал и не соглашался с ним, лишь настаивал на своем, ожидая, что это доставит епископу удовольствие. Чулон вздохнул:

— На самом деле вы ведь не одобряете путь, по которому я пошел.

— Я этого не сказал.

— Это сказали ваши глаза, — улыбнулся Чулон.

Внезапный порыв ветра пригнул деревья, полетели снежные хлопья.

— Первый снег в этом году, — вздохнул Тазангалес.

Долина Святого Антония пряталась высоко в горах меньшего из двух континентов Альбакора. (Некоторые говорили, что эта маленькая планетка состоит исключительно из гор.) Зато, с точки зрения Чулона, это избранное место Господа, земля лесов, известковых расселин и снежных вершин. Епископ вырос на такой же планете, на скалистой Деллаконде, солнце которой настолько далеко, что его невозможно увидеть с Альбакора.

В этой древней таинственной глуши, где он сейчас находился, Чулон испытывал добрые чувства, неведомые ему уже тридцать лет. Воспоминания юности. Почему они всегда реальнее событий зрелости? Почему Чулон, осуществив честолюбивые замыслы своей молодости, даже намного превзойдя их, не получал от этого удовольствия?

Епископ плотнее запахнул пальто, защищаясь от ледяных порывов ветра.

Здесь, среди застывших холодных вершин, что-то смутно беспокоило его. Каким-то непонятным Чулону образом горы бросали вызов теплому уюту крошечной церкви.

Там, дома, появилось еретическое движение, последователи которого заявляли, что говорят от имени Иисуса Христа. Они хотели, чтобы епископ продал церкви, а деньги роздал беднякам. Но Чулон, любивший бывать в самых суровых местах и этой и других планет, понимал, что церкви служат защитой от пугающего величия Всемогущего.

Он наблюдал, как набирает силу метель.

Несколько семинаристов выбежали из трапезной и шумно поспешили к гимнастическому залу. Внезапный взрыв юной

энергии пробудил Чулона от задумчивости, и он взглянул на Тазангалеса.

— Замерзли? — спросил аббат.

— Нет.

— Тогда осмотрим остальную территорию.

Здесь мало что изменилось. Неужели прошло полжизни с тех пор, как они по ночам совершали набеги на трапезную в поисках пива? Неужели прошло так много времени с тех пор, как они бегали в Блейзинвелл и невинно флиртовали с девушками, ныряли голышом в горные озера? Боже мой, он словно наяву ощутил восхитительный холод светлых струй!

Тогда это казалось таким сладким грехом...

Посыпанные гравием и слегка припорошенные снегом дорожки приятно похрустывали под ногами. Чулон и Тазангалес обогнули библиотеку. Антенна, установленная на островерхой крыше здания, медленно поворачивалась вслед за одним из орбитальных спутников. Мокрые хлопья снега слепили глаза, начали мерзнуть ноги.

Кельи монахов располагались в задней части монастырского комплекса, на безопасном расстоянии от докучливых посетителей и послушников. Дорожка кончалась у простой металлической двери. Чулон смотрел в сторону пологого склона горы, возвышающейся за аббатством. На ее гребне виднелись едва заметные на фоне грозового неба арка, железная ограда и длинные ряды белых крестов.

Почетное место для тех, кто достиг цели.

Тазангалес уже открыл тяжелую дверь, терпеливо ожидая епископа.

— Минуточку, — сказал Чулон. Стряхивая снег с пальто, он задумчиво смотрел на гребень горы.

— Кэм, холодно.

В голосе Тазангалеса слышалось легкое раздражение, но Чулон сделал вид, что не заметил этого.

— Я вернусь через несколько минут, — наконец произнес он и, не прибавив больше ни слова, быстро зашагал вверх по склону.

Аббат выпустил ручку двери и покорно пошел за ним.

Тропинка, ведущая к кладбищу, была засыпана снегом, однако Чулон не обратил на это внимания и, наклонившись вперед, упорно взбирался выше. Два каменных ангела с печально опущенной головой распростерли крылья, охраняя вход. Епископ прошел между ними и прочел вырезанную на арке надпись: «Тот, кто учит других, как умирать, должен знать, как жить».

Ровные ряды крестов — самый старый слева, чуть впереди, — мрачной чередой уходили вверх к гребню горы, а потом вниз, по противоположному склону. На каждом начертаны имя, буквы, обозначающие гордое название Ордена, и дата смерти в стандартном летоисчислении Эры Христианства.

В дальнем уголке кладбища епископ нашел могилу отца Бреннера. Бреннер был рыжим, крепким и толстым, преподавал историю Церкви в период Великого Переселения.

— Вы, конечно, знали... — произнес аббат, заметив реакцию епископа.

— Да, но получить известие о смерти человека — совсем не то, что оказаться у его могилы.

В этом последнем ряду было удручающе много знакомых имен: Филиппс, Мушаллах и Отикапа... Его учителя. Мушаллах он помнил как молчаливого сумрачного человека с острым взглядом и непоколебимыми убеждениями, любившего словесные дуэли со студентами, осмеливавшимися подвергать сомнению существование Бога.

Дальше Чулон обнаружил могилы Джона Пэннела, Крэга Хоувера и других. Теперь они всего лишь прах, и никакая теология не могла ничего изменить.

Епископ с любопытством взглянул на Тазангалеса. Тот терпеливо и, по-видимому, равнодушно стоял под снегопадом, засунув руки в карманы. Понимал ли он, что значит прогулка по такому месту? Лицо аббата не выражало никакой печали. Чулон не был уверен, хотелось ли ему самому иметь столь крепкую веру...

Неприятное ощущение: грешник, упорствующий в своем грехе.

Некоторые надгробия насчитывали по несколько веков. И среди похороненных под ними людей было немало таких, которым следовало отдать дань уважения. Но епископу страстно захотелось вернуться обратно. Может, потому, что погода

ухудшилась, а может, ему просто не хотелось больше ничего видеть. Когда Чулон собирался уходить, его взгляд упал на одно надгробие, и что-то показалось ему странным.

ДЖЕРОМ КОРТНИ

Умер 11108 A. D.

Могиле сто шестьдесят стандартных лет, сравнительно немного по меркам Святого Антония. Надпись была неполной, отсутствовал знак Ордена.

Епископ прищурился, чтобы лучше видеть, и провел по камню рукой, пытаясь смахнуть снежинки, которые, возможно, закрывали этот знак.

— Не трудитесь, Кэм, — сказал аббат. — Его там нет.

— Почему? — Чулон выпрямился, его явное недоумение сменилось неудовольствием. — Кто это?

— Он не был одним из нас. В узком смысле слова.

— Он не апостол?

— Он даже не католик, Кэм. Думаю, он вообще не был верующим.

Чулон смерил аббата взглядом:

— Тогда что он, во имя Господа, здесь делает? Среди отцов?

В таком месте не подобало кричать, однако при попытке приглушить голос епископ сорвался на придушенный хрип и смутился.

Тазангалес смотрел на него круглыми синими глазами:

— Он пробыл здесь очень долго, Кэм. Он искал у нас убежища и прожил в Общине почти сорок лет.

— Это не объяснение.

— Он лежит здесь, — сказал аббат, — потому что люди, среди которых он жил и умер, любили его и решили, что он должен остаться среди них.

Она миновала Авинспур, прорезав космический мрак сиянием своих огней. Рейсовые катера, сопровождавшие ее в системе, быстро отстали. Позже многие утверждали, будто поймали передачу бортовой радиостанции с выступлением популярного комика тех лет. Вскоре она приблизилась к зоне прыжка около одной из окраинных скалистых планет и точно по расписанию вошла в пространство Армстронга. Она унесла с собой две тысячи шестьсот пассажиров и членов экипажа.

Макиас. Хроники, XXII

О том, что «Капелла» ушла в небытие, мы узнали ночью. Я как раз торговался с одним состоятельным клиентом по поводу коллекции керамических горшков четырехтысячелетней давности. «Капелла» не вернулась в линейное пространство, а поскольку задержка была уже значительной, с минуты на минуту ждали официального заявления о пропаже корабля.

На борту находились дипломаты, известные спортсмены, музыкант, группа студентов, победивших в каком-то конкурсе, довольно состоятельная дама-экстрасенс с мужским эскортом.

«Капелла» тут же попала в разреженную атмосферу легенды. Несомненно, случались и худшие катастрофы, но две тысячи шестьсот человек, летящие на большом межзвездном лайнере, не умерли в обычном смысле слова, — возможно, они вообще не умирали. Никто не знает этого, однако в том-то и заключается парадоксальность данного события.

Мой клиент печально покачал головой по поводу подстерегающих нас опасностей и сразу вернулся к обсуждению пред-

метов искусства. Мы пришли к соглашению более выгодному для него, чем для меня.

«Капелла» — флагман новейшего класса межзвездных лайнеров, оснащенный всеми возможными средствами безопасности, вел ее дипломированный капитан высокого класса, и было больно думать, что она тихо перешла в разряд призраков.

Немедленно прогремел шлягер на эту тему, и появилось множество теорий ее исчезновения.

Корабль попал во временной узел, говорили некоторые, и вынырнет в будущем, а пассажиры и экипаж даже не заподозрят, что случилось что-то необычное. Мы теряли корабли многие века, но пока ни один из них так и не появился. Поэтому если они действительно перемещаются вверх по течению времени, то, должно быть, ушли на значительное расстояние.

Наиболее распространенным было мнение, что сразу отказали все двигатели Армстронга, обрекая невидимый и неслышимый корабль на вечные скитания. Я с удивлением подумал, что это превосходная идея, именно так нужно сказать семьям путешественников.

Было множество других теорий: «Капелла» вынырнула в другой вселенной, произошла какая-то флуктуация, забросившая ее в другую галактику или, что более вероятно, в промежуток между галактиками. Мне лично наиболее вероятной представляется теория «валуна на дороге», то есть пространство Армстронга не является абсолютным вакуумом, и «Капелла» наткнулась на нечто, слишком крупное для ее отражателей.

Конечно, я понимал не больше остальных, но все равно меня это нервировало. Я летал на подобных проклятых штуках только в случае абсолютной необходимости.

В последующие дни эфир заполнили обычные истории о людях, так или иначе связанных с полетом. Один человек, проспавший вылет и в результате опоздавший на борт корабля, благодарил Всевышнего, который оказался не столь же снисходительным к остальным двум тысячам шестистам пассажирам. Капитан выполнял свой последний рейс и по прибытии корабля на станцию Сараглия должен был уйти в отставку. Женщина с Окраины заявила, что накануне катастрофы ей приснился сон об исчезновении «Капеллы». Она умело использо-

вала свое заявление и сделала успешную карьеру, став одной из ведущих прорицательниц века.

И так далее. Говорили, что будет проведено расследование, но, конечно, оно ничего не даст. В конце концов, кроме списков пассажиров и груза, расписания движения и прочего, мало что еще может помочь следствию.

Специалисты опубликовали свежую статистику, которая демонстрировала большую безопасность путешествий между Римом и Солнцем, чем при езде по улицам среднего города.

Дней через десять после исчезновения «Капеллы» я получил послание от родственника с Окраины, с которым не общался уже много лет: «Сообщаю — если ты ничего не знаешь, — что Гейб находился на „Капелле“. Мне очень жаль. Сообщи, если я могу быть чем-то полезен».

И тогда до меня дошло.

Утром была получена электронная посылка с двумя информационными кристаллами. Отправителем значилась юридическая контора «Бримбери и Конн», которая, судя по сопроводительной записи, располагалась где-то на Окраине. Я ввел кристаллы в систему, надел на голову обруч и опустился в кресло. Появилось изображение женщины, плавающей в воздухе примерно в полуметре от пола, с наклоном вперед около тридцати градусов. Звук тоже был не совсем четким. Я мог бы легко все исправить, но, поскольку ничего хорошего сообщение мне не сулило, не стал напрягаться. Женщина говорила, взгляд уперев в пол. Вокруг нее постепенно проявлялось изображение библиотеки, однако я его заэкранировал.

Женщина выглядела привлекательной на свой бюрократический, хорошо отутюженный манер.

— Мистер Бенедикт, позвольте выразить соболезнования в связи с кончиной вашего дяди. — Пауза. — Он был уважаемым клиентом фирмы «Бримбери и Конн», а также нашим другом. Нам будет не хватать его.

— Как и всем нам, — сказал я.

Изображение кивнуло. Губы женщины дрожали, и, когда она вновь заговорила, голос ее звучал неуверенно, что убедило меня в подлинности ее чувств, несмотря на бесстрастность речи.

— Мы хотели сообщить, что вы являетесь единственным наследником его поместья. Вам следует представить необходимые документы, перечисленные в приложении к данному сообщению. — Она слегка поколебалась. — Мы уже начали принимать шаги для официального признания Габриэля погибшим. Конечно, будет определенная задержка, поскольку суд не очень охотно берет дела о пропавших без вести, даже в такой ситуации. Тем не менее, как только представится возможность, нам хотелось бы действовать в защиту ваших интересов. Следовательно, вы должны безотлагательно отправить нам документы.

Она села и поправила юбку.

— Ваш дядя оставил для вас запечатанное сообщение, которое следует передать вам в случае его смерти. Оно включится в конце разговора по звуку вашего голоса. Скажите любое слово. Прошу вас, не колеблясь, сообщить нам, если мы можем быть чем-то вам полезны. И еще, мистер Бенедикт, — ее голос упал до шепота, — мне действительно будет не хватать его.

Я остановил запись, прогнал тестовую программу и отрегулировал изображение. Затем вернулся в кресло и долго сидел, не надевая обруча.

— Гейб, — наконец произнес я.

Свет померк, и я очутился дома, в старом кабинете на третьем этаже, в мягком кресле, которое когда-то так любил.казалось, ничего не изменилось. Я узнал отделанные панелями стены, старую тяжелую мебель, шторы цвета красного дерева. В камине потрескивал огонь. И Габриэль стоял рядом.

Стоял так близко, что я мог бы дотянуться до него рукой, — высокий, худой, еще более поседевший, его лицо частично скрывала тень. Он молча прикоснулся к моему плечу, потом сжал его:

— Привет, Алекс.

Все это было лишь имитацией, но в тот момент я понял, как мне будет недоставать старого чудака. Эта мысль вызвала неоднозначные чувства, к тому же я был удивлен: Гейб принял бы свою судьбу, не подвергая никого испытанию процедурой сентиментального прощания. Это было на него не похоже.

Мне хотелось разрушить иллюзию, просто сидеть и смотреть, но приходилось отвечать, иначе изображение будет реагировать на молчание.

— Привет, Гейб.

— Поскольку я здесь, — грустно сказал он, — можно предположить, что дело плохо.

— Мне очень жаль.

Он пожал плечами:

— Бывает. Трудно выбрать менее подходящее время, но не всегда удается управлять событиями. Полагаю, тебе известны подробности. А может, и нет. Там, куда я собрался, есть шанс просто исчезнуть и никогда не появляться.

«Да, — подумал я, — но все случилось не так, как ты ожидал».

— Куда же ты собрался?

— Охотиться в Даме-под-Вуалью. — Он покачал головой, и я заметил, что его переполняет сожаление. — Иногда все складывается чертовски неудачно, Алекс. Надеюсь, что бы там ни случилось, оно случилось на обратном пути. Мне бы не хотелось умереть прежде, чем я все выясню.

Мольба, а это была именно мольба, повисла в воздухе.

— Ты так и не добрался до станции Сараглия, — ответил я.

— Вот как?

Гейб нахмурился и как-то сгорбился, будто сломался. Он вернулся, обошел кофейный столик, стоявший на этом месте много лет, и неловко опустился в кресло напротив меня.

— Жаль.

Его движения стали более осторожными, а лицо, напоминающее лицо Дон Кихота, посерьезнело. Были ли это признаки старости или просто реакция на известие о собственной смерти? Во всяком случае, в нашем разговоре ощущалось нечто смутное, какая-то трепетная неопределенность, какой-то разлад.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал я откровенную глупость. При данных обстоятельствах замечание было мрачноватым, но Гейб, казалось, этого не заметил.

— Жаль, что нам не пришлось побеседовать хотя бы еще раз. Эта встреча — совсем не то.

— Да.

— Мне хотелось, чтобы мы лучше понимали друг друга.

На это нелегко было ответить. Гейб заменил мне и отца и мать, и у нас возникали обычные разногласия отцов и детей. Даже большие, потому что Гейб был идеалистом.

— Ты слишком усложнил наши отношения, — продолжал он.

Он имел в виду, что я неплохо устроился в жизни, продавая антиквариат частным коллекционерам. Занятие, которое он считал аморальным.

— Я не нарушал законы, — ответил я.

Мое возражение звучало бессмысленно, ведь теперь Гейб находится там, куда не докричишься. Осталась только иллюзия.

— Здесь ты бы их нарушал! Ни одно просвещенное общество не позволяет бесконтрольно заниматься такими вещами. — Гейб глубоко вздохнул и медленно выдохнул. — Оставим это. Я заплатил за свои принципы более высокую цену, чем мне хотелось бы, Алекс.

Сидящий передо мной человек был всего лишь компьютерной программой и знал только то, что было известно моему дяде в момент записи. У него не было ни тех принципов, которыми обладал дядя, ни настоящего чувства сожаления, которое испытывал я. Но это позволяло ему делать то, что хотелось бы сделать мне самому и чего я сделать не мог.

— Если бы я мог изменить прошлое, я бы не стал придавать этому такое значение.

— Но ты бы все же исчез.

— Конечно.

— Хорошо.

Он улыбнулся и с удовлетворением повторил мою реплику.

— Для тебя еще не все потеряно, Алекс.

Гейб поднялся, оттолкнувшись руками от кресла, открыл бар, извлек бутылку и два стакана.

— «Туманящий голову», — объявил он. — Твой любимый.

Хорошо быть дома!

Вступив в беседу с кристаллокопией, я нарушил свое правило — отдался во власть изображений и позволил себе принимать иллюзии за реальность. Только сейчас я осознал, как соскучился по этому украшенному панелями и заставленному книжными полками кабинету в задней части дома. Он всегда

был одной из моих любимых комнат. Вторая находилась на чердаке — волшебное место, откуда я столько раз следил за лесом, ожидая появления драконов или вражеских солдат. Он пах сосной, свежими полотняными занавесками, касселитовыми книжными обложками и паленым деревом. Здесь полно экзотических фотографий: заброшенная башня, увитая плющом, которую охраняет непристойный идол, состоящий из брюха и зубов; разрушенная колонна в совершенно пустынной местности; маленькая группа людей у ступенчатой пирамиды, освещенной парой лун. На одной из стен висела репродукция картины Маркросса с изображением бессмертного «Корсариуса», а рядом — рисунки мужчин и женщин, с которыми работал Гейб, выполненные в технике многослойной печати, и среди них — мой портрет в четырехлетнем возрасте.

Здесь всегда было много разных вещей, найденных Гейбом во время полевых сезонов: игрушки, компьютеры, лампы, статуэтки. Даже сейчас я видел какой-то цилиндрический, весь в заклепках предмет под стеклянным колпаком.

Я поднял бокал, показывая, что пью за здоровье дяди. Он поднял свой, наши глаза встретились, и я почти поверил, что у нас с Гейбом наконец-то все наладилось. Напиток был теплым, довольно мягким и имел привкус прошлого.

— Тебе надо кое-что сделать, — сказал Гейб.

Он стоял перед картиной Ван Дайна, изображавшей развалины в Пойнт-Эдварде. Знаете, темные руины, а над ними красно-золотые кольца и скопление серебряных лун. Таким его нашли после нападения.

Кресло было удобным, даже сверхъестественно удобным, «Туманящий» — превосходным. Такой эффект всегда возникает от объектов, которые не существуют в реальности. Некоторые говорят, что совершенство портит иллюзию, что воспроизведение с кристаллов могло работать лучше, если бы физические ощущения были приглушены или имели какой-нибудь дефект, как в реальности.

— Что именно? — спросил я, полагая, что Гейб собирается попросить меня разумно вести дела поместья, следить, чтобы деньги шли на благое дело, не транжирить их на скиммеры и женщин.

Он помешал кочергой в камине. Пламя взметнулось ввысь, из-за решетки тяжело вывалилось полено, облако искр взлетело и растаяло. Я ощущал на лице жар.

— Как это случилось? Сердечный приступ? Проблемы с зафрахтованным кораблем? Меня переехало такси по дороге в космопорт?

Я не мог удержаться от улыбки, видя любопытство кристаллокопии:

— Гейб, корабль так и не вышел из прыжка.

— Ну какой сукин сын! — Сначала у него вырвался смешок, потом он разразился хохотом. — Значит, я погиб в обычном пассажирском рейсе!

Я тоже засмеялся. «Туманящий голову» согревал мой желудок, и я снова наполнил бокалы.

— Смешно, — сказал он.

— Самый безопасный вид путешествий на один пассажиро-километр, — заметил я.

— Будь я проклят, если еще раз сделаю такую ошибку. — Однако его смех затих, и последовало долгое молчание. — И все же мне бы хотелось увидеть.

Я ждал продолжения и, поскольку он молчал, подтолкнул его:

— Увидеть что? Что ты искал?

Он отмахнулся от вопроса:

— Сказать тебе честно, я чувствую себя не совсем удобно, делая все это. То есть было бы порядочнее, если бы люди не болтались тут после того, как... — Он помахал рукой в воздухе, подыскивая подходящее слово. — Ушли в лучший мир. — Его голос звучал неуверенно. Растерянно. — Мне пришлось принять меры предосторожности. — Его глаза округлились. — Ты помнишь Хью Скотта?

Я немного подумал, потом ответил:

— Нет.

— Полагаю, у тебя не было причины его запомнить. А как насчет Терры Нуэлы? Это ты помнишь?

Разумеется. Терра Нуэла была первым поселением, основанным за пределами Солнечной системы. Ее построили на горячей скалистой планете, вращающейся вокруг беты Центавра,

и, конечно, сейчас это всего лишь дыра в пустыне. Именно туда Гейб впервые взял меня с собой на раскопки.

— Да, — сказал я, — самое горячее место из всех, какие я видел.

— Скотт тоже участвовал в том путешествии. Я подумал, что ты можешь помнить его. После захода солнца он водил тебя на прогулки.

— Допустим. — Я смутно припомнил крупного бородатого человека. Правда, в том возрасте мне все казались большими.

— Если бы ты увидел Скотта сейчас, ты бы его не узнал.

— Здоровье? — спросил я. — Супружеские проблемы?

— Нет. Ничего похожего. Около трех лет назад он вернулся из разведывательного полета. Вернулся мрачный, озабоченный, сбитый с толку, совершенно непохожий на себя. Как я подозреваю, психиатр мог бы прийти к выводу, что он подвергся глубокому изменению личности.

— И что?

— Он находился на борту «Тенандрома», большого нового корабля космической разведки. Они увидели нечто очень странное в Даме-под-Вуалью.

— Что именно?

— Он не захотел мне рассказать, Алекс. Ни в чем не признался.

— Тогда это просто твои догадки?

— Я знаю, что они увидели. Или, по крайней мере, думаю, что знаю. Я как раз летел туда, когда...

Он не смог продолжать, замолчал и махнул рукой, указывая на потолок.

— И что, по-твоему, они увидели?

— Не уверен, что могу много тебе рассказать, — вздохнул Гейб. — При таких передачах всегда существует проблема безопасности. Тебе тоже не захотелось бы, чтобы все вышло наружу.

— Почему?

— Поверь моему слову.

Гейб снова сидел в своем кресле и потирал лоб, как обычно это делал, стараясь что-то рассчитать.

— Тебе придется вернуться домой. Мне очень жаль, но по-другому нельзя. Все, что тебе нужно, находится у Джейкоба,

в файле «Лейша Таннер». Адвокаты сообщат тебе код доступа. — Лицо Гейба помрачнело, и он вскочил с кресла. — Чертовски досадно пропустить такое, Алекс. Я тебе завидую.

— Гейб, у меня здесь дела. Я не могу просто взять и улететь.

— Понимаю. Наверное, мне легче найти помощь в другом месте. У меня есть несколько коллег, которые душу бы отдали за такую возможность, но мне хотелось возместить нам с тобой потерянные годы. Это мой дар и твоя награда, Алекс. Сделай, как я прошу, и ты никогда не пожалеешь. По крайней мере, мне так кажется.

— И больше ты ничего не скажешь?

— Остальное ждет тебя дома.

— Кто такая Лейша Таннер?

Гейб не ответил.

— Ты захочешь сам заняться этим. Пока ты еще не знаешь сути дела, я должен предупредить тебя, Алекс, что здесь важно выиграть время. Если в течение тридцати стандартных дней ты не явишься в контору «Бримбери и Конн», предложение направят другому лицу. Прости меня, но я не могу рисковать. Дело не должно ускользнуть от нас.

— Гейб, ты все-таки сукин сын.

Я произнес это небрежным тоном, и он улыбнулся:

— Вот что я тебе скажу. — У него был самодовольный вид. — Я знаю правду о Талино.

— Кто такой, черт побери, Талино?

Он вытянул губы трубочкой:

— Людик Талино.

— А, предатель.

Гейб кивнул.

— Да, — мечтательно произнес он.

— Штурман Кристофера Сима. Возможно, один из самых невезучих людей на свете.

— «Бесчестных» — более подходящее слово.

— Да. Спустя два столетия он все еще возбуждает страсти. — Теперь Гейб быстро ходил по комнате, настоящий фонтан энергии.

— А ведь он всегда утверждал, что невиновен.

Я пожал плечами:

— Все давно былшем поросло, Гейб. Мне понятен твой интерес, но меня удивляет такая секретность в связи с Талино. Будь добр, объясни суть дела!

— Мне не хотелось бы продолжать этот разговор, Алекс. Ты не представляешь, что поставлено на карту. Выезжай как можно скорее.

— Хорошо, будь по-твоему.

В действительности мне было глубоко наплевать на коллекцию глиняных горшков или на то, что Гейб нашел в этот раз. В каком-то смысле сейчас были последние минуты, которые мы проводили вместе, и я мог думать только об этом.

— Я сообщу адвокатам о своем приезде. Правда, нужно уладить здесь кое-какие дела. Не знаю, хватит ли мне тридцати дней. Но если это ждало два века, думаю, несколько месяцев задержки не повлияют на результаты поездки.

— Нет! — Гейб наклонился ко мне, и в его глазах появился слабый намек на насмешку. — Вероятно, не повлияет, хотя тебе придется спросить «Бримбери и Конн». Я предоставил им некоторую свободу действий. Полагаю, все будет зависеть от того, сочтут ли они тебя надежным человеком. — Гейб подмигнул. — Когда ты ознакомишься с файлом, то можешь решить, что я действовал неправильно. У меня нет надежного способа предугадать твою реакцию, признаюсь, что и сам не пришел к окончательным выводам относительно собственного поведения в этой истории. Но я оставляю все на твое усмотрение, поскольку доверяю тебе. Жаль, что не могу быть с тобой до конца.

— Ты там будешь, — сказал я.

Гейб рассмеялся:

— Сентиментальная чепуха, Алекс. Меня уже нет, и все это меня больше не волнует. Вот так! Но если ты захочешь что-нибудь сделать для меня, то пошли после завершения дела подобающий сувенир в Институт Аккадии. — При мысли о такой перспективе он расплылся в улыбке. — Эти сволочи всегда называли меня дилетантом. — Гейб протянул ко мне руки. — Кажется, это все, Алекс. Я люблю тебя и рад, что могу поручить это дело тебе.

Мы обнялись.

— Спасибо, Гейб.

— Все в порядке. Я хочу, чтобы это осталось семейным делом. Так или иначе... — Я уже встал, но он продолжал смотреть мне в глаза. — Сделай все как надо, и нашими именами назовут университеты.

— Не знал, что тебя волнует такая чепуха.

Его губы изогнулись в насмешливой улыбке.

— Я уже умер, Алекс. Мне приходится думать о будущем.

II

ТАЛИНАСТЫЙ, прил.: 1) склонный отступать перед опасностью; 2) робкий, жалкий; 3) характерный для труса. (См. ТРУСЛИВЫЙ).
Синонимы: трусливый, малодушный, ненадежный, пугливый, слабый в коленках.

Людик Талино — на протяжении двух столетий это имя вызывало лишь презрение и жалость. Оно никогда не порождало столь сильных чувств, как имя Иуды или Бенедикта Арнольда, предавшего доверившихся ему и активно участвовавшего в уничтожении людей, которым он поклялся хранить верность. Талино никогда не был предателем в этом смысле. Никто не верил, что он мог бы продать своего капитана врагам. Однако проступок, в котором Талино обвиняли и синонимом которого стало его имя, был еще более постыдным: в решительный момент он бежал.

Я послал в библиотеку запрос на ТАЛИНО и провел вечер, читая отчеты об этой старой истории.

Сообщения тех лет были фрагментарными. Насколько мне известно, не уцелело ни одного деллакондского корабля эпохи Сопротивления, многие банки данных были стерты, и в живых тогда осталось всего несколько свидетелей.

О самом Талино известно мало. Возможно, он был деллакондцем, но существуют доказательства в пользу того, что он родился в Городе-на-Скале и, как утверждает один крупный историк, вырос на Окраине. Наверняка известно только то, что, когда началась война, Талино уже служил дипломированным техником на одном из десяти деллакондских фрегатов. Почти

два года он прослужил на «Прокторе» в качестве специалиста по вооружению и штурмана, а потом получил должность штурмана на знаменитом корабле Сима «Корсариус».

Очевидно, воевал Талино вполне достойно. После сражения у Гранд-Салинаса он был представлен к награде лично Симом, хотя все записи потеряны, и получить подтверждение невозможно. Во всяком случае, Талино оставался на этом легендарном корабле в течение великих дней Сопротивления, когда «Корсариус» возглавлял объединенный флот из шестидесяти фрегатов и эсминцев. Флот сдерживал крупные силы ашиуров. В конце концов Окраина, Токсикон и другие внутренние системы поняли общую опасность, оставили старые распри и объединились для ведения войны. Но к тому времени Кристофера Сима и «Корсариуса» уже не было на свете.

После Гранд-Салинаса, когда деллакондцы и их союзники остались с ничтожно малыми силами, лишившись последней надежды, Сим увел остатки флота к Эбонаю для ремонта и пополнения боезапаса. Но ашиуры, почувствовав возможность покончить со старым врагом, упорно преследовали его, и деллакондцы приготовились к битве, которая, они не сомневались, станет для них последней.

Тогда, накануне сражения, случилось нечто, давшее пищу историкам на последующие два столетия.

Большинство источников утверждало, что Талино и шесть членов экипажа «Корсариуса» попытались убедить капитана прийти к соглашению с безжалостным врагом, а когда Сим отказался, покинули его. Говорили, что предатели, оставив послание, проклинающее капитана и войну, сбежали на Эбонай.

Другие же утверждали, что Сим, убедившись в бесплодности дальнейшего сопротивления, созвал экипаж и освободил его от всех обязательств. У меня эта версия всегда вызывала недоверие. Конечно, легко сидеть в теплой комнате и клеймить позором поступки, совершенные в крайних обстоятельствах, но мне было противно сознавать, что Талино с товарищами мог воспользоваться благородством Сима и бросить своего капитана. Это было бы даже более достойно презрения, чем прямое предательство и бегство под покровом темноты.

Так ли это было или иначе, но именно это событие породило легенду о том, что Сим спустился на Эбонай, прошел по при-

тонам угрюмой планеты, обратился за помощью к дезертирам, бродягам, беглым преступникам и в конце концов совершил с ними свой последний — бессмертный — рейд против подавляющих сил противника.

То были времена великих свершений. Каждый ребенок Конфедерации знал историю о семи безымянных мужчинах и женщинах с мрачной планеты, согласившихся пойти с Симом, и об их гибели несколько часов спустя во время последней стычки с врагом. Большинство исследователей придерживались мнения, что в прошлом они служили во флоте, хотя некоторые считали их простыми техниками. В любом случае герои стали популярной темой докторских диссертаций, романов, живописных полотен и серьезных драматических произведений.

Фактического материала о Талино было мало. Даты рождения и смерти. Диплом инженера, Университет Шенка, Токсикон. Бросил своего капитана. Никаких официальных обвинений не зарегистрировано, так как флот, на котором он служил, прекратил существование вскоре после его предательства.

Я затребовал импрессионистскую трагедию Баркрофта «Талинос». Он прибавил окончание «с» к имени, чтобы придать ему аристократизм и создать драматический эффект. Я намеревался бегло просмотреть ее, но увлекся с первого же акта. Это меня удивило, потому что я не большой поклонник классического театра.

Поджарый бородатый актер-кристаллокопия играл роль Талино, представляя его гонимой, меланхолической личностью и добиваясь впечатляющего эффекта физического присутствия. Его снедает ярость к ашиурам и могущественным планетам, которые бездействуют, пока небольшие силы союзников несут всё больший урон. Его верность Кристоферу Симу, страсть к Инаиссе, молодой жене, так и не нашедшей покоя в супружеской жизни, подогревают динамику пьесы. Действие происходит накануне решающей схватки в окрестностях Ригеля.

Сим уже потерял надежду уцелеть, но намеревается спасти экипаж. Он один поведет «Корсариус», нанесет столько ударов противнику, сколько сможет, и примет смерть, которая, даст бог, объединит человечество.

— Если же нет, — говорит он Талино, — если они все же не придут, то тебе предстоит спасти что сможешь. Выходи из боя.

Улетай в Даму-под-Вуалью. Настанет время, когда и Земле, и Окраине придется принять участие в битве. Тогда ты сможешь вернуться и научить этих проклятых глупцов, как бить «немых».

Серые затененные декорации дышали тоской и отчаянием. Орбитальная станция у Эбоная походила на средневековую крепость: массивное сооружение, длинные переходы, редкие стражи, приглушенные голоса людей, спертый воздух. И над всем этим витает ощущение бренности жизни и трагедии. Ход событий вышел из-под контроля человека.

Талино отказывается выполнить приказ капитана.

— Пошлите кого-нибудь другого объединять уцелевших, — отвечает он. — Мое место с вами.

Сим, уступая минутной слабости, благодарит его, но колеблется. Талино настаивает:

— Не унижайте меня.

И Сим неохотно соглашается. Они вместе пойдут в последнюю атаку.

Талино должен сообщить эту новость Инаиссе. Она надеялась, что боевые действия прекратятся, и прямо говорит о намерении Сима пойти на смерть и «забрать тебя с собой». Она не просит мужа нарушить обещание, понимая, что если он это сделает, то их будущая жизнь окажется разбитой.

Инаисса идет к Симу и доказывает ему, что его смерть деморализует деллакондцев и дело будет проиграно. Когда ей не удается убедить капитана, женщина просит доверить ей одно из орудий, чтобы до конца остаться с мужем.

Сим тронут ее просьбой и приказывает Талино покинуть корабль. Когда штурман отказывается, его запирают на орбитальной станции, откуда он может наблюдать, как техники заканчивают ремонт «Корсариуса» и готовят его к бою. Талино также замечает прибытие экипажа, вызванного командиром в неурочный час. Он пытается подключиться к корабельной системе, чтобы прослушивать разговоры на борту, но кто-то перерезал внешнюю проводку. Через несколько минут после прибытия члены экипажа с угрюмыми лицами покидают корабль.

Они приходят на орбитальную станцию и выпускают Талино. Сим освободил их от обязательств. Талино пытается убе-

дить пилотов вернуться на корабль, но они знают, что ждет их на следующий день.

— Если бы наше присутствие могло спасти его, — говорил один из них, — мы бы остались, но он твердо решил умереть.

Освобожденный Талино идет к Инаиссе, чтобы проститься с нею и вернуться к капитану. Когда она отказывается покинуть его, Талино приказывает увести ее силой. Однако его собственная решимость вскоре угасает, и он направляет Симу сообщение: «Я принимаю предложение моего капитана; не могу поступить иначе, да поможет мне Бог...»

Но Инаиссе, решившей сопровождать мужа, удастся занять место среди Семерки. Таким образом, Талино теряет и честь, и жену.

Предположение о том, что Инаисса входила в число семи добровольцев, до сих пор было мне незнакомо. Существовали две голографические статуи того периода, изображающие ее на борту «Корсариуса». Один скульптор поставил ее у пульта управления, разместив слева фигуру Сима. Другой изобразил момент, когда капитан узнает ее.

Имелись сотни вариантов этой истории, бесчисленные описания характера Талино и мотивов его поведения. Иногда его изображали проигравшимся и обремененным долгами, принимающим деньги от агентов противника; иногда — обиженным на то, что ему не доверили командовать кораблем; иногда — соперником Сима в тайном романе, сознательно организовавшим гибель командира.

Есть ли правда в этом нагромождении мифов и фантазий? Что имел в виду Гейб?

Значительное внимание уделялось и другим аспектам события. Роман Арвена Кимонидеса «Марвилл» написан от лица молодого человека, присутствовавшего на совещании Семерки, но потом смалодушничавшего. С тех пор он живет с большой совестью. Принято считать, что Микал Киллиан, великий конституционный арбитр, которому во время битвы у Ригеля могло быть лет восемнадцать, пытался стать одним из добровольцев, но получил отказ. Вайтбери вывел на сцену своего знаменитого циника Эда Барбера. Эд не только сам не хотел стать добровольцем, но даже удержал от подобного намерения молодую

женщину, которая, по его мнению, заслуживала лучшей доли. Десяток других романов и пьес, пользовавшихся в свое время популярностью, изображали либо свидетелей призыва Сима, либо членов Семерки.

Существовало также множество светокартин, фотоконструкций и одна крупная симфония. В шедевре Санригала «Сим у врат ада» рядом с великим капитаном находились трое неизвестных героев. В «Инаиссе» Чигорина жена Талино живет среди наркоманов и отбросов общества, а в «Финале» Моммзена какой-то бродяга в лохмотьях помогает Симу справиться с управлением подбитого «Корсариуса», раненый член экипажа лежит ничком на палубе и проститутка с Эбоная жмет на гашетки орудий.

Я подозреваю, что Сим все-таки заставил экипаж почиститься и помыться, и когда наступил конец, то он был внезапным и всеобщим. Впрочем, какого черта! Это отличное произведение искусства, хотя и не очень правдоподобное.

Дезертиры исчезли из поля зрения, став объектом всеобщей ненависти. Талино прожил почти полвека после гибели своего капитана. Говорили, что совесть не давала ему покоя, а негодование окружающих гнало его с планеты на планету. Он умер на окраине, почти сумасшедшим.

Я не смог найти записей об Инаиссе. Баркрофт настаивает на том, что она существовала, однако не приводит ссылок на источник. Его утверждение о разговоре с Талино ничем не подтверждено. Сам Талино тоже упоминал о ней.

Историки развлекались два столетия, пытаясь угадать имена добровольцев, даже спорили о том, не было ли их в действительности шесть или восемь. За прошедшие столетия статус Семерки вырос, они стали не просто героями войны, а символом самых благородных черт Конфедерации — взаимных обязательств правительства и самых ничтожных из граждан.

Я уладил все дела и собрался домой.

К счастью, моя связь с миром, в котором я жил последние три года, была весьма слабой, поэтому мне не составило труда завершить дела, договориться о продаже большей части имущества и упаковать остальное. Я попрощался с несколькими друзьями, обещая, как обычно, когда-нибудь их навестить.

Это было шуткой, принимая во внимание расстояние от Рэмбакля до Окраины и мою ненависть к межзвездным кораблям.

В тот день, когда я должен был улететь, от «Бримбери и Конна» пришло второе извещение. На этот раз письменное.

«С сожалением вынуждены сообщить, что дом Габриэля был взломан. Воры похитили кое-что из электронного оборудования, серебро и другие предметы. Ничего ценного. Они не взяли артефактов. Мы предприняли шаги, чтобы этого больше не повторилось».

Происшествие показалось мне подозрительным. Меня беспокоила сохранность файла «Таннер», поэтому я обдумывал возможность послать адвокатам запрос до отлета на Окраину. Однако из-за огромных расстояний ответ мог прийти дней через двадцать. Я выбросил из головы эту мысль, решив, что у меня просто разыгралось воображение, и отправился домой.

Как я уже говорил, межзвездные перелеты приводят меня в ужас. Многие испытывают тошноту при переходе из пространства Армстронга в линейное и обратно, но для меня это особенно тяжело. К тому же я с трудом приспосабливаюсь к изменениям гравитации, времени и климата.

Более того, подобные путешествия — дело непредсказуемое, никто не знает, когда прибудет к месту назначения. Корабли, перемещавшиеся в пространстве Армстронга, не могли определить свое положение по отношению к внешнему миру. Применялся метод счисления пути, то есть компьютеры измеряли бортовое время, пытаясь компенсировать неточности при входе. Иногда векторы смещались, и корабли материализовывались за тысячи световых лет от места назначения.

Но наибольшую опасность при возврате в линейное пространство представляла возможность оказаться внутри физического объекта. Хотя вероятность этого была крайне мала, я думал об этом всякий раз, когда корабль готовился совершить обратный прыжок. Никогда не знаешь наверняка, где вынырнешь.

Существуют доказательства, что почти полвека назад именно это случилось с «Хэмптоном», небольшим грузовым судном, которое, как и «Капелла», исчезло в нелинейном пространстве. «Хэмптон» вез промышленные товары шахтерам в системе Мармикона. Примерно в то время, когда корабль должен был выйти

из гиперпространства, взорвалась внешняя планета — газовый гигант Мармикон-IV. Никто еще не дал объяснения, почему планета может взорваться без посторонней помощи. Специалисты того времени пришли к выводу, что корабль материализовался внутри железного ядра и причиной взрыва послужила антиматерия из двигателей Армстронга.

Генераторы Армстронга были снабжены отражателями, создающими достаточно сильное поле, чтобы убрать с дороги несколько случайных атомов и расчистить место для перехода корабля в линейное пространство. Любое более крупное тело, попавшее в такую зону во время критической фазы полета, представляло опасность для корабля. Конечно, реальная опасность была невелика. Корабли материализовывались далеко за пределами звездных систем, что обеспечивало относительную безопасность, но путешественникам приходилось потом долго добираться до места назначения. Как правило, полет от точки выхода из пространства Армстронга до того места, куда вы хотите попасть, занимал примерно вдвое больше времени, чем само перемещение между звездными системами. Я бы никогда не отправился в путешествие, длящееся больше пяти дней.

Мой перелет на Окраину не стал исключением, и я чувствовал себя ужасно нехорошо во время прыжков в обе стороны. Персонал раздавал лекарства, помогающие перенести этот кошмар, однако мне это никогда не помогало. Я предпочитаю полагаться на выпивку.

И тем не менее мне было приятно снова увидеть Окраину. Мы подошли к ней с ночной стороны, поэтому я мог полюбоваться сверкающими искорками городов. Солнце освещало дугу атмосферы вдоль края планеты, в противоположном иллюминаторе виднелась бледно-коричневая луна, штормовая, с пятнышками бушующих смерчей.

Мы скользнули на орбиту, пересекли терминатор, вышли на дневную сторону и несколько часов спустя уже снижались сквозь омытое солнцем небо к Андиквару, столице планеты. То было волнующее зрелище. Но я все равно дал себе обещание закончить на этом свои межзвездные перелеты. Я — дома и, клянусь Богом, собираюсь остаться здесь навсегда.

Над столицей мы попали в снегопад. Солнце, садившееся на западе, бросало тысячи разноцветных лучей на замерзшие

башни и пики гор на востоке. Обширные парки столицы почти исчезли под снежной пеленой. В Треугольнике Конфедерации стояли два монумента, отливающие синевой и дышащие вечностью: дорическая пирамида Кристофера Сима, освещенная вершина которой ярко сияла на фоне сгущающейся темноты, и напротив нее, на противоположном берегу Белого Бассейна, призрачный огромный шар Тариена Сима, символ мечты этого государственного деятеля об объединении Человечества в единую семью.

Я снял номер в гостинице, зарегистрировался в сети на тот случай, если кто-нибудь захочет связаться со мной, и принял душ. Несмотря на ранний час и усталость, уснуть я все же не смог. Прележав без сна около часа, я побрел вниз, съел сэндвич и связался с «Бримбери и Конном»:

— Я в городе.

— Добро пожаловать домой, мистер Бенедикт, — ответил их искин. — Не можем ли быть вам чем-нибудь полезны?

— Мне нужен скиммер.

— Стоянка на крыше вашей гостиницы, сэр. Я закажу для вас машину. Вы свяжетесь с нами завтра?

— Да, — ответил я. — Возможно, утром. И спасибо.

Я поднялся на крышу, взял скиммер, ввел на пульте код местонахождения дома Гейба и через пять минут уже набирал высоту.

Аллеи и проспекты заполняли туристы. Люди гуляли под прикрытием силового поля, которое защищало их от падающего снега. Теннисные корты были переполнены, а детишки плескались в бассейнах. Андиквар всегда хорош ночью, с мягко освещенными садами, двориками и башнями, с извилистой, молчаливой и глубокой рекой Наракобо. Пока я проплывал над этим мирным пейзажем, передали очередную сводку новостей, в которой сообщалось о нападении «немых» на исследовательский корабль связи, слишком близко подошедший к Периметру. Погибли пять или шесть человек.

Я летел уже над западными окраинами Андиквара. Снег валил все сильнее. Откинув спинку сиденья, я поудобнее устроился в теплой кабине. На инфракрасных экранах отражалась земля, проплывающая в сотнях метров подо мной: пригороды

распались на маленькие городишки, холмы стали выше, появились леса. Иногда на дисплее мелькала дорога, а через двадцать миль я пересек Мелони, которая во времена моего детства более или менее точно ограничивала территорию проживания человека.

Мелони видна из окна моей спальни в доме Габриэля. Когда я впервые поселился там, ее извилистое русло бежало по таинственной непокоренной местности — пристанищу призраков, грабителей и драконов.

Янтарный сигнальный огонек предупредил меня о прибытии к месту назначения. Я изменил курс скиммера и спустился пониже. Сейчас темный лес выглядел безобидно, укрощенный спортивными площадками, плавательными бассейнами и пешеходными дорожками. В течение многих лет я наблюдал за отступлением лесной глуши, считая парки, дома и склады. И в эту заснеженную ночь я летел и знал, что Гейба больше нет, а с ним исчезло многое из того, что он любил.

Переключившись на ручное управление, я прошел над верхушками деревьев. Дом медленно выплывал из снежной бури. На площадке стоял чей-то скиммер.

«Наверное, Гейба», — подумал я, опустившись на лужайку перед домом.

Дом.

Вероятно, это единственный настоящий мой дом, и мне грустно было видеть его обнаженным и незащищенным на фоне низко нависшего серого неба. По преданиям, где-то поблизости потерпел крушение Джордж Шейл со своим экипажем. Сейчас только историк может рассказать, кто первый ступил на поверхность Окраины, но все на планете знают тех, кто при этом погиб. Мой первый крупный проект был посвящен поискам обломков этого корабля, однако, если они и существовали, найти их мне не удалось.

Когда-то наш дом служил постоянным двором, дававшим приют охотникам и путешественникам. Теперь большая часть лесов вокруг уступила место особнякам и квадратным лужайкам. Гейб сделал все возможное, чтобы сохранить первозданную лесную глушь. Это была замечательная битва, как и все битвы против прогресса. В последние годы нашей совместной жизни Гейб становился все более раздражительным, часто ссо-

рился с теми, кто имел несчастье поселиться по соседству. Вряд ли соседи жалеют о его смерти.

Спальня находилась на самом верхнем, четвертом этаже. Жалюзи на двойных окнах оказались закрытыми. К ним тянулись ветки двух деревьев, с одной стороны они переплелись и образовали королевское кресло, в которое я любил забираться, вызывая у Гейба испуг и негодование. Во всяком случае, он позволял мне так думать.

Я откинул фонарь кабины и вышел из скиммера. С неба продолжал тихо падать снег, где-то играли дети, с освещенной улицы доносились возбужденные возгласы, я слышал мягкое шуршание лыж на белых лужайках и улицах. Натриевый фонарь под дубом лил мягкий свет на скиммер и на печальные окна фасада.

— Привет, Алекс. Добро пожаловать домой, — произнес знакомый голос.

Лампочка над входом мигнула.

— Привет, Джейкоб, — отозвался я.

Джейкоб был не совсем искином. Он представлял собой сложную информационную систему с обратной связью, и его основной задачей, по крайней мере раньше, было поддерживать любую беседу на том уровне, который устраивал Гейба в данный момент, и на тему, выбранную Гейбом. Иногда даже забывалась реальная природа Джейкоба. Для настоящего искина такое обращение оказалось бы жестоким и необычным.

— Рад снова видеть вас, — сказал он. — Жаль, что так получилось с Гейбом.

Снег уже доходил до лодыжек, а поскольку моя одежда не была рассчитана на такую погоду, он попал в туфли.

— Мне тоже.

Дверь распахнулась, и гостиная наполнилась светом. Где-то в доме смолкла музыка. *Смолкла*. Вот такие вещи и делали Джейкоба живым.

— Это так неожиданно. Мне будет не хватать его.

Джейкоб молчал. Я прошел мимо злобного каменного демона, обитавшего в доме задолго до моего появления, снял куртку и направился в рабочий кабинет, ту самую комнату, откуда Гейб послал мне свое последнее сообщение. Раздался резкий треск, как от сломавшейся ветки, и в камине появилось пламя.

Как давно я его не видел! На Рэмбакле никогда не было ни лесов, ни необходимости жечь их. Сколько же времени прошло с тех пор, как я видел снег? Или плохую погоду?

Я вернулся и вдруг почувствовал себя так, будто никогда и не уезжал.

— Алекс?

В голосе искина слышалось нечто почти жалобное.

— Да, Джейкоб. Что случилось?

— Есть нечто такое, о чем вы должны знать.

Где-то в глубине дома тикали часы.

— Да?

— Я вас не помню.

Я замер, наполовину опустившись в то самое кресло, в котором сидел во время имитации нашей беседы с Гейбом.

— Что ты имеешь в виду?

— Адвокаты сообщили вам, что произошло ограбление?

— Да.

— Очевидно, вор пытался скопировать мой центральный блок. Основную память. Должно быть, Габриэль предвидел такую возможность. Для подобного случая система была запрограммирована на полное уничтожение записей. Я не помню ничего, что было до того, как власти реактивировали меня.

— Но как же...

— «Бримбери и Конн» запрограммировали меня на то, чтобы я вас узнал. Я пытаюсь объяснить вам, что знаю о вас, но непосредственных воспоминаний у меня не сохранилось.

— Разве это не одно и то же?

— Остаются некоторые пробелы.

Мне показалось, что искин собирается что-то добавить, но он замолчал.

Джейкоб жил здесь двадцать лет. В детстве я играл с ним в шахматы, мы воспроизводили крупные сражения полудюжины войн, беседовали о будущем, когда дождь хлестал в стекла больших окон. Мы строили планы вместе обойти под парусом всю планету, а позднее, когда мое честолюбие возросло, мы говорили о звездах.

— А как насчет Гейба? Ты ведь помнишь его?

— Я знаю, что он бы мне понравился. По его дому видно, что у него были разнообразные интересы, он заслуживал того,

чтобы быть с ним знакомым. Меня утешает то, что я действительно знал его. Но — я его не помню.

Я сидел, прислушиваясь к треску огня в камине и шороху снега за окнами. Джейкоб не был живым. Из нас двоих только я мог испытывать какие-то чувства.

— Как насчет информационных файлов? Насколько я понимаю, кое-что исчезло.

— Я проверил указатель. Они взяли кристалл с данными. Но он ничем не может быть полезен грабителю. Чтобы получить доступ к информации, нужно знать код.

— Файл «Таннер», — уверенно сказал я.

— Да. Откуда вы знаете?

— Догадался.

— Очень странно красть то, что нельзя использовать.

— Все остальное — только для отвода глаз, — объяснил я. — Они точно знали, что им нужно. Сколько их было? Ты кого-нибудь узнал?

— Перед тем как войти, они отключили энергоснабжение, Алекс. Я не функционировал.

— Как они это сделали?

— Очень просто. Разбили окно, забрались в служебное помещение и перерезали кабель. Там, внизу, у меня не было камер визуального наблюдения.

— Проклятье. Разве здесь нет какой-нибудь системы сигнализации?

— О да, есть. Но знаете, сколько прошло времени с тех пор, как в этом районе было совершено последнее преступление?

— Нет.

— Десятилетия. Полицейские подумали, что произошел сбой, и не сразу отреагировали. Но даже будь они более проворными, вор мог бы проделать все за три минуты, если хорошо знал план дома и точно представлял себе, за чем охотится.

— Джейкоб, над чем работал Гейб, когда погиб?

— Не знаю, имелась ли у меня когда-нибудь такая информация, Алекс.

— Насколько хорошо защищен файл «Таннер»? Ты уверен, что вор не сможет им воспользоваться?

— Возможно, лет через двадцать. Необходимо, чтобы ваш голос произнес секретный код, хранящийся у «Бримбери и Конна».

— Вору не составит труда получить запись моего голоса и продублировать его. Нам лучше уведомить адвокатов, чтобы они приняли меры предосторожности.

— Уже сделано, Алекс.

— А если они тоже замешаны?

— У них нет доступа к коду. Они могут только передать его вам.

— Из чего он состоит?

— Последовательность цифр, которые должны быть произнесены вашим голосом или точной его копией за промежуток времени не менее полной минуты. Это предохраняет от скоростной компьютерной атаки. Любая попытка проникновения в обход этих условий вызовет немедленное уничтожение файла.

— Сколько же там цифр?

— Обычно четырнадцать. Я не знаю, сколько использовал Гейб.

Я молча смотрел на огонь. На улице горели желтые шары фонарей, ветер качал деревья, вокруг скиммера постепенно выростал сугроб.

— Джейкоб, кто такая Лейша Таннер?

— Минуточку.

Свет в комнате померк.

Снаружи с грохотом захлопнулась металлическая дверь.

У окна появилось голографическое изображение женщины в вечернем платье, она отвернулась в сторону, словно ее внимание привлекла метель. В неярком свете камина и натриевой лампы за окном женщина выглядела щемяще красивой. Она казалась погруженной в свои мысли, в ее невидящих глазах отражался заснеженный пейзаж.

— Здесь ей тридцать с небольшим. Снимок сделан, когда она работала преподавателем в Тейярдианском университете на Земле. Он датируется тысяча двести пятнадцатым годом по нашему времени.

Через шесть лет после Соппротивления.

— Боже мой, а я подумал, что это человек, с которым я смогу поговорить.

- О нет, Алекс. Она давно умерла. Более столетия назад.
- Какое отношение она имеет к проекту Гейба?
- Не знаю.
- А кто-нибудь может это знать?
- Понятия не имею.

Я налил себе ликера, настоящего «Туманящего голову».

- Расскажи мне о Таннер. Кем она была?

— Ученая. Преподаватель. Более всего известна своими переводами ашиурского философа Тулисофалы. Они еще пользуются вниманием специалистов, и некоторые авторитеты в этой области считают их каноническими. У нее есть и другие работы, но большинство из них почти забыты. Она работала преподавателем ашиурской философии и литературы в различных университетах сорок стандартных лет. Родилась на Каха Луане в тысяча сто семьдесят девятом году. Была замужем. Вероятно, есть ребенок.

- Что еще?

— Она имела удостоверение звездного пилота с правом вождения малых судов. Активный участник Движения за мир в годы войны. В документах также указывается, что она — офицер разведки и дипломат Деллаконды.

- Борец за мир и офицер разведки.

- Так говорится в документах. Мне это тоже непонятно.

Джейкоб повернул изображение. Взгляд женщины скользнул мимо меня. Линия слегка вздернутого подбородка придавала ей вызывающий вид. Слегка приоткрытые губы обнажали ровный ряд белых зубов (но это не было улыбкой), лоб скрывали густые рыжие волосы.

- А во время войны она была на «Корсариусе»?

Пауза.

— В общих файлах недостаточно сведений, Алекс. Но не думаю. Скорее, она была связана с «Меркуриелем», флагманом деллакондцев.

- Я думал, флагманом был «Корсариус».

— Нет. «Корсариус» был только фрегатом. Обычно Сим сражался именно на нем, но судно не вполне подходило для размещения штаба. В этих целях деллакондцы использовали два разных корабля. «Меркуриель» был подарен им в разгар войны мятежниками Токсикона. Его специально оборудовали

для командования и управления, и он носил имя токсиконского добровольца, погибшего в Щели.

— Еще что-нибудь о ней известно?

— Могу назвать ее звание, дату отставки и тому подобное.

— И все?

— Возможно, есть еще кое-что интересное.

— Что именно?

— Минуточку. Как вы понимаете, пока мы беседуем, я одновременно просматриваю записи.

— Хорошо.

— Но вы должны понять, что эта женщина — довольно загадочная личность и о ней известно очень мало.

— Ладно. К чему ты клонишь?

— По-видимому, она вернулась с войны в состоянии глубокой депрессии.

— В этом нет ничего необычного.

— Конечно. Я бы и сам так ответил. Но она очень долго не могла оправиться. Фактически много лет. Имеется упоминание, что Таннер в тысяча двести восьмом году посетила Маурину Сим, то есть через год после смерти Сима на Ригеле. Нигде не говорится, о чем они беседовали. Странно еще и то, что эта Таннер имела обыкновение на длительное время исчезать из поля зрения. Однажды почти на два года. Никто не знает почему. Это продолжалось до тысяча двести семнадцатого года, после чего сообщения о необычных поступках Таннер прекратились. Хотя это не означает, что таковых не было.

На первый вечер с меня было достаточно. Я перекусил и выбрал комнату на третьем этаже. Спальня Гейба находилась рядом, в передней части дома. Я зашел туда, скорее, из любопытства, но под предлогом, что мне нужна удобная подушка.

На стенах висели фотографии: большинство было сделано на раскопках, несколько моих детских снимков. И еще портрет той женщины, которую Гейб когда-то любил. Ее звали Рия, она погибла в аварии за двадцать лет до того, как я поселился в этом доме. Я позабыл о ней во время своего долгого отсутствия, но она все еще занимала почетное место на столике между двумя изысканными вазами, вероятно средневропейского происхождения. Минуту я внимательно смотрел на нее, чего не делал с тех пор, как стал взрослым человеком. Рия вы-

глядела почти по-мальчишески: стройное тело, каштановые волосы коротко подстрижены, сидит, обхватив руками колени; ее поза позволяла предположить в ней ничем не подавляемую жизнерадостность, но в ее взгляде крылось нечто, заставившее меня долго вглядываться в ее лицо. Насколько мне известно, Гейб никогда не был духовно связан ни с какой другой женщиной.

На столике сбоку лежал сборник стихов Уолдорфа Кэндлза «Слухи Земли», и, хотя я никогда не слышал об этой книге, мне была известна репутация Кэндлза. Он принадлежал к тем поэтам, которых никто не читает, но которых надо знать, если хочешь слыть образованным человеком.

Книга, однако, возбудила мое любопытство по нескольким причинам: Гейб никогда не проявлял большого интереса к поэзии, Кэндлз был современником Кристофера Сима и Лейши Таннер. Когда я взял сборник, он раскрылся на стихотворении «Лейша».

Затерянный пилот
Вдали от Ригеля
Несется по орбите
Одна в ночи
И ищет Колесо
Из звезд...
В морях времен ушедших
Оно кружится,
Отмечая год.
Девять звезд на обode
И две у ступицы.
Она,
Блуждая,
Не знает отдыха,
Покинув
Свою гавань
И меня.

В примечании говорилось, что оно написано в 1213 году, за два года до смерти Кэндлза и через четыре года после окончания войны. Там же приводились какие-то рассуждения о стиле, редакция высказывала мнение, что «стихотворение посвящено Лейше Таннер, причинявшей беспокойство друзьям своими периодическими исчезновениями в период между 1208-м и 1216-м годом и никогда не объяснявшей причины своего отсутствия».

III

Они послали один-единственный корабль, и тот пронесся над вершинами мира. И когда увидели они, что илиандцы бежали, ужасный гнев охватил их. И они сожгли все пустые дома, и покинутые парки, и молчаливые озера. Они сожгли все.

Экрон Гэррити. Армагеддон

Я провел в доме ночь, не спеша насладился завтраком, а потом устроился в большом кресле в кабинете. Из окна падал солнечный свет, и Джейкоб заявил, что рад видеть меня поднимающимся так рано.

— Не хотите ли побеседовать о политике? — спросил он.

— Потом.

Я огляделся в поисках обруча.

— В ящике письменного стола, — подсказал Джейкоб. — Куда вы собрались?

— В контору «Бримбери и Конн».

Я примерил обруч, он съехал мне на уши.

— Когда будете готовы — скажите. Я держу канал.

Источник света сместился, кабинет исчез, его заменил современный зал для совещаний, отделанный под хрусталь. Где-то звучала приятная музыка, и сквозь одну из стен я мог любоваться Андикваром с высоты, превосходящей высоту любого сооружения в этом городе. Уже знакомая мне по прошлому сеансу связи высокая и смуглая женщина, выглядевшая теперь несколько официально, материализовалась у двери. Она улыбнулась, энергичной походкой подошла ко мне и протянула руку:

— Мистер Бенедикт, я — Капра Бримбери, младший партнер фирмы.

Это подтверждало мое первоначальное предположение, что наследство Гейба имело гораздо большую стоимость, чем я воображал. День обещал быть удачным.

Голос ее звучал приглушенно-доверительно. Таким тоном разговаривают с человеком, на время ставшим тебе ровней. Пока мы беседовали, Капра излучала такой энтузиазм, словно приветствовала нового члена клуба избранных.

— Нам будет его не хватать, — сказала она. — Мне бы хотелось найти нужные слова.

Я поблагодарил ее, и она продолжила:

— Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы облегчить вам вступление в права наследства. Думаю, за поместье удастся получить очень хорошую цену. Разумеется, при условии, что вы хотите его продать.

Продать дом?

— Я не думал об этом.

— За него можно получить довольно много денег, Алекс. Когда решите, дайте нам знать, и мы будем рады вести ваши дела.

— Спасибо.

— Мы пока не смогли установить точную стоимость поместья. Имеется, как вы понимаете, много неясностей: произведения искусства, антикварные вещи, предметы с раскопок и тому подобное. Все это затрудняет оценку. Не говоря уже об обширных земельных участках, стоимость которых ежечасно колеблется. Как я понимаю, вы хотите пользоваться услугами брокера вашего дяди?

— Да, конечно.

— Хорошо.

Она небрежно сделала у себя пометку, как будто мое решение не имело особой важности.

— А как насчет ограбления? — спросил я. — Что-нибудь узнали?

— Нет, Алекс. — Она понизила голос. — Странное дело. Я хочу сказать, что никто такого не ожидал. Чтобы кто-то вламывался в чужой дом?! Используя газовый резак, они проделали дыру в двери черного хода. Мы были в ярости.

— Не сомневаюсь.

— И полиция тоже. Они ведут расследование.

— Что именно похищено? — спросил я.

— Трудно сказать. Если ваш дядя вел учет, то список пропало, когда стерли центральную память. Нам известно, что взяли голографический проектор и что-то из серебра. Возможно, какие-то редкие книги. Мы пригласили его друзей, чтобы они попытались определить, что пропало. И еще, возможно, драгоценности.

— Сомневаюсь, чтобы их было много, — заметил я. — Но в доме есть несколько чрезвычайно ценных артефактов.

— Да, нам это известно. Мы проверили их по списку страховой компании. Все на месте.

Капра снова перевела разговор на финансовые дела, и в конце концов я согласился почти со всеми ее предложениями. На вопрос о секретном коде она вынула коробочку, у которой разрушается запор после того, как ее откроют.

— Она откроется на звук вашего голоса. Но вам нужно назвать дату вашего рождения.

Сделав все необходимое, я вынул конверт. Подпись Гейба шла поперек клапана. Внутри я обнаружил код, состоящий из тридцати одной цифры.

Да, Гейб оказался предусмотрительным.

«Оставляю все на твое усмотрение, я тебе доверяю».

Дьявольски громкие слова для никчемного племянника.

Когда-то Гейб разочаровался во мне. Хотя он ничего мне не говорил, но его прежнее одобрение моего интереса к древностям сменилось сдержанной снисходительностью, поскольку мне не удалась карьера полевого археолога. Он должным образом поощрял меня и выказывал энтузиазм по поводу моих академических «достижений», однако в глубине души наверняка думал, что ребенок, который ездил с ним в лагеря на раскопки разрушенных городов полусотни цивилизаций, чувствует себя более свободно на товарной бирже. И что еще хуже, товаром были реликвии прошлого, которые, как утверждал Гейб, становились все более уязвимыми перед нашими тепловыми датчиками и лазерными бурами.

Он проклял меня за мою ограниченность. Я читал это в его глазах, слышал в том, чего он не говорил, чувствовал в его постепенном отчуждении. И все-таки, несмотря на существова-

ние небольшой группы профессионалов, с которыми Гейб раскопал бесчисленное множество цивилизаций, именно ко мне он обратился в связи с открытием «Тенандрома». Эта мысль грела меня. Я даже испытывал смутное удовлетворение оттого, что Гейб просчитался с мерами предосторожности и позволил похитить файл «Таннер». Гейб ошибался, как и все мы.

Следующий визит я нанес в полицейский участок. Там мне сообщили, что они усиленно расследуют происшествие, но пока не могут похвастаться особыми достижениями и свяжутся со мной, когда что-нибудь прояснится. Я поблагодарил, не очень надеясь на успех, и уже поднес руку к обручу, чтобы прервать связь, как появился маленький пухлый человек в форме и помахал мне рукой.

— Мистер Бенедикт? — Он кивнул, словно понимая, что я в крайнем затруднении. — Меня зовут Фенн Рэдфилд. Я старый друг вашего дяди. — Он взял меня за руку и с энтузиазмом потряс ее. — Счастлив познакомиться. Вы похожи на Гейба, знаете ли.

— Мне уже говорили.

— Ужасная потеря, ужасная. Пожалуйста, зайдите ко мне. В мой кабинет.

Он повернулся и вышел, а я подождал, пока не сменятся координаты места действия. Источник ответа опять передвинулся, стал ярче. В закопченные стекла окон потоком лился солнечный свет, я сидел в маленьком кабинете, где витал запах спиртного.

Рэдфилд плюхнулся на жесткую, неудобную на вид кушетку. Его рабочий стол окружала целая батарея терминалов, мониторов и пультов управления. Стены были увешаны свидетельствами, наградами, официальными документами и многочисленными фотографиями: Рэдфилд возле стремительного полицейского скиммера; Рэдфилд, обменивающийся рукопожатием с женщиной весьма важного вида; Рэдфилд на месте катастрофы, покрытый нефтяными пятнами, с ребенком на руках. Последняя фотография висела на самом видном месте. Я решил, что Фенн Рэдфилд мне нравится.

— Сожалею, мы пока не смогли сделать большего, — сказал он. — Правда, почти не за что зацепиться.

— Понимаю, — ответил я.

Рэдфилд пригласил меня сесть на стул, а сам уселся за столом.

— Стол похож на крепость, — хихикнул он. — Отпугивает людей. Я все собираюсь избавиться от него, но он у меня уже так давно. А мы, между прочим, нашли серебро. Или, по крайней мере, часть его. Трудно сказать наверняка, но у меня такое ощущение, что все полностью. Сегодня утром. Мы еще не ввели данные в компьютер, поэтому полицейский, с которым вы говорили, не мог об этом знать.

— И где оно было?

— В ручье, примерно в километре от дома. Лежало в пластиковом мешке под настилом дорожки, пересекающей поток. Детишки нашли.

— Странно, — сказал я.

— Согласен. Оно не представляет особой ценности, но все же достаточно дорогое. Значит, у вора не было возможности продать или надежно спрятать его.

— Серебро взяли для отвода глаз, — предположил я.

— Да? — В глазах Рэдфилда вспыхнул интерес. — Что заставляет вас так думать?

— Вы же называли Гейба своим другом.

— Да. Когда позволяло время, мы ходили вместе на прогулки. И еще мы много играли в шахматы.

— Он когда-нибудь рассказывал вам о своей работе?

Рэдфилд хитро посмотрел на меня:

— Иногда. Могу ли я узнать, к чему вы клоните, мистер Бенедикт?

— Воры унесли файл с данными. Взяли именно проект, над которым Гейб работал перед смертью.

— И как я понимаю, вам о нем мало известно.

— Правильно. Надеюсь, у вас может оказаться какая-то информация.

— Понимаю. — Рэдфилд откинулся на спинку стула, положил руку на крышку стола и нервно забарабанил по ней пальцами. — Вы хотите сказать, что серебро и все остальное взяли для отвода глаз.

— Да.

Полицейский встал, обогнул стол и подошел к окну.

— В последние три месяца или около того ваш дядя был чем-то озабочен. Кстати, он и играл чертовски плохо.

— Вы не знаете почему?

— Нет, не знаю. В последнее время я редко с ним виделся. Гейб действительно говорил мне, что занят каким-то проектом, но так и не сказал, в чем тот заключается. Обычно мы регулярно встречались с ним раз в неделю, а несколько месяцев назад наши встречи прекратились, и с тех пор Гейб появлялся редко.

— Когда вы видели его в последний раз?

Рэдфилд подумал.

— Возможно, за шесть недель до известия о его гибели. В тот вечер мы играли в шахматы, но я видел, что его что-то беспокоит.

— Он выглядел озабоченным?

— Он отвратительно играл, и я разбил его наголову. Выиграл пять или шесть раз, что просто невероятно. Его голова была занята не игрой. Гейб сказал, чтобы я радовался, пока могу. В следующий раз он меня разделает под орех. — Рэдфилд уставился в пол. — Вот так.

Он достал из-под стола стакан пунша лимонного цвета.

— Часть моей диеты, — сказал он. — Желаете?

— Конечно.

— Хотел бы помочь вам, Алекс, но я просто не знаю, чем заниматься Гейб. Могу только сказать, о чем он все время говорил.

— О чем же?

— О Соппротивлении. О Кристофере Симе. Он помешался на этой теме: хронология военных действий, кто там был, как развивались события. Я тоже интересуюсь этим, как и все остальные, только он говорил об этом все время. В самый разгар игры это раздражает. Вы меня понимаете?

— Да, — ответил я.

— Он не всегда был таким. — Рэдфилд наполнил второй стакан и протянул мне. — Вы играете в шахматы, Алекс?

— Нет. Когда-то я выучил ходы, очень давно. Эта игра мне никогда не давалась.

Лицо Рэдфилда смягчилось, словно он осознал, что разговаривает с ущербным человеком.

Вернувшись домой, я просмотрел сводку новостей. Сообщалось об очередной стычке с «немыми». Корабль получил повреждения, имелись жертвы. С минуты на минуту ожидали заявления правительства.

На Земле собирались проводить референдум о выходе из Конфедерации. Голосование должно состояться через несколько дней, но, очевидно, некоторые крупные политики поддерживали движение за отделение, и аналитики пришли к выводу, что весьма вероятно положительное решение.

Я просмотрел другие сообщения, а Джейкоб комментировал события, утверждая, что настоящая проблема заключается в будущих действиях центрального правительства, если Земля и в самом деле попытается выйти из Конфедерации.

— Они же не смогут остаться в стороне и позволить им уйти, — мрачно заметил он.

— Такого никогда не случится, — сказал я. — Вся эта ерунда для внутреннего употребления. Местные политики хотят выглядеть крутыми парнями, атакующими начальство. — Я вскрыл банку пива. — Давай займемся делом.

— Давайте.

— Запроси главные банки данных. Что у них есть на Лейшу Таннер?

— Я уже смотрел, Алекс. На Окраине сведений, по-видимому, не много. Есть три монографии, посвященные ее переводам и комментариям к ашиурской литературе. Могу показать вам все три. Должен заметить, что просмотрел их и не обнаружил ничего для нас полезного, хотя там есть много интересного в общем смысле. Знаете ли вы, что ашиурская цивилизация старше нашей почти на шестьдесят тысяч лет? И за все это время у них не родился мыслитель, способный превзойти Тулисофалу. Она появилась почти в начале их развития и сформулировала многие из их этических и политических принципов. Таннер склонна считать, что Тулисофала занимает у них место, аналогичное нашему Платону. Между прочим, она вывела из этой параллели несколько захватывающих умозаключений...

— Потом, Джейкоб. Что еще?

— Еще известны две монографии, но они уже не индексируются. Следовательно, их будет трудно найти, если они вообще существуют. Одна исследует ее способности как перевод-

чика. Другая же озаглавлена «Дипломатические инициативы Сопротивления».

— Когда она опубликована?

— В тысяча триста тридцатом году. Восемьдесят четыре года назад. Монография удалена из базы данных в тысяча триста сорок втором году, а последняя копия, которую мне удалось отследить, исчезла примерно в тысяча триста восемьдесят первом. Ее владелец умер, поместье продано на аукционе, и где оно находилось, неизвестно, записей нет. Я буду продолжать поиски. Могут существовать какие-то материалы, не вошедшие в общую систему, но сохранившиеся в специализированных банках данных. У коллекционеров, в неизвестных исследованиях и так далее. Все это зачастую не индексируется. К сожалению, наши системы регистрации оставляют желать лучшего. Некоторые дневники и памятные вещи хранятся на Каха Луане, где Таннер преподавала до и после войны. В Архиве Конфедерации имеются ее записные книжки, а в Хринварском космическом музее экспонируются фрагменты ее мемуаров. Кстати, они оба расположены на Деллаконде. Мемуары, по моим сведениям, чрезвычайно фрагментарны.

— Назван в честь битвы, — заметил я.

— Хринварский? Да. С точки зрения тактики отличный бой. Сим был выдающимся человеком. Совершенно выдающимся.

На следующий день я посетил полдюжину университетов, Институт Квеллинга, Историческую ассоциацию Бенджамина Мейнарда и места встреч Сынов Деллаконды. Меня, естественно, интересовало все связывающее Таннер с Талино или, в более широком плане, с Сопротивлением. Ничего существенного. Я нашел несколько упоминаний о ней в частных документах, старых рассказах и тому подобном. Все скопировав, я устроился поудобнее, готовясь провести долгий вечер.

Только небольшая часть материалов была посвящена самой Таннер. Ее имя мелькает при обсуждении работы штаба Сима и его методов сбора разведданных. Я нашел только один документ, в котором ей отводилась большая роль, — забытая докторская диссертация, написанная сорок лет назад, где рассматривалось разрушение Пойнт-Эдварда.

— Джейкоб?

— Да. Я уже прочитал. Знаете, здесь скрывается какая-то тайна.

— В чем?

— Пойнт-Эдвард. Почему ашиуры его разрушили? Ведь он был уже покинут.

Я помнил эту историю: в первый же год войны обе стороны поняли, что нельзя защитить населенные центры. В результате появилось тайное соглашение, согласно которому тактические цели не будут размещаться вблизи населенных районов, а города не будут подвергаться нападению. В Пойнт-Эдварде ашиуры нарушили эту договоренность, и никто не знал причины.

— Однако Сим узнал о том, что готовится, — продолжал Джейкоб. — И эвакуировал двадцать тысяч жителей.

— Только двадцать тысяч? — спросил я. — Мне всегда казалось, что их было намного больше.

— Илианда была заселена кортаями — религиозной группой, которая всегда плохо относилась к посторонним. Они настолько жестко контролировали иммиграцию, что у них начался культурный и экономический застой. Теперь все изменилось. Но в годы Сопротивления в городе царила теократия и практически все население планеты жило там. Общественная жизнь была очень важна для них.

Как утверждалось в документе, поступив таким образом, Сим пожертвовал всей своей разведывательной сетью. Ашиуры немедленно поняли, что их сообщения перехватывались и расшифровывались, поэтому сменили все: аппаратуру, шифры, время передач и маршруты. Только спустя восемь месяцев после прихода Лейши Таннер деллакондцы начали восстанавливать то, что потеряли.

— Возможно ли это? — спросил я.

— Она была чрезвычайно умна. И заметьте, ашиуры среагировали на свой провал не слишком изобретательно. Шифры были заменены не полностью, и ашиуры попытались компенсировать этот недостаток использованием древней формы их базового языка. Вы еще не дочитали до этого места.

— Я думал, у них нет языка. Они же телепаты.

— Нет разговорного языка, Алекс. Но им все равно нужна система для постоянного хранения данных и концепций.

Письменный язык. Тот язык, который они использовали, имел классическое происхождение. Его знал каждый образованный ашиур.

— И Лейша?

— И Лейша.

— Теперь мы, по крайней мере, знаем, почему Сим постарался завербовать ее.

— Тем не менее любопытно, — сказал Джейкоб.

— Что именно?

— Я не о Таннер. Пойнт-Эдвард. «Немые» разрушили пустой город. Они наверняка знали, что там никого нет. Зачем было трудиться?

— Какая-нибудь военная цель неподалеку? — предположил я.

— Может быть, и так. Но об этом ничего не известно. И еще одна странность: не последовало никакого возмездия. Сим мог бы появиться возле одной из ашиурских планет и сровнять с землей любой город по своему выбору. Почему он этого не сделал?

— Возможно, они эвакуировали всех из Пойнт-Эдварда, и поэтому он не хотел начинать цепь репрессий.

Мы нашли голографическое изображение Таннер, хранившееся вместе со снимками штабных офицеров с корабля «Меч Конфедерации». В то время ей было примерно двадцать семь лет, и она выглядела хорошенькой даже в сине-голубой форме флота Деллаконды. Однако приветливое выражение лица Таннер казалось явно неуместным среди озабоченных и мрачных физиономий окружавших ее мужчин.

Я попытался прочесть выражение ее глаз: она знала нечто такое, что через два века заставило Гейба пуститься по следу в Даму-под-Вуалью. Я растянулся на диване в нижней гостиной, глядя на неясное изображение. Жаль, что в те годы еще не существовало техники изокристаллов: насколько проще было бы связаться с ней и задать несколько вопросов.

Я все еще смотрел на Таннер, когда Джейкоб тихо сообщил мне о посетителе.

На стоянку за домом спускался скиммер. Изображение Таннер исчезло, а на верхнем экране появился летательный аппарат. Уже стемнело, и Джейкоб включил наружные лампы, осве-

щающие дорожку. Я наблюдал, как пилот поднял фонарь кабины и легко прыгнул на землю.

— Джейкоб, кто это?

— Понятия не имею.

Женщина знала, где расположены камеры. Она посмотрела прямо в одну из них и прошла мимо, решительно направившись к дому.

Я ждал ее.

— Добрый вечер, — сказал я.

Она была высокой, сероглазой, длинноногой, в плаще оливкового цвета. Ее лицо скрывала тень.

— Вы, должно быть, его племянник, — сказала она тоном, в котором сквозило легкое неодобрение. — Он что, действительно был на «Капелле»?

Голос звучал хрипло, а в ее глазах отражался колеблющийся свет фонаря.

— Входите, пожалуйста.

Женщина быстро огляделась, скользнув взглядом по каменному демону.

Она сняла плащ и повесила его у двери, словно делала это уже не один раз. Познакомка выглядела довольно привлекательной, хотя в ее чертах не было мягкости, глаза смотрели пронизывающе, а подбородок агрессивно вздернулся.

— Меня зовут Чейз Колпат.

Ее тон не допускал сомнений, что я должен знать это имя.

— Алекс Бенедикт, — представился я.

Женщина оценивающе оглядела меня, слегка наклонила голову и разочарованно пожала плечами:

— Меня нанял ваш дядя, он должен мне значительную сумму денег. — Чейз неловко переступила с ноги на ногу. — Мне жаль, что приходится говорить об этом в столь тяжкий для вас момент, но я думаю, что вам следует знать.

Она отвернулась, прекращая обсуждение неприятной темы, и прошла в кабинет. Чейз села у камина, поздоровалась с Джейкобом, который непринужденно и без колебаний сделал ей комплимент по поводу ее внешности. Затем искин принес теплый фруктовый напиток, приправленный ромом, и Чейз, отхлебнув немного, протянула руки к огню.

— Без него здесь странно.

— Мне тоже так кажется.

— В чем там дело? — неожиданно спросила она. — Что он искал?

Начало показалось мне многообещающим.

— Вы работали с ним над проектом?

— Да, — ответила она.

— Позвольте мне задать вам тот же вопрос. Что он искал?

Чейз рассмеялась. Смех был чистым и звонким.

— Понимаю. Значит, он и вам не сказал?

— Нет.

— И никому другому?

— Никому из моих знакомых.

— Но ведь что-то должно быть известно Джейкобу.

— Джейкоба подвергли лоботомии.

Чейз с изумлением взглянула на монитор, который все еще передавал изображение скиммера.

— Вы хотите сказать, что никто не имеет представления, чем он занимался последние несколько месяцев?

— Насколько мне известно, никто, — ответил я с нарастающим раздражением.

— Записи, — произнесла Чейз, словно объясняя непонятное ребенку. — Должны остаться записи.

— Они утеряны.

Это ее доконало. Она расхохоталась.

— Ну и ну, — выдавила она между приступами хохота, — будь я проклята. Это так на него похоже.

— Вам что-нибудь известно? Хоть что-нибудь?

— Проект имел какое-то отношение к «Тенандрому». Гейб обещал, что я разбогатею. Кроме того, говорил он, все его прежние дела по сравнению с этим выглядят тривиальными. «Я потрясу всю Конфедерацию» — вот как он говорил. — Чейз подперла руками подбородок и покачала головой. — Самое идиотское дело, в котором я когда-либо участвовала.

— Но все же участвовали. Что вы должны были сделать, чтобы заработать эти деньги?

— Я — пилот третьего класса. Малые межзвездные корабли. Гейб нанял меня, чтобы я провела некоторые исследования и куда-то доставила его. Не знаю куда. Послушайте, мне все это довольно неприятно. Гейб оставил меня на Сараглии, причем

после того, как я уже потратила значительную сумму из собственных средств.

— Сараглия? «Капелла» исчезла как раз по дороге на Сараглию.

— Правильно. Мы должны были там встретиться.

— И вы не знаете, куда Гейб хотел направиться потом?

— Он не говорил.

— Довольно странно.

Я не очень-то старался скрыть свои подозрения, что Чейз пытается погреть руки на смерти Гейба.

— Он сам сорок лет имел лицензию пилота, и я никогда не слышал, чтобы он позволял кому-то вести свой корабль.

Чейз пожала плечами:

— На это я не могу ответить. Не знаю. Но мы именно так и договорились. Учитывая время перелета минус аванс, он должен был мне плату за два месяца плюс расходы. У меня все подтверждено документами.

— Контракт?

— Нет, — ответила она, — у нас устное соглашение.

— И никаких письменных документов?

— Послушайте, мистер Бенедикт. — В голосе ее зазвучало напряжение. — Постарайтесь понять. Последние несколько лет мы с вашим дядей вели довольно много дел, доверяли друг другу и хорошо ладили. У нас не было необходимости прибегать к контрактам.

— Что это за исследования? — спросил я. — Связанные с «Тенандромом»?

— Да. — Одно из поленьев в камине треснуло и упало в огонь. — Это корабль разведки. Несколько лет назад он летал в скопление Дамы-под-Вуалью, и они, очевидно, что-то там увидели... — Чейз откинула голову на спинку стула и прикрыла глаза. — Гейб хотел узнать, что именно, но мне не удалось это выяснить.

Сараглия находится на краю Дамы-под-Вуалью. Удаленная от светила модульная планета огромных размеров с переменной силой тяжести. Она является последним пунктом отправления больших кораблей разведки, которые продолжают зондирование и картографирование обширного рукава Возничего.

— И оттуда вы собирались его куда-то доставить?

— Да. Куда-то!.. — Чейз пожала плечами.

— Что вам известно о месте назначения? У вас же должны быть хоть какие-то сведения. Дальность, например, на какое время был рассчитан полет... Хоть что-нибудь! Вы арендовали корабль?

Чейз взглянула на бумагу с расчетами, которую явно подготовила для меня:

— Предвидятся споры по поводу денег?

— Нет, — ответил я.

— Ладно. — Она лукаво улыбнулась. — Я уже договорилась о корабле. Я спрашивала, куда мы отправляемся, но он ответил, что скажет, когда сам доберется до места. То есть на Сараглию.

— Он рассчитывал улететь с Сараглии сразу по прибытии?

— Да, — кивнула Чейз, — думаю, так. У меня были инструкции держать корабль в полной готовности. Это старый патрульный катер, между прочим. Тот еще корабль. — Она печально покачала головой. — Он еще сказал, что нас не будет месяцев пять-семь.

— Как далеко это отодвигает цель перелета?

— Трудно сказать. Если он хотел придерживаться правил, меньшая часть этого времени ушла бы на межзвездный перелет. Скажем, три месяца в оба конца. Тогда цель находится на расстоянии примерно восьми световых лет. Но если он собирался пренебречь правилами (а их и в самом деле можно там не применять) и выйти из скачка как можно ближе к цели, тогда, если отвести пять месяцев на гиперпространство, речь идет о максимальном расстоянии в тысячу пятьсот световых лет.

— Что вам удалось узнать о «Тенандроме»?

— Немного. По-видимому, дело отдает вмешательством потусторонних сил.

— Что вы имеете в виду?

— Большие корабли разведки обычно отправляются в полет на четыре-пять лет. «Тенандром» вернулся через полтора года. И никто из него не вышел.

— Сараглия была их первой остановкой на обратном пути?

— В том секторе — да. По традиции суда останавливаются на ней и капитан посылает личный доклад директору порта. Они обсуждают вопросы снабжения, проходят контроль бе-

зопасности, а потом на несколько дней всех отпускают с корабля. Царит атмосфера праздника. Но когда прилетел «Тенандром», все было иначе. По словам служащих порта, которые согласились побеседовать со мной, официальный отчет передали по лучу. Никто не вышел из корабля, никто не поднялся на борт. Как всегда, возле трапа собралась толпа. Не знаю, известно ли вам что-либо о Сараглии, но корабли приземляются непосредственно в городском порту. Стены дока прозрачны, поэтому все, кто повел своих детишек на прогулку, могли стоять на улице и смотреть на удерживаемый тросами «Тенандром». Внутри корабля горели огни, и можно было разглядеть членов экипажа, но ни один из них так и не вышел из шлюзов. Такого раньше не случалось. Все расстроились, особенно коммерсанты. Они почувствовали себя униженными. Прилеты кораблей всегда приносили значительную часть прибыли.

— Но не в этот раз, — сказал я.

— Не в этот раз. — Чейз слегка вздрогнула. — В конце концов поползли слухи.

— Какие?

— Что на корабле чума. Однако им бы не позволили тогда сойти на Аквариуме, где они сделали следующую остановку.

— А они действительно высаживались на Аквариуме?

— Так говорил Гейб. Он сказал, что они покинули корабль, как обычно.

— Это была их конечная станция?

— У разведки там региональный штаб. Туда они возвращаются для общего переоснащения, представления отчетов и снаряжения новых экспедиций.

— Сколько человек было на борту?

— Экипаж из шести человек и восемнадцать членов исследовательской команды. — Лицо Чейз стало задумчивым. — Когда я находилась на Сараглии, прибыл «Вестовер», и экипаж очень приятно проводил время. Они оставались там больше недели, что, как я поняла, является обычным сроком. Много женщин, спиртное лилось рекой. Удивительно, что они после этого все-таки возвращаются на корабль. А «Тенандром» улетел через день.

— Разведка не объяснила, почему был прерван их полет?

— Сказали, что в двигателях Армстронга появилась неисправность, которую нельзя устранить на Сараглии. Вполне возможно. Тогда, между прочим, нет ничего странного и в том, что никто не вышел из корабля, — им нужно было спешить.

— Вероятно, они говорили правду.

— Вероятно. Корабль ремонтировали на Аквариуме, и Гейб говорил, что, судя по записям, привод действительно нуждался в серьезном ремонте.

— Тогда в чем же проблема?

— Гейбу не удалось найти людей, занимавшихся ремонтом двигателей Армстронга. Узнав о расспросах Гейба, разведка очень обеспокоилась. Ему официально запретили доступ на станции обслуживания.

— Как, черт возьми, им удалось?

— Очень просто. Они заявили, что Гейб представляет угрозу их безопасности. Хотелось бы мне на это посмотреть. — Чейз улыбнулась. — В это время я была на Сараглии. Судя по его сообщениям, Гейба чуть кондрашка нехватила. Но потом он сказал, что Мачесны раскололся, поэтому он отправляется на встречу со мной, и чтобы я доставала корабль.

— Мачесны?

— Так он сказал.

— Кто такой, черт возьми, этот Мачесны?

— Не знаю. По-моему это как-то связано с Кристофером Симом. Может, он имел в виду Рэшима Мачесны.

Я покачал головой:

— Есть ли в этом деле хоть кто-нибудь, кто не умер бы сотню лет назад?

Рэшим Мачесны — великий старик, из Сопротивления. Жизнерадостный толстяк, умница, эксперт по волновой теории гравитации. Вместе с Тариеном Симом он посещал законодательные органы различных планет и использовал свое огромное влияние на благо Конфедерации. Как он мог «расколоться»?

— Другой Мачесны мне неизвестен, — сказала Чейз. — Кстати, после окончания ремонта разведка немедленно отправила «Тенандром» в следующий полет. У них уже было готово задание. Таким образом, капитан и большая часть прежнего экипажа находятся в экспедиции.

— Они полетели обратно?

— Нет, — ответила Чейз, — не думаю. Местом их назначения стала область, удаленная на тысячу восемьсот световых лет. Слишком далеко. Если придерживаться предположения, что Гейб знал, куда они летят, и что именно туда он и собирался...

— А как насчет бортового журнала? Разве они не становятся достоянием общественности? Мне попадались такие публикации.

— В данном случае вряд ли. Все было засекречено.

— На каком основании?

— Не знаю. Они не обязаны давать объяснения. По крайней мере, Гейб не смог получить доступ к документам.

— Джейкоб? Ты здесь?

— Да, — откликнулся искин.

— Прокомментируй, пожалуйста.

— Не такое уж необычное дело. Информация засекречивается, если кто-то считает, что ее публикация нанесет ущерб интересам общества. Например, если кого-то съели, то подробности не станут достоянием общественности. Последним примером сокрытия информации явился полет «Борланджета», во время которого один символист был схвачен и унесен какой-то разновидностью летающего плотоядного. Но даже в этом случае засекретили только ту часть информации, которая связана с данным конкретным инцидентом. В случае же «Тенандрома» все выглядит так, будто сам полет никогда не имел места.

— У вас есть предположения о том, что они могли там обнаружить? — спросил я у Чейз.

Она пожала плечами:

— Думаю, Гейб знал. Но мне не сказал. И если кому-либо на Сараглии что-нибудь известно, то они молчат.

— Возможно, это биологическая проблема, — предположил я, — которая беспокоила их, но уладились к тому времени, когда они добрались до Аквариума.

— Возможно. Однако, если они успокоились, почему скрывают информацию?

— Вы говорили о каких-то слухах.

Чейз кивнула:

— Да, о чуме. Самым интересным слухом было предположение о контакте. Вариантов на эту тему около двух десятков, но наиболее распространенным является такой: им с трудом

удалось уйти, центральное правительство опасается, что за «Тенандромом» проследили до самого дома, и пришлось вызвать Военный флот. Некоторые утверждают, что домой вернулся не тот корабль, который отправился в полет.

От такого предположения мороз пробирал по коже.

— Другой вариант: произошло временное смещение, миновало более сорока лет корабельного времени, и члены экипажа сильно постарели. — Усмешка Чейз говорила, что она думает о людской легковёрности. — Но Гейбу удалось побеседовать с членом исследовательской группы, и с ним было все в порядке.

— С Хью Скоттом, — выдохнул я. — А он не сказал, почему был прерван полет?

— Он придерживался официальной версии: на корабле возникли проблемы с двигателями Армстронга, починить их можно было только в стационарных условиях.

Я вздохнул:

— Тогда, наверное, причина именно в этом, а значит, не имеет большого значения, нашел Гейб ремонтников или нет. Возможно, у капитана были личные причины спешить домой.

— Возможно, — согласилась Чейз. — Но с кем бы Гейб ни разговаривал, со Скоттом ли, с другим человеком, все отказывались назвать ему остальных участников полета. — Она прижала кулак к губам. — Вот что странно.

Некоторое время наша беседа вертелась вокруг той же темы, мы уже пошли по второму кругу, словно упустили нечто важное. Когда я вновь упомянул Мачесны, Чейз выпрямилась:

— Кто-то был с Гейбом на «Капелле». А если это он?

— Возможно, — кивнул я, прислушиваясь к гудению огня в камине и к потрескиванию старого дома. — Чейз?

— Что?

Джейкоб принес сыр и новую порцию выпивки.

— А что думаете вы?

— О том, что они увидели?

— Да.

Она вздохнула:

— Если бы они не продолжали упорно отмалчиваться, я бы перестала об этом думать. А так ясно, что они что-то скрывали. И по-видимому, доказательством является исчезновение

бортового журнала. Но, по моему мнению, Гейб дал слишком большую волю своему воображению. — Она откусила кусочек сыра и задумчиво жевала его. — Романтично, конечно, прийти к выводу, что там существует какая-то угроза, нечто совершенно ужасное. Только что это может быть? Что может напугать людей на расстоянии нескольких сотен световых лет?

— Ашиуры? Может, они прорвались к Даме-под-Вуалью.

— Ну и что? Допустим, это лишило бы сна военных, но меня бы нисколько не взволновало. В любом случае они представляют меньшую опасность там, чем вблизи от Периметра.

Позже, когда Чейз ушла, я запросил список пассажиров «Капеллы». Имя Гейба там, разумеется, присутствовало. Габриэль Бенедикт из Андиквара. Но никакого Мачесны.

Я долго размышлял, почему Гейб, который всегда лично водил самые разные корабли, вдруг захотел нанять пилота.

IV

«Чертовски большой кусок недвижимости!»

Высказывание главного советника Рейтмена Тумия, когда он услышал, что в скоплении Дама-под-Вуалью, по некоторым оценкам, имеется двести миллионов обитаемых планет

Департамент планетарной разведки и астрономических исследований представлял собой полуавтономное агентство, которое субсидировалось центральным Министерством финансов и целой армией частных фондов. Им управлял совет директоров, представляющих заинтересованные компании и академические круги. Председатель совета назначался политиками и отчитывался перед фондом. Следовательно, хотя разведка официально и считалась научной организацией, она была весьма чувствительна к политическим колебаниям.

В Андикваре находилось ее представительство, в задачу которого входил набор технического персонала на большие корабли и рассмотрение заявлений специалистов, желающих стать членами исследовательских групп. Там же было отделение по связям с общественностью.

В здании разведки размещалось еще несколько агентств. Все они располагались на верхних этажах старого каменного строения, где до образования Конфедерации заседало правительство планеты. Его западная стена была обесцвечена взрывом бомбы интервентов в начале Сопrotивления.

Приемная производила удручающее впечатление: блеклые желтые стены, жесткая мебель, групповые снимки экипажей нескольких межзвездных кораблей и фотографии черной дыры.

Не слишком подходящая обстановка для связей с общественностью.

Едва я встал со стула, как из соседней комнаты энергичной походкой вышел жизнерадостный молодой человек, прямо-таки излучающий спокойную компетентность. Стандартное голографическое изображение, встречавшееся мне и раньше, правда в другой обстановке.

— Доброе утро! Могу я чем-либо помочь?

— Надеюсь, — ответил я. — Меня зовут Хью Скотт, я участвовал в последнем полете «Тенандрома». Член группы исследователей. Мы с приятелем хотели бы организовать встречу с остальными участниками, но многих потеряли из виду. Не могли бы вы дать нам реестр или сказать, где бы я мог его получить.

— Последний полет «Тенандрома»? Посмотрим, это, кажется, семнадцатый?

— Да, — ответил я, поколебавшись, чтобы создать видимость раздумий.

Изображение тоже погрузилось в задумчивость. У него были густые каштановые волосы, приятная улыбка и немного длинноватый нос. Руководство, несомненно, стремилось создать образ умного и доброжелательного чиновника. В некоторых видах делового общения, например в торговле антиквариатом, это сработало бы. Но в их вежливой, безликой обстановке такие качества вступали в противоречие с мебелью.

— Сейчас проверю. — Он пересек комнату и остановился у фотографии черной дыры, пока компьютер готовил нужную информацию.

Я положил ногу на ногу и взял брошюрку, призывающую подумать о карьере в Агентстве Будущего. Хорошая зарплата, приключения в экзотических местах.

Голограмма чиновника вдруг обернулась. Он вытянул губы трубочкой, изображая глубину огорчения неприятной обязанностью:

— Мне очень жаль, доктор Скотт, но эта информация засекречена. Вы, конечно, не должны испытывать затруднений в ее получении. Если вы захотите подать прошение о допуске, я могу дать вам образец заявления. Можете заполнить его прямо здесь, а я прослежу, чтобы его доставили куда следует. —

Он указал на один из терминалов. — Можете воспользоваться этим компьютером. Конечно, понадобится удостоверение личности.

— Естественно. — Мне стало не по себе. Записывается ли наша беседа? — Почему они засекретили список?

— Боюсь, причина тоже засекречена, доктор.

— Да, — сказал я. — Этого следовало ожидать. Хорошо.

Я сел за терминал, потом бросил взгляд на стенные часы и сделал вид, будто внезапно вспомнил о назначенной встрече.

— Сейчас у меня довольно мало времени, — сказал я, подняв руку к обручу на голове.

— Прекрасно, — любезно ответил он, давая кодовый номер документа. — Можете вызвать его в любое время. Просто следуйте инструкции.

Из беседы с Гейбом я понял, что он был в нелучших отношениях с Институтом Аккадии. И все же бо́льшая часть археологических раскопок, организованных Андикваром, координировалась этим почтенным учреждением. Поэтому я договорился о встрече, и меня соединили с молодой женщиной, которая при упоминании имени Гейба снисходительно улыбнулась.

— Вы должны понимать, мистер Бенедикт, — сказала она, упираясь указательным пальцем в щеку, — что на деле мы не были связаны с вашим отцом. Центр ограничивается профессиональными экспедициями, которые поддерживают официальные учреждения.

— Он — мой дядя, — поправил я.

— Простите. Так или иначе, у нас с ним не было никаких контактов.

— Вы хотите сказать, — небрежно заметил я, — что уровень деятельности моего дядюшки не вполне соответствовал вашим стандартам?

— Не моим стандартам, мистер Бенедикт. Мы говорим о стандартах института, а ваш дядя был дилетантом. Никто не станет отрицать его талантов, но все же он дилетант.

— Шлиман и Шампольон тоже были дилетантами, — с раздражением ответил я. — Как Тауэрман и Крейн. И несколько сотен других. В археологии это традиция.

— Конечно, — примирительно сказала она. — Мы это понимаем и поощряем людей, подобных Габриэлю Бенедикту, всеми имеющимися в нашем распоряжении неофициальными способами. И радуемся их успехам.

Вечером я в задумчивости сидел у камина, прислушиваясь к гудению огня. Внезапно свет потускнел, затем совсем погас, и сразу в центре комнаты, возле кофейного столика, появился ослепительно-белый объект размером с ладонь. Мне показалось, он имел сферическую форму, хотя точные очертания трудно было рассмотреть. Из него со всех сторон вырывались сверкающие струйки и падали обратно к объекту, обволакивая его. Облака сверкающего огня расширялись, кружились, меняли форму. Объект удлинился и принял знакомые очертания.

Дама-под-Вуалью!

— Мне показалось, момент подходящий, Алекс. — Голос Джейкоба был странно далеким.

Медленно вращаясь вокруг своей оси (подобное вращение в реальном времени занимает миллионы лет), она заполнила половину комнаты. Только человек с богатым воображением мог разглядеть в ней очертания женской головки. И все же в обширных звездных облаках имелись какие-то намеки на плечо, и глаз, и развевающиеся складки покрывала.

Считалось, что в ней содержится полмиллиарда солнц, по большей части молодых и горячих. Многие планеты были, по-видимому, пригодны для заселения, поэтому рассматривались как естественный дом для бурно растущего населения. Близость звезд друг к другу также решала многие проблемы, связанные с огромными расстояниями, разделяющими планеты Конфедерации. Прогнозировалось, что когда-нибудь прежние столицы будут покинуты, а центры управления переместятся в это скопление.

Она была самым ярким объектом на небе Южного полушария Окраины, даже ярче гигантской луны. В Андикваре, правда, увидеть ее нельзя, но и здесь лишь немногие звезды могли бы соперничать с ней в яркости.

— Вот куда мы движемся, Джейкоб, — сказал я.

— Согласен, — ответил искин, неправильно поняв меня. — Вам осталось только раскрыть место назначения.

Замечание поразило меня: оно предполагало, что пора брать-ся за дело. Я отправил Джейкоба за сводками новостей о «Тенандроме».

— Я уже искал, — ответил он. — Их очень немного.

Дама-под-Вуалью исчезла, и на мониторе возникло несколько строчек.

— Это самое первое.

«Станция Сараглия. Mmb 3 (ACS): ККР „Тенандром“, в последнее время занимавшийся исследованием глубинных областей Дамы-под-Вуалью, на расстоянии более тысячи световых лет от Окраины, по сообщению представителя разведки, получил серьезное повреждение двигателей Армстронга. Хотя степень повреждения еще не установлена, представитель заверил, что никто не пострадал и непосредственной опасности для корабля нет. Военный флот опубликовал заявление о готовности команды спасателей оказать необходимую помощь».

Джейкоб прокрутил еще несколько сообщений: официальное объявление о возвращении корабля, отметку в «Регистре перевозок» о посещении Сараглии, запись о его прибытии на Аквариум спустя несколько недель.

— Есть там что-нибудь о другом конце путешествия? Какие-нибудь подробности об отлете? — спросил я.

— Только стандартное объявление в «Регистре», — ответил Джейкоб. — Маршрут не приводится.

— А имена членов экипажа? Или пассажиров?

— Только капитана: Сейджемон Макирас. В этом, кстати, нет ничего необычного. Они никогда не публикуют подробностей, только описывают изредка кое-какие особые детали.

— Может, есть какие-то внесистемные материалы?

— Если и есть, то добраться до них будет нелегко. Если там и происходило что-то необычное, службы новостей, по-видимому, ничего об этом не знали.

— Ладно. Не захочет ли нам что-нибудь рассказать Макирас? Можно добыть адрес?

— Да. Впадина Мойры, борт собственного корабля. Я проверял домашние записи. Гейб послал ей два сообщения. Первое она проигнорировала.

— А второе?

— Только тахionedная телеграмма:

«Доктор Бенедикт! Путешествие „Тенандрома“, если не считать сбой в одном из двигателей Армстронга, прошло без каких-либо приключений.

С наилучшими пожеланиями

Сейдж Макирас».

— Давай попробуем другое: посмотрим все полеты за последние несколько лет. В них должна быть какая-то система, и мы сможем получить хотя бы общее представление о той области, куда летал «Тенандром».

Джейкоб нашел нужные записи, и мы изучили последние полеты «Борланджета», «Репатуту», «Вестовера» и других кораблей разведки, базирующихся на Аквариуме, но никакой системы не обнаружили.

Район поисков составлял около трех триллионов кубических световых лет. Может, чуть меньше.

Остался только Скотт.

Немного помолчав, Джейкоб произнес:

— Хотите приготовить изокристалл?

— Сколько времени будет идти ответ?

— Если он ответит сразу, около десяти дней. Только, как показали четыре последние проверки, его шифр не работает. Очевидно, он не отвечает на вызовы.

— Закажи билет, — неохотно сказал я. — Наверное, с таким же успехом туда можно слетать.

— Очень хорошо. Постараюсь известить его о вашем приезде.

— Нет, давай сделаем ему сюрприз.

V

Смотришь сквозь стены Пеллинора в большие, полные любопытства глаза морских животных и спрашиваешь себя: кто же в действительности смотрит наружу, а кто внутрь?..

Тайель Чедвик. Мемуары

И планета, и город названы в честь капитана Пеллинора, первым прошедшего по тем нескольким квадратным километрам суши, которые некогда были единственным на этой, полностью покрытой океаном, планете местом, куда мог ступить человек. Но любому, кто с тех пор побывал под невидимыми стенами, удерживающими гигантскую толщу морских вод, кто хоть раз смотрел вверх на скользящие в ярко-зеленой воде тени, название, под которым это место известно всем, кажется более подходящим.

Аквариум.

Суша: серповидный клочок земли, выступающий из моря.

Образ мышления: обитатели ее любят повторять, что никакое другое место в Конфедерации или за ее пределами не вызывает у человека такого ощущения собственной брэнности, как Аквариум.

Планета размером в половину Окраины, но все же массивная: сила тяжести составляет на ней ноль целых девяносто две сотых земной. Вращается вокруг древнего солнца класса G под названием Гидеон, которое, в свою очередь, движется вокруг Гели, ослепительного белого гиганта, совершая полный оборот за несколько столетий. Оба солнца имеют планетные системы, что не является чем-то необычным для двойных звезд, если

основные их компоненты удалены на значительное расстояние. Но эта двойная звезда уникальна: когда-то она служила домом разумным существам. Четвертая планета Гели — Белариус. Здесь находятся руины пятидесятитысячелетней давности, которые до появления ашиуров были единственным свидетельством того, что когда-то кто-то еще, кроме людей, смотрел на эти звезды.

Белариус представляет собой невероятно дикое место — мир буйных джунглей, невыносимой влажности, разъедающей все и вся атмосферы, высокой гравитации, высокоразвитых хищников и непредсказуемых магнитных бурь, которые частенько выводят из строя оборудование. Это не то место, куда хорошо приехать с семьей.

Аквариум оставался единственным миром обеих планетных систем, пригодным для обитания, и поэтому разведка с самого начала отводила ему особое место. Когда триста лет назад Гарри Пеллинор открыл Аквариум, он счел планету совершенно бесполезной. Но тогда он еще не открыл Белариус, и знаменитая катастрофа еще ждала его впереди. Именно это последнее открытие обеспечило Аквариуму историческую роль в качестве штаб-квартиры администрации, склада припасов, базы для дозаправки и переоснащения исследовательских кораблей, пытающихся вывести секреты Белариуса.

Конечно, исследования планеты давно уже завершены, но Аквариум все еще играет важную роль для разведки, служа региональной штаб-квартирой ее администрации. Процветающий курорт, место расположения крупного университета, нескольких межпланетных промышленных предприятий, ведущий центр океанографических исследований Конфедерации — Аквариум служил домом миллиону людей.

Одним из них был Хью Скотт.

Статуя Гарри Пеллинора стояла на центральном шпиле группы административных зданий, возносящем ее над уровнем моря. По преданию, люди крайне неохотно пошли на то, чтобы оказать такую честь человеку, имя которого во внешнем мире ассоциировалось прежде всего с катастрофой и поспешным отступлением, человеку, экипаж которого был почти целиком съеден.

Это был совсем не тот герой, которого стоило увековечивать.

Наверное, люди были правы. Но город, во всяком случае, процветал.

Его заполняли богатые туристы, состоятельные пенсионеры, избранные технократы, занятые в индустрии тахионной связи, которая в то время только зарождалась.

Нижний порт прибытия размещался на плавучей платформе, с которой до центра Пеллинора можно было добраться по надводному транспортному туннелю, а при хорошей погоде — пройти пешком по нескольким понтонным мостам. Спускаясь на челноке, я первым делом проконсультировался со справочником, и прежде, чем мы приземлились на посадочную платформу, у меня уже был нужный адрес.

Я взял скиммер, зарегистрировался в гостинице и принял душ. По местному времени вечер только начинался, но я слишком устал, измотанный, как обычно, перелетом. Поэтому я долго стоял под прохладной струей и жалел себя, строя дальнейшие планы: разыщу Скотта, выясню, что происходит, и вернусь на Окраину. Там я найму кого-нибудь, кто будет сопровождать Колпат туда, куда им придется полететь, чтобы раскрыть чертов секрет Гейба, а сам никогда больше не покину планету, на которой родился.

Неудивительно, что эта проклятая Конфедерация разваливается на части. Приходится тратить недели, чтобы добраться из одного места в другое, от нескольких дней до нескольких недель, чтобы связаться с кем-нибудь, а перелет для большинства людей неприятен физически. Если бы ашиуры были поумнее, они бы заключили мир и ушли. При отсутствии угрозы извне мы почти наверняка разбежимся по своим углам.

Я хорошо выспался, рано встал и позавтракал в маленьком ресторанчике на крыше. Подо мной простирался океан, усеянный парусами. Трамвайные линии, парки и многоуровневые аллеи тянулись над стенами ограждения из силового поля и дальше над морем. Вдоль них выстроились экзотические бистро, казино, картинные галереи и сувенирные магазины. Еще там были пляжи, подвесные пирсы и приморский бульвар, опоясывающий город на высоте всего несколько метров над уровнем моря.

Но многие считают, что Пеллинор более интересен на дне. Солнечный свет проходит сквозь двадцать метров зеленой океанской воды, и можно наблюдать за огромными левиафанами водяного мира, величественно проплывающими на расстоянии вытянутой руки от столика, за которым ты завтракаешь.

Выйдя из ресторана, я взял скиммер и ввел в считыватель адрес Скотта.

Я понятия не имел, куда направляюсь. Аппарат поднялся в небо, влился в поток транспорта и пошел по дуге над океаном. Остров Гарри Пеллинора скрылся из виду. Только башни прозрачно маячили вдаль, поднимаясь из дыры в океане. Лишь две группы вершин к юго-западу от города находились выше уровня моря и напоминали теперь цепочку маленьких островков.

Скиммер развернулся и полетел параллельно побережью. Было сверкающее летнее утро. Я поднял фонарь кабины, наслаждаясь чудесной погодой. Позже я прочел, что содержание кислорода в атмосфере Аквариума гораздо выше среднего и это вызывает ощущение эйфории. Могу поверить. Когда скиммер лег на крыло и снова повернул вглубь острова, мною овладело необычайное чувство благополучия. Все непременно будет хорошо.

Несколько парусников грациозно покачивались под легким западным ветерком, по небу бесшумно плыл дирижабль. Над поверхностью воды взлетали небольшие фонтанчики, но я не смог разглядеть существ, которые их выбрасывали.

Быстро придвинулась суша, и, промчавшись над горами, я увидел обширные ухоженные пляжи, окаймленные лесами, и длинный ряд зданий из камня и хрусталя. Береговая линия была испещрена пирсами, среди деревьев виднелись бассейны и купальни, на мелководье стояло несколько куполов, поддерживаемых над водой ступенчатыми пирамидами силовых фундаментов.

Самая приметная деталь здешнего пейзажа — это залив Аксбридж. Возможно, вы видели шедевр Дюрелла Колла, который сделал его знаменитым. А образовался залив во времена Колла, то есть два с половиной столетия назад, когда взорвалась

одна из станций, генерирующих силовое поле, и на это место хлынул океан.

Скиммер проплыл вдоль берега залива, за аппаратом увязалось несколько песчанок, которые полетели рядом, взволнованно хлопая крыльями. Мы пересекли перешеек, пролетели над густым лесом и плавно опустились на парковочную площадку на склоне холма. Песчанки запутались в ветвях деревьев и подняли страшный гвалт.

Я не увидел дом с воздуха, с земли его тоже не было видно. Маленькая площадка едва вместила скиммер. Приказав ждать меня, я выбрался наружу и пошел по дорожке в лес.

Почти сразу же я попал в прохладный зеленый мир густых ветвей и тараторящих белок. На Аквариуме практически не существовало сухопутных форм жизни, поэтому всех их завезли с Окраины. Даже деревья. Я чувствовал себя как дома.

На гребне холма показалось легкое бунгало, окруженное папоротником, кустарником и крупными белыми подсолнухами. На широкой веранде стоял одинокий стул, оконные рамы были подняты, дверь плотно закрыта. Стены бунгало слегка покосились, нависшие над крышей густые ветви кое-где лежали прямо на ней. В теплом воздухе витал слабый аромат увядания и старого дерева.

Я постучал.

На мой стук никто не ответил, лишь в кроне дерева что-то зашуршало, и качнулась ветка.

Я заглянул в окно гостиной. В полумраке комната выглядела мрачной: диван, два кресла, старинный письменный стол, длинный стеклянный столик. На столике лежал свитер и стояла хрустальная фигурка какого-то морского создания. В соседнюю комнату вела дверь, напротив которой виднелась музейная витрина, заполненная разнообразными камнями, причем на каждом белел ярлычок. Возможно, образцы с других планет.

Стены украшали репродукции: «Сим у врат ада» Санригала, «Корсариус» Маркросса, «Маурина» Изитами, «На скале» Толденьи. Другие работы были мне незнакомы: портрет Тариена Сима, несколько портретов Кристофера Сима, одно из плоскогорий Деллаконды ночью — с одинокой фигурой (должно быть, Мауриной), стоящей под скелетообразным деревом.

Единственная картина, не связанная с Симом, висела рядом с витриной: современный звездный корабль, сияющий огнями, теплый и живой на фоне незнакомых созвездий. Интересно, не «Тенандром» ли?

Я знал, как выглядит Скотт, даже захватил с собой пару фотографий, хотя обе были довольно старые. С них на меня смотрел высокий смуглый темноглазый человек, во внешности которого проглядывала некоторая неуверенность, делающая его похожим больше на лавочника, чем на руководителя исследовательских групп на чужих планетах.

Чувствовалось, что коттедж пуст. Не покинут, нет. Просто хозяин давно в него не наведывался.

Я потрогал окна, надеясь найти незапертое. Напрасно. Обходя дом в поисках входа, я подумал, не добьюсь ли чего-нибудь, если вломлюсь внутрь. Вероятно, нет, а если автоматика заснимет меня во время взлома, то я наверняка уже не смогу рассчитывать на содействие Скотта, а может, даже и заплачу крупный штраф.

Я поднялся в воздух и облетел весь район. В радиусе километра от участка Скотта находилось около дюжины домов. Я по очереди спускался к ним и задавал вопросы, представляясь двоюродным братом, неожиданно прилетевшим на Аква-риум. Оказалось, что почти никто не знал Скотта по имени, никто не признался в дружеских с ним отношениях. Приятный человек, говорили о нем. Спокойный. Не лезет в чужие дела, но и в свои никого не посвящает.

Женщина, возившаяся в саду ультрасовременного особняка из стеклянных плит, частично опиравшегося на силовой фундамент, добавила ко всему мрачную ноту.

— Он изменился, — сказала она, и глаза ее затуманились.

— Значит, вы его знаете?

— Конечно, — ответила она. — Мы знаем его много лет.

Она пригласила меня в гостиную, на минуту вышла на кухню и вернулась с двумя стаканами травяного настоя со льдом.

— Больше ничего нет, — сказала она. — Извините.

Ее звали Нэша. Она была миниатюрным созданием, с мягким голосом и сияющими глазами, только чуточку суетливая. Глядя на нее, я сразу вспомнил здешних песчанок. Когда-то

она была красивой, но некоторые люди быстро увядают. Мне показалось, что она рада неожиданному собеседнику.

— А как он изменился?

— Вы хорошо знаете своего кузена? — спросила она.

— Я не видел его много лет. С тех пор как мы оба были юнцами.

— Я его знаю гораздо меньше, — улыбнулась она. — Но вам, вероятно, известно, что Хью никогда не отличался особой общительностью.

— Это правда. Но он не был недружелюбным, — рискнул я. — Просто застенчивым.

— Да, — ответила она. — Не уверена, что соседи согласятся с вами, но я тоже так думаю. Мне он казался вполне нормальным, но одиноким. Вы меня понимаете. Держался в стороне. Много читал, ему всегда не хватало времени, он выглядел озабоченным. Но если познакомиться с ним поближе, он расслабляется. У него прекрасное чувство юмора. Правда, его шутки немного суховаты, не каждый оценит их. Мой муж считает его одним из самых странных людей, которых он когда-либо знал.

— Ваш муж...

— ...был вместе с ним на «Кордене». — Нэша прищурилась, глядя в окно на свет двух солнц. — Хью мне всегда нравился. Сама не знаю почему. Мы познакомились, когда Джош, мой муж, тренировался вместе с ним перед полетом «Кордена». Тогда мы были новичками на Аквариуме, с нами жили наши детишки. У нас начались проблемы с подачей энергии. Дом принадлежал разведке, но их ремонтники никак не могли наладить работу аппаратуры, и дети огорчались. Чувствовали себя в изоляции, понимаете? Не знаю, откуда Хью узнал об этом, но он настоял, чтобы мы поменялись домами.

Она заметила, что я допил свой стакан, и поспешила снова наполнить его.

— Похоже на него. Так в чем же он изменился?

— Не знаю, как поточнее сказать. Все его особенности, которые казались раньше проявлениями эксцентричности, превратились в крайность. Юмор приобрел привкус горечи. Он всегда был мрачноватым, а тут буквально на наших глазах скатился в депрессию. Будучи и раньше нелюдимым, он в конце

концов превратился в отшельника. Сомневаюсь, чтобы последние несколько лет соседи могли видеть его и говорить с ним.

— По-видимому, это правда.

— Более того, он стал злым. Когда Гарв Киллиан пожертвовал половину своих денег больнице, чтобы там открыли палату его имени, Скотт посчитал это лицемерием. Я помню его замечание: «Он хочет купить то, чего никогда не смог бы заслужить».

— Бессмертие, — сказал я.

Она кивнула:

— Он сказал это Киллиану в лицо, и с тех пор Гарв с ним не разговаривал.

— Несколько жестоко. Было время, когда Скотт так не поступил бы. То есть не сказал бы ему. Он бы так подумал, поскольку всегда был таким, но ничего бы не сказал.

— В последние два года... — Вокруг ее глаз и губ появились тонкие морщинки.

— Вы теперь часто с ним видите?

— Не виделась уже несколько месяцев. Он куда-то уехал. Куда — не знаю.

— А Джош может знать? Ваш муж?

Она покачала головой:

— Нет. Разве кто-нибудь из разведки сможет вам помочь.

Мы еще немного посидели. Я отогнал пару насекомых.

— Полагаю, ваш муж не был на «Тенандроме»?

— Он совершил только один полет, — ответила она. — Этого оказалось достаточно.

— Да, думаю, этого достаточно. Может, вы знаете кого-нибудь, кто принимал участие в полете «Тенандрома»?

Нэша покачала головой:

— Вам смогут ответить в Пеллиноре, попытайтесь узнать там. — Она задумалась. — В последние два года Скотт много путешествовал, он исчезает вот так не впервые.

— А он не говорил вам, куда отправлялся во время тех предыдущих путешествий?

— Да, — ответила Нэша. — Скотт увлекся историей. Он провел пару недель на Гранд-Салинасе. Там, у них на орбите, что-то вроде музея.

На Салинасе Кристофер Сим потерпел первое поражение, там чуть не закончилось деллакондское Соппротивление.

— Возможно, он полетел на Хринвар, — неожиданно сказала она.

— Хринвар?!

Место знаменитого рейда. Но Хринвар — всего лишь луна, не имеющая атмосферы.

— Да. — Нэша энергично закивала. — Теперь я припоминаю: он несколько раз говорил, что хотел бы посетить Хринвар.

С ее крыльца нельзя было разглядеть дом Скотта, но холм, на котором он стоял, был виден. Нэша заслонила глаза рукой от солнечного света и посмотрела в ту сторону.

— По правде говоря, — сказала она, — думаю, Джош рад, что он исчез. Мы уже дошли до такого состояния, когда нам становится неловко в присутствии Скотта.

Ее голос стал холодным, и я почувствовал за этим скрытый гнев.

— Спасибо, — ответил я.

— Не за что.

Я попросил всех, с кем беседовал, сообщить мне, когда вернется Скотт, после чего, разочарованный, вернулся в Пеллино.

Региональный штаб разведки представляет собой комплекс из пяти зданий, резко отличающихся друг от друга архитектурным стилем, старых и новых, привозных и местных. Хрустальная башня возвышается рядом с чисто функциональным блоком офисов, геодезический четырехугольник соседствует с готическим замком. Как написано в путеводителях, создавался общий эффект академического презрения к порядку и земному образу мышления. По-видимому, во время своих путешествий я слишком много размышлял о Кристофере Симе и его сражениях: у меня возникло впечатление, что все это сооружение выглядит так, будто строилось оно под огнем противника.

Библиотека находилась на первом этаже купола. Она называлась «Завершение Викера», в честь одного из первых чиновников. Поразительно, но все здания и лаборатории названы в честь бюрократов или основателей фондов, а люди, летавшие к звездам, заслужили только пару-другую табличек и памятных

надписей в музее. Имена нескольких десятков погибших были вырезаны на плите в главном вестибюле.

Я добрался туда поздно, библиотека была почти пуста. Человек пять посетителей, по-видимому студентов-выпускников, сидели за терминалами, просматривая файлы. Я выбрал кабину и закрыл за собой дверь.

— «Тенандром». История корабля.

— Наденьте, пожалуйста, облуч, — донесся из динамика уверенный голос мужчины средних лет.

Я подчинился. Свет померк, и стены кабины из голубых стали темно-синими, как вечернее небо в планетарии. Из темноты появилась светлая черточка, выросшая в сложную конструкцию из коробочек и стержней, медленно вращавшуюся вокруг поперечной оси.

— «Тенандром», — продолжал голос, — был построен восемьдесят шесть стандартных лет назад на Украине специально для изучения дальнего космоса. Это один из кораблей разведки класса «Корден». Гиперпространственный переход осуществляется с помощью двух двигателей Армстронга, время перезарядки между прыжками составляет около сорока часов. Для передвижения в обычном пространстве на корабле установлены термоядерные двигатели, способные развивать тягу в восемьдесят тысяч мегаватт при обычных полетных условиях.

Корабль продолжал расти, пока не занял половину кабины: серый, утилитарный, неинтересный — две группы коробок, разбросанные вдоль параллельных ферм и соединенные в хвостовой секции магнитными ловушками, питающими термоядерные генераторы, а в передней — мостиком.

— История, — сказал я. — Самый последний полет.

— Прошу прощения. Этой информации нет.

Корабль продолжал плыть в темноте.

— Почему?

— Бортовой журнал корабля изъят до завершения расследования причин возникновения неисправности оборудования. В настоящее время презумпция невиновности не допускает дальнейшего распространения информации.

— Какого рода неисправности имели место?

— Сведения в данный момент отсутствуют.

— Был ли полет прерван?

— Да.
— Почему?
— Сведения в данный момент отсутствуют.
— Когда же они все-таки появятся?
— Сожалею, но у меня нет информации, чтобы ответить на ваш вопрос.

— Не могли бы вы дать мне список планируемого маршрута «Тенандрома»?

— Нет, — ответил он через несколько секунд.

— Но разве маршрут не является общедоступной информацией?

— Уже нет. Его изъяли.

— Где-нибудь должна быть копия.

— У меня сведений нет.

Схема «Тенандрома» мелькала на экране монитора, как будто систему что-то отвлекло.

— Где сейчас «Тенандром»?

— Уже два года, как он находится в рассчитанном на шесть лет полете во впадину Мойры.

— Можете дать мне список экипажа и исследовательской группы «Тенандрома»?

— В каком рейсе?

— В любом из последних четырех.

— Могу дать сведения по полетам номер пятнадцать и шестнадцать, а также по текущему полету.

— Как насчет семнадцатого?

— Отсутствует.

— Почему?

— Засекречен.

Я стянул с головы обруч и, прищурившись, посмотрел из окна на освещенный парк. В отдалении свет отражался от океанской стены.

Что же, черт побери, они скрывают? Что они могут скрывать?

Кто-то знал.

Где-то кто-то знал.

Я принялся выслеживать бюрократов и исследователей из разведки. Я охотился за ними в барах, в Полевом музее, в пар-

ках, на пляжах, в сияющих коридорах Оперативного центра управления, в городских театрах и ресторанах, в легкоатлетических и шахматных клубах.

Когда я осторожно направлял беседу в нужное русло, почти все охотно рассуждали о «Тенандроме». Наиболее распространенной версией, превратившейся в стойкое убеждение, была та, которую излагала мне Чейз Колпат: корабль обнаружил инопланетян. Некоторые заявляли, будто в район обнаружения были посланы военные корабли, и почти каждый слышал, что несколько молодых членов экипажа вернулись посевшими.

Существовала и другая версия той же истории: «Тенандром» нашел дрейфующий чужой флот, предпринял попытку исследовать его, однако среди заржавевших кораблей было нечто, заставившее прекратить дальнейшее изучение. Капитан был вынужден прервать полет и повернуть домой.

Один бородатый эндокринолог абсолютно серьезно уверял меня, что судно обнаружило призрака, однако он не мог или не захотел рассказать об этом поподробнее.

Пожилая дама — системный аналитик, с которой я разговаривал однажды вечером на причале у моря, — рассказала, будто в том районе обнаружили остатки колонии чужаков, группу башенок на лишенной атмосферы луне. Инопланетяне давно уже мертвы, сказала она, однако прекрасно сохранились в своих саркофагах.

— Я слышала, — добавила она, — что все башенки были открыты в пустоту. Открыты *изнутри*.

Самый фантастичный вариант поведал мне агент по прокату скиммеров, объяснивший, что корабль нашел судно, полное людей, не говорящих ни на одном из известных языков, не поддающихся идентификации, но идентичных нам в наиболее существенном аспекте (тут он перешел на шепот): их половые органы точно такие, как у нас, хотя произошли эти люди совсем от других предков.

Я познакомился с молодой женщиной, знавшей Скотта: такая женщина обязательно должна найтись, надо только поискать получше. Она была скульптором, стройная, привлекательная, с приятной улыбкой. Недавно она с кем-то порвала (или порвали с ней?), и в конце концов мы очутились в маленьком

баре на одном из пирсов. Ее звали Айвана, и в тот вечер она была беззащитной. Я мог бы увести ее в постель, но она казалась такой одинокой, что я не мог воспользоваться ее слабостью.

— Где он? — спросил я. — Вы знаете, куда он улетел?

Она слишком много пила, но, казалось, на нее это не действует.

— За пределы планеты, — последовал ответ. — Куда-то. Он вернется.

— Откуда вы знаете?

— Он всегда возвращается.

В ее голосе прозвучали язвительные нотки.

— Он и раньше предпринимал такие путешествия?

— О да, — сказала она. — Он не из тех, кто болтается без дела.

— Почему? Куда он летает?

— Думаю, ему становится скучно. А летает он на места сражений времен Сопротивления. Или туда, где есть мемориалы, я не знаю, какие именно.

В баре становилось шумно, поэтому я вывел ее наружу, полагая, что свежий воздух окажется полезен нам обоим.

— Айвана, что он рассказывает, когда возвращается?

— Он почти ничего не рассказывает, Алекс, и мне никогда не приходило в голову спрашивать его.

— Вы когда-нибудь слышали о Лейше Таннер?

Она хотела было ответить отрицательно, потом передумала.

— Да, — сказала она, просветлев. — Пару раз он упоминал о ней.

— Что он говорил?

— По-моему, он старается что-то узнать о ней, она какой-то исторический персонаж. Он странный. Иногда я чувствую себя с ним неловко.

— Как вы с ним познакомились?

— Уже не помню. На вечеринке, кажется. Почему вы спрашиваете?

— Просто так, — ответил я.

На ее лице появилась чудесная печальная улыбка.

— Почему вы интересуетесь Скоттом?

Я рассказал ей свою легенду, и она посочувствовала, что мы с ним разминулись.

— При встрече я расскажу ему, что вы здесь были.

Мы еще немного выпили, погуляли.

— Он стал очень странным, — в который раз за вечер повторила Айвана. — Вы бы его не узнали.

— Со времен «Тенандрома»?

— Да.

Мы остановились, и она, перегнувшись через перила, стала смотреть на море. Она выглядела растерянной.

— Здесь мило.

У Аквариума не было луны, но в ясные ночи на небе сияла Дама-под-Вуалью, излучавшая гораздо больше света и более пьянящая, чем полная луна Окраины.

— Они что-то привезли с собой. «Тенандром». Вы знали об этом?

— Нет.

— Никто не знает, что это было. Но что-то было. Никто не хотел об этом говорить. Даже Макирас.

— Капитан?

— Да. Хладнокровная стерва, насколько я разбираюсь в людях. — Ее взгляд стал жестким. — Они прилетели, а потом снова ушли. Ушли в следующий длительный полет. Экипаж исчез прежде, чем кто-нибудь понял, что они вернулись.

— Как насчет группы исследователей?

— Они уехали домой. Обычно они разъезжаются по домам, а потом возвращаются для составления отчетов. Но не в этот раз. Мы больше никогда никого из них не видели. Кроме Хью.

Мы снова гуляли. Прибрежная часть Пеллинора призывно сияла огнями, отражающимися в воде.

— Он никогда по-настоящему не возвращался домой. По крайней мере, для того, чтобы остаться. Он всегда где-то путешествует. Как сейчас.

— Вы говорите, Скотт летает на места сражений. Куда, например?

— В последний раз: Город-на-Скале, Илианда, Рэндинхал, Гранд-Салинас.

Это был список знаменитых мест из истории Сопротивления.

— Да, — сказала Айвана, понимая мою реакцию. — У него был пунктик насчет Сима. Не знаю, что именно, но Хью что-то

ищет. Он приезжает домой после недель или месяцев отсутствия, приезжает на несколько дней, а потом мы узнаем, что он опять улетел. Хью никогда раньше таким не был. — Ее голос дрогнул. — Я этого не понимаю.

Чтобы не создалось впечатления, будто я не предпринимал серьезных усилий, должен сообщить, что я также испробовал и официальные каналы и однажды, открыв двери административного здания, которое у них называлось Пристройкой, попросил о встрече с руководителем особых операций. Его звали Джемумба.

Меня послали к секретарю. «Изложите, пожалуйста, свое дело, мы свяжемся с вами в течение шести месяцев». Наконец я смог поговорить с одним из его подчиненных, который отрицал, что случилось нечто необычное. Да, он слышал сплетни, но его работа всегда окружена всякими слухами. Он может совершенно недвусмысленно заявить, что никаких инопланетян там не существует, по крайней мере на тех планетах, которые изучены разведкой, или вокруг них. А заявление о каких-то жертвах на «Тенандроме» — просто ложь.

Он объяснил засекречивание бортового журнала и другой информации обычной процедурой при возбуждении судебного дела. А по поводу семнадцатого полета «Тенандрома» имело место большое судебное разбирательство.

— Отказ главного двигателя не шутка, мистер Бенедикт, — с некоторой страстью в голосе объяснил он. — Разведка понесла значительные убытки, а дела с нашими обязательствами крайне запущены. Тем не менее мы надеемся, что все будет урегулировано в течение года или около того. Когда это произойдет, вы сможете получить доступ к любым сведениям о полете, кроме информации об экипаже и группе исследователей, которая никогда не становится достоянием общественности. Соображения приватности, вы понимаете. Оставьте нам, пожалуйста, свое имя и код. Мы с вами свяжемся.

Итак, у меня не осталось выбора, приходилось лететь на Хринвар. Регулярных рейсов туда нет, поэтому я арендовал «Кентавр», а пилотом на этот чертов корабль нанял Чейз. В большом корабле прыжок переносился еще хуже, меня еще

больше тошнило при входе в гиперпространство и при выходе из него, и я снова поклялся, что это в последний раз.

В посадке не было необходимости. Хринвар — покрытая кратерами, лишенная атмосферы скала из никеля и железа, расположенная внутри колец газового гиганта. Полагаю, именно поэтому ашиуры и посчитали его подходящей базой для своего флота. Некоторые утверждают, что нападение Сима на эту планетку — одна из его самых удачных операций. Деллакондцы выманили защитников наружу, разнесли базу практически на кусочки и ушли с несколькими наиболее тщательно охраняемыми секретами противника.

Сохранились материальные доказательства этого рейда: проломленные купола, зияющая шахта, служившая когда-то ремонтным доком для военных кораблей, обломки металла и пластика, усыпавшие поверхность. Вероятно, все выглядело так и два столетия назад, когда Кристофер Сим покинул это место.

Чейз почти все время молчала. Мне казалось, что она наблюдает скорее за мной, чем за планетой.

— Достаточно? — спросила она, когда мы несколько раз облетели вокруг Хринвара.

— Его там не может быть, — сказал я.

— Там нет ни души.

— Зачем Скотту понадобилось лететь в это пустынное место?

VI

— Вызываю огонь!..

Кондор-ни, II, 1

Сим — сукин сын: четырнадцать тысяч лет истории ничему его не научили, снова то же самое — кровь и угрозы.

Лейша Таннер. Записные книжки

Кто же сопровождал Гейба в полете на «Капелле»?

Шестьдесят три пассажира поднялись на борт на Украине, двадцать из них отправлялись на станцию Сараглия. Большие межзвездные корабли никогда не останавливались в портах по дороге. Слишком много времени и энергии пришлось бы затратить на преодоление инерции, поэтому они проскакивали планетные системы на большой скорости. Пассажиры и груз доставлялись на борт в полете местными судами. Вероятно, его спутник входил в число этих двадцати.

В поисках подходящей кандидатуры я проглядел объявления об их смерти. Среди них были престарелые туристы, несколько флотских, летевших в отпуск, три пары новобрачных, горстка бизнесменов. Четверо летели из Андиквара: пара агентов по импорту-экспорту, ребенок, посланный к родственникам, и отставной полицейский офицер.

Ничего особо многообещающего, но мне сразу повезло с Джоном Кайбером, парнем из полиции.

Я набрал указанный в объявлении номер его ближайших родственников, и мне ответили.

— Меня зовут Алекс Бенедикт. Могу я поговорить с миссис Кайбер?

— Яна Кайбер слушает.

Я ждал, когда она материализуется, но ничего не произошло.

— Простите, что побеспокоил вас. Мой дядя был на «Капелле». Думаю, он путешествовал вместе с вашим мужем.

— Ах так? — Голос совершенно изменился, стал мягче, заинтересованнее, в нем прозвучала боль. — Мне жаль, что это случилось с вашим дядей.

Я услышал, как включился проектор Джейкоба, в воздухе затрепетало цветное пятно, и появилась она — величественная дама весьма почтенного возраста, серьезная, внимательная. Возможно, несколько раздраженная, хотя я и не мог определить, кто является причиной ее раздражения — Гейб, ее муж или я.

— Очень рада, что появилась возможность поговорить с кем-нибудь об этом. Куда они направлялись?

— Разве вы не знаете?

— Откуда мне знать?

Ну что за чертовщина!

— Вы знали Гейба Бенедикта?

— Нет, — ответила она после паузы. — Я вообще не знала, что муж путешествует с кем-то. — Она нахмурилась. — Я даже не знала, что он отправился в путешествие. Я имею в виду, за пределы планеты.

— Он когда-нибудь раньше бывал на Сараглии?

— Нет. — Она скрестила руки на груди. — Он никогда не покидал Окраину. По крайней мере, насколько мне известно. Теперь я уже не уверена.

— Но вы знали, что его какое-то время не будет?

— Да, знала.

— И никаких объяснений?

— Никаких, — ответила она, подавляя рыдание. — Боже мой, у нас никогда не было никаких проблем, мистер Бенедикт. Настоящих проблем. Он сказал мне, что сожалеет, но не может ничего объяснить и его не будет шесть месяцев.

— Шесть месяцев? Вам следовало расспросить его.

— Конечно я расспрашивала. «Они опять призвали меня на службу, — сказал он. — Я им нужен, и я должен ехать».

— Кто «они»?

— Агентство. Он был офицером службы безопасности. В отставке. Но это не имело большого значения. Он все еще работает консультантом. — Она запнулась, но не стала поправляться. — Его специальность — мошенничество в торговле, а вы знаете, сколько таких случаев в наше время. — Голос ее звучал так, будто она вот-вот расплачется. — Я не знаю, в чем там было дело, именно это и доставляет мне такую боль. Он умер, а я не знаю почему.

— Вы узнавали в его агентстве?

— Они утверждают, что ничего не знают. — Она уставилась на меня. — Мистер Бенедикт, он никогда не давал мне повода не доверять ему. Мы прожили вместе много лет, и это единственный раз, когда он мне солгал.

«Единственный раз, о котором вам известно», — подумал я, но вслух сказал:

— Он интересовался археологией?

— Не думаю. Нет. А этот Габриэль был археологом?

— Да.

— Не могу представить себе, какая между ними связь.

— Я тоже не могу.

Голос ее задрожал, но она постаралась сохранить спокойствие:

— Я не знаю, что он делал на этом проклятом корабле, куда летел и что собирался делать, когда доберется до места. И если у вас есть какие-то соображения, буду вам признательна, если вы поделитесь ими со мной. Что за человек был ваш дядя?

Я улыбнулся, чтобы развеять ее страхи:

— Один из лучших людей, которых я знал, миссис Кайбер. Он бы не стал втягивать вашего мужа в опасную историю или во что-либо, о чем вам стоило бы беспокоиться.

Зачем понадобился отставной офицер полиции? Возможно, в качестве телохранителя? Это казалось маловероятным.

— Ваш муж был пилотом?

— Нет.

— Скажите, миссис Кайбер, он когда-нибудь интересовался историей? В частности, Соппротивлением?

На ее лице промелькнула озадаченность.

— Да, — ответила она. — Он интересовался всем старинным, мистер Бенедикт. Он собирал древние книги, его завораживали старые корабли, он был членом Общества Талино.

Вот оно!

— Что это за общество? — с интересом спросил я.

Она пристально посмотрела на меня:

— Не думаю, что это вам пригодится.

— Пожалуйста, — попросил я. — Вы уже помогли мне. Расскажите об Обществе Талино, я никогда о нем не слышал.

— На самом деле это клуб выпивох. Они маскируются под историков, но в основном заняты тем, что собираются каждую последнюю пятницу месяца в «Колландиуме» и приятно проводят время. — Она выглядела очень усталой. — Он состоял в обществе двадцать лет.

— А вы?

— Да, обычно я ходила вместе с ним.

— Почему оно называется Обществом Талино?

Она улыбнулась. Наконец-то.

— Мистер Бенедикт, вам нужно приехать сюда и самому все узнать.

В тот день, когда я беседовал с Яной Кайбер, случилось еще две вещи. «Бримбери и Конн» прислали оценку моего имущества. Сумма превзошла все мои ожидания, и я понял, что больше мне уже не придется работать. Никогда. Странно, но я чувствовал себя виноватым. Это были деньги Гейба, а я далеко не всегда был с ним любезен.

Вторую новость сообщил Джейкоб. Он обнаружил где-то на другом конце планеты библиотеку, в которой сохранился экземпляр записных книжек Лейши Таннер, и быстренько заказал копию.

Мне все время звонили разнообразные мошенники, заявляющие, что они деловые партнеры моего дяди, и желающие «продолжать» оказывать всякие дорогостоящие услуги. Среди них были виноторговцы и торговцы недвижимостью, субъекты, называющие себя фондом, который собирается воздвигнуть памятники выдающимся бизнесменам, и несколько банковских агентов. Я надеялся, что они постепенно отстанут от меня, но они возникали снова и снова.

— С этого дня, — сказал я Джейкобу, — они твои. Отправляй их прочь. Разочаруй их.

— Как?

— Используй свое воображение. Скажи им, что мы вкладываем средства в какое-нибудь достойное дело, придумай в какое, а я удаляюсь в горы.

Потом я уселся читать записи Лейши Таннер.

«Записные книжки» охватывают период в пять лет, в течение которых Лейша преподавала в Университете Каха Луан на планете того же названия. Первые записи относятся ко времени, когда она познакомилась с поэтом Уолдорфом Кэндлзом, а последние заканчиваются с ее уходом из университета, на третьем году Сопротивления. Первоначально они задумывались как заметки об успехах ее студентов. Но когда возросла напряженность на Имаросе, после чего произошел бунт и началось катастрофическое вторжение на Корморал, записи расширились до обобщенного изображения социального и политического переворота на небольшой планете, которая боролась за сохранение своего нейтралитета, то есть за свое существование, в то самое время, когда Кристофер Сим и его героический отряд нуждались в любой помощи.

Некоторые описания вызывают смущение. Мы привыкли считать патриотами тех, кто активно сопротивлялся нападению ашиуров, — героических мужчин и женщин сотен планет, рисковавших жизнью и состоянием, пытаясь убедить упрямые правительства вмешаться в кризисную ситуацию. Но вот как описывает Таннер реакцию на нападение «немых» на Городна-Скале:

«Сегодня в городе ораторы проклинали правительство и требовали немедленного вмешательства. Там были люди из университета, даже старый Энкус Маркхем, которого я никогда прежде не видела рассерженным. К ним присоединились несколько отставных политиков и парочка артистов, серьезно полагавшие, что нам следует послать весь флот на войну против ашиуров. Вчера я читала, что этот „флот“ состоит из двух эсминцев и одного фрегата. Один из эсминцев сейчас на капитальном ремонте, и все три судна уже устарели.

Присутствовали также другие люди, которых я приняла за членов общества „Друзья Конфедерации“. Они подогревали толпу, которая избила палками нескольких человек, не разделявших ее точку зрения, и еще пару других, которые ее разделяли, но недостаточно быстро реагировали. Потом они отпра-

вились маршем через город к зданию Совета. Но от Бэлистер-авеню до парка Гренвилл путь долгий, и по дороге они перевернули несколько машин, напали на полицию и вломились в несколько баров.

Патриот — это человек, который готов пожертвовать всем, даже детьми, во имя справедливого дела.

В любом случае будь проклят Сим! Война продолжается, хотя все понимают, что она бесперспективна. Говорят, ашиуры просили у нас Аморду. Господи, надеюсь у Совета хватит мудрости согласиться».

Я нашел в справочнике слово «Аморда». Оно означает гарантию мира и автономии для любого, кто соглашался признать правление ашиуров. Я с удивлением узнал, что на каждую планету, принимавшую участие в Сопротивлении, приходилось как минимум две нейтральных. Некоторые планеты даже оказывали помощь захватчикам.

«Аморда». Требование было простым: в ознаменование верности несколько кубических сантиметров земли из столицы, помещенных в урну из чистого серебра.

Я стал читать дальше. Пока в Совете шли дебаты, пробил час Города-на-Скале. Ашиуры быстро прорвали оборонительные рубежи и разрушили орбитальные заводы. Центр культуры, давний символ литературы, демократии и прогресса на Границе, был оккупирован без всяких усилий.

«Это оплошность невероятных размеров, — писала Таннер. — Невольно возникает вопрос: неужели ашиуры нарочно стараются создать условия для того, чтобы Тариену Симу было сподручнее создавать союз против них? В любом случае Каха Луан упустил момент заявить о своем нейтралитете. Мы вступаем в войну. Единственный вопрос теперь — когда.

Нападение никого не удивило. Город-на-Скале и небольшая группа его союзников технически сохраняли нейтралитет, но ни для кого не было тайной, что их добровольцы принимали активное участие в войне на стороне деллакондцев. Всем было также известно, что Сим получает стратегические приказы с его орбитальных заводов. У ашиуров есть оправдание, но мне бы хотелось, чтобы они проявили некоторую сдержанность. Этого может оказаться достаточным, чтобы втянуть в войну

Землю или Окраину. Если это произойдет, одному Богу известно, чем все закончится».

Когда появились первые сообщения, Таннер вела курс сравнительной этики.

«Обсуждали добро и красоту, — печально комментировала она, — а в это время дети Платона и Тулисофалы резали друг другу глотки».

Цель была атакована флотом из нескольких сотен кораблей, которые играючи смели поспешно созданную оборону. Катастрофа разразилась невероятно быстро, и в ту ночь, «когда большинство из нас сосредоточились на бифштексе и вине, проклятые идиоты усугубили свое преступление расстрелом заложников. Как может раса телепатов столь неверно оценивать природу своего противника?»

Образы того времени, созданные Таннер, полны невыносимой горечи; разъяренные граждане, требующие войны, помпезный президент университета, председательствующий на общей университетской религиозной церемонии, пытающиеся сдержать слезы студенты, чья родная планета пала, и собственные угрызения совести перед лицом «извращенной ситуации, когда те из нас, кто отстаивает разумный курс, кажутся трусами».

Снова и снова задает Таннер вопрос себе и в конечном счете, полагаю, нам: «Как объяснить, что некая раса может породить идеалы Тулисофалы, может создать великую музыку, построить изысканные каменные сады... и все же вести себя подобно варварам?»

В ее записях ответа нет.

В другом месте своих записных книжек по похожему поводу она гневно упоминает о принципе Боголюбова.

Я снова посмотрел в справочник. Андрей Боголюбов жил тысячу лет назад на Токсиконе. Он был историком и пытался превратить историю в точную науку, обладающую предсказательной силой, присущей всем точным наукам. Конечно, ему это не удалось.

Основной областью его интересов был процесс втягивания не желающих того властей в конфликты. Его тезис заключается в том, что потенциальные противники исполняют нечто вроде

дипломатического танца с саблями. Фаза военного танца создает психологический настрой, гарантирующий в конечном итоге вооруженное столкновение, потому что имеет тенденцию придавать событиям ускорение. По его мнению, это особенно характерно для демократий. Однажды начатый процесс не так-то легко остановить, а когда прольется кровь, вернуться назад почти невозможно. Первоначальные амбиции и цели потеряны, каждая из сторон начинает верить собственной пропаганде, экономика становится зависимой от вражеского окружения, а политические карьеры строятся вокруг общей опасности. Цикл создания войны замыкается и не останавливается, пока не выдохнется одна из сторон.

Если у обеих сторон не появятся лидеры, принимающие ситуацию такой, какова она есть, и обладающие достаточно сильным характером и поддержкой изнутри, тогда нет иного решения, кроме военного. К несчастью, политические системы редко порождают политиков-создателей и уж тем более не способны провести в жизнь стратегию выхода из такой ситуации. Шансы на то, что в момент кризиса появятся сразу две такие личности, мягко выражаясь, крайне малы.

С такого расстояния трудно понять отчаяние, сопровождавшее падение Города-на-Скале, который для нас — всего лишь символ потерянного величия, Атлантида. Но два века назад все обитатели планеты в некотором смысле были его гражданами; его музыка и художники, его политологи принадлежали всем; и нанесенный ему удар был нападением на всех.

Таннер цитирует Уолдорфа Кэндлза: «Все мы сидели за его залитыми солнцем столами на широких бульварах, потягивая дорогое вино».

Наверное, им было невероятно больно сознавать, что это чудесное место под пятой завоевателей.

Несколько студентов Таннер объявили о своем намерении оставить учебу и уйти воевать. Ее друзья резко разделились. Вот что она пишет о Мэтте Оландере, пожилom физике, жена и дочь которого погибли на Корморале за два года до этого:

«Он вышел из аудитории вчера после полудня, и несколько часов мы не знали, где он. Работники службы безопасности нашли его около полуночи на скамейке в Саутпуле. Сегодня утром он сказал мне, что собирается предложить свои услуги

деллакондцам. Думаю, что с ним все будет в порядке, когда он успокоится.

Баннистер попытался заговорить об опасности на собрании одного из многочисленных военных комитетов. „Будьте тверды, — говорил он. — Если вы сейчас уступите настроениям толпы, то Каха Луан не продержится и двух недель“. Его побили камнями».

Оландер так и не успокоился. Через несколько дней он подал заявление об уходе, пригласил Таннер на обед и попрощался. Больше она ничего о нем не пишет.

Но, несмотря ни на что, Каха Луан придерживался нейтралитета. Беспорядки продолжались, усиливаясь при поступлении новостей из зоны боевых действий или от сообщений о гибели сограждан, сражавшихся бок о бок с деллакондцами. В этот тяжкий период гнев Таннер вызывали обе стороны, «непримиримость которых убивает так много людей и грозит смертью нам всем».

Маленький кружок факультетских друзей распадается. Уолдорф Кэндлз холодным призраком скитается в мрачной ночи. Другие выступают с трибун и в прессе за или против войны, за или против друг друга.

Время от времени приходят вести от Оландера.

Он сидит где-то на деревянном причале, на фоне парусов и сетей. Или стоит рядом с каким-то растением, возможно деревом. В руке у него всегда бутылка, а рядом с ним всегда какая-нибудь женщина. Каждый раз другая, с легким сожалением замечает Таннер.

(Сообщения от Оландера не были, конечно, записаны на современные изокристаллы с двусторонней связью. Он просто говорил, а остальные слушали.)

Жаль, что она не сохранила никаких голограмм Оландера. Позже я узнал, что Уолдорф Кэндлз (который двадцатью годами раньше сражался против Токсикона и поэтому на собственной шкуре испытал все прелести войны) был так поражен контрастом между жизнерадостными описаниями Оландером местной выпивки, театров, способов ухаживания и суровой реальностью боевых действий, что вновь взялся за перо. Так родились знаменитые стихи, которые принято относить к сред-

нему периоду его творчества. Первый сборник в честь посланий Оландера назывался «Вести с фронта».

«Его упоминания о длительной борьбе, — пишет Таннер, — всегда были туманными. „Не волнуйтесь за меня, — говорил он обычно. — У нас все в порядке“. Или: „Недавно мы потеряли несколько человек“.

Иногда он упоминает о кораблях — „Стражинском“, „Моримаре“, „Повисе“ и других: совершенных, смертоносных, безжалостных, — и нежность в его голосе и глазах заставляет нас всех содрогнуться. Иногда мне кажется, что ни для кого из нас не осталось никакой надежды».

Время шло, война продолжалась, и прежние надежды на то, что ашиуры, встретив серьезное сопротивление, отступят, угасали; сквозь суровую броню вояки, в которого превратился Оландер, начало просачиваться что-то человеческое: появились смутные портреты мужчин и женщин, которые сражались вместе с ним. Таннер цитирует его слова: «Когда нас не будет, кто займет наше место?»

В приступе ярости и горя она сама отвечает на этот вопрос: «Никто! Никто, потому что эта проклятая дурацкая война не нужна ни одной из сторон и ашиуры ведут ее только потому, что мы бросили им вызов!»

— Возможно, она права, — заметил Джейкоб. — В конце концов, мы пришли на Имарос после их ухода и восстание колонии не было оправданным. Невольно возникает вопрос, как развивалась бы история, если бы не вмешался Корморал.

Нигде не упоминается, отвечал ли Мэтту Оландеру кто-нибудь из адресатов на Каха Луане. По всей вероятности — да, но прямого подтверждения этому нет. Остается также загадкой, высказала ли когда-нибудь Лейша Таннер свои гневные мысли лично ему...

Кэндлз, чьи шедевры в то время еще не были написаны, начинает все чаще уединяться во Внутренних покоях. Под нажимом сторонников вмешательства Таннер изменяет свой курс по ашиурской философии и литературе. Студенты и сотрудники факультета устраивают молчаливое пикетирование у дверей ее аудитории в знак протеста против содержания программы. Ей угрожают смертью.

В то же время Совет попечителей, который получает финансирование от впадающего в отчаяние правительства, хочет продемонстрировать лояльность, поддерживая официальную политику нейтралитета и настаивая, чтобы программа изучения ашиуров не только продолжалась, но и расширялась.

Напряжение растет. Рэндинхал занят врагом, его защитники, получившие в подкрепление четыре деллакондских фрегата, потерпели поражение. Короткая отчаянная оборона завершилась полным разгромом. Правительство издает закон, запрещающий частным лицам участвовать в войне на стороне других государств. Известный сторонник вмешательства в конфликт убит во время выступления в Совете. Через три дня после получения известия о падении Рэндинхала состоялась несанкционированная передача записи радиопереговоров между защищавшими его кораблями. Таннер описывает их как «душе-раздирающие». Митинг с требованием вмешательства перерос в бунт, а вотум недоверия политике примирения был отклонен большинством всего в один голос!

Потом Сим с горсткой деллакондцев застал врасплох и разгромил большой вражеский флот возле Эшалета.

В разгар этих событий пришло известие о гибели Мэтта Оландера.

«У меня нет слов, — пишет Таннер. — „Погиб во время битвы при Рэндинхале, на борту фрегата Конфедерации «Стражинский»“ — так было сказано в официальном сообщении. Мы смотрели его на проекторе Кэндлза, который не очень хорошо работал. Говорящий казался бледно-зеленым. „Он доблестно сражался, защищая людей, которых не знал, в самых высоких традициях служения. Заверяем вас, что вы не одиноки, оплакивая его гибель. Его самопожертвование не будет забыто“.

Это послание было направлено на кафедру физики.

Итак, Мэтт к нам не вернется. Я вспоминаю наши последние беседы, во время которых он только качал головой, когда я доказывала ему бесполезность всего этого. „Ты не права, Лейша, — отвечал он, — для человечества это не обычная война. Это водораздел. Перекресток эволюции. Две технологические культуры, несомненно единственные существующие в нашем рукаве Галактики, а может, и во всем Млечном Пути. Если бы

я был религиозен, я бы сказал тебе, что все это нарочно подготовлено природой...”

Проклятье.

Большую часть дня шел дождь. Университетский городок даже в лучшие времена угрюм, а сегодня вечером деревья,obelisks, гигантские кусты афолии — лишь тени другого мира, место, где нет больше Мэтта и нет порядка. Несколько человек, которых я вижу, спешат по домам, закутавшись в тяжелые куртки.

Смерть на расстоянии».

Через несколько дней деллакондцы устроили засаду и рассеяли боевой флот ашиуров в Щели. Это была их вторая крупная победа за неделю, причем самая большая в смысле потерь противника: два основных корабля и полдесятка кораблей сопровождения, а небольшой флот Сима потерял всего один фрегат.

Потом случилась загадочная история.

Началась она невинно и болезненно. Личные голограммы из зоны боевых действий не пользовались приоритетной передачей по коммуникационным сетям, поэтому никто не удивился, когда от Оландера пришло еще одно послание. Лейша, Кэндлз и все остальные собрались во Внутренних покоях, и, хотя многие уже не разговаривали друг с другом, общее горе свело их вместе.

«У них была вечеринка молодых (кроме Мэтта) офицеров обоего пола в сине-голубой форме деллакондцев. На заднем плане кружились танцоры, все очень веселились. Мэтт пытался говорить с нами, перекрикивая шум и смех, говорил, что все они скоро будут дома. А потом была сказана фраза, на которую сначала никто не обратил внимания, но которая с тех пор не дает мне спать по ночам. „К этому времени, — сказал он, глядя на нас поверх бокала с игристым вином, — вы уже узнаете об Эшалете и Щели. Мы наконец-то повернули ход событий. Скажите Лейше, что эти сукины дети бегут!“

Только через несколько минут, когда голограмма закончилась, Кэндлз издал ворчание и взглянул на меня с озадаченным выражением на лице. „Щель, — сказал он. — Мэтт погиб при обороне Рэндинхала. Сражения за Щель еще не было!“»

Строго говоря, здесь все заканчивается. «Записные книжки» после этого описывают только сравнительно обыденные вещи: нервный срыв у садовника, работающего в университете, интервью с Кэндлзом, представляющее определенный интерес для литературоведов, некоторые сомнения в собственных силах, возникшие у Таннер из-за недостатка терпения по отношению к трудной студентке.

«Боже мой, — жалуется она, — мир распадается на части, а этот ребенок расстроен тем, что ей приходится уяснять, чем кажутся жизнь и смерть телепату. Но как иначе ей понять аши-урскую литературу?»

Несколько недель спустя она сообщает о своей отставке и делает последнюю запись в дневнике. Это одно-единственное слово: «Миллениум!»

Миллениум был первым союзником Сима. Планета, пославшая свои корабли на Чиппеву, Гранд-Салинас и Ригель. Арсенал Конфедерации во времена величия деллакондцев. Именно на Миллениум Сим вывез беженцев после знаменитой эвакуации Илианды.

Почитание Кристофера Сима на этой планете так велико, что «Корсариус» до сих пор числится у них в списках действующих боевых кораблей. Во всех переговорах флота участвуют его позывные.

Я запросил в той же библиотеке имена тех, кто имел доступ к «Записным книжкам». Информация появилась на дисплее Джейкоба еще до того, как я пошел спать. Шесть человек за последние пять лет. Я ожидал найти там имя Хью Скотта, но ошибся.

Зато там было имя Гейба.

VII

В некотором смысле во время рейда на Хринвар была одержана победа гораздо более значительная, чем просто выигранное сражение. Миф о неуязвимости противника был навсегда развеян, и ашиуры поняли, что не могут больше продолжать свое безжалостное наступление, не оглядываясь время от времени назад.

Обзор Мачесны. LXIV, № 7

Дворец Народа — это центр человеческого правительства. В нем собирается Совет, на нижних уровнях размещаются кабинеты исполнительной власти, а в западном крыле проходят заседания Суда. Он возвышается над всеми окружающими строениями, даже над Серебряной Башней Конфедерации в противоположном конце Белого Бассейна.

На примыкающем к помещению Суда квадратном километре, ранее занятом парком, раскинулось здание Архива Конфедерации, и добраться до него можно только пешком. Оно выстроено в романском стиле, рядом стоит на страже знаменитое бронзовое изваяние Тариена Сима, держащего в вытянутой руке свиток Договора (в действительности он не дожил до завершения работы над ним).

Снег растаял, погода стала не по сезону теплой, разнообразные флаги планет хлопали на ветру, и выше всех реяло бело-зеленое знамя человечества. День был слишком хорош, чтобы проводить его в четырех стенах, поэтому я снял обруч и присоединился к довольно большому числу людей, греющихся на солнышке.

По дорожкам бродили туристы, собираясь кучками вокруг монументов. Один из четырех гидов рассказывал об Архиве,

самом старом здании в Андикваре, построенном еще в конце Смутного времени. Его неоднократно перестраивали, в последний раз четыре года назад, летом 1410-го. Оно стало андикварской сокровищницей: там в укромных местах всегда находили ценные, давно потерянные документы.

Внутренняя главная галерея оказалась почти пустой. Небольшая группа школьников с учителем окружили витрину из стекла и мрамора, в которой находился Договор Конфедерации и еще несколько связанных с ним документов. Другие школьники рассматривали высеченную на стене Декларацию о намерениях, совместное решение Окраины и Земли вступить в войну против ашиуров. Я прошел мимо соратника в мундире, стоящего у Южной Арки, и спустился в библиотеку.

Там можно было получить воспроизведения основных сражений Сопrotивления. Волчки. Вендикари. Черный Адриан. Гранд-Салинас. Щель. Ригель. Типимару. И наконец, Трифлис, где впервые воссоединились представители человечества.

Сейчас, два века спустя, эти названия звучали заклинаниями. Ожившие легенды.

Я выбрал пять из них: Эсхатон, Санусар, Щель, Ригель и Волчки. Последний рейд был, конечно, классическим; некоторые историки утверждали, что именно он изменил ход войны.

По пути домой, лениво проплывая над столицей, я спрашивал себя, каково было людям жить в мире узаконенного убийства. Напряженность еще сохранялась, время от времени случались перестрелки, но все это было где-то там, далеко. Трудно себе представить существование в условиях активной ежедневной санкционированной бойни. Меня поразило, что последний конфликт, в котором участвовали исключительно люди, произошел в самый разгар Сопrotивления. Пока в Щели шли решающие бои, Токсикон, в мощном флоте которого так отчаянно нуждался Сим и который он с таким нетерпением ждал, воспользовался случаем и напал на союзника деллакондцев — Мури. Позже Сим назвал этот поступок самым мрачным моментом войны.

Сегодня, возможно впервые за всю человеческую историю, ни один из живущих людей не знает на собственном опыте, что такое воевать со своими братьями. И этот счастливый факт —

подлинное наследство, оставленное нам Тариеном и Кристофером Симами.

Хотя в то время никто этого не сознавал, нападение на Мури явилось самым счастливым событием войны, поскольку оно привело общественное мнение Токсикона в невероятную ярость и автократическое правительство рухнуло в течение года. Сторонники вступления в войну, с редким единодушием поддержанные населением и военными, захватили власть, прервали борьбу с побежденными противниками и немедленно заявили о своем намерении помочь деллакондцам. Трагично, что через несколько часов после объявления о вступлении в войну Токсикона пришло известие о гибели у Ригеля Кристофера Сима.

Я вернулся домой, не спеша пообедал и выпил немного больше вина, чем обычно. Джейкоб молчал. На дворе похолодало, дул резкий ветер, порывы которого сотрясали деревья и дом.

Я бродил из комнаты в комнату, листал книги Гейба, в основном тексты по истории и археологии, отчеты о раскопках на нескольких десятках планет, где поселения были основаны в таком далеком прошлом, что уже один этот факт объяснял крушение и гибель их культуры.

Было еще несколько биографий, несколько учебников по планетологии, разрозненные мифологические тексты, несколько общих справочников.

Гейб никогда не проявлял особого интереса к литературе ради нее самой. Он читал Гомера перед нашим отправлением в Гиссарлык, Кашимонду — перед Бэтти Кей и так далее. Поэтому, когда в дальнем углу дома я наткнулся на несколько томов Уолдорфа Кэндлза, я собрал их вместе с материалами из Архива, присоединил томик «Слухов Земли» из спальни Гейба и отнес все в кабинет наверху. Тогда я мало знал о литературном даре Кэндлза, но быстро уловил его особенности. Его занимали хрупкость и бренность: страсти, которые так легко развеять, молодость, которая так легко теряется в страданиях войны. Самыми счастливыми, по его мнению, являются те, кто героически погиб во имя своих принципов. А остальные — те, кто пережил своих друзей, — смотрят, как остывает любовь, и чувствуют, как зима все глубже проникает в их тела.

Книги были порядочно зачитаны. В конце концов, я вернулся к тому, с чего начал, и перечитал стихотворение «Лейша»:

Затерянный пилот
Вдали от Ригеля
Несется по орбите
Одна в ночи
И ищет Колесо
Из звезд...
В морях времен ушедших
Оно кружится,
Отмечая год.
Девять звезд на ободке
И две у ступицы.
Она,
Блуждая,
Не знает отдыха,
Покинув
Свою гавань
И меня.

С Ригелем связано только одно событие — гибель Сима. Но как расценить остальное? Из примечаний следовало, что поэт считал стихотворение законченным, и не было никаких намеков на то, что редактор видит в нем нечто загадочное. Конечно, великая поэзия почти всегда загадочна — этого, как мне кажется, от нее и ожидают.

В предисловии к «Темным звездам», первому тому собрания сочинений, было написано, что Уолдорф Кэндлз преподавал классическую литературу, не был женат, не получил должного признания при жизни. Не очень крупный талант — таково было мнение его современников.

Для нас же все выглядело совершенно по-другому.

Величие жертвы, принесенной мужчинами и женщинами, сражавшимися вместе с Кристофером Симом, прославляется во всех его произведениях. Большая часть стихов из «Темных звезд», «Вестей с фронта» и «На стенах», вероятно, написана во Внутренних покоях на Каха Луане, где он ожидал известий о старых друзьях, отправившихся на помощь деллакондцам. По утверждению Кэндлза, он тоже предлагал свои услуги, но ему отказали. Отсутствие соответствующих навыков. Вместо участия в сражении ему пришлось:

Стоять и считать имена тех,
Чей прах опоясал серые миры
Чиппевы и Корморала.

Кэндлз наблюдает из темного угла, как молодые добровольцы устраивают прощальную вечеринку. Один из них бросает взгляд на пожилого поэта, кивает ему, и тот склоняет голову в прощальном приветствии.

В ночь, когда они узнают о Чиппеве, преуспевающий врач, которого никогда раньше не встречали во Внутренних покоях, заходит туда и заказывает всем выпивку. Кэндлз узнает, что дочь этого человека погибла на одном из фрегатов.

В «Слухах Земли», главном произведении четвертого тома, он описывает реакцию на сообщения о том, что его родная планета готова вступить в войну.

«Кто же после этого, — спрашивает он, — осмелится стоять в стороне?»

Но этого не произошло, и, несмотря на Чиппеву, несмотря на сотню мелких побед, поредевший в боях флот неумолимо оттесняют к последней, фатальной ловушке у Ригеля.

Стихотворения датированы, но существует разрыв в датах. В течение года после гибели Сима Кэндлз, по-видимому, ничего не писал, а затем следует его ужасный приговор Земле, Краине и другим мирам, которые так долго медлили.

С их молчаливой яростью столкнутся наши дети,
Но Война уже не будет с ними.
Он бродит теперь по ту сторону звезд,
Там, на далеком Бельминкуре.

— В каталогах нет «Бельминкура», — сказал Джейкоб. — Это, очевидно, какая-то литературная ссылка, которая может означать «после боя» или «милое сердцу прекрасное место». Трудно сказать с уверенностью — человеческие языки не очень точны.

Я с ним согласился.

— Так называется несколько городов на различных планетах, — продолжал он, — и один крупный город на Земле. Однако маловероятно, чтобы поэт имел в виду один из них.

— Тогда что же?

— В этом и состоял предмет спора. В рамках контекста это, по-видимому, означает некую разновидность Валгаллы. Арманд Хэлли, выдающийся исследователь творчества Кэндлза, считает это классической ссылкой на лучшее прошлое, на тот мир, в котором Сим, по его словам, предпочел бы жить.

— В таком случае странно использовать название места или термин, которого никто не понимает.

— Поэты все время так поступают, Алекс. Это дает возможность читателю проявить свободу воображения.

— Конечно, — проворчал я.

На востоке уже светлело. Я чувствовал себя усталым, но всякий раз стоило закрыть глаза, как меня тут же одолевали вопросы. Имя Оландера казалось мне знакомым, хотя я не мог припомнить, где слышал его раньше (если вообще слышал).

И самой главной загадкой оставался вопрос: что видели Хью Скотт и остальные люди с «Тенандрома»?

Я рассеянно перебирал кристаллы, принесенные из библиотеки Совета, выбрал один и вставил в считывающее устройство Джейкоба.

— Волчки, сэр? — спросил он.

— Да, — ответил я. — Предполагают, что Скотт улетел к Хринвару. Давай посмотрим, каким его видел Сим.

— Уже поздно, Алекс.

— Знаю. Пожалуйста, включи запись.

— Если вы настаиваете. Чтобы прерваться, вам нужно всего лишь снять с головы обруч.

Я уселся в удобное кресло, вынул из ящика пульт управления и вставил вилку в розетку Джейкоба.

— Программа снабжена комментарием. Вы хотите, чтобы я участвовал?

— Думаю, в этом нет необходимости.

Я приладил обруч и включил аппарат.

— Начинаю, — произнес Джейкоб.

Женский равнодушный голос спросил, как меня зовут.

— Алекс.

«Алекс, закройте глаза. Когда вы их откроете, то будете уже на борту корабля „Полина Стейн“. Хотите получить подробное описание хода войны на данный момент?»

— Нет, спасибо.

«„Стейн“ будет выполнять функцию руководства всей операцией во время этого полета. Хотите участвовать в наземном рейде или предпочитаете передвигаться на флагмане?»

— На флагмане, — ответил я.

«Алекс, сейчас вы находитесь на борту „Стейн“. Данная программа построена так, что позволит вам просто наблюдать за боем, как он реконструирован по имеющимся свидетельствам. Или, если хотите, у нас есть другие варианты. Вы можете принять командование одним из фрегатов, даже взять на себя обязанности главнокомандующего, и руководить операцией, и таким образом, возможно, изменить ход истории. Какой вариант предпочитаете?»

— Буду наблюдать.

«Отличный выбор».

Я очутился в носовой кабине корабля, оборудованной несколькими боевыми дисплеями. В невидимых динамиках звучали голоса. Подо мной находился мостик, и я мог наблюдать за всеми передвижениями на нем. Крупный человек с седой бородой занимал центральное кресло. Его лицо было повернуто в другую сторону, и я видел лишь поблескивание золота на его мундире. Поза и голос выдавали в нем командира. Слышались тихие, лишенные эмоций голоса.

Я сидел на вертящемся стуле внутри пластикового пузыря. Темный пейзаж плыл под нами и вокруг нас, мрачно озаряемый вспышками молний. Не было ни звезд, ни неба, ни в привычном смысле слова освещения. Жуткое место. Я радовался прочности корабля, голосам, пультам управления, площадкам для кресел, они придавали мне уверенность.

«Мы находимся в верхних слоях атмосферы газового сверхгиганта Мазипол, — сказала комментатор. — Шестая планета системы Уиндайна. Цель перелета — одиннадцатая луна Мазипола, Хринвар, орбита которого находится на расстоянии трех четвертей миллиона километров от планеты. Хотя ашиуры не ожидают нападения, в этом районе имеются крупные соединения их флота».

Время от времени сквозь то, что я считал разрывами в облаках, проступали серебряные и зеленые полосы света, а также широкая светящаяся арка, которая, казалось, движется

вместе с нами. Затем все пропадало, и вокруг нас смыкался вечный мрак.

«Кольца планеты, — объяснила комментатор. — Мы выходим на орбиту. Скоро они станут видны полностью».

И действительно, через несколько секунд среди сюрреалистического облачного пейзажа запрыгали тени, появились острые углы протуберанцев и с десятков сверкающих лент.

Было похоже на радужный сказочный мост, переброшенный через звездные поля и соединяющий края горизонта. Алые, желтые и зеленые доски покоились на широких фиолетовых опорах. Синие и серебряные ленты переплелись, усиливая иллюзию незыблемости этой небесной арки.

У самого края горизонта на севере и юге разбросано несколько звезд. Два съжившихся солнца были едва различимы в этом сиянии.

«Кореофоли и Уиндайн, — сказала комментатор. — Названы Волчками за высокую скорость вращения. Между прочим, мы находимся на краю рукава, который обращен наружу от Галактики. Это точка самого глубокого проникновения Сима в пространство ашиуров.

Флот Кристофера Сима состоит из шести фрегатов. Сейчас у него возникла проблема: его корабли вышли из гиперпространства восемь часов назад и двигатели Армстронга находятся пока в нерабочем состоянии. О двигательных системах деллакондцев известно мало, но в лучшем случае Симу придется выждать большую часть дня, прежде чем он сможет снова вступить в бой. А у него нет времени ждать».

На моем центральном дисплее появился список кораблей противника: один тяжелый крейсер, два-три легких крейсера, семь эсминцев, от тринадцати до шестнадцати фрегатов и еще несколько судов сопровождения. Тяжелый крейсер находится в орбитальном доке, откуда не может наносить удары.

Я знал, что у Волчков мы одержали победу, причем над превосходящими силами противника. Но то было электронное знание, а теперь я следил за анализом огневой мощи врага, который должен был совершенно деморализовать деллакондцев.

— Что там происходило? Чего пытался добиться Сим?

«Эта система привлекала его внимание по многим причинам. На ней находилась крупная вражеская база, служившая

центром координации снабжения, связи, сбора разведанных и долговременного стратегического планирования. Эта база, как полагали, была плохо подготовлена к отражению нападения из-за ее удаленности от мест сражения, а также в силу психологии ашиуров. На данном этапе война еще только начиналась и противник не привык к тактике людей. Противоборствующие силы инопланетян, как правило, объявляли о своих намерениях заблаговременно, собирали войска по обе стороны от зоны боевых действий, обменивались приветствиями и в заранее обусловленный момент начинали схватку. Сим же сражался в классической человеческой манере. Он подкарауливал одиночные корабли, наносил удары по базам снабжения, атаковал без предупреждения и, что раздражало больше всего, отказывался вступать в формальный бой. По мнению ашиуров, он поступал неэтично».

Та сторона, у которой бо́льшая огневая мощь, всегда ожидает, что противник выстроится в линейку.

«База построена в центре кратера, и ее трудно обнаружить визуально. Это, по сути дела, подземный город значительных размеров. Считается, что на тот период численность ее персонала составляла порядка восьми тысяч».

Сим ожидает от успешного налета на планету очень благоприятных и далекоидущих последствий: он надеется получить доступ к подробной информации о военных кораблях противника, его тактических возможностях и стратегических планах. Более того, он надеется подорвать вражеский тыл, поставить под угрозу линии связи и криптосистемы и, может быть, даже захватить в плен несколько высокопоставленных особ. Но основная его цель — развеять миф о неуязвимости ашиуров, пробудив тем самым другие планеты, которые еще колеблются, присоединиться к нему».

На экране, на фоне мирного свечения колец, появились серые волки Сима — длинные, остроносые, красивые. (Как отзывалась о них Лейша Таннер? Оценивая свою реакцию на эти орудия войны, она с отчаянием говорила, что «вряд ли кто-либо из нас уцелеет».) Вдоль бортов торчали стволы лучевых орудий и торпедных аппаратов. Нос каждого корабля был украшен геральдической фигурой фурии с распростертыми в полете крыльями, прищуренными глазами и выпущенными когтями.

На ближнем корабле эмблема находилась в серебряном полумесяце, и я невольно почувствовал прилив гордости. Это был «Корсариус», корабль самого Сима, изображение корабля можно увидеть теперь во Дворце Народа, на великолепной картине Маркрасса. (Между прочим, репродукция этой картины висела у Хью Скотта.) Художник не смог полностью передать великолепие корабля. Не думаю, что это вообще возможно. Он был прекрасен: голубовато-серебристый снаряд, стройный корпус которого украшали орудийные башни и антенны дальней связи. На его параболическом носу сияло солнце. Казалось, ничто на свете не способно его остановить.

«Вы видите еще два фрегата, — произнес голос комментатора. — Это „Стражинский“ и „Раппопорт“. „Стражинский“ уже покрыл себя славой в боях, но через четыре дня ему суждено погибнуть со всем экипажем при обороне Рэндинхала. „Раппопорт“ останется единственным из известных деллакондских кораблей, переживших войну. Сейчас он является главным экспонатом в Хринварском космическом музее на Деллаконде».

Я сидел замороженный мощью и грацией кораблей. В холодном свете двух солнц они сияли, словно смертоносные снаряды. На мостике «Корсариуса» зажегся желтый свет; я даже мог различить внутри фигуркидвигающихся людей. А голоса в переговорных устройствах слегка изменились, стали напряженными.

Я смотрел, как «Стражинский» постепенно выдвинулся из боевого порядка. Несколько мгновений он висел неподвижно, явно собираясь отстать, потом его двигатели дали вспышку, и он исчез.

«Он собирается захватить релейную станцию связи, — сказала комментатор. — „Раппопорт“ последует за ним».

— Комментатор, — сказал я, — здесь, по-видимому, только четыре корабля. А где еще два? И где защита противника?

«Два фрегата вернулись в линейное пространство, чтобы иметь возможность подойти с другой стороны. Один из них, „Корбал“, был переделан, чтобы имитировать электронный „отпечаток“ „Корсариуса“. Защитники Хринвара поспешно соединились, чтобы отразить нападение».

— Все корабли?

«Осталось несколько подразделений. Но легкие крейсера отсутствуют!»

Я пытался припомнить подробности рейда на Хринвар и был удручен тем, как мало о нем знаю, — лишь то, что конфедераты тогда впервые взяли инициативу в свои руки.

«Корбал» и его напарник уже напали на передовой отряд «немых», обменявшись первыми выстрелами с вражеским фрегатом. Аналитики противника успели составить ложное представление о нападающих и приняли их за команду Сима. С кораблей ашиуров, наблюдающих за маневрами деллакондцев, заметили аномалию в работе двигателей корабля, который они считали «Корсарисуом». Они решили, что у Сима неисправен двигатель. Их великий противник, казалось, был беспомощен.

По отрывочным разговорам, доносящимся из корабельного интеркома, я мог получить представление о развитии событий.

— Они все еще преследуют «Корбал» в направлении Уиндайна. «Корбал» будет держаться на фоне солнца, чтобы помешать визуальному наблюдению.

— «Стражинский» сообщает, что «Альфа» уничтожена.

«„Альфа“» — это спутник связи, показанный на вашем дисплее, — объяснила комментатор. — Сим рассчитывает прервать всякое сообщение между базой и ее защитниками».

— Они не слишком умны, эти ашиуры, — заметил я.

«Они не привыкли к такому способу ведения войны. Это одна из причин их презрительного отношения к нам. Они не ожидали от противника бесчестных поступков. С их точки зрения, Сим должен был приблизиться в открытую, без подвохов, и сражаться, как подобает мужчине».

— Они ничего не смыслят в войне, — проворчал я.

Новый голос, явно привыкший отдавать приказы, произнес:

— Переходим в режим атаки. Готовьтесь выполнить план «Песнь ветра».

«Они бы ответили, что грубость вооруженного столкновения требует соблюдения правил этики. Кто плутует в вопросах жизни и смерти, считается варваром».

— Говорит «Корсарису». Предварительное наблюдение выявило присутствие в зоне крейсера. Его сопровождают два... нет, три фрегата. Крейсер класса «игрек», на стационарной орбите над базой. Два фрегата отвечают на действия «Стражинского».

— «Раппопорт» подходит к «Бете».

— Выполняйте «Песнь ветра».

Ускорение мягко вдавило меня в сиденье, облачный пейзаж быстро исчез из поля зрения. «Корсариус» пошел вверх, направился по дуге к кольцам, затем превратился в треугольник из огоньков, движущихся на фоне неба.

— Говорит «Раппопорт». «Бету» прикончили. Связь должна прерваться.

— Находимся за кривизной горизонта в поле зрения сканирующих устройств противника. Полагаю, «Корсариус» и «Стейн» они тоже засекали.

— Один их фрегатов находится на векторе перехвата. Со стороны крейсера пока никакой реакции.

На экранах мелькали данные для наведения на цель, появилось схематическое изображение фрегата, повернулось вокруг оси. Было слышно, как по всему кораблю задраивали люки. Внизу подо мной, казалось, всякое движение замерло. Я протянул руку и увеличил приток прохладного воздуха в кабину.

— Крейсер начинает действовать.

— Им займется «Корсариус». «Стейн» возьмет на себя фрегат.

Огни корабля Сима погасли. Мы продолжали двигаться вперед. Вражеский корабль показался на ближней дистанции — черная сфера, скользящая к нам среди звезд.

На ее поверхности вспыхнул белый свет, и в то же мгновение мы так резко свернули влево, что затрещали кости.

Хотя я заранее пристегнул ремни, меня все равно довольно сильно кидало, я даже умудрился поранить подбородок. Накатил короткий приступ тошноты, мне захотелось проверить, на месте ли головной обруч, но я не посмел оторвать рук от поручней, пока мы не вышли из разворота.

— Пуск! — раздалось из интеркома.

По телу корабля пробежала дрожь, и к приближающейся сфере метнулась молния.

— На курсе.

— Следующий на подходе.

Мы резко дернулись в противоположном направлении и спикировали. Мой желудок остался где-то позади, и я начал подумывать о прекращении сеанса. Неожиданно в поле моего

зрения появилась поверхность Хринвара, встала вертикально и пропала.

— Крейсеру крышка!

«Эти голоса с „Корсариуса“, — сказала комментатор.

— Полную развертку!

Приказ звучал ободряюще, но в этот момент и в нас самих попало. «Стейн» тряхнуло так, что я начал удивляться, как это корабль еще не развалился на куски, черт побери. На мостике капитан разговаривал с офицерами почти небрежно, словно не происходило ничего особенного.

Мимо нас промелькнул шар огня, беззвучно распускающийся, как цветок. Затем кто-то сказал:

— Мы достали этих подонков. Они мажут.

— Докладывает контроль повреждений.

На нижней палубе взрыв веселья.

— «Немые» потеряли ход.

— Передний экран защиты поврежден, капитан. Мы его ремонтируем. Восстановим через несколько минут.

— «Стражинский» завязал бой с двумя фрегатами.

— «Раппопорт», идите на помощь «Стражинскому».

— Подходы чистые.

— Десанту подготовиться к высадке.

— «Раппопорт» на подходе. Примерное время подхода к позиции «Стражинского» — одиннадцать минут.

— Крейсер развалился на куски!

Новый взрыв веселья.

— Капитан, у них больше нет кораблей для прикрытия тяжелого крейсера.

Сквозь плексиглас я видел только черное небо и изъеденные оспинами скалы. Но на экранах появилось изображение огромного сооружения в форме штанги; его огни постепенно гасли в тщетной попытке предотвратить обнаружение. Оно плыло в пространстве на привязи из тросов внутри паукообразной конструкции орбитального дока.

— Действуем сообща, капитан. Никаких признаков тактической поддержки.

— Принято. «Стейн» — главнокомандующему. У нас тут тяжелый крейсер. Прошу разрешения на атаку.

— Не разрешаю. Не вступайте в бой. Готовьте к высадке штурмовиков.

По кораблю перемещались люди и снаряжение.

«Сим лично поведет десантников», — произнесла комментатор.

Я прослушал еще несколько разговоров по связи, и десантники отбыли. Теперь оба фрегата, действуя согласованно, снижались для атаки. Среди тусклого лунного пейзажа я разглядел кучку куполов, которые уже видел во время посещения Хрин-вара.

Луч бледного света прорезал черное небо, — по-видимому, он вырвался из какой-то точки к северу от базы.

— Лазер, — сказал интерком.

На моем дисплее появилось изображение источника луча — пара дисковых антенн. Мы выстрелили в том направлении из плазменного орудия, весь район взорвался сверкающим фонтаном огня, и луч исчез.

После высадки штурмовых групп мы поднялись обратно на орбиту, где к нам присоединились «Раппопорт» и «Стражинский». Обстановка была нервная: сейчас мы были крайне уязвимы; и даже я, зная, чем все закончится, с беспокойством ждал, не появится ли вражеский флот, и прислушивался к докладам десантников.

Соппротивление на земле быстро угасло. За десять минут десантники Сима прорвались сквозь внешнюю защиту и вошли в помещения базы.

— Комментатор, — спросил я, — каковы преимущества ашиуров в ближнем бою?

«Вы имеете в виду их телепатические способности?»

— Да.

«Возможно, никаких. Эксперты считают, что они не могут достаточно быстро отсортировать нужную информацию, чтобы это принесло реальную пользу в боевой обстановке. К счастью, их способности по природе пассивны. Если бы они умели передавать, проецировать мысли или чувства в мозг своих противников, все могло бы быть совершенно иначе».

Сражение быстро превратилось в прогулку. Сим и его воины без особого труда передвигались по вражескому комплексу

почти свободно и собирали информацию о линиях связи и тактические данные, разрушая все остальное: дублирующие системы, припасы, оружие, системы разведки, управляющее и командное оборудование.

— «Корсариус» — десанту. Заканчивайте побыстрее и готовьтесь к возвращению.

— Почему? — Голос командира я уже слышал раньше, и у меня не было сомнений, кому он принадлежит. — Возникли проблемы?

— У нас гости. По визуальным наблюдениям к нам приближаются «немые». Идут довольно быстро.

— Когда будут?

— Подойдут на расстояние выстрела примерно через тридцать семь минут.

Пауза. Потом опять голос с базы:

— Я думал, у нас будет больше времени, Андре. Хорошо, мы немедленно отправим команду со «Стейн», остальные последуют за ними через десять минут.

— Это на пределе.

— Раньше не успеть. Отпусти «Стражинского» и «Раппопорта». Прикажи им отойти. Мы все нашли, Андре. Перекрестный индекс для всего флота, расшифровку криптосистем — все, что хочешь.

— Нам это не пригодится, если мы отсюда не выберемся.

Я спросил комментатора, сколько времени потребуется десанту с «Корсариуса», чтобы вернуться на корабль. Точность ответа зависела от нескольких переменных, но в общем речь шла о двадцати трех минутах. То есть мы могли бы начать движение до того, как ашиуры откроют огонь, но нам бы пришлось разгоняться с орбитальной скорости, и они очень быстро догонят нас. Задолго до того, как мы сможем совершить прыжок в гиперпространство. Если я все понял правильно, нас накроют.

На моем экране дальнего обзора появились световые вспышки. Эсминцы и фрегаты. Мы еще не засекли крупных кораблей, — по-видимому, они не смогли резко развернуться на сто восемьдесят градусов. Их неповоротливость могла нам помочь.

«Корсариус» не передал этой дополнительной информации наземному десанту.

Десантный катер со «Стейн» сообщил, что они стартовали. Через несколько секунд мы начали набирать скорость, двигаясь к точке встречи.

В западной стороне неба как дурное предзнаменование висел огромный пурпурный шар Мазипола. Я пытался разглядеть десантный корабль, смотрел на гигантскую планету и наблюдал за световыми вспышками на экране, которые росли и постепенно превращались в понятные мне очертания: там — флотилия эсминцев, здесь — эскадра фрегатов.

Снова раздался голос с «Корсариуса»:

— Крис?

— Мы идем так быстро, как только можем.

— Вы опаздываете.

— Понятно.

Я слышал дыхание людей в интеркоме. Кто-то вводил поправки к курсу. Затем другой голос сказал:

— Готовьте фантом. Маскируйте все системы.

— Вражеские корабли войдут в зону огня через четырнадцать минут. Они начали торможение.

— Пускайте фантом.

Корабль задрожал, что-то темное прыгнуло вперед и тотчас исчезло.

«Это ложная цель, — объяснила комментатор. — Теперь мы идем тихо, поглощая сканирующие лучи. Фантом имитирует картину излучений „Стейн“. Замысел заключается в том, чтобы сбить со следа приближающиеся корабли противника».

— Это сработает?

«На несколько минут. Между прочим, „Корсариус“ тоже выпустил фантом».

Я сидел, обливаясь потом. Неужели, черт возьми, они могли опередить ашиуров? Даже с этими хитроумными приспособлениями?! Не знаю, как насчет древних кораблей, но современный, когда он трогается с места, можно догнать в течение часа.

— Крис?

— Мы уходим. «Немые» попытались обстрелять нас из протонной пушки, и нам пришлось ее уничтожить. Начинайте движение. Встретимся по дороге.

По голосу нельзя было сказать, что Сим чувствует себя загнанным в ловушку, но экраны буквально дрожали от вспышек. Скоро корабль окружат со всех сторон.

— Десантный катер со «Стейн» рядом.

— Фрегаты следуют впереди стаи. Они будут здесь первыми. Через одиннадцать минут выйдут на дистанцию открытого огня.

— Надеюсь, они погонятся за фантомами, а не за нами. Скорость торможения?

— Замедляется. Отставание на три процента.

— Операторы сообщают, что крупные корабли только сейчас выходят из потока. Они не смогли изменить курс на противоположный и не примут участия в бою.

Значит, они все еще движутся в противоположном направлении. Впрочем, это почти не имело значения. Облако вспышек на моих экранах было очень близко.

— Фрегаты гонятся за фантомами.

«Вражеским сенсорам трудно проследить за такими маленькими кораблями, как эти, Алекс, особенно на фоне луны».

— Десантники на борту.

— Пострадавшие?

— Трое. Плюс Коули. Он не вернулся, сэр.

— Отнесите их в госпитальный отсек. Положение «Корсариуса»?

— Через три минуты встречается со своим десантным катером.

— Рассчитайте курс и скорость, чтобы после возвращения на борт десанта идти параллельно «Корсариусу». Готовьтесь к отлету.

Теперь приближавшийся флот противника оказался за горизонтом. Я предположил, что Сим собирается оставить массу Хринвара между нами и преследователями, хотя, по-моему, на это не было никакой надежды.

— Эсминцы все еще охотятся за фантомами.

— Тупые придурки.

Мы отключили все несущественные системы и уменьшили мощность остальных, чтобы предотвратить утечку излучения. Мы находились позади луны, невидимые, в безопасности. Пока. И все же ощущение было не из приятных.

— Команда «Корсариуса» на борту.
— Отлично. Введите курс на выход. С исполнением подождите.

Мы ждали. Господи, ждали! Но в переговорах по интеркому и в голосах экипажа на мостике не было слышно и намека на панику. Мы продолжали двигаться по орбите. Я наблюдал за горизонтом впереди, ожидая увидеть огни кораблей ашиуров. Вынырнув из своего укрытия, мы окажемся прекрасной мишенью для их орудий.

— Что, черт возьми, мы делаем?

Мой вопрос не был адресован никому конкретно.

«Они поворачивают от фантомов. Они их вычислили».

— Сканеры взяли цель. Нас обнаружили.

— Теперь не важно, — раздался по интеркому голос Сима. — Выметаемся отсюда. Выполняйте маневр ухода. Выполняйте.

Подвешенное на ремнях кресло развернуло против направления ускорения, и через секунду меня едва не расплющило. Луна исчезла, гигантская планета покатилась по верхней полусфере. Будь я проклят, если понимал, что происходит. Если мы поднимались со своей орбиты, значит мы мчимся к двум солнцам. Прямо к приближающемуся флоту врага.

Потом я представил себе сцены на кораблях ашиуров: эти уроды лихорадочно жмут на тормоза, а мы несемся прямо на них. Несколько поспешных выстрелов прошли мимо цели, мы оказались среди них, и стрелять стало слишком рискованно. На выходе мы подбили один эсминец.

Из интеркома послышался общий вздох облегчения, а вслед за ним — голос Сима:

— Хорошо сработано, друзья. Думаю, сегодня мы дали им пишу для размышлений.

VIII

Доброе имя человека несправедливо втоптанно в грязь. Если мы хотя бы в какой-то степени исправим эту несправедливость, то сделаем хорошее дело. А если в процессе его совершения нам удастся провести часок за тихой дружеской беседой, украшенной рюмкой-другой с соответствующим тостом, — тем лучше!

Адриан Коил.

Выступление на открытии Общества Людика Талино

Мачесны раскололся. Хоть я и был уверен, что речь идет о Рэшиме Мачесны, умершем двести лет назад (как и остальные главные действующие лица этой любопытной истории), но все же дал Джейкобу задание связаться со всеми, кто носил эту фамилию.

Их оказалось немного.

Однако никто из них не слышал о Габриэле Бенедикте, никто не был связан с Соппротивлением, не писал о нем, не был любителем военной истории древности, не собирал исторические реликвии. Получить информацию оказалось не так-то просто, поскольку обладатели знаменитого имени, едва мы принимались расспрашивать их о Соппротивлении, сразу начинали подозревать нас в розыгрыше.

Затем я решил разузнать все, что можно, о самом великом человеке. Но если в случае с Лейшей Таннер проблемой стало отсутствие информации, то с Мачесны, наоборот, можно было утонуть в огромном количестве изокристаллов, книг, статей, научных исследований и прочего. Не говоря уже о работах самого Мачесны. Джейкоб насчитал около ста десяти томов, написанных исключительно о нем, исследующих его дипломати-

ческие и научные достижения, и еще большее количество книг содержало ссылки на него.

Рэшим Мачесны был физиком — возможно, самым выдающимся ученым своего времени. Когда разразилась война, многие из его коллег призывали к сдержанности, в то время как он предостерегал о грозящей всем опасности и заявлял о своем намерении поддерживать деллакондцев, насколько хватит сил. Родная планета попыталась остановить его, поставив себя в неловкое положение, из которого она до сих пор не выбралась окончательно, но Мачесны с некоторыми своими единомышленниками сбежал и присоединился к Симу.

Его вклад в дело Конфедерации заключался главным образом в дипломатической деятельности. Колоссальный престиж Мачесны помогал убедить нейтральные миры присоединиться к неравной борьбе. Он развернул агитацию на полусотне планет, писал блестящие трактаты, выступал перед всепланетными аудиториями, пережил несколько покушений, во время одной незабываемой экспедиции был даже взят в плен ашиурами и через несколько часов освобожден.

Большинство историков считали заслугой Мачесны то, что Земля в конце концов вступила в войну.

— Джейкоб, мне никогда не удастся просмотреть такое количество материалов. Придется тебе. Найди связь. Я попробую подойти с другого конца.

— Что именно искать, Алекс?

— Трудно сказать, ты поймешь, когда наткнешься на нужное.

— Не очень понятные указания.

Я с ним согласился, попросил его сделать все возможное, и связался с институтом, созданным в память о Мачесны.

Институт Рэшима Мачесны представляет собой настоящий храм, выстроенный в классическом греческом стиле. Сооруженный из белого мрамора, украшенный грандиозными колоннами и статуями, он торжественно возвышается на берегу Мелони. Высеченное из камня изображение великого человека находится в ротонде. На круглой крыше — его заявление парламенту Токсикона: «Друзья, нашему благополучию угрожает опасность».

В институте размещалась станция приема астрономической информации, которая служила базой данных для телеметрии, переданной из тысяч обсерваторий, с кораблей разведки, автоматическими станциями из глубокого космоса и бог знает откуда еще. Но главным образом институт представлял собой музей науки и техники — место, куда люди приходили семьями посмотреть, какова жизнь в цилиндрических мирах, как взаимодействуют компьютеры и пульсар Геркулес X-1, создавая систему Всеобщего стандартного времени. Еще там была имитация путешествия в черную дыру.

Библиотека и книжный магазин служили хорошими источниками информации о Мачесны. Я хотел просмотреть библиотечные формуляры, чтобы выяснить, пользовался ли библиотекой Гейб, но так ничего и не узнал.

— Давайте проверим материалы вне сети, — сказал служащий. — У нас лучше регистрируются те материалы, которые пришлось получать на руки. Если он вернул что-нибудь с опозданием, мы это узнаем. Если же нет... — Он пожал плечами.

— Не беспокойтесь.

Я обратился туда, надеясь отыскать какого-нибудь эксперта, отвести его в сторону и получить свежий взгляд на проблему. Но в конце концов я не смог придумать, как сформулировать вопрос. Поэтому мне оставалось лишь подобрать что-нибудь из побочных материалов, скопировать их на чистый кристалл и добавить в досье Джейкоба. Тот сообщил, что из первой связки книг не узнал ничего полезного.

— Я продвигаюсь медленно, чтобы лучше воспринимать прочитанное. Но вам следовало бы определить параметры поиска.

— Ищи намеки на потерянный артефакт, — ответил я. — А еще лучше — на головоломку, решение которой мог бы подсказать нам доктор Мачесны. Или нечто потерянное, что мы могли бы считать артефактом.

В некотором роде я стал экспертом по Рэшиму Мачесны. На войне он рисковал всем. Научное сообщество накидало ему черных шаров, родная планета возбудила против него судебный процесс и заочно приговорила к двум годам тюремного заключения. Движение борцов за мир проклиняло его, один оратор даже заявил, что его имя будет стоять рядом с именем

Искарриота. Ашиуры доказали его продажность, воспользовавшись его знаниями, чтобы создать усовершенствованное оружие. Против этого обвинения он никогда не возражал.

Мачесны обвиняли в том, что он маньяк, бабник и человек, любящий выпить. Мне он очень нравился.

Хотя я так ничего и не добился. Не было никаких указаний на то, что пропало нечто ценное, и никакой связи с Дамой-под-Вуалью. Это скопление находилось вдали от мест сражений. Никакие бои там не шли, никакие цели не прятались в ее закрученных витках. Стратегический интерес к Даме-под-Вуалью появился совсем недавно, и связан он был с экспансией Конфедерации. Но во времена Сима не существовало никакой причины пролетать сквозь скопление, потому что к сердцу Конфедерации вели более легкие маршруты. Сегодня дело обстояло иначе.

Чейз предложила свою помощь. Я ее принял, передав ей целый мешок материалов для чтения и просмотра. Это тоже не принесло существенных результатов.

Когда Общество Людика Талино собралось на очередное ежемесячное заседание в «Колландиуме», там присутствовал и я.

Яна Кайбер оказалась права: они сходились скорее на вечеринку, чем на академическое заседание. Беседа в вестибюле изобиловала шуточками, раздавались взрывы смеха, все явно настроились поразвлечься.

Я чувствовал себя почти как в театре. Хорошо одетые люди махали друг другу руками, легко вступали в разговоры. Они совсем не походили на общество, которое можно ожидать, скажем, на собрании местного исторического кружка или друзей университетского музея.

Я обменялся парой банальностей с несколькими дамами и взял бокал с выпивкой. Мы находились в анфиладе залов для заседаний, самый большой из которых мог вместить около трех сотен человек.

У этого общества водились деньги: пушистые ковры, обшитые панелями стены, хрустальные канделябры и электрические свечи, резные книжные полки, картины Мануа и Ромфрета. На знамени в главном зале был изображен Талино, а на подиуме стояла фурия — эмблема Кристофера Сима.

Имелась также выставка работ членов общества: исторические исследования, анализ боев, обсуждение спорных подробностей этой сложной войны. Бóльшая их часть была издана на личные средства, но на некоторых обложках стояли названия крупных издательств.

Над трибуной для выступлений опять-таки висела картина Маркрасса «Корсариус».

Повестку дня я прочел на стенде. Членам общества предстояло дать оценку отдельным историческим документам, исследовать взаимоотношения двух людей, о которых я никогда не слышал, двух таинственных женщин, которые могли знать Талино и, по мнению многих присутствующих, когда-то поссорились из-за его благосклонности, а также рассмотреть некоторые неясные аспекты боевой тактики ашиуров.

В назначенный час стук молотка призвал нас к порядку. Президентом общества оказалась крупная агрессивная женщина, с глазами, напоминающими линзы лазерных орудий. Она приветствовала нас, представила некоторых гостей, немного поболтала о старых делах, одобрила отчет казначея (получена довольно хорошая прибыль) и пригласила на трибуну краснолицего человека, который предложил заслушать представителя ашиуров из Маракайбской группы.

Я шепотом спросил у Джейкоба по своему коммуникатору, что это за группа.

— Отставные армейские офицеры, — ответил он. — Как наши, так и ашиурские. Они ставят своей целью сохранение мира. Одна из немногих организаций в Конфедерации, членами которой являются инопланетяне. Что случилось? Что там за базар?

Аудитория выражала свое недовольство предложением краснолицего. Тот что-то кричал, стараясь перекрыть шум, но его заглушили. Интересно, существует ли еще какое-либо место в Конфедерации, где так яростно настроены против ашиуров, как в этом святилище Общества Людика Талино?

После вмешательства президента краснолицый с отвращением сошел с трибуны. Раздались радостные крики, быстро сменившиеся смехом и звоном стаканов. Это была игра. Или ритуал.

Президент взглядом успокоила аудиторию и пригласила первого выступающего — высокого, начинающего лысеть мужчину по фамилии Уайлер, пытавшегося выглядеть равнодушным к традиционному потоку комплиментов. Когда президент закончила представлять его, он встал со своего места, поднялся на кафедру и прочистил горло.

— Леди и джентльмены, я счастлив провести с вами сегодняшний вечер.

Он слегка выпятил подбородок, приняв позу, которую, должно быть, считал полной достоинства. В действительности же он был невзрачной личностью, состоящей из локтей и странных углов, с кустистыми бровями и нервным тиком.

— Прошло очень много лет с тех пор, как я был в этих залах. Многое изменилось. Во-первых, спрашиваю я себя, не стали ли мы ближе к войне? Мы, несомненно, приблизились к дестабилизации. Всюду, где я побывал, идут разговоры о независимости.

Он покачал головой и вытянутой рукой — словно отметал подобную чушь:

— Ну, это все не важно. Сегодня мы здесь вместе, и мне кажется, что бы ни происходило *там*, Общество Талино останется оплотом цивилизации! — Его глаза блеснули, он ткнул пальцем в канделябр. — Помню, я сидел вон там...

Я взглянул в указанном направлении, потом перевел глаза на оратора и неожиданно осознал, что видел в зале знакомое лицо.

Я вернулся взглядом к женщине, привлечшей мое внимание. Но нет, я ее не знал, хотя и было что-то узнаваемое в грациозном изгибе шеи, очертаниях скул или, возможно, в отрешенном выражении лица, а может, в неуловимой грации, с которой она подносила к губам стакан.

Я знал это лицо, оно было слишком привлекательно, чтобы забыть его.

— ...был совсем молодым, когда впервые прибыл на Украину. Уже тогда меня завораживали тайны, окружающие жизнь и смерть Людика Талино. Вот человек, который сражался на стороне Деллаконды против Токсикона, а до этого — против Корморала, а еще раньше — против тусканцев. Имеет почти все награды за отвагу, существующие на его планете. Несколько

раз чуть не погиб, а однажды бросился из люка подбитого корабля на помощь раненому товарищу, хотя сомневался, что помощь подоспеет к ним вовремя. Представляете себе, что это такое — парить там, когда между вами и пустотой нет ничего, кроме тонкой ткани скафандра? Нет троса, связывающего с кораблем, есть только слабый сигнал в наушниках шлема. Поверьте, это поступок не для трусов.

В противоположном конце зала женщина явно знала о моем присутствии: слушая выступавшего, она временами бросала взгляд куда-то в сторону, но ни разу не посмотрела на меня. Кто же, черт побери, эта женщина?

— И как, спросил я себя, такой человек мог покинуть свой пост в критический момент? Единственный ответ — не мог. Должно существовать иное объяснение. Поэтому, будучи выпускником университета, я воспользовался возможностью приехать сюда, чтобы искать объяснение там, где Талино провел большую часть жизни, самому изучить документы, пройтись там, где ходил он, почувствовать то, что, наверное, чувствовал он в эти последние годы. И конечно, сразу же по прибытии в Андиквар я посетил Хэтчмор-Хаус, место его кончины.

Оратор пошарил под трибуной, нашел стакан и наполнил его водой со льдом.

— Помню, как я стоял возле спальни на третьем этаже, там, где поставлен барьер, и почти ощущал его присутствие. С тех пор у меня было много времени, чтобы проникнуть в истинную суть вещей. А истина в том, что человек, умерший на Украине сто пятьдесят лет назад и заявлявший о своей невинности, не был Людиком Талино.

Публика зашевелилась. Женщина, пораженная этим заявлением, посмотрела прямо на меня. Я же, раздраженный ложным утверждением, вдруг вспомнил, кто она! Когда я видел ее в последний раз, она была еще девочкой. Ее зовут Квинда, она приходила со своим дедом в гости к Гейбу.

Уайлер ораторствовал дальше:

— На самом деле это был Джеффри Колм, актер. В свое время Колм играл роль стража в пьесе «Омикар», посланника в «Цезаре и Клеопатре» и гонца в «Троице». Подобная карьера не могла считаться удачной и, конечно, не приносила прибыли.

Колм перепробовал множество занятий, в основном выполнял работу для лиц без специальности, финансируемую государством. Поэтому нетрудно предположить, что он искал более серьезное дело, какую-нибудь роль, которая принесла бы ему значительную выгоду. Он нашел роль Людика Талино.

Вспомните, — продолжал он, — после Ригеля повсюду царило смятение. Сим погиб, деллакондцы разбиты, война проиграна. Никто точно не знал, что произошло и что произойдет дальше. Планеты Конфедерации и нейтральные миры, которые находились под их защитой, барахтались, стремясь выжить в дипломатическом и военном смысле, и никто не обращал особого внимания на подробности сражения, происшедшего у Ригеля. Царил хаос. Думали, что Тариен погиб вместе с братом, и некоторые деллакондцы пытались заключить мир с ашиурами. Трудно найти более подходящий момент для появления нового героя!

Уайлер выступал без бумажки, говорил со спокойной уверенностью, размахивая правой рукой перед слушателями, чтобы подчеркнуть каждый свой довод.

— Тогда никто еще не знал, что Сима предали.

Свет померк, вверху за спиной оратора появилось два голографических изображения: смуглые красивые лица, которые природа одарила благородными чертами, одно — бородатое, другое — чисто выбритое. Несмотря на пятнадцатилетнюю разницу в возрасте, они были поразительно похожими.

— Талино — справа. Другой человек — Колм. Это рекламный снимок его роли в пьесе «Глубины».

Изображения исчезли, вместо них возникло третье: человек тоже носил бороду, но в черных волосах появились седые пряди, а в глазах — тревога.

— А это, — объяснил Уайлер, — голография Талино, сделанная после Ригеля. Кто же на них кто? — Он забарабанил пальцами по кафедре, и я на мгновение забыл о Квинде. — Вероятно, Колм понимал насущную необходимость того времени, и возможность сыграть подлинного героя в реальной жизни, должно быть, понравилась ему. Он объявляет себя Талино, единственным уцелевшим, который каким-то образом спасся с «Корсарисуса».

Уайлер хихикнул:

— Наверное, он ужасно удивился, когда всплыла история с предательством. Члены экипажа Сима удрали. И не самое ли естественное для публики предположить, что человек, заявивший о своем чудесном спасении, является лжецом? Особенно если его изложение событий так отличается от официальной версии. Поэтому Колм, надеявшийся пожать плоды героизма другого человека, предстал в роли негодяя. Так почему же он не отказался от этой роли? Почему не вернулся к прежней жизни? Мы никогда этого не узнаем. Талино мог легко исчезнуть, и никто бы ничего не заподозрил. Но он остался, продолжая играть свою роль, произносил речи на обедах. Возможно, ему было выгоднее играть роль опозоренного героя, чем влачить жизнь актера-неудачника. Но мне хотелось бы выдвинуть гораздо более необычное предположение: Колм играл Талино так хорошо, настолько отождествлял себя с ним, что и в самом деле стал Талино. Он чувствовал себя обязанным защищать присвоенное имя.

Уайлер кратко суммировал немногочисленные доказательства: противоречия в утверждениях, приписываемых Талино—Колму, исчезновение актера примерно в то же время, когда произошло сражение у Ригеля, два заявления лиц, знавших Колма и утверждавших, что он действительно замаскировался под Талино. И так далее.

— Каждый факт в отдельности, — заметил оратор, — стоит немного. Но вместе они приводят к однозначному выводу.

Он огляделся, ожидая вопросов.

— Что случилось с настоящим Талино? — спросила молодая женщина в переднем ряду.

Квинда небрежно повернулась и посмотрела в мою сторону. Казалось, она глубоко задумалась.

— Держу пари, — сказал Уайлер, — что из всех членов экипажа только он остался верным Симу. По моему мнению, он погиб вместе со своим капитаном.

— Не верю ни единому слову, — произнес я в сторону группы стоявших передо мной людей.

Один из них, высокий седой человек, с отточенной дикцией и осанкой декана философского факультета, обернулся и неодобрительно уставился на меня.

— Уайлер — солидный исследователь! — торжественно заявил он. — Если вы можете доказать его ошибку, мы будем рады вас выслушать.

Засмеявшись, он ткнул локтем одного из собеседников и одним глотком эффектно прикончил свой бокал.

— Жаль, — сказала женщина позади нас. — Человек остается и отдает свою жизнь, когда остальные удирают, а что он получил в итоге?

Ее глаза затуманились, и она покачала головой.

Квинда, стоя ко мне спиной, разговаривала с каким-то юношей. Это она, теперь я уже не сомневался. Ее дед Артис Лландмен был коллегой Гейба, но мне не удалось вспомнить фамилию девушки. Я двинулся в ее направлении, с трудом прокладывая себе дорогу. Обрывки разговоров показывали, что не на всех рассказ Уайлера произвел такое же впечатление, как на меня: «...избавили его от собственного имущества, чертовски стыдно, ну, я тебе скажу, мы этого не потерпим...», «...чертовски хочется, чтобы они составили свой акт до того, как цена на недвижимость упадет в тартарары...»

— Квинда, — позвал я, подходя, — это ты?

Она резко обернулась с выражением смутной настороженности, которое появляется у людей, когда они встречают знакомое лицо, но не могут вспомнить имя.

— Да, — неуверенно ответила она. — Я так и думала, что знаю вас.

— Алекс Бенедикт.

Она вежливо улыбнулась, но, похоже, не узнала.

— Мы с тобой когда-то ходили смотреть на Мелони. Помнишь? Мой дядя жил в Нортгейте, и вы с дедом иногда приходила к нам в гости.

Квинда слегка нахмурилась, а потом глаза ее вспыхнули.

— Алекс! — выдохнула она. — Это и вправду ты?

— Ты здорово выросла с тех пор, когда я видел тебя в последний раз. Тогда ты была маленьким эльфом.

— Она и сейчас такая же, — вмешался ее спутник. Через несколько секунд он извинился и отошел, а мы перебрались в одну из комнат и ударились в воспоминания о прежних днях.

— Арин, — ответила она на мой вопрос о ее фамилии. — Такая же, как и раньше.

У нее были спокойные зеленые глаза, коротко остриженные волосы, обрамляющие выразительное лицо, и милая уютная улыбка, появляющаяся легко и естественно.

— Мне всегда нравились эти визиты, — сказала она. — В основном из-за тебя.

— Приятно слышать.

— Я бы тебя не узнала.

— У меня была нелегкая жизнь.

— Нет-нет, я не то имела в виду. У тебя не было бороды. — Квинда сжала мою руку. — Я в тебя тогда влюбилась, — призналась она, слегка подчеркнув глагол, — а потом мы однажды пришли, а тебя уже не было.

— Я уехал сколачивать состояние.

— И удалось?

— Да. В каком-то смысле.

Это было правдой: мне нравилась моя работа и я прилично зарабатывал.

Квинда ожидала продолжения. Но я промолчал.

— Что ты о нем думаешь? — спросила она, указывая на Уйлера, который все еще разглагольствовал перед группой почтителей.

— Об ораторе?

— О его теории.

— Не знаю, — ответил я. То, что аудитория приняла его всерьез, выбило меня из колеи. — Разве через столько лет можно точно знать, что произошло?

— Не думаю, — с сомнением произнесла она. — Вряд ли кто-нибудь купится на его историю.

— Одного я уже нашел.

Квинда склонила голову и озорно улыбнулась:

— Наверное, ты не вполне понимаешь истинную природу Общества Талино, Алекс. И я не уверена, что должна разочаровать тебя, хотя меня бы очень удивило, узнай я, что доктор Уайлер сам верит хоть в один из своих доводов.

— Ты шутишь?

Она быстро оглядела комнату и остановила взгляд на полной немолодой женщине в белом жакете:

— Вон там Мэриам Шау. Она может со всей убедительностью доказать, что актер Колм был членом Семерки.

— Ты права, я действительно не понимаю.

Квинда подавила смешок.

— О настоящей цели Общества Талино никогда не говорят. Никогда не признают ее.

Я покачал головой:

— Вряд ли это так. Цель общества изложена на табличке у двери внизу: «Обелить имя и восстановить должное уважение к деяниям Людика Талино». Или что-то в этом роде.

— «Верного штурмана „Корсариуса“», — закончила она с притворной торжественностью.

— Так в чем же секрет?

— Секрет, Алекс, в том, что здесь нет ни одного человека — кроме, возможно, тебя и еще двух гостей, появившихся впервые, — кто бы принимал все это всерьез.

— Ах, так...

— Слушай, почему ты не рассказываешь мне о дяде? Как поживает Гейб? Ты давно вернулся?

— Гейб был на «Капелле».

Ресницы ее вздрогнули и опустились.

— Мне очень жаль.

— Условие человеческого существования. — Я пожал плечами.

Мне было известно, что ее дед тоже умер. Гейб упомянул об этом много лет назад.

— Объясни мне, зачем люди приходят сюда и слушают вранье?

— Я любила Гейба, — сказала после молчания Квинда.

— Все его любили.

Мы перешли к бару и взяли бокалы.

— Не смогу как следует объяснить, — сказала она. — Это фантазия, способ уйти от обыденности и постоять на мостике рядом с Кристофером Симом.

— Разве нельзя сделать это с помощью моделирования?

— Наверное. — Квинда задумалась. — Но здесь, в залах Общества Талино, всегда тысяча двести шестой год и «Корсариус» еще стоит во главе обороны. Мы некоторым образом управляем историей: можем менять ее, делать ее нашей. О черт, не знаю, как объяснить, чтобы это не звучало бессмысленно. — Она улыбнулась мне снизу вверх. — Мне кажется, что идея Уайлера

все-таки может быть правдой. Это возможно. И подобная возможность дает нам простор для передвижений по времени Сопротивления и способ стать его частью, понимаешь? — Квинда посмотрела на меня, потом с добродушной улыбкой покачала головой. — Все в порядке, Алекс. Сомневаюсь, что здравомыслящий человек может это понять.

Я не хотел обидеть ее, поэтому ответил, что, конечно, понял и мне это кажется прекрасной идеей.

Если бы я был посторонним, мои слова вызвали бы ее раздражение, а так она решила отнестись ко мне терпимо.

— Все в порядке, — сказала она. — Слушай, мне надо идти к друзьям. Ты вернешься?

— Да, возможно.

Конечно, я имел в виду «нет».

Она понимающе кивнула.

— Может, лучше пообедаем вместе? — предложил я. — Завтра вечером?

— Хорошо. С удовольствием.

Мы договорились о встрече, и я ушел.

Мне удалось найти несколько человек, знавших Джона Кайбера. Он им нравился, но в нем, по-видимому, не было ничего необычного — по крайней мере, ничего такого, что могло бы привлечь к нему внимание Гейба. Лишь двое из них знали, что он пропал.

В Обществе Талино имелся Зал трофеев, куда можно было попасть через один из залов заседаний. Когда я вошел туда, там было полно народу.

Прежде всего взгляд привлекали прекрасные парные портреты Талино и Кристофера Сима. По стенам висели удостоверения и таблички, представлявшие собой награды членов общества, как я предположил, за достижения в исследованиях: экскурсии в боевую тактику у Гранд-Салинаса, анализ психологии ашиуоров применительно к мотивам атаки на Пойнт-Эдвард, сборник афоризмов, приписываемых Тариену Симу, и так далее.

«Интересно, — подумал я, — что здесь настоящее, а что — лишь иллюзия».

Были еще фотографии мужчин и женщин в сине-голубых мундирах раннего периода Конфедерации, портреты степенных немолодых типов, входивших в число основателей обще-

ства, и большой платиновый кубок — награда команде детей-популяризаторов, спонсором которой было общество.

На полках стояли и другие трофеи; некоторые из них были украшены изображениями фрегатов или сияющих протуберанцев. На одной особенно заметной серебряной табличке была изображена черная фурия. На ней были выгравированы имена шестидесяти выдающихся членов общества, избираемых на ежегодных собраниях.

Имелся в Зале трофеев и банк данных с двумя терминалами. Я подождал, пока один из них не освободится, и сел перед ним. Это была автономная система, соединенная с банками данных в других частях здания. Ввод осуществлялся голосом или с помощью клавиатуры, ответы появлялись на дисплее. Я отыскал канал «Архивы», ввел имя «Джон Кайбер» и запросил биографические данные. Их оказалось немного:

КАЙБЕР, ДЖОН
ШИФР 367L441.

Его имя и номер, по которому с ним можно связаться по общей сети.

Я спросил о его должности в Обществе Талино. Компьютер ответил:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ПО ФИНАНСАМ
1409—1410,
ЧЛЕН КОМИТЕТА ПО ПРИЕМУ В ОБЩЕСТВО
1406—1408,
ЧЛЕН КОМИТЕТА НАБЛЮДЕНИЯ
1411—1412,

СОВЕТНИК ФЛОТА, МОДЕЛЬ-ГРУППА, РИГЕЛЬ 1407,
РАСПОРЯДИТЕЛЬ ЦЕРЕМОНИЙ,
НЕОДНОКРАТНО
1407 — НАСТ. ВР.

ЖЕЛАЕТЕ УЗНАТЬ ПОДРОБНОСТИ?

— Нет. Он когда-нибудь выступал на собраниях?

ДА. ЖЕЛАЕТЕ УЗНАТЬ ПОДРОБНОСТИ?

— Да. Названия выступлений, пожалуйста.

МЕТОД ПРОБ И ОШИБОК У ИМАРИОСА:
КОРМОРАЛ РЕАГИРУЕТ

31.03.02,

БОЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРЕЙСЕРОВ КОРМОРАЛА

27.04.04,

СУМЕРЕЧНАЯ ВОЙНА:

ФРЕГАТ СТАНОВИТСЯ ВЗРОСЛЫМ

30.13.07,

АЛКОГОЛЬ И АШИУРЫ

29.05.08,

ТАНЦОВЩИЦЫ НА ЭБОНАЕ

ПРОИГРЫВАЮТ ВОЙНУ

33.08.11,

ТАКТИКА МАЛЫХ СИЛ: СИМ У ЭСХАТОНА

28.10.13,

ПАРТИЗАНЫ ПРИХОДЯТ И ОСТАЮТСЯ:

СИМ У САНУСАРА

29.11.13,

КОРНИ ПОБЕДЫ: ДЕЛЛАКОНДСКАЯ КРИПТОГРАФИЯ

31.03.14.

ИМЕЮТСЯ ПЕЧАТНЫЕ КОПИИ.

— Пожалуйста, дайте копии всех выступлений.

Я прислушивался к едва различимому шороху принтера и ждал, надеясь найти причину того, почему Кайбер отправился вместе с Гейбом. Но в этом болоте разнообразных игр можно ли хоть чему-то верить?

— Компьютер, — спросил я, — бывал ли здесь Габриэль Бенедикт?

ПОЖАЛУЙСТА, ИМЕЙТЕ В ВИДУ, ЧТО ПРИХОДЫ И УХОДЫ РЯДОВЫХ ЧЛЕНОВ, А ТАКЖЕ ГОСТЕЙ НЕ РЕГИСТРИРУЮТСЯ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ИЗВЕСТЕН ОДИН СЛУЧАЙ, КОГДА ГАБРИЭЛЬ БЕНЕДИКТ ПОСЕТИЛ ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.

— Когда?

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ В ТЕКУЩЕМ ГОДУ, ПРИМА 30.

— Он пришел один?

ДАННЫЕ ОТСУТСТВУЮТ.

— Присутствовал ли в тот вечер Кайбер?

ДАННЫЕ ОТСУТСТВУЮТ.

— Выступал ли мистер Бенедикт?

НЕТ.

Наверное, в этом заседании было нечто особенное.

— Можно увидеть программу того вечера?

403-Е ЗАСЕДАНИЕ ОБЩЕСТВА

ЛЮДИКА ТАЛИНО

ПРИМА 30, 1414

20:00

ПРИГЛАШЕННЫЙ ОРАТОР: ЛИЗА ПАРО

«ЗАГОВОР: БЫЛ ЛИ СИМ УБИТ
ЗАГОВОРЩИКАМИ ДО РИГЕЛЯ?»

ПЛАНОВЫЙ ОРАТОР: ДОКТОР ЭДМОР КАЙЛ
«ВЗГЛЯД ПСИХОЛОГА НА ЗАПИСИ ТАЛИНО».

ОБЕД: ТЕЛЯТИНА «МАРШАН»,

САЛАТ «ОТВАГА»,

ОВОЩИ.

До меня вдруг дошло, что я упустил нечто важное.

— Вы сказали, что присутствующие на таких собраниях, как правило, не регистрируются.

ПРАВИЛЬНО.

— Откуда же вам известно, что Габриэль Бенедикт был здесь тридцатого прима?

ПОТОМУ ЧТО ОН КО МНЕ ОБРАЩАЛСЯ.

Вот оно!

— О чем он спрашивал?

ДВА ВОПРОСА. ИНФОРМАЦИЯ О ЖИЗНИ ДЖОНА КАЙБЕРА.

— Видел ли он что-нибудь по этому вопросу, чего вы не показали мне?

НЕТ.

— А второй вопрос?

ОН ЗАПРОСИЛ КОПИЮ РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА НАЗАД.

— Дайте, пожалуйста, копию этого выступления.

На поднос выпала страничка, и я просмотрел ее.

Трудно понять причину интереса Гейба к этой диатрибе.

«Талино предан историей, — говорил выступавший, — и я рад, что есть еще люди, которым небезразлична правда. Время покажет вашу правоту. Талино и его несчастные товарищи пали жертвой обстоятельств, отобравших у них гораздо более ценную вещь, чем жизнь. Во все века не случалось подобной несправедливости. И я спрашиваю себя: удастся ли нам когда-либо исправить эту ошибку?»

Оратор повторил мысль несколько раз, украшая ее подробностями и нагнетая драматизм. Почему она заинтересовала Гейба?

Я перестал ломать голову, когда увидел имя оратора. Хью Скотт.

IX

(Человеческие) межзвездные государственные образования по природе своей преходящи. Их создание — случайность, нечто вроде огней Святого Эльма, зажженных экономическими потрясениями, внешней угрозой или, возможно, влиянием какой-либо идеологии. Когда ночь прошла и вернулись нормальные условия жизни, эти огни мигают и гаснут. Никакая унаследованная нами цивилизация не может рассчитывать на то, что ее институты переживут звезды.

Анна Гринштейн. Необходимость империи

Я никогда не читал книгу «Человек и олимпиец». Как, вероятно, и остальных детей Конфедерации, меня познакомили с ней в школе. Помню свои мучения над главой о Сократе, когда готовился к семинару по истории в колледже. Но по-настоящему я никогда не читал эту книгу.

В спальне Гейба стояла переплетенная копия. Я спал в комнате на третьем этаже, в глубине дома.

Возвращаясь с заседания Общества Талино, я решил, что пора снова взглянуть на классический труд Сима.

Конечно, это была одна из стандартных работ: история эллинской эпохи от Персидских войн до смерти Александра. Своей репутацией книга обязана, как мне казалось, славе автора, а не собственной ценности, однако это мнение являлось лишь результатом столкновения ребенка с серьезной книгой.

Я раскрыл ее посредине и начал читать в обоих направлениях попеременно, ожидая найти многочисленные экскурсы в греческую философию и утомительные изложения хода Персидских и Пелопоннесских войн.

Вместо этого я обнаружил вулкан энергии, отточенные формулировки собственных мыслей и по-настоящему блестящий ум. Поэтому ленивого просмотра нескольких обзоров политики греческих полисов или разглядывания стрелок на картах сражений не получилось. В книге Сима государственные деятели стучали кулаками по столу, с ее страниц доносился запах Средиземного моря и палубных досок афинских трирем. Остро вставали вечные проблемы свободы и порядка, бренности человека и бессмертия его духа.

«Мы все — эллины, — пишет Сим в предисловии. — Деллаконда, Окраина и Корморал обязаны беспокойным мыслителям с берегов Эгейского моря, которые, в прямом смысле, сделали первые шаги к звездам. Священен только разум. Сначала эта теория была лишь блестящим озарением, но со временем, вместе с осознанием того, что природа подчиняется определенным законам и законы эти можно понять, она дала ключ к Вселенной».

Я читал до позднего вечера. Изредка возникал Джейкоб, суетился, шумно жарил бифштексы, смешивал напитки или прерывал чтение, предлагая мне воспользоваться хорошей погодой и погулять.

Меня ожидало несколько сюрпризов. Сим не одобрял Сократа, доктрины которого хотя и воплощают человеческие ценности (соглашается он), но тем не менее подрывали эллинское общество.

«Несчастье не в том, что имела место казнь Сократа, — пишет он, — а в том, что она произошла слишком поздно».

На первых страницах «Человека и олимпийца» описывались гнев Ксеркса («О господин, помни афиняня!»), правление Фемистокла и доблесть войск, сражавшихся у Фермопил. Я был поражен силой изложения и состраданием Сима. Подобного чувства обычно не ожидают от полководца. Но ведь когда начались трудные времена, Сим еще не стал военным лидером, он был учителем.

Название книги хорошо подобрано — взгляды Сима, по существу, являются олимпийскими. Читателя не покидает ощущение, что он говорит от лица Истории, и если его обзор не всегда совпадает с позицией его коллег или предшественников,

то причины такого расхождения ясны. Слово Сима — окончательное.

Когда автор рассказывает о разрушении Афин и ненужных жертвах при попытке защитить Парфенон, его проза приобретает характер размышлений. Самый запоминающийся пассаж клеймит позором спартанцев, которые допустили события у Фермопил: «Они знали, что идут персы, — во всяком случае, заранее получили данные разведки о подготовке армии вторжения — и тем не менее не заключили союз, не организовали оборону, пока не грянул гром. Тогда греки послали Леонида с солдатами и горсткой их союзников, чтобы они своей жизнью компенсировали небрежность и глупость политиков».

Мрачное совпадение: это написано перед тем, как ашиуры начали войну, в которой именно Симу пришлось сыграть роль Леонида. Он возглавил оборону в пограничных мирах, а Тариден взялся за колоссальную задачу — выковать союз, способный противостоять захватчикам.

За завтраком Джейкоб сказал мне, что раскопал нечто весьма странное.

— По-видимому, «Корсариус» перемещался очень быстро. Например, если верить отчетам, через два дня после рейда на Хринвар он отогнал эсминец ашиуров возле Оникая Четвертого. Оникай находится на расстоянии восьми световых лет от Волчков. Четыре дня только в гиперпространстве. Атаковал базовый корабль у Салинаса в день победы у Чаппаралья. Снова невозможный перелет. Существует еще много таких случаев.

— А что говорят на этот счет ашиуры?

— Они не очень-то коммуникабельны, Алекс. Насколько мне удалось узнать, они просто отрицали все эти истории. Но их отчеты никогда не публиковались.

— Может, следует поговорить с ними? — спросил я.

— Как вы предполагаете это сделать? Ведь дипломатических связей с ними не существует.

— Один путь есть, — ответил я. — Маракайбская группа.

Тридцать шесть стандартных лет назад небольшая группа старших офицеров нарушила существовавший обычай и пригласила известного специалиста по стратегии из ашиурского

флота выступить в Военной академии Маракаибо на Земле. Женщина-оратор, имя которой никто не в состоянии произнести, стала первой за сто лет представительницей ашиуров, legally допущенной на одну из планет Конфедерации.

Подобные приглашения превратились в традицию, и на базе таких ежегодных собраний возникла необычная группа, объединенная особыми интересами, в которую входили армейские офицеры в отставке, как люди, так и ашиуры, преданные идее сохранения вечного мира. Естественно, группа была немногочисленной, поскольку движение никогда не пользовалось популярностью. Его члены, по крайней мере люди, подвергались за свою деятельность политическим гонениям и всегда вызывали подозрение.

Когда я попытался связаться с ними, мне ответил только искин и объяснил, что офицеры группы не принимают посетителей без предварительной договоренности. Какое у меня дело?

Я представился, сказал, что провожу некое историческое исследование, спросил, не могу ли поговорить с кем-либо, кто знаком с Сопротивлением вообще и с подробностями сражений между кораблями обоих флотов в частности.

Последовала пауза, в течение которой он наверняка запрашивал инструкции.

— Мы не принимаем частных посетителей, — наконец ответил он.

— Я был бы благодарен, если бы для меня сделали исключение.

Я объяснил, что многие вопросы остались без ответа, а рассказ о войне с точки зрения ашиура внесет вклад во взаимопонимание, поэтому необходимо получить информацию из первых рук.

Искин вежливо выслушал меня, извинился, и потом я прождал еще десять минут.

— Хорошо, мистер Бенедикт. Один из наших работников с удовольствием ответит на ваши вопросы. Но мы просим вас приехать к нам лично.

— Вы хотите сказать: физически?

— Да. Если это не причинит вам слишком больших неудобств.

Очень любопытно.

— Вы хотите, чтобы я действительно приехал к вам?

В этот момент я сидел напротив искина в одном из кабинетов Дома Костиева, который, по моим предположениям, Маракаибская группа снимала как помещение под офис.

— Да. Если пожелаете.

— Почему?

— Личные контакты предпочтительны. Ашиуры чувствуют неловкость при использовании обруча.

Я пожал плечами и договорился о времени визита. Через два часа я прибыл к Дому Костиева, бывшему зданию посольства неподалеку от Капитолия. В тот вечер оно было окружено демонстрантами, которые стояли вокруг голограммы, изображающей инопланетянина с горящими глазами. Как я узнал позднее, демонстрации вокруг здания проходили почти непрерывно, а их интенсивность и количество колебались пропорционально уровню взаимной враждебности в данный момент. Сейчас дела были плохи, и, пока я пробирался ко входу, меня осыпали насмешками. Я назвал свое имя службе охраны и вошел в старинное серое здание.

Поднявшись на четвертый этаж, я свернул в обшитый панелями и покрытый пушистым ковром коридор. Через неравномерные промежутки попадались резные двери. Длинные фрески изображали в спокойных позах мужчин и женщин, задумчиво смотревших на предгрозовую пейзаж, флиртующих за роскошно накрытыми столами на пикнике или шатающихся по рынкам. Окна отсутствовали, единственными источниками довольно скудного света были редкие электрические свечи, поэтому дальний конец коридора казался уходящим в бесконечную даль.

По обеим сторонам холла находились двери, большинство без табличек. Я прошел мимо юридической фирмы, компании по морским перевозкам, мимо одного-двух офисов с какими-то неприметными вывесками.

В конце концов я очутился перед двойными дверями с надписью: «Маракаибская группа».

Не знаю, чего я ожидал, думая о представителях цивилизации гораздо более старой, чем моя, — о телепатах, существах, превосходящих нас в умственном отношении, но отстающих в плане технических достижений.

«Цена легкости общения, — теоретизировали некоторые, — вертикальное сохранение информации. Письменность появилась у них слишком поздно».

Во всяком случае, вместо экзотического помещения я попал в нечто, напоминающее офис туристической фирмы с безвкусной, но вполне земной обстановкой: неудобная кушетка прямоугольной формы, пара резных стульев и низкий столик, заваленный потрепанными книгами. В большие квадратные окна светило бледное солнце. Названия книг показались мне знакомыми, хотя я не читал ни одной из них: «Необходимость империи», «Зеленая трава и серебряные корабли», «Последние дни». Еще там было несколько биографий людей и ашиуров, которые на протяжении тысячелетия пытались предотвратить вспышку массового насилия.

Обнаружив экземпляр «Отрывков из Тулисофалы» Таннер, я взял его в руки. Это был увесистый том, из тех, которые кладут на видное место, чтобы пустить пыль в глаза, но к которым никогда не притрагиваются.

Перелистывая его, я вдруг почувствовал, что за мной наблюдают, осторожно поднял глаза от книги и взглянул на шкаф, на терминал, на дверь, на другую дверь, которая вела, по моим предположениям, во внутреннее помещение.

Никаких изменений я не заметил.

И все же что-то двигалось.

Я его чувствовал. В офисе. В неподвижном теплом воздухе.

Где-то позади моих глаз.

Тут же я услышал шаги в соседней комнате. Дверь открылась. Тот, кто был за нею, не вошел сразу же, а задержался, словно беседовал с кем-то. Не раздавалось ни единого звука.

Я начал покрываться потом. В глазах у меня потемнело, туманную дымку заполнили белые цветы. Наверное, я сел на стул. Некто вошел в комнату, но на меня накатила тошнота, из-за которой я перестал адекватно воспринимать окружающее. Чья-то рука дотронулась до моего запястья, прохладная ткань прижалась к моему лбу.

Нечто, коснувшееся моего сознания, двигалось в размеренном ритме, соответствующем движениям вошедшего.

— Все в порядке, мистер Бенедикт, — сказал мужчина. — Как вы себя чувствуете?

— Нормально, — неуверенно ответил я.

Что-то поворачивалось у меня в голове, пытаюсь отвернуться от света, зарывалось в глубину. Накатила новая волна тошноты.

— Извините, — произнес он. — Наверное, лучше воспользоваться связью.

Именно так я в тот момент и думал. И он, разумеется, знал это. Черт побери, разве я мог предвидеть такое? Конечно, я слышал всякие истории, но отмахивался от них как от истеричных фантазий.

Я попытался сосредоточить внимание на внешних предметах. Стол. Лампа. Солнечный свет. Длинная, похожая на человеческую рука.

— Меня зовут С'Калиан. И если это может вас как-то утешить, то знайте: ваша реакция обычна для людей.

Я не видел, откуда доносятся слова. Несомненно, в его свободных руках было спрятано какое-то устройство.

Мне удалось сесть прямо. Он сунул мне в руки кусок прохладной ткани:

— Если хотите, могу позвать кого-нибудь из людей, чтобы вам помогли выйти на улицу.

— Нет, — ответил я. — Со мной все в порядке.

С'Калиан отступил на несколько шагов и небрежно прислонился к письменному столу. Рядом с ним мебель выглядела карликовой. Видеть голограммы ашиуров и оказаться с кем-нибудь из них в закрытом помещении — две большие разницы. Я был поражен.

Он носил простое длинное одеяние, схваченное поясом, и ермолку. Его лицо с большими дугообразными глазами и клыками, из-за которых его улыбка становилась пугающей, выражало озабоченность.

Что-то в его глазах вызвало ощущение спокойной жестокости. Я с трудом отвел взгляд, пытаюсь собраться с мыслями. Выглядел ашиур молодым, с долей экзотичности, которая делала его привлекательным. Пугающе привлекательным.

— Большое спасибо, что согласились побеседовать со мной, — произнес я.

Он поклонился, и я почувствовал, как все тайны моей жизни выплеснулись на всеобщее обозрение. Он телепат! Я пола-

гал, что смогу контролировать себя, задать ему несколько вопросов и убраться. На его лице ничего не отразилось, но я знал, что он читает все мои мысли.

Что же он может в них прочесть?

Покачивание груди Квинды Арин.

Господи! Откуда это взялось?

Я сосредоточился на хринварском рейде, «Корсариусе», великолепном броске в середину флота ашиуров.

Нет. Это тоже не годилось. Я вздрогнул.

Перед моим мысленным взором всплыли образы еще нескольких женщин. В соблазнительных позах.

Как беседовать с созданием, которое схватывает едва родившуюся мысль?

— Вы так настаивали на встрече, — произнес он, складывая руки под покровом своего одеяния и ничем не показывая, что ему известно о смятении в моем мозгу. — Чем могу служить?

Нельзя сказать, что я испугался, хотя мне были известны случаи, когда люди получали физическую травму от встреч с ашиурами. Страх придет потом, когда я окажусь в безопасности, а сейчас меня наполняли стыд и унижение оттого, что я не могу скрыть свои мысли и чувства от этих нелюбопытных глаз, бросающих небрежные взгляды через мое плечо на нечто позади меня.

— Нужно ли мне говорить? — спросил я. — Вы знаете, зачем я здесь.

Я ожидал мимолетной усмешки, кивка, физического знака, что он понимает мое смущение.

— Извините, мистер Бенедикт, я не могу избежать проникновения в ваш мозг, так же как вы не можете не слышать оркестра, играющего в соседней комнате. Тем не менее вам, возможно, приятно будет узнать, что не так-то легко рассортировать ваши мысли. — Его губы не шевелились, но в глазах появилось оживление. Интерес. Намек на сочувствие. — Постарайтесь не обращать внимания на проникновение, говорите как обычно.

Боже мой, с какой силой весь мусор, скопившийся за целую жизнь, хлынул на поверхность! Трусливый поступок, совершенный давным-давно на школьном дворе, отказ от честного

разговора с женщиной, страсть к которой совершенно угасла, удовольствие, испытанное неизвестно почему при неудаче друга. Ничтожные, достойные презрения делишки. Багаж, который человек тащит за собой по жизни, поступки, которые хотелось бы изменить...

— Если это вам как-то поможет, примите, пожалуйста, к сведению, что подобный опыт для меня еще более труден.

— Почему?

— Вы уверены, что хотите знать?

Он плохо разбирается в человеческой психологии, раз задает такой вопрос. Я не очень-то хотел услышать ответ, однако сказал:

— Конечно.

— Вы эволюционировали без телепатических способностей. Следовательно, вы — ваши особи — никогда не ощущали необходимости установить порядок, почти не стремились сдерживать самые сильные эмоции. Интенсивность вашей ненависти и страха, бури эмоций, которые совершенно неожиданно могут разразиться в мозгу человека, необузданность желаний — все это создает дискомфорт. — Он слегка наклонил голову, на его губах мелькнула тень печальной улыбки. — Простите, но вы искалечены условиями своего существования.

— С'Калиан, вы знаете, зачем я здесь?

Уже уверенный теперь, что ему не придется спасать меня, он соскользнул со стола и опустился в кресло.

— Вряд ли вы и сами это знаете, мистер Бенедикт.

— Кристофер Сим, — сказал я.

— Да. Великий человек. Ваш народ прав, оказывая ему такие почести.

— Наши хроники военного времени неполны и противоречивы. Мне бы хотелось выяснить, если возможно, некоторые детали.

— Я не историк.

В голове у меня вдруг возник образ Квинды. Ее плечи, мягкие и обнаженные, освещенные светом свечей. Я сжался, пытаясь сосредоточиться на «Корсариусе», на томе Лейши Таннер, лежащем на столе.

С'Калиан оставался спокойным и внимательным.

Как заниматься любовью с ашиурской женщиной? Что происходит с любовными привычками, когда разум полностью открыт?

— Все в порядке, мистер Бенедикт, — сказал С'Калиан. — Такое происходит всегда, нет необходимости смущаться. Мысль по природе своей непредсказуема и извращена даже у нас. Мы с вами можем внедрить что угодно в голову друг друга, в сияющих красках, со всей живостью, просто упомянув об этом.

— Вы ведь не отставной офицер? — спросил я, будучи на грани паники.

Он наклонил голову:

— Благодарю вас. Нет. В мои функции входит помощь при контактах и обязанности советника по культуре. Я обучен вести беседы с людьми. Но, боюсь, не очень-то эффективно.

Он снова ободряюще улыбнулся, и я спросил себя, не станет ли эта улыбка универсальным жестом при общении разумных особей, по крайней мере тех, кто физически в состоянии улыбаться.

— Можем ли мы поговорить о взглядах ашиуров на некоторые аспекты Сопротивления?

— Конечно, — ответил он. — Хотя я вряд ли окажусь вам слишком полезным, моих знаний недостаточно. Между прочим, мы называем его Вторжением.

— Разве это имеет сейчас значение?

— Думаю, нет. Но важно восприятие. Некоторые даже считают его истинной реальностью.

— Упомянутого мною Кристофера Сима вы назвали великим человеком. Такую точку зрения разделяют все ашиуры?

— О да. Вне всякого сомнения. Конечно, если бы он был нашим генералом, мы бы его казнили.

Я был поражен:

— Почему?

— Потому что он нарушил все правила цивилизованного поведения. Он нападал без предупреждения, отказывался встретиться с противником в открытом бою, вел боевые действия тысячью необычных способов. Проиграв войну, он продолжал приносить в жертву жизни своих собственных людей и наших, чтобы только не признать поражения. Многие погибли в борьбе, продолжавшейся без всякой необходимости.

Я засмеялся. Это было единственно правильной реакцией. Но он сохранил невозмутимость.

— Относительно «Корсариуса», — сказал я. — Судя по нашим отчетам, корабль и Сим участвовали в различных сражениях, происходивших слишком далеко друг от друга, чтобы в короткий промежуток времени покрыть расстояние между ними. Например, битвы у Волчков, Рэндинхала, первые бои в Щели и появление Симы у Илианды произошли в течение двенадцати стандартных дней от одного события до другого, хотя расстояния между местами сражений довольно значительны. Хринвар в системе Волчков находится на расстоянии почти шестидесяти световых лет от Рэндинхала. Если бы современному боевому кораблю удалось вернуться в линейное пространство точно в том месте, где нужно, — а это почти невероятно, — то потребовалось бы три-четыре дня, чтобы добраться от одного места до другого. Симе, по-видимому, удавалось продлевать это за гораздо более короткое время.

— В наших отчетах указаны такие же промежутки времени.

— Есть и другие расхождения. В другое время, в других местах.

— Да.

— Как ваши историки объясняют это?

Его глаза закрылись.

— Как и ваши, они только рассуждают.

— И каковы их рассуждения?

— На самом деле существовали три других корабля, маскировавшиеся под «Корсариус». Такое предположение не удивит ваших исследователей. Это наиболее простое объяснение и поэтому наиболее правдоподобное. В конце концов, кто знает, где он был? Мы можем быть уверенными лишь в том, что корабль, украшенный уникальной эмблемой, появлялся в разных местах. Сим, придумывая подобный символ, намеревался вести психологическую войну. Он никогда не являлся простой бравадой, как думала широкая общественность. И он достиг цели: его корабль видели повсюду, а его появление начало со временем оказывать деморализующее влияние. Возможно, вам будет интересно узнать, мистер Бенедикт, что у нашего народа существует легенда о том, будто Сим был инопланетянином. Настоящим инопланетянином, то есть представителем расы,

неизвестной нашим народам. Именно этот ореол, даже в большей степени, чем его способности военного стратега, психолога или боевого командира, делал его таким опасным, внушающим страх.

Между прочим, есть основания подозревать, что один из двойников «Корсариуса» был уничтожен у Гранд-Салинаса и по крайней мере один, а может, и два — во время столкновений в Щели.

— Вы мне рассказываете о том, чего никто не знает наверняка.

— Это правда. Наши сведения совпадают с вашими в самых существенных моментах. Фактически наши и ваши историки давно уже сотрудничают, невзирая на явное отсутствие официальной поддержки. Но мы говорим о времени войны, и здесь большая путаница. Вероятнее всего, правду о войне мы не узнаем никогда. — Он сменил позу. — Могут ли еще чем-нибудь помочь?

— Да, — сказал я, поднимая со стола «Отрывки». — Что вы знаете о Лейше Таннер?

— Одна из первых переводчиков Тулисофалы. Довольно приличный переводчик, между прочим.

— Она тоже была против войны.

— Знаю. Ее позиция меня всегда беспокоила.

— Почему? — спросил я, на мгновение сбивый с толку.

— Потому что у нее были обязательства перед своей расой, которые перевешивали моральную суть войны. Раз уж война началась всерьез, риск с обеих сторон велик, и правая эта война или нет, с философской точки зрения уже не имело значения.

— Из философов получают наилучшие генералы, — сухо ответил я.

— Понимаю вашу иронию. Но наступает время, когда приходится выбирать. Что бы мы ни считали лучшим для себя, мы должны выбрать общее благо. Даже если нам нужно поддерживать безнравственное начинание. Если бы я был человеком, то сражался бы на стороне деллакондцев.

Его слова привели меня в замешательство.

— Вы представляете организацию, посвятившую себя поискам путей сохранения мира, — сказал я.

— Так и будет. Однако это нелегко. Говоря серьезно, с обеих сторон есть те, кто желает войны.

— Почему?

— Потому что многие из нас, заглянув в ваши головы, были напуганы увиденным. Очень легко прийти к заключению, что единственно безопасный путь для нас — сделать вашу расу беспомощной. А среди вашего народа есть многие, кто полагает, и, возможно, справедливо, что враждебность к нам является цементом, не позволяющим распасться вашей Конфедерации.

Я что-то проворчал в ответ.

Он поднялся и расправил складки своего одеяния.

— Как бы то ни было, Алекс, вы можете быть уверены, что среди ашиуров у вас есть друг.

Х

Девять человек погибло на «Регалии»: экипаж из восьми человек и Арт Лландмен.

Габриэль Бенедикт. Из переписки

...Хмельные те часы,
Что не вернутся вновь...

Уолдорф Кэндлз. Клеймо времени

Ночью мне снились сны — темные, дикие, не похожие ни на что испытанное мною раньше. Джейкоб дважды будил меня. Проснувшись во второй раз, я долго лежал, уставившись в потолок, потом принял душ и вышел из дому.

Здания в лунном свете казались сдвинувшимися со своих места. Ветер немного стих, но по-прежнему было холодно. Вскоре на востоке у горизонта появилась серая полоска. Спустившись к Мелони, я какое-то время наблюдал за проплывающими льдинами. Наконец взошло солнце, и улицы стали заполняться людьми.

Они провожали детишек к автобусу, останавливались поболтать друг с другом, в воздух поднимались скиммеры и плыли над рекой, направляясь в Андиквар. Хлопали двери, в свежем утреннем воздухе раздавались голоса.

Ко мне вернулось хорошее настроение. Уверенность.

Когда я пришел домой, Джейкоб уже приготовил завтрак. Я плотно поел, подбросил полено в огонь, устроился у камина с чашечкой кофе и через пятнадцать минут уснул.

Послеобеденное время я провел за чтением «Человека и олимпийца», а потом отправился на свидание с Квиндой.

Если мне требовалась дополнительная доза физической реальности, чтобы уравновесить опыт предыдущего дня, то я ее получил. Квинда великолепно выглядела в бело-зеленом наряде, блузка и пояс гармонировали с цветом ее глаз, волосы свободно падали на плечи. Мы не были голодны, поэтому прогуляли часок по набережной, заглянули в книжные магазины и картинные галереи, задержались возле уличного художника, из тех, кто набрасывает ваш портрет на электронной пластинке и делает под ним надпись. Портрет Квинды до сих пор у меня. Даже на этом трехминутном наброске она выглядит потрясающе. Ее глаза сохранили мечтательное выражение, мягкие губы, возможно, чуточку утрированы, выющиеся волосы обрамляют длинную стройную шею. Этот портрет — все, что от нее осталось. И странная надпись под рисунком, которую почему-то выбрал художник: «Раз в жизни».

За обедом мы болтали на ее любимую тему. Я описывал свои впечатления от книги «Человек и олимпиец», а Квинда терпеливо слушала и время от времени ободряюще кивала.

— Ты поздно подошел к ней, Алекс, — сказала она, когда я закончил. — Думаю, мы делаем большую ошибку, изучая ее в школе: эта книга не для детей. Но если открываешь ее для себя в зрелом возрасте, не будучи слишком предубежденным, она может взять за живое.

— На самом деле она не о Древней Греции, — заметил я.

За рекой, в домах, в эллингах, на причалах и в ресторанах, зажглись огни.

— Ты прав, — произнесла Квинда. — Он писал о своем времени. Но ведь это справедливо для любой хорошей исторической книги.

— Его беспокоило, что планеты, заселенные людьми, не способны создать конфедерацию.

— Наверное. — Ее глаза смотрели куда-то в пространство. — Но, думаю, все сложнее. По-видимому, он хотел, чтобы мы признали наше общее наследие и создали гораздо более прочное объединение, чем простой политический союз. Чтобы почувствовали себя эллинами, а не только гражданами Афин и Коринфа. — Ее лицо погрузнело. — Этого никогда не произойдет.

— Сим рассказывает историю двух греческих колоний — не помню, как они назывались, — основанных на побережье

Африки. Их окружали дикари, которые регулярно нападали на обе колонии, но, несмотря на это, они никогда не действовали сообща и в конце концов начали воевать друг с другом. Сим пишет: «В нашей расе глубоко укоренился извращенный настрой, который заставляет ее послушно следовать велениям эмоциональных импульсов текущего момента, даже если они мешают выжить! Если вы поймете это, то проникнете в суть того, что социологи наивно называют „мотивационной теорией групп“».

Я снова налил вина, и Квинда подняла свой стакан:

— За наши дни на берегу Мелони.

— За маленькую девочку тех дней. Она нашла море?

— Ты не забыл. — Лицо Квинды просветлело от удовольствия.

— Не забыл. — Когда-то мы говорили о том, чтобы построить плот и плыть по течению реки через весь континент. — Ты даже рассердилась на меня, когда я пытался объяснить, почему нам это не удастся.

— Ты пообещал, а потом отвел меня домой.

— Мне никогда не приходило в голову, что ты примешь все всерьез.

— Ах, Алекс, я так хотела совершить это путешествие! Видеть, как мимо проплывают берега, и... — она посмотрела на меня своими зелеными глазами и улыбнулась, — ...быть с тобой рядом.

— Ты была малышкой, — сказал я.

— Я тогда чуть не заплакала, когда ты отвел меня домой. Но ты пообещал мне, что, когда я вырасту, мы с тобой поплывем. Помнишь?

— Помню.

Она снова улыбнулась и перевела разговор на другую тему. «Вот тебе наука», — сказали ее глаза.

Позже мы бродили по причалам и садам, смешавшись с поздними пешеходами, беседовали об Обществе Талино, о моей жизни торговца антиквариатом, о том, как прекрасна ночь. И еще о Гейбе и ее дедушке.

— Ты всегда ему нравился, — сказала Квинда. — Он был разочарован, когда ты уехал. Думаю, дедушка хотел, чтобы ты пошел по стопам дяди.

— Не он один.

Передо мною всплыло лицо Артиса — круглое, с постоянно удивленным выражением. Арт Лландмен всегда выглядел так, будто пытался решить какую-то сложную задачу.

— Жаль, что он разочаровался во мне. Он мне нравился. Арт — один из немногих людей, работавших с Гейбом и знавших о моем существовании. Пару раз я встречался с ним на раскопках на Скайвее и, по-моему, на Обралане. На Скайвее он находил время водить меня на прогулки среди развалин, показал мне сокровищницу, обгоревшие стены и место, где сбрасывали в море заключенных, в том числе и нескольких политиков.

— Это на него похоже, — засмеялась Квинда. — «А вон там они швырнули его в море». Когда это было?

— До тебя. Мне было восемь или девять.

— Да. — Она смотрела сквозь меня. — Тогда он был счастлив.

Около полуночи мы вернулись в Нортгейт. В камине горел огонь, в ведерке со льдом стояла бутылка вина, а по теплым комнатам плыли звуки концерта для скрипки Санкца. Квинда просматривала материалы, полученные мною в Обществе Талино и Институте Мачесны, и, поскольку я ей ничего не объяснил, наверное, пришла к заключению, что я больше ее помешан на этой теме.

— Они отыскивали сохранившийся деллакондский фрегат, ты знаешь? Они с Гейбом. Это — археологическая находка, которая бывает раз в жизни. Мой дедушка посвятил поискам пятнадцать лет. Ближе к концу он привлек Гейба, и они вместе нашли «Регалию», пропавшую у Гранд-Салинаса. — Ее глаза удовлетворенно блестели. — Они пересмотрели груды отчетов, рассчитали траектории и еще бог знает чем занимались. Я была уже достаточно взрослой, поэтому поняла, что они ищут и насколько это важно. Проблема состояла в том, чтобы реконструировать сражение до такой степени, когда можно рассчитать маневры всех участвующих кораблей: курсы, скорость, удары, следующие за ними попытки экипажей скомпенсировать их и тому подобное.

— Задача почти невозможная.

— Они сузили область поиска. Дедушка рассказывал, что дюжины кораблей были разбросаны взрывами в различных направлениях, они все еще дрейфуют там, в пространстве, и их можно найти, если знать, где искать. Только двести лет — большой срок. Они разлетаются все дальше и дальше.

— Расскажи мне о «Регалии».

— Ашиуры поразили ее какой-то разновидностью электромагнитного импульса. Корпус корабля остался неповрежденным, но все бортовые системы окончательно вышли из строя. По словам деда, экипаж сам прожег дыру в носовой переборке, чтобы выбраться наружу и восстановить подачу энергии. Пятерых выбросило в это отверстие. Трое остальных оказались в ловушке и не смогли им помочь. Исследовательская группа обнаружила их в герметичном отсеке. Но сам корабль был в хорошем состоянии.

— Гейб мне рассказывал, — подтвердил я. — Там произошел несчастный случай.

— Вскоре после того, как они проникли на корабль, он взорвался. Кто-то из группы до чего-то там дотронулся. Никто так и не понял, что же случилось. Официально об этом не упоминалось, но, по мнению дедушки, это было дело рук «немых». Это сделал человек по имени Кениг, который, как они потом решили, был подкуплен «немыми».

— Какое дело ашиурам до двухсотлетней развалины?

Она испытующе посмотрела на меня. Прищурилась, принимая решение, и ответила:

— Дедушка не знал, но, как я понимаю, происходили и другие вещи, позволяющие предположить, что кто-то не хочет, чтобы экспедиция добилась успеха.

— А что случилось с Кенигом?

— Вскоре он умер. Болезнь сердца. Он был еще совсем молодым и на сердце раньше не жаловался. — Квинда отпила вина. — Не знаю, возможно, здесь что-то есть. Однако дед уже никогда не стал прежним. Получить в руки *такой* приз и потерять его... — Она вздохнула. — Он умер вслед за Кенигом.

— Мне очень жаль, — сказал я.

— Гейб сделал все от него зависящее, чтобы помочь. Я так и не знаю, что нанесло больший вред — потеря находки или насмешки коллег. Теперь меня приводит в отчаяние, что я по-

знакомилась со многими из них лично. Они — не мстительные люди, они просто не поняли чувств дедушки, или, может, им было наплевать, их замотали собственные проблемы. Лланд-мен и его фрегат — это стало чем-то вроде анекдота: как будто Гарри Пеллинор открыл развалины на Белариусе, а потом за-был, где они находятся.

Собранные мною материалы эпохи Сопротивления были разложены на двух столах. Квинда трудилась в поте лица, просматривая их, удовлетворенно кивала при виде изокристаллов, томов Кэндлза и прочих вещей.

— Я даже не представляла, — сказала она, перелистывая «Записные книжки» Лейши Таннер, — настолько ты увяз в этом, Алекс.

— Кажется, я увлекся. Тебе она знакома? — спросил я.

— Таннер? — Лицо Квинды сияло. — Да! Одна из самых привлекательных личностей того периода.

— Она начала как пацифистка, — сказал я, — а закончила участием в войне. Что произошло? Ты знаешь?

Квинда положила ногу на ногу и энергично наклонилась вперед. Я сразу понял, что Таннер — ее конек.

— Она никогда не была пацифисткой, Алекс. Она полагала, что войны можно избежать, и боролась за то, чтобы стороны сели за стол переговоров. Симов такой подход не очень-то устраивал.

— Почему?

— Они считали, что любая попытка примирения, пока сила на стороне «немых», является признаком слабости. Если бы их противниками были люди, тогда это было бы правдой, но с ашиурами они, вероятно, просчитались. Таннер знала о противнике столько же, сколько любой другой человек в то время, однако считала, что с ними можно вести переговоры.

— Как она очутилась во флоте Сима?

— Очень просто. Она каким-то образом добралась до Сима и убедила его дать ей возможность провести переговоры с «немыми». Сим пошел ей навстречу, значит она привела убедительные доводы.

— Но, очевидно, ничего не вышло?

— Он согласился на ее встречу с командиром «немых» Мен-долсом Барозой.

Местом переговоров выбрали кратер на безымянном спутнике в одной из периферийных систем, которая не интересовала ни одну из сторон. Таннер оказалась единственным человеком среди конфедератов, бывавшим раньше у «немых» и умевшим общаться с ними. И самое важное — умевшим скрывать от них свои мысли.

При ее встрече с парламентарем «немых» Сим и Бароза оставались на орбите. Таннер потом рассказывала, что они с посланником «немых» были очень близки к соглашению в рамках условий, поставленных ей Симом. Однако, когда «немые» потребовали передать им Кристофера Сима, чтобы судить его за варварские поступки и военные преступления, тот прервал встречу.

«Немые» ответили атакой и оккупацией двух номинально нейтральных планет, которые на деле поддерживали деллакондцев оружием, людьми и деньгами. Многие тогда погибли, а Таннер, почувствовав себя ответственной за все это, отдалась борьбе на стороне Сопротивления. Маурина Сим в своих дневниках пишет, что Таннер не простила «немых» и никто не сражался с такой беспощадностью и яростью, как она.

Уже под утро мы забрались в скиммер и пустились в обратный путь. Мы оба устали, поэтому говорили в основном о каких-то пустяках. Я видел, что мыслями Квинда где-то далеко, и в конце перелета, снижаясь крутами над крышей ее жилого комплекса, я резко вернул ее к действительности, сказав:

— Квинда, вчера я разговаривал с апиуром. Лично.

Краска сбежала с ее лица.

— Ты шутишь, — каким-то безжизненным голосом произнесла она.

— Нет, — ответил я, пораженный ее реакцией. — С членом Маракаибской группы.

— Алекс, ты не мог этого сделать.

На лице ее отразились потрясение, гнев, разочарование.

— Почему бы и нет? Что в этом плохого?

— Боже мой, Алекс, — прошептала она. — Что ты наделал!

XI

Мы часто называем восстание на Имаросе «роковым», полагая, очевидно, что без него не наступило бы двухсотлетие непрерывной вражды и периодически вспыхивающих войн. Но как могло быть по-другому при технологическом равновесии обеих культур, их взаимных экспансионистских стремлениях, претензии на роль вершителей судеб, при личной антипатии представителей одной расы к представителям другой? И если природа когда-либо сотворила два общества, предназначенных для противостояния, для решения проблем выживания только в битве, то это — ашиуры и люди.

Гаспер Медес. Долгие сумерки

— И ты не спросил, почему она так расстроилась?

— Нет, Джейкоб. Она не была расположена отвечать на вопросы.

— Я вижу только одно объяснение. Вспомни, по ее словам, экспедицию Артиса Лландмена погубили происки ашиуров. Поэтому, думаю, Квинда Арин боится, что ты мог выдать связанную с этим информацию.

— Но какую? Мне же ничего не известно.

— Мне кажется, она думает иначе. Во всяком случае, у меня есть новости. Возможно, мы получим дополнительную информацию о Таннер и узнаем, что она делала в те годы, которые пока остаются для нас белыми пятнами. Посмотри, пожалуйста, на монитор.

Свет померк и появилось сообщение:

«ANG/54/Y66133892/261, Марнет-Плейс, Тьюфманоил

М-р Бенедикт. У меня имеется материал о Лейше Таннер, который может вас заинтересовать. Я имею удостоверенную

копию ее записей, охватывающих период 1202–1219 гг. Мне бы не хотелось ни снимать копию с документа, ни выпускать его из своих рук. Если вам интересно изучить его с целью дальнейшей покупки, сообщите, пожалуйста, по коду, приведенному выше.

Хэмел Райч».

— Пришло ночью. Это ответ на общий запрос, который я разослал несколько дней назад. Но кому-нибудь придется отправиться за записями.

— Почему? Давай просто свяжемся с ним и посмотрим.

— Я уже предлагал.

Джейкоб вывел на экран следующее сообщение:

«Ваше предложение создает возможность копирования рукописи. Сожалею, но я не согласен».

— Это же бессмысленно, — сказал я. — Мы можем скопировать только увиденный кусочек. Очень маленький кусочек.

— Хочешь отправить ему еще одно послание?

— Я поговорю с ним.

— Он не подключен к сети, Алекс. Ты не можешь связаться с ним непосредственно — только по трансинтеркому.

— Давай, — сказал я. — Где ближайший терминал?

— В одной из гостиниц Тьюфманоила. Зная, что ты хочешь с ним связаться, я уже пытался это сделать. Они ответили, что адресат живет где-то за городом, им придется отправить туда кого-нибудь, чтобы привезти его к ним. Они не горели желанием проделать это.

— Отшельник, — проворчал я. — Интересно, а вдруг это опять «Записные книжки»? Она вела дневник?

— Очевидно, да, — предположил Джейкоб.

— Невероятное количество писанины, как у нее хватало времени на что-то еще? Узнай, сколько хочет Райч за свою вещь, и купи ее.

— Алекс, — Джейкоб явно собирался звать к моему здравому смыслу, — сам знаешь, такие артефакты стоят неимоверно дорого, к тому же велика вероятность, что этот вообще незаконный. — Сообщение на экране, мигнув, погасло. — Не хочу учить тебя, но...

— Спасибо, Джейкоб. Где находится Тьюфманоил?

— В Сулиасе.

Ему не удалось скрыть удивления. Сулиас расположен в другом полушарии.

— Ладно, — сказал я, — полечу к нему.

— Я заказал билет на вечерний рейс, — ответил Джейкоб.

Я пересек два океана и около полуночи по местному времени приземлился на восточной стороне Гряды Сулия. Было очень холодно, и, когда я вышел из межконтинентального лайнера, в воздухе висела густая изморось.

Я сел в автобус и к утру прибыл в Тьюфманоил, маленький курортный городок. На склонах тонким слоем лежал снег, солнце ярко светило в безоблачном небе, а улицы заполняли люди, направляющиеся к горным склонам.

Туристический центр находился в вестибюле лыжной базы. Пожилая дама поздравила меня с прибытием в долину лыжников «Серебряный пик» и поставила передо мной чашечку кофе.

Я принял ее с благодарностью и дал ей адрес Райча. Она ввела его в компьютер, на карте за ее спиной появилась голубая звездочка, как раз возле лыжни, примерно на расстоянии шести километров к западу от городка.

— Марнет-Плейс, — объяснила она. — Кого вы ищете?

— Хэмела Райча. Вероятно, торговца антиквариатом.

— О да. Не знаю, как насчет антиквариата, но у него там небольшой домик. Хотите что-нибудь еще?

— Нет, спасибо.

Я взял напрокат снегоход и через несколько минут уже стоял у жилища Райча, красно-белого трехэтажного домика с большим количеством стекла и дюжиной пар лыж на крыльце.

Из дома вышли несколько человек. Это были ребята, по большей части студенты колледжа. Проходя мимо, некоторые помахали мне, а одна девушка даже пригласила меня присоединиться к ним.

Я поднялся на крыльцо и постучал.

Дверь открыл поджарый бородатый молодой человек, который выглядел не намного старше студентов.

— Я ищу Хэмела Райча, — сказал я.

Он слегка наклонил голову и посторонился, пропуская меня:

— Мы знакомы?

— Мое имя Бенедикт. Я прилетел по поводу Лейши Таннер.

— Кого?

Незнакомец выглядел искренне озадаченным. И он не был похож на человека, которого интересуют художественные ценности нашего мира.

— У вас есть копии ее записок, — настаивал я.

— Не имею ни малейшего представления, о чем идет речь, сэр.

— Поблизости есть еще какой-нибудь Хэмел Райч? — спросил я. — Может, ваш отец?

— Нет.

Он начал отступать.

— Вы послали ответ на запрос о материалах, связанных с Лейшей Таннер, и сообщили, что располагаете ее записками.

— Вы меня с кем-то перепутали, — ответил он. — Ничего подобного я не делал. Я сдаю комнаты. Хотите снять?

Оказавшись снова на улице, я вызвал на связь Джейкоба. Тот ответил, что все это довольно странно.

— Что ты об этом думаешь? — спросил я.

— Телеграмма — явная фальшивка. Возможно, тебе придется соблюдать осторожность.

От такой мысли мне стало неудобно.

— Кто-то захотел убрать тебя отсюда, — продолжал Джейкоб. — Есть ли необходимость напоминать тебе, что мы имеем дело с людьми, не останавливающимися перед взломом и проникновением в чужой дом? Если то, к чему стремился твой дядя, имеет какую-то реальную ценность, возможно, тебя пытаются устранить.

— Зачем посылать меня на другую половину планеты?

— Бывают несчастные случаи, — сказал он. — Особенно в путешествиях. Может, я поддаюсь панике, но, прошу тебя, будь осторожен.

Расписание оказалось неудачным, и я добрался до Андиквара только через тридцать часов. Никто не покушался на мою жизнь, хоть я отметил несколько подозрительных личностей среди попутчиков. Я даже спросил себя, не захотят ли «они», как я мысленно называл теперь своего противника, уничтожить межконтинентальный лайнер со всеми находящимися на его борту, чтобы добраться до меня. Я обдумывал такую воз-

можность, все время ожидая объявления, что вот-вот откажут магниты или готово отвалиться крыло.

Я даже допускал дикую вероятность, что Гейба убили.

Нет. Я прогнал от себя эту мысль. Смехотворно.

Тем не менее я с радостью ступил на твердую землю.

Когда мой скиммер пересек Мелони и начал снижаться к Нортгейту, был уже поздний вечер. Едва показался дом, я сразу понял: что-то не так. Окна не светились, а Джейкоб любил свет. К тому же в его программу входило держать гостиную ярко освещенной, когда я отсутствовал.

— Джейкоб, — сказал я в переговорное устройство, — свет, пожалуйста.

Никакого ответа. Даже нет несущей волны.

— Джейкоб?

Свет уличных фонарей не доходил до площадки, и она была погружена в абсолютную темноту. Мы опустились на свежее-павший снег. Счетчик подсчитал плату и вернул мою карточку.

— Благодарю вас, мистер Бенедикт, — сказал автомат. — Доброго вечера.

Не дожидаясь, пока дверь откроется до конца, я выскочил наружу, поспешно прошел вдоль дома и взбежал на крыльцо. От легкого прикосновения дверь распахнулась. Значит, энергия отключена.

Я на ощупь пробрался в кухню, нашел переносную лампу и спустился в подсобное помещение. Там стоял холод, в выбитое окно летели снежные хлопья.

Как и в прошлый раз, несколько электрических кабелей были выдернуты из своих гнезд. Кто бы мог подумать, что они вернутся?

Я вставил провода на место, почувствовал успокаивающее гудение в стенах, увидел зажегшийся наверху свет и услышал голос Джейкоба:

— Алекс, это вы?

— Да. — Я поднялся в кухню. — Могу догадаться, что произошло.

— Мы не приняли мер предосторожности.

— Вот именно, — сказал я. — Я хотел, но так и не собрался.

— Мы даже не задействовали систему охраны. На этот раз грабители могли работать сколько угодно.

— С тобой все в порядке? Они снова пытались добраться до тебя?

— Нет. Очевидно, не пытались. Наверное, мы должны придумать для меня какой-то способ самозащиты. Может, систему нервно-паралитического действия.

— Подумаем.

— Просто чтобы помешать им действовать. Я бы не хотел причинить кому-нибудь вред.

— Они ушли? Или кто-нибудь еще здесь?

Я прислушивался к звукам на верхних этажах.

— Я не отмечаю в здании никакого движения крупных существ. Который час?

— Около девяти. Без двенадцати.

— Я был отключен почти одиннадцать часов.

— Что они взяли?

— Я сейчас произвожу инвентаризацию. Все системы данных, по-видимому, сохранили свою целостность. Вряд ли они что-либо взяли. По крайней мере, из того, что связано с моими цепями. Все занесенные в каталог предметы на месте. Датчики показывают беспорядок в вашей спальне. Там что-то произошло.

Мы двинулись в заднюю часть дома. Когда я подошел, Джейкоб уже включил все освещение.

Кровать была развороченной, вокруг разбросаны простыни и подушки, ночной столик перевернут, остальное — на месте.

— Что, черт возьми, происходит?

— Не могу представить, зачем кому-то понадобилось атаковать вашу постель, Алекс.

Мир неожиданно показался мне очень пустынным и очень холодным.

— Сегодня я посплю внизу, Джейкоб.

Я собрался уходить, но тут же вернулся в комнату.

— Книга, — мгновенно догадался Джейкоб.

«Слухи Земли» Уолдорфа Кэндлза! Раньше книга стояла на ночном столике, теперь ее нигде не было. Опустившись на колени, я заглянул под кровать:

— Ты где-нибудь ее видишь, Джейкоб?

— В доме ее нет.

— Как насчет других книг Кэндлза?

Пауза.

— Они здесь.

— Бред какой-то. Разве это редкое издание?

— Нет. По крайней мере, насколько мне известно.

— Значит, ее можно купить?

— Думаю, довольно легко.

Я поправил столик, поднял подушки и пошел вниз. Похоже на сумасшествие.

— Джейкоб, что нам известно об экспедиции Лландмена?

— Могу предоставить многочисленные отчеты. Несколько отличных книг подробно рассказывают о ней.

— Не хочу ничего читать. Расскажи мне сам.

— В течение сорока лет Лландмен был уважаемым археологом. Он создал себе репутацию на Влендиволе...

— Ладно. Думаю, это можно пропустить. Что там по поводу «Регалии»?

— Тысяча четыреста второй год. Вы знаете, что ваш дядя был в этой экспедиции?

— Да. Но, как я понял, они потеряли находку. Очевидно, это создало большие проблемы.

— Единственным известным фрегатом деллакондцев, уцелевшим после войны, был «Раппопорт». Он выставлен в Хринварском космическом музее на Деллаконде. В значительной степени он и есть музей, но всегда служил поводом для крупных споров. На нем отсутствуют двигательная система, системы обработки данных и вооружение. Они всегда отсутствовали. Теоретически все это могло снять руководство музея, чтобы никому не удалось, скажем, выпустить ядерный заряд по служебному офису.

— Вполне разумный подход, — заметил я.

— Да. К сожалению, тот, кто снял системы, не сохранил их. Есть много такого, о чем историкам хотелось бы знать, но без этих систем «Раппопорт» — не более чем пустая оболочка. Пользы от него никакой.

— Следовательно, находка предположительно подлинного боевого корабля деллакондцев была бы чудесным открытием.

Я подумал о Лландмене и «Регалии».

Джейкоб догадался.

— Ему повезло, — сказал он. — Тем не менее находка корабля являлась значительным достижением. Он работал над этой задачей сорок лет. Они нашли его на расстоянии ста семидесяти пяти миллиардов километров от места сражения, что дает представление о масштабах вычислений.

— Квинда считает, что корабль намеренно уничтожили, Джейкоб. Разве нам известно, что там произошло в действительности?

— Возможно, она права. Стоило исследовательской группе подняться на борт, как включилась система автоподрыва одной из ядерных торпед. Сработал таймер, и начался отсчет времени. Поврежденные системы, неосторожное обращение, диверсия — никто не знает. Лландмен чуть не погиб, пытаясь сбросить торпеду, но так ничего и не смог сделать. Они плохо знали устройство.

— А что случилось потом?

— Некоторое время поговаривали о следующей экспедиции. Еще за одним кораблем. Но ничего не получилось, и в конце концов остались только насмешки. Лландмен впал в депрессию, заболел и ушел на пенсию. Какое-то количество насмешек пришлось на долю вашего дяди. Однако Гейб был сделан из более прочного материала, он послал насмешников подальше.

— А Лландмен?

— Я ищу запись. Он принял слишком большую дозу лекарств. Результаты вскрытия не публиковались. Он страдал от различных заболеваний, поэтому нельзя с уверенностью говорить о самоубийстве. По-видимому, записки он не оставил.

— Почему ты говоришь «по-видимому»?

— Один из его родственников заявил, что видел ее. Даже если это так, семья не отрицала ее существования.

— Их можно понять.

— Да. Неудачный конец талантливого человека.

Я вспомнил, как Лландмен водил меня по затерянным местам мертвых городов, как держал меня за руку, помогая перебираться через обломки или обходить археологическое оборудование.

— Поговаривали даже, что он сам взорвал корабль. Наме-
ренно.

— Чепуха!

— Мысль закономерная. — Тон Джейкоба отверг эту идею как не стоящую внимания. — Пока вас не было, я наткнулся на дополнительные сведения о Мэтте Оландере.

— О ком?

— О Мэтте Оландере. Пропавшем друге Лейши Таннер. Оказывается, он похоронен на Илианде. Я читал путеводитель, составленный их специалистами по туризму. Илианда — очень популярный туристический объект.

Этого я не знал.

— Большая часть планеты все еще представляет собой дикую, неисследованную территорию, великолепная охота и рыбная ловля вдобавок руины, происхождение которых никто еще не объяснил. Они там очень любят Кристофера Сима, если судить по количеству бульваров, парков и университетов, названных в его честь. По-моему, причина в том, что во время самых беспробудных дней Сопротивления он их спас.

— Эвакуировал, — уточнил я.

— Да. Во время войны все население планеты собрали в Пойнт-Эдварде. Там было двадцать тысяч человек, и Сим каким-то образом узнал, что ашиуры собираются бомбить город.

— Еще одна головоломка, — сказал я. — В этот период войны ни один из противников не нападал на населенные районы.

— За исключением Пойнт-Эдварда. Вы сможете еще раз навестить своего друга С'Калиана и расспросить его? Во всяком случае, Сим прибыл со всем флотом, который ему удалось собрать, — большими гражданскими лайнерами, взятыми внаем у Токсикона и Абервела, а также со своими собственными фрегатами. Они вывезли почти всех, но по неизвестной причине бывший друг Таннер остался. У жителей Илианды существует легенда, согласно которой раньше он жил в Пойнт-Эдварде и встретил там свою жену.

— Джилл, — подсказал я.

— Да, Джилл. Она погибла во время нападения на Корморал. Как бы то ни было, илиандцы говорят, что он остался в Пойнт-Эдварде, поскольку предвидел гибель города и считал себя обязанным его защищать. Могила его находится в космопорте. Из нее сделали мемориал и разбили вокруг парк.

Вас еще кое-что может заинтересовать, — добавил Джейкоб. — Я копался в списках транспортных перевозок. Формально они засекречены, но в компании «Локвей трэвел» у меня

есть доступ к регистрационным файлам. Привилегированный пользователь. Ваш дядя летал на Деллаконду приблизительно за два месяца до исчезновения «Капеллы».

— Деллаконда — родина Кристофера Сима.

— Да. По-видимому, за последние полтора года Габриэль летал туда несколько раз.

— Джейкоб, все дороги возвращают нас к Сопротивлению. Я уже столько думал об этом и не могу представить себе связи между войной, закончившейся двести лет назад, и «Тенандромом».

— Я тоже. Возможно, кто-то сбежал с платежной ведомостью и спрятал ее где-то в Даме-под-Вуалью.

— Проклятье, — сказал я. — Наверное, пора взглянуть на места боев.

Джейкоб согласился со мной. Свет померк, потом погас, и посреди комнаты зажглась россыпь звезд.

— Поле боя можно определить как область шириной около ста двадцати световых лет и глубиной в сорок, простирающуюся примерно между Мироголом и Вендриканом. — Две звезды, плавающие у противоположных стен, на мгновение вспыхнули: одна белым, другая голубым светом. — Минимальное время перелета между ними в гиперпространстве заняло бы не менее шести дней.

— А для современных кораблей?

— Примерно столько же. Двигатель Армстронга используется уже почти пятьсот лет, но за все это время скорость гиперперелета практически не увеличилась. Не знаю почему, но, если хотите, могу узнать.

— Не надо.

— Мы, кстати, смотрим на эту область со стороны Земли. Передний край зоны влияния ашиуров находится на противоположной стороне комнаты.

Скопление из дюжины звезд засияло ярче, затем снова померкло. Кроме темно-красного солнца, которое я узнал.

— Йенмаси, — сказал Джейкоб.

Там все и началось. Колония землян, обосновавшаяся на Имаросе, четвертой планете Йенмаси, подняла бунт из-за налогов. Рядом находился Мистинмор, желтое солнце их родины, планеты Корморал, чьи боевые корабли вмешались в конфликт. Их уничтожение и взбудоражило пограничные планеты.

Все они были там: голубой сверхгигант Мэджнихан, родина несчастных бендириан, которые послали свой единственный корабль на помощь деллакондцам; золотистый Кастлманз, где Сим потерял несколько фрегатов в тщетной попытке спасти Город-на-Скале; дюжина звезд, симметричный узор которых образовал цилиндр длиной в несколько световых лет, известный под названием Щель, где небольшой флот союзных кораблей нанес сокрушительное поражение ашиурской армаде; желтое солнце Минкиад, так похожее на светило Земли, название которого до сих пор является символом вероломства, потому что две его населенные планеты вступили в сговор с захватчиками; белый карлик Каспадел, светило Илианды; и сверкающий белый Ригель, где погибли Сим и его корабль...

— Давай посмотрим на Даму-под-Вуалью.

— Меняю масштаб, — сказал Джейкоб.

Зона боевых действий съежилась в сверкающее облако размером с камин и отодвинулась к окну. В центре комнаты появилось яркое пятно.

— Дама-под-Вуалью. Расстояние от ближайшего пункта зоны боевых действий до переднего края скопления — чуть больше тысячи ста световых лет.

— Шестьдесят дней пути в одну сторону от Ригеля, — сказал я.

— Примерно. Очень далеко от зоны боев. Не могу представить, какая связь между Дамой-под-Вуалью и этой войной.

— Кто-то что-то там спрятал. Ничего другого быть не может.

— Сожалею, Алекс, но мне трудно вообразить себе объект, заслуживающий подобной секретности.

Проклятье, у меня не было ответа, хотя я продолжал считать, что это как-то связано с Семеркой. Откинувшись на подушки, я уставился на светящийся клубок.

Снова зажглись лампы.

— Уже поздно, сэр.

В комнате было тепло и безопасно. Знакомые картины, книги, бар с напитками — мой мир, который можно охватить умом и понять.

Я налил немного бренди. Кристалл с записями нескольких сценариев из библиотеки лежал в футляре на столике.

— Думаю, мне пора увидеть конец Сима, — сказал я.

XII

Любопытно, что Сим, стоящий в одном ряду с августейшими особами — Александром, Рэнсиблом и Черным Джорджем, — добился своей смертью того, чего не смог достичь всеми блистательными военными кампаниями.

Арина Кэш. Война в пустоте

Я вставил кристалл, приладил обруч и сел:

— Давай, Джейкоб.

— Вы совершили долгое путешествие, Алекс. Не лучше ли подождать до завтра?

— Сейчас, Джейкоб.

Пауза.

— Как обычно, у вас есть выбор: участник или наблюдатель?

— Наблюдатель.

— Исторический или альтернативный вариант?

— Исторический. Давай посмотрим, как это случилось.

— Помните, что это реконструкция событий на основании наиболее правдоподобных свидетельских показаний. События несколько драматизированы. Хотите наблюдать с борта «Корсариуса» или «Кудасая»?

Я задумался. Участвовать в последнем бою, находясь на борту обреченного корабля, чересчур драматично. И возможно, мне захочется отключить программу до того, как она выведет меня из опасной зоны. С другой стороны, взгляд из боевого корабля Тариена Сима будет более информативным и менее зависящим от воображения писателей.

— «Кудасай», — сказал я.

Комната погрузилась в темноту, и ткань обивки кресла изменилась.

— Эти сукины дети пригнали сюда чуть ли не весь свой флот.

Тариен Сим, в мундире Конфедерации времен Сопротивления, мрачно уставился на вихрь осколков и пыли, окружающий газовый гигант Баркандрик. Вдали осколки сливались в сияющие кольца немыслимой красоты, каких мне раньше видеть не доводилось. Три луны висели на равном расстоянии друг от друга, подобно древним фонарям вдоль тропинки в парке, одна из них совсем рядом.

Изображение вздрогнуло, и на фоне нижнего края самой планеты появилось обеспокоенное лицо Сима. Желто-зеленая атмосфера газового гиганта растворялась в ослепительном свете солнца. Тариена Сима невозможно было спутать ни с кем другим: холодные серые глаза бывалого человека, аккуратно подстриженные рыжеватые волосы и борода. Но если бы не его глаза, он вряд ли привлек бы к себе внимание. Да еще голос.

Раскатистый бас, полный непоколебимой убежденности. Голос настоящего Тариена, от звука которого кровь быстрее побежала по моим жилам. Я всегда считал, что не поддаюсь эмоциям толпы и ура-патриотическим призывам, однако знакомый голос задел во мне какую-то глубинную струнку, о существовании которой я и не подозревал.

На дисплее над его головой мигали разноцветные огни компьютеров, моделирующих ситуацию.

«Добрый вечер, мистер Бенедикт. — Слова прозвучали из микрофона на панели моего дисплея. Голос — мужской, сдержанный, отрывистый. — Добро пожаловать на Ригель. Я — комментатор программы и буду вашим гидом во время воссоздания событий. Вы находитесь на мостике „Кудасая“, единственного военного крейсера, имеющегося в распоряжении конфедератов на данном этапе войны. Это дар одного из частных фондов Земли, он впервые принимает участие в боевой операции. Сейчас крейсер находится внутри окружающей Баркандрик газово-пылевой оболочки, которая образует его внут-

реннее кольцо. Капитан корабля — Мендель Лемар. Тариен Сим формально является наблюдателем».

— Почему он здесь? — спросил я. — Кажется, он выбрал не самое удачное время.

«Именно поэтому. Он не надеется пережить Ригель. Учтите, в данный момент все считают, что усилия Тариена получить помощь не увенчались успехом. Земля и Окраина продолжают колебаться, ни одно крупное государство пока не заявило о желании вмешаться, а флот Конфедерации уменьшился до двадцати единиц. Единственной хорошей новостью стала революция на Токсиконе, где к власти должны прийти дружественные силы, которые положили бы конец войне с Мури. Вскоре с этой стороны действительно придет помощь, но у союзников уже не осталось времени. Поэтому Тариен решил разделить судьбу брата и его товарищей».

Я насчитал около двухсот вражеских звездолетов. Бóльшая часть — корабли сопровождения и эсминцы, но усиленные тремя тяжелыми крейсерами. Напротив них выстроились двадцать фрегатов, пара эсминцев и «Кудасай».

В полумраке мостика у одной из систем слежения стоял Мендель Лемар, высокий, меднокожий, суровый. Его худая мускулистая фигура четко вырисовывалась на фоне боевых дисплеев. Расположившиеся на своих постах офицеры выглядели подавленными, но старались скрыть это. Тариен Сим задумчиво смотрел в иллюминатор на большую планету, видимую в последней четверти. Он, казалось, не замечал напряженной атмосферы на мостике.

«Герой принял неизбежное», — подумал я.

Неожиданно он резко обернулся, встретился со мной глазами и ободряюще кивнул.

«Она едва не стала звездой, — сказал комментатор. — Через семьдесят лет после этого события была предпринята безуспешная попытка зажечь ее. Это шестая планета в одиннадцатипланетной системе. Эбонай — четвертая, и сейчас она находится почти в периастре».

— Почему нельзя уйти прямо сейчас? — спросил я комментатора. — Чем так важен Эбонай?

«Эбонай — последняя из пограничных планет, первоначально входивших в Конфедерацию. Остальные уже пали: Эсхатон,

Санусар, Город-на-Скале, даже Деллаконда. Следовательно, она имеет огромное символическое значение. С ее потерей Сим и его союзники станут изгоями, бандой кочевников, зависящих от помощи правительств, уже не раз демонстрировавших свое равнодушие или страх».

— Мы не думаем, — говорил капитан по линии связи с другими кораблями, — что они знают о «Кудасае». Они ожидают встретить обычную компанию фрегатов и эсминцев. Мы уже давно не применяли настоящей огневой мощи, и, возможно, нам удастся задать им сегодня жару.

Голос звучал почти восторженно, но стоявшие на мостике офицеры обменялись мрачными взглядами.

— У нас есть и другие преимущества, — продолжал капитан. — Добровольцы Токсикона завязали бой с основными силами ашиуров и отвлекли на себя значительное количество кораблей сопровождения, которые не успеют подойти вовремя и принять участие в сражении. — Он глубоко вздохнул. — Знаю, до вас дошли слухи, что Земля объявила о своем намерении вмешаться, хотя мы не смогли получить подтверждение. Конечно, это всего лишь вопрос времени, но в настоящий момент мы не можем рассчитывать на помощь. Фрегаты вступят в бой через несколько минут, столкновение произойдет на расстоянии около миллиона с четвертью километров от нашей позиции. Наши соединения постараются создать убедительную видимость боя, а потом пустятся наутек и прилетят сюда. Мы надеемся, что «немые» погонятся за ними.

Огни на мостике померкли, и появилось голографическое изображение Баркандрика. Газовый гигант плыл на фоне звезд, окруженный своими призрачными кольцами, кроме него в поле зрения находилось пять-шесть спутников. Корабли изображались световыми точками: ашиурские — белыми, деллакондские — алыми. Три больших крейсера блестели в окружении кораблей сопровождения.

С другой стороны от планеты, вдали от ее колен и спутников, фрегаты Конфедерации быстро двигались к флангу противника, пока ашиуры перестраивались для отражения атаки.

— С приближающихся кораблей нас не видно, — сказал Лемар. — И мы не одни. — На одном из мониторов возник «Корсариус». В невыносимо ярком свете он сверкал как бело-голу-

бое копьё. — Если нам немного повезет, мы окажемся среди ашиуров прежде, чем они осознают угрожающую им опасность.

Я увлекся происходящим, хотя люди вокруг меня были всего лишь моделями, а корабли и планеты — имитацией. Но я отбросил эти мысли, чувствуя, как бьется мое сердце, и снова задавая себе вопрос: каков боевой опыт Менделя Лемара и будет ли он на мостике, когда через несколько недель «Кудасай» взлетит на воздух? Я думал о таинственном экипаже Сима, состоящем из бродяг и сорвиголов, находящемся сейчас на борту «Корсариуса».

Семерка.

Даже зная, чем кончится сражение, я все равно был захвачен разыгрывающейся трагедией.

Эскадра из десяти фрегатов и четырех эсминцев начала бой с передовыми силами противника, полагаясь на относительное превосходство своего вооружения в противовес численному превосходству ашиуров. Вражеские корабли располагались слишком близко друг к другу, поэтому они более осторожно использовали свои орудия: ни один из их капитанов не хотел, чтобы его обвинили в нанесении ущерба дружественному кораблю. Как и у Хринвара, снаряды деллакондцев легко находили цель.

Внезапно два эсминца исчезли с экранов, а потом, один за другим, два фрегата.

Я ожидал отступления, но герои держались. Семнадцать минут они носились среди кораблей «немых», и, когда наконец прозвучал сигнал к отходу, только пять кораблей прорвались обратно. Они помчались к Эбонаю — путь к нему, благодаря точному расчету и некоторой доле везения, лежал через газопылевую оболочку Баркандрика.

Тучи эсминцев и фрегатов ринулись вдогонку.

По направлению к нам.

Один из крейсеров (по-видимому, у него заклинило рули) так и не вышел из разворота и, описав гигантскую дугу, покинул поле боя.

Я знал, что должно произойти: Эбонай падет и деллакондцы перестанут существовать как боевая сила, но ашиуры заплатят за победу дорогой ценой. Гибель Кристофера Сима сметет нейтралистов на многих планетах. В результате после Ригеля

родится современная Конфедерация, и первым ее шагом станет создание союзного флота, который в течение года прогонит ашиуров и вытеснит их из Рукава за Периметр, туда, откуда они пришли.

«Кудасай» просуществует еще несколько недель, ровно столько, чтобы стать свидетелем Вторжения. У Аркадии он погибнет, сражаясь бок о бок с первыми подразделениями землян, и унесет с собой Тариена Сима.

Экипаж «Кудасая» приготовился к бою. Лучевые пушки переведены в боевой режим, люки задраены, энергосистемы работают на максимуме. Интерком чуть ли не лопался от рапортов боевых постов, из которых я разбирал едва ли половину.

Лемар пристегнулся к командирскому креслу и посмотрел на Сима, все еще стоявшего возле иллюминатора.

— Вам лучше занять свое место, сэр, — мягко предложил капитан.

Глаза Тариена скрывал капюшон, но он прикоснулся к клавише переговорного устройства на подлокотнике своего кресла и взглянул на капитана. Тот кивнул, и Сим заговорил:

— Говорит Тариен Сим. Знайте, я горжусь тем, что я с вами. Как считают многие, от нас зависит будущее; и если это так, то оно не могло бы попасть в более надежные руки. Благослови вас Бог.

Рядом с нами из космической пыли бесшумно vyplыл «Корсариус».

Чей-то голос отсчитывал дальность.

С такого расстояния Ригель был почти не виден. Газ и пыль, сквозь которые мы проплывали, освещались светом Баркандрика.

«В реальном бою, — произнес комментатор, — промежутки времени между началом отступления и появлением в поле зрения „Кудасая“ деллакондцев составил несколько часов. Мы слегка сжали события. Если вы посмотрите на инфракрасный монитор, то увидите несколько звездочек, которые быстро увеличиваются в размерах. Наши корабли уже совсем близко».

Почти сразу же один из них взорвался.

«После этого боя уцелеют только семь боевых кораблей. Вопреки распространенному мнению, Сим допустил у Ригеля несколько ошибок, как в планировании, так и в ведении боя. Раньше он никогда не вступал в непосредственное соприкосновение с превосходящими силами противника. В этой войне его единственным преимуществом была тактика „бей и беги“. Каждый раз, когда вражеские корабли выходили из гиперпространства, Сим уже ждал их. Обычно он приканчивал пару жертв, а потом сразу отступал, пока экипажи ашиуров не пришли в себя после потери ориентации, вызванной прыжком.

У Ригеля Сим не имел возможности выбирать. К тому же до сих пор у него не было боевого корабля, обладавшего такой огневой мощью, как „Кудасай“. Вероятно, соблазн проверить крейсер в бою оказался слишком велик.

К настоящему моменту он и его союзники уже три года терпели поражения. Мы уже упоминали ранее о символическом значении Эбоная как последней планеты Конфедерации. К счастью, ашиуры не разделяют земных взглядов, поэтому они не поняли значения предстоящего сражения. В противном случае они бы явились сюда со всеми своими силами. Вместо этого они поспешно собрали и послали к Ригелю всего пару эскадр».

Низкое гудение генераторов, подающих энергию на двигатели и орудия, продолжало нарастать.

— Значит, Сим поставил все на одну карту.

«Да».

— И проиграл.

«Только свою жизнь».

Да, войну он выиграл, но насколько это утешительно лично для него?

Активность на мостике нарастала. По команде Лемара мы начали движение.

«В реальных боевых условиях иллюминаторы, конечно, закрыты. Мы оставили их открытыми для вас, поскольку особого значения это не имеет: корабли находятся на слишком большом удалении, а события происходят слишком быстро. Мы изменили еще кое-какие мелочи, чтобы вам было понятно происходящее».

— В зоне — эсминцы «немых», — произнес голос в интеркоме. — Они, по-видимому, добрались сюда первыми.

— Пусть идут.

Теперь мне стали видны луны — плывущие в облаках сгустки света.

Мы наращивали скорость.

— Капитан, поступили сведения о составе передового отряда: два крейсера, семнадцать эсминцев, девятнадцать или двадцать кораблей сопровождения. За ними подходят другие корабли, но на первом этапе они не будут иметь значения.

В инфракрасных лучах были ясно видны оба флота — фон-тан звездочек, пронизывающих тьму над гигантской планетой.

— Эскадра эсминцев вышла на позицию и по сигналу готова присоединиться к нам.

Каждый из двух крейсеров прикрывали шесть-семь кораблей сопровождения, и сейчас вся эта армада по пятам преследовала отступающих деллакондцев.

С «Корсариуса» раздался голос Кристофера Сима:

— Призрак, говорит Свирепый. По моей команде эскадра тормозит на полной тяге. Пусть передние корабли вас настигнут, вступайте в бой и будьте готовы произвести плановый маневр. Выдернем им жало.

Мы начали выбираться из своего укрытия. Прямо перед нами находилась линия кораблей противника.

Ашиуры! Их корабли казались чистыми точками света, вспыхивающими на фоне пыли, обломков и пустоты над Баркандриком.

— Они нас еще не видят, — сказал штурман. — Всем пристегнуться.

Мы продолжали набирать скорость. Я почувствовал мягкое давление от тяги двигателей и проверил свои ремни. Комментатор молчал. В целом я понимал, что происходит. Скорость кораблей ашиуров была настолько велика, что, если бы они даже обнаружили нас раньше времени, им вряд ли удалось бы что-то предпринять, чтобы помешать нам сделать несколько хороших залпов по крейсерам. Однако, если мы промахнемся, другого шанса у нас уже не будет: благодаря своей скорости корабли ашиуров быстро покинут конус поражения. В запасе у нас всего около восьми секунд, причем наиболее благоприятна для нанесения удара только половина этого времени.

Я попытался расслабиться, удивляясь, почему реагирую так, будто сомневаюсь в исходе сражения. Деллакондцы захватят крейсера врасплох, «Кудасай» уничтожит один, а «Корсариус» подойдет второй, но и сам при этом лишится экранов. И прежде чем «Кудасай» успеет прийти к нему на помощь, смертельно раненный корабль «немых» прикончит его. Ядерным зарядом.

Тариен был погружен в свои мысли. Я следил, как «Корсариус» выходит на заданную позицию в километре от нас. На мгновение по его корпусу скользнул луч солнечного света, и благодаря какой-то зрительной иллюзии черная фурия устремилась вперед: орудия приведены в боевую готовность, блюда сенсоров медленно вращаются, огни на мостике пригашены. Все это придавало очертаниям корабля слегка потусторонний оттенок, словно он уже частично превратился в призрак.

Прозвучала сирена, и ее низкий вскрик эхом пронесся по кораблю.

— Позади нас что-то появилось, — удивленно произнес один из офицеров на палубе. — Приближается быстро. Похоже, вражеский отряд. Двенадцать, возможно, тринадцать эсминцев.

— Подтверждаю, — раздался другой голос. — Они преследуют нас.

— Как, черт побери, им это удалось? — прорычал капитан. — Наблюдатели, дайте время их прибытия.

— Если скорость торможения не изменится, через одиннадцать минут.

Я прислушался к звуковому фону корабля. Казалось, весь экипаж затаил дыхание.

Я и сам почувствовал некоторое замешательство, поскольку не имел ни малейшего представления, что они сталкивались с такой проблемой. Каким же образом при данных обстоятельствах они смогли выполнить свой план относительно главных сил преследователей? А это им, по свидетельству истории, все-таки удалось.

Молчание нарушил голос Кристофера Сима:

— Молот, говорит Свирепый. Прервите атаку, отступайте.

— Минуточку, — сказал я. — Комментатор, здесь что-то не так.

— Мендель, — голос Кристофера звучал напряженно, — нам важно сохранить «Кудасай». Уводи корабль. Я постараюсь прикрыть вас.

— Нет! — Огромный кулак Тариена опустился на подлокотник кресла. Он гневно уставился на экран, по которому двигалась туча приближающихся эсминцев. — Продолжай атаку, Крис. У нас нет выбора!

— Не могу, — ответил ему брат. — Они перехватят нас до того, как мы подойдем к целям. Сегодня мы должны сражаться с эсминцами, хотим мы того или нет, поэтому нам лучше сосредоточить усилия на выборе удобной позиции. Их тут слишком много, мы не можем рисковать в открытом бою. Иди к Баркандрику.

— Подождите минуту, — возразил я. — Ведь все было не так. «Не вмешивайтесь, пожалуйста, Алекс».

— Что, черт возьми, здесь происходит, комментатор? Я никогда не слышал об атаке эсминцев в последнюю минуту.

«Вас там не было. Откуда вы знаете, что произошло на самом деле?»

— Я читал книги.

Раздался голос Лемара:

— Приготовиться к подаче мощности на двигатели Армстронга. При необходимости мы выскочим в гиперпространство.

Тариен яростно затряс головой.

— Это будет конец, — пророкотал он. — Не делайте этого.

Мы резко повернули, и меня вдавило в сиденье. Система жизнеобеспечения, создающая искусственную гравитацию, гасит при ускорении инерцию, но тогда, очевидно, она была не столь совершенна, как оборудование на современных межзвездных лайнерах.

— Алекс? — прозвучал в моих наушниках голос Тариена. Это тоже было неожиданностью: участники событий не должны разговаривать с наблюдателем.

— Да? В чем дело? — отозвался я, с трудом выговаривая слова.

— Нам не удастся уцелеть. Спасайся, если можешь. — Он посмотрел на меня, взмахнул рукой, словно приказывая прыгать, затем повернулся к дисплею.

Я повиновался.

— Комментатор, отключите меня.

Никакой реакции.

— Комментатор, где вы, черт побери?

Я вдруг испугался.

Капитан перевел системы корабля в боевой режим. Уже потом я узнал, что корабли тех лет в критической ситуации могли на короткое время форсировать свои генераторы. Установки вырабатывали ресурс гораздо быстрее, зато эта мера позволяла резко увеличить подачу энергии одновременно в орудия, защитные экраны и двигатели.

Сфера планеты, за которой мы надеялись укрыться от преследователей, казалась безнадежно далекой. Мы поспешно набирали скорость. Но эсминцы на дисплеях быстро приближались, выстраиваясь клином.

Я сжал обруч. По лицу ручьями струился пот.

— Комментатор, отключите меня.

По-прежнему ничего.

Согласно инструкции, если откажет связь с комментатором, вы можете выйти из программы, сняв с головы обруч. Обычно делать это не рекомендуется, поскольку при этом создаются большие нагрузки на оборудование, голову или на что-то еще. Не помню. Но я все же снял обруч.

Ничего не изменилось.

Я закрыл глаза, пытаясь ощутить тугие подушки дивана. Но хотя я лежал на этом проклятом диване, единственным связующим звеном между тем и этим миром был обруч. Даже одежда на мне была другой: мундир деллакондцев с двумя серебряными кружочками на петлицах. Чин офицера.

Сработали кормовые батареи нашего корабля. Крейсер содрогнулся от залпа. Что, черт возьми, здесь происходит?

Если корабль расколется, я получу серьезную травму или и вовсе отдам концы, — во всяком случае, мое физическое тело, несомненно, пострадает. Иногда такое случалось, и люди умирали.

— Джейкоб, ты здесь?

— Эсминцы начинают обходной маневр. Мы хотя бы сыграем время.

На одном экране виделся «Корсариус», на другом появились трассы выстрелов «Кудасая». Кто-то считывал показания дат-

чиков мощности. Но заполнявшие до этого интерком переговоры практически прекратились.

Трассы выстрелов прошли сквозь строй кораблей «немых», не причинив им вреда.

— Все мимо. Готов следующий залп.

— Подождите, — произнес капитан. — Подойдем поближе. Я скажу, когда стрелять.

Долгое время царило молчание, которое нарушали лишь гудение систем жизнеобеспечения и пульсирующий гул энергетических генераторов, доносившийся из глубины корабля. Вахтенный офицер доложил, что эсминцы произвели залп. Они использовали снаряды с ядерными боеголовками, которые двигались почти со скоростью света и, к счастью, прошли мимо.

Последовал новый обмен залпами. Два эсминца взорвались, еще один покачнулся и вышел из строя. Кто-то радостно вскрикнул.

— Можем повторить, — раздался в интеркоме женский голос.

Капитан нахмурился. Тариен с удивлением следил за ним.

— Что случилось? — спросил он.

— «Корсариус» еще не стрелял.

— Капитан, — сказал штурман, — взгляните на левый экран.

Мы посмотрели в ту сторону. Хотя я не заметил в изображении «Корсариуса» ничего необычного, зато остальные, по видимому, все поняли. Сначала царило недоумение, потом его сменил гнев и, наконец, отчаяние.

Я взглянул еще раз и обомлел: орудия были нацелены на нас!

Капитан ударил по переключателю на своем кресле.

— «Корсариус»! — позвал он. — В чем дело?!

Никакого ответа.

— Какая-то нелепость! — сказал Тариен, склоняясь к своему микрофону. — Крис!

— Полная мощность на защитные экраны левого борта! — приказал капитан. — Отклоняемся. Переходим на автостабилизацию. Прекратить связь с «Корсариусом». По моей команде выходим на ноль-три-восемь, отметка шесть.

— Нет! — зарычал Тариен. — Нужно с ними поговорить. Узнать, что происходит.

— Потом поговорим, — ответил Лемар. — Сейчас важно, чтобы они не смогли точно нацелить на нас свой луч. — Он нетерпеливо обратился к офицеру справа: — Рулевой, выполняйте!

Корабль развернулся, и меня снова расплющило в кресле.

— Он все еще рядом с нами.

Длинный, похожий на снаряд корпус «Корсариуса» оказался напротив моего обзорного иллюминатора.

— Это физически невозможно, — выдохнул я реплику в микрофон, не ожидая получить ответ. Но внезапно прозвучал голос комментатора:

«Вы правы, это действительно невозможно. Спросите у ашиуров. Они скажут вам, что „Корсариус“ не подчиняется законам физики, а Кристофер Сим — нечто гораздо большее чем человек».

Корабль Сима развернулся, вводя в действие еще одну батарею.

— Импульсные, — произнес капитан.

Голос вдалеке прокомментировал:

— Дальность прямого выстрела.

Вспышки я не видел. Импульсы летят со скоростью света, поэтому были только резкий треск металла, внезапная темнота, вой вытекающего в космос воздуха и короткий дикий крик. В кабину ворвался холодный смерч, что-то врезалось мне в ребра, и я вдруг с необычайной ясностью почувствовал подлокотник кресла. Корабль, кабина, трудности с дыханием — все сфокусировалось на куске металла, покрытого тканью.

— Эта сволочь готовится к повторному залпу!

XIII

Толпа — это демократия в самом чистом виде.

Анналы Деллаконды.

Изречение, приписываемое Кристоферу Симу

Что-то холодное коснулось моего лба. Я прислушался к ритму своего дыхания, но, когда попытался шевельнуться, почувствовал легкое головокружение. Ребра болели, шея тоже, под прикрытые веки проникал тусклый свет.

— Алекс, с тобой все в порядке?

Голос Чейз. Издалека. Вода капает в раковину.

— Привет, — произнес я, все еще плавая в полумраке.

Она взяла в ладони мою голову и прижалась губами ко лбу:

— Хорошо, что ты вернулся.

Я неуклюже потянулся к ней, Чейз отодвинулась и улыбнулась, но ее глаза остались серьезными.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ужасно.

— Кажется, ничего не сломано. Немного помят. Что ты там делал?

— Выяснял, что бывает с посторонними наблюдателями.

— Дать тебе лекарство?

— Нет, со мной все нормально.

— Может, выпьешь чего-нибудь? Я не очень в этом разбираюсь. У тебя могут быть внутренние повреждения.

Я взглянул снизу вверх в ее серые глаза. Не Квинда Арин, конечно, но в тот момент она выглядела очень привлекательно.

— Я чувствую себя превосходно. Как ты здесь оказалась?

— Меня вызвал Джейкоб.
— Джейкоб?
— Мне это показалось удачной мыслью, — сказал Джейкоб.
— Он заметил что-то неладное.
— Вы покраснелись, — объяснил искин. — И дышали неровно.

— Поэтому он рискнул и отключил тебя от программы.
Чейз протянула мне стакан.

Я отхлебнул воды, попытался сесть, но у меня ломило все тело.

— Что случилось?

— Мы точно не знаем. Какой-то дефект в записи.

— Алекс, — сказал Джейкоб, — я просмотрел все сценарии. Включи вы другие модели, произошло бы то же самое. Даже битву у Волчков. Если бы вы вернулись к Хринвару вместе с десантом Сима, то обнаружили бы, что план отвлечения ашиу-ров не совсем сработал и деллакондцев уничтожили. Это не те модели, которые мы скопировали.

— Грабитель, — сказал я.

— Да, — согласился Джейкоб.

Я снова сделал попытку подняться, но Чейз заставила меня лечь.

— Возможно, именно поэтому они разбросали простыни и украли книгу.

— При чем тут простыни? — спросила Чейз, решив, что она ослышалась.

— Вчера у нас был грабитель, который проделал нечто странное с постельным бельем, а также стащил сборник Уолдорфа Кэндлза.

— Для отвода глаз, — сказала Чейз. — Чтобы скрыть истинную причину взлома. Кто-то хочет тебя убить.

— Не согласен, — вмешался Джейкоб. — Я прервал запись, как только догадался о возникшей ситуации. Однако через несколько секунд программа все равно приняла бы меры для вашего спасения. То же относится ко всем записям. Ваша смерть в их намерения не входила.

— Похоже, они пытаются запугать тебя, Алекс, — сказала Чейз.

Им это удалось. По ее лицу я видел, что она об этом догадалась.

— Все наверняка связано с Гейбом.

— Да, — сказал Джейкоб.

Я искал пути достойного выхода из игры, не рискуя показаться Чейз презренным трусом.

— Нет ничего такого, ради чего стоило бы погибнуть, — произнес я.

Джейкоб молчал.

Чейз кивнула.

— Так безопаснее всего, — согласилась она после долгого молчания. Выглядела она разочарованной.

— Ну хорошо, чего вы от меня хотите? Я даже не знаю, кто эти сукины дети. Как я могу от них защититься?

— Никак.

В комнате стало очень тихо.

Чейз уставилась в окно, а я приложил руку к голове, стараясь выглядеть совершенно разбитым.

— Жаль, что этим уродам все сойдет с рук, — наконец произнесла она ровным голосом.

— Кто-то, наверное, думает, — вставил Джейкоб, — что вы на верном пути.

— Кто-нибудь разбирается в этих штуках? — спросил я, вертя в руках кристалл с записью моделей. — Сложно перепрограммировать один из таких сценариев? Какая квалификация нужна для этого?

— Умеренная, мне кажется, — ответил Джейкоб. — Нужно переписать базовую программу и отключить программу комментатора, направленную на обеспечение безопасности участника. И еще необходимо отключить несколько дублирующих предохранительных систем. Прodelать все это может и домашняя система.

— А ты бы смог?

— О да. Довольно легко.

— Значит, кто-то узнал, вероятно в библиотеке, какие сценарии я скопировал, получил дубликаты, перепрограммировал их на этот кристалл и подменил его.

Чейз смотрела в сторону.

— Мы могли бы запросить библиотеку и узнать, кто еще интересовался этими сражениями.

— Не помешало бы, — согласился я.

— Уже сделано, Алекс. Идентичный набор сценариев заказан два дня назад.

— Хорошо, — неохотно сказал я. — И кем же?

— В записи сказано — Габриэлем Бенедиктом.

На следующее утро Джейкоб небрежно заявил, что почитал о Кэндлзе и наткнулся на любопытную информацию.

— Он писал предисловия ко всем своим книгам. Вам это известно?

— У нас есть или, вернее, были все пять его книг, — ответил я. — Не помню никаких предисловий.

— Просто они ужасно длинные, почти такие же длинные, как и сами книги. Поэтому их никогда не включают в сборники. Но много лет назад их собрал и снабдил комментариями Арманд Хэлли, выдающийся исследователь творчества Кэндлза.

Я с наслаждением ощущал тепло термоплёда, окутывавшего мои избитые ребра.

— К чему ты клонишь? — спросил я.

— Я нашел у него описание событий на Каха Луане после оккупации Города-на-Скале. Там есть интересный портрет Лейши Таннер. Женщина явно обладала огромным мужеством.

— Из чего это следует?

— Помните, она говорила о толпе? Очевидно, Лейша не оставалась сторонним наблюдателем. У меня подобран материал. Если хотите, посмотрите.

— Давай.

— На экране?

— Прочти мне, Джейкоб.

— Хорошо. — Он помолчал. — Там довольно много говорится о политической ситуации.

— Потом. Что он говорит о Лейше Таннер?

— Вечером того дня, когда они узнали о взятии Города-на-Скале, Кэндлз наблюдал, держась на безопасном расстоянии, за демонстрацией в студенческом городке.

«В качестве сцены они использовали портик столовой. Там с соответствующим моменту разъяренным видом сидели семь-восемь человек, явно готовых перерезать несколько глоток ради правого дела. Выступала Мариш Камандеро, привлекательная и очень серьезная женщина, возглавлявшая факультет социологии. Как раз такой человек и нужен для преподавания социологии.

На площади собралось около двухсот демонстрантов. Число, возможно, и не очень внушительное, но кричали они громко. И были активны. Они толкались и возбужденно жестикулировали под свою ужасающую музыку. Завязались драки. Один молодой человек, по-видимому, пытался спариться с колючим кустом, повсюду валялись бутылки.

Камандеро размахивала руками и вопила об убийцах-„немых“. Толпа сильно возбудилась.

Вдруг появилась Лейша и безрассудно подошла к толпе именно в тот момент, когда Камандеро заявила, что история переполнена трупами тех, кто не хотел или не мог бороться. Люди прячут голову в песок и надеются, что „немые“ уйдут сами.

Толпа заревела в знак одобрения.

— Настало время, — говорила она, — встать рядом с Кристофером Симом.

Услышав имя Сима, толпа принялась во всю мочь скандировать его. Беспомощные глупцы, чья планета владела всего лишь парой дряхлых челноков!

Лейшу узнали, и шум утих. Камандеро, улыбаясь, ткнула пальцем в ее сторону.

— Доктор Таннер понимает „немых“ лучше нас, — сказала она с притворной приветливостью. — Год назад она защищала своих друзей публично, заверяя, что этот день никогда не наступит. Возможно, она будет так любезна и скажет, чего нам еще стоит бояться теперь, когда захвачен Город-на-Скале?

Толпа пока не видела Лейшу, она еще могла выбраться отсюда, но предпочла остаться. Безрассудный поступок, особенно в такой момент. Даже какой-нибудь энергичный бухгалтер мог бы послать этих идиотов сжечь Капитолий.

Лейша гневно посмотрела на Камандеро, с явным презрением огляделась вокруг, пожала плечами и зашагала к портику.

Толпа расступилась перед ней, но кто-то бросил в ее сторону банку из-под пива.

Камандеро подняла руки, успокаивая зрителей и призывая их проявить терпение и великодушие даже по отношению к тем, кто трусит перед лицом войны.

Лейша с королевским презрением шла сквозь толпу. Смотреть на это было приятно, хотя и страшно. Она поднялась по ступенькам на возвышение и остановилась перед Камандеро. Толпа зашумела. Издалека до меня доносились голоса людей да шум летающих над головой лодок.

Камандеро была намного выше Таннер. Они стояли лицом к лицу, молча глядя друг другу в глаза. Потом Камандеро отстегнула свой микрофон, однако продолжала держать его за шнур. Лейше пришлось бы встать на цыпочки, чтобы его достать.

— Я согласна, — дружелюбно произнесла Лейша, — время сейчас опасное.

Мило улыбнувшись, она повернулась к собравшимся. Камандеро уронила микрофон на платформу, спустилась со сцены и, растолкав толпу, вышла на площадь.

Лейша развивала достигнутый успех:

— Война очень близко, и, хотя мы пока не стали ее частью, это, наверно, уже неизбежно.

Раздались редкие выкрики одобрения, однако быстро стихли.

— Сегодня в городе полно подобных митингов, поэтому мы должны на минуту остановиться и подумать...

Недалеко от площади раздался взрыв, в толпе снова зашумели.

— ...подумать о том, что мы имеем дело с народом, очень похожим на нас...

Это вызвало протест. Кто-то крикнул, что они вовсе не похожи на нас, кто-то назвал их дикарями. Лейша спокойно ждала, когда ее снова станут слушать.

— Они умеют думать!

Я огляделся в поисках поддержки, спрашивая себя, что делать, если они стащат ее вниз, в толпу.

— У них есть этическая система, — продолжала Лейша. — У них есть университеты, где студенты собираются на такие же митинги и требуют отомстить нам!

— Сегодня они отомстили!

Опять зазвучали угрозы в адрес ашиуров, университета и Лейши.

— Да! Наверное, отомстили. — По ее лицу промелькнула тень боли. — Мы потеряли несколько кораблей с экипажами, я также слышала, что „немые“ убили несколько человек на планете. Теперь у нас нет другого выбора, как самим пролить кровь.

Толпа потрясла факелами:

— Стерва!

— Правильно, черт побери!

— Многие люди погибли. Как насчет них?

Я уже слышал ответ на этот вопрос: „Мы ничего не должны мертвым. Они не узнают, остались ли мы нейтральными или выступили, прославили ли их имена или забыли о том, что они когда-то жили среди нас“. Но Лейша оказалась достаточно осторожной и не сказала ничего подобного.

— Мы еще сможем остановить бойню, если действительно захотим. А если нет, то, по крайней мере, сможем сами остаться в стороне. Почему Спротивление не получает никакой помощи от Окраины? Или от Токсикона? У них же есть боевой флот! Если ашиуры представляют угрозу для всех нас, почему они не выступили?

— Я скажу почему! — яростно выкрикнул плотный мужчина, работавший над диссертацией по классической литературе. — Они хотят всеобщего участия! Мы находимся в зоне боевых действий, и, если мы сами себе не поможем, зачем им рисковать своими людьми?

Толпа громогласно согласилась.

— Возможно, вы правы, — ответила Лейша. — Но правда в том, что Окраина и Токсикон не доверяют друг другу в значительно большей степени, чем инопланетянам.

Я придвинулся ближе. Вряд ли я когда-либо боялся больше, чем сейчас. В толпе я заметил людей из службы безопасности, но, если этот сброд набросится на нее, они ничего не смогут сделать.

— Если вы всерьез решили принять участие в войне, — продолжала Лейша, — то следует подсчитать, какими силами мы располагаем. Насколько мне известно, у Каха Луана есть

один эсминец. Вот и все. Один эсминец. Есть еще три или четыре фрегата, которые последний раз участвовали в бою более полувека назад. Есть еще несколько челноков, но им придется стрелять камнями, поскольку они не вооружены. У нас нет заводов, способных строить военные корабли, поэтому их придется покупать. Надо будет также провести в парламенте закон об огромном повышении налогов. И отменить бесплатное образование.

Она остановилась, оглянувшись на группу людей, сидящих позади нее. Самым известным среди них был Майрон Маркузи с философского факультета.

— Уверена, — улынулась ему Лейша, — что доктор Маркузи одобрит меры, которые понадобятся для сбора денег.

— Правильно, черт возьми! — прокричал кто-то из задних рядов толпы.

Маркузи оказался на высоте положения.

— Нас не волнуют деньги, доктор Таннер, — ответил он, пытаясь придать своему голосу побольше убедительности, но потерпел неудачу. — На карту поставлено гораздо большее, чем несколько стипендий. Мы говорим о нашей жизни, а возможно, и о выживании человечества! Если не объединиться перед лицом общей опасности...

Его голос сорвался на писк, но ему громко зааплодировали.

Тут кто-то запел старинный боевой гимн Города-на-Скале „Кондор-ни“. Его сразу подхватили, и вскоре песня уже гремела над площадью. А удрученная Лейша стояла, молча глядя на происходящее».

Следующие дни я провел в поисках любой информации о Таннер, связываясь поочередно с университетскими библиотеками и отдаленными архивами. Засыпал я за чтением работ Рэшима Мачесны. Мне удалось разок пообедать с Квиндой, и я получил огромное удовольствие, поскольку мы впервые провели вечер без обсуждения Сопротивления.

Через несколько дней после моего полета на «Кудасае» Чейз сообщила, что кое-что нашла. Она не захотела сказать, что именно, но была очень возбуждена. Известие не показалось мне особо радостным: я уже начал надеяться, что зашел в тупик и могу с чистой совестью отступить.

Через час с ужасно самодовольным видом появилась Чейз.

— Здесь собрание писем Уолдорфа Кэндлза, — сообщила она, вручая мне кристалл.

— Привет, Чейз, — сказал Джейкоб. — Обед будет готов через полчаса. Как вам приготовить бифштекс?

— Привет, Джейкоб. С кровью.

— Хорошо. Приятно снова видеть вас. Очень хочется посмотреть на вашу находку.

— Спасибо. Я переговорила с сотрудниками отделов литературы и библиотек на всем континенте. Это нашлось в архиве небольшой школы в Масакане. Составлено местным издательством, но после смерти редактора официально не публиковалось. В собрание включена голограмма от Лейши Таннер, посланная с Миллениума!

Миллениум — последняя информация в «Записках» Таннер.

Я вставил кристалл в считывающее устройство Джейкоба и сел на кушетку.

Свет померк.

Появилось изображение Таннер, в легкой блузке и шортах. Видимо, там, где она находилась, было тепло.

— Уолли, у меня плохие новости.

В глазах Лейши застыла тревога. Ту женщину, которая, не дрогнув, стояла перед толпой на площади Каха Луана, что-то сильно потрясло.

— Мы оказались правы: Мэтт был здесь после гибели «Стражинского». Но деллакондцы пытаются скрыть это. Я беседовала с несколькими его знакомыми, но они или вообще не хотят говорить о нем, или лгут. Он им не очень-то по душе, Уолли, хотя они делают вид, что он им нравится. Я говорила со специалистом по компьютерам, ее зовут Молин или Монлин, не помню. К тому времени я уже поняла, что нельзя напрямую спрашивать о Мэтте, поскольку люди сразу притворяются, будто вообще ничего не знают. Поэтому, разговаривая с Монлин, которая слишком много выпила, я как бы невзначай сказала об общем знакомом, пару раз упомянувшем в разговоре ее имя. Она вроде бы заинтересовалась, но, когда я назвала Мэтта, потеряла самообладание и так разозлилась, что разбила свой стакан и порезала руку. Она обозвала его предателем и сукиным сыном, кричала, что убила бы его, если бы могла. Я никогда не

видела подобной злобы. Потом, словно кто-то повернул выключатель, она замолчала и не захотела больше ничего говорить.

На следующее утро за завтраком она заявила, что это была просто пьяная болтовня и Мэтт ей нравится, хотя их нельзя считать хорошими знакомыми, что она сожалеет о его смерти и так далее. В тот же вечер она исчезла. Один из офицеров сказал, будто ее послали куда-то с поручением. Он не знал, куда именно.

Меня беспокоит вот что: Мэтта всегда трудно было понять, однако он не относился к людям, вызывающим ненависть. Уолли, они его презирают. Его имя не просто вызывает раздражение. Все эти люди с радостью убили бы его!

Думаю, мне следует вернуться домой. Я устала от разговоров с военными, они слишком легко начинают ненавидеть. Но боже мой, как бы мне хотелось знать правду! Ведь не было никого более верного Симу и проклятым конфедератам, чем Мэтт Оландер.

Это место превратилось в сумасшедший дом. Здесь полно беженцев с Илианды, их палатки стоят повсюду. Я смотрю на этих людей, лишившихся своего дома, и теряю мужество. Тебе известно, что ашиуры бомбили Пойнт-Эдвард? Почему они поступают так глупо? Я не могла бы сказать это никому другому, но иногда я спрашиваю себя, а не прав ли Сим в отношении ашиуров? Тяжело, Уолли. Действительно тяжело.

Говорят, что завтра в городе выступит с речью Тариен. Он должен сообщить о выделении района для размещения илиандцев. Попытаюсь поговорить с ним, — может, удастся убедить его расследовать дело с Мэттом.

Буду держать тебя в курсе.

Изображение померкло.

— Все?

— Другой записи нет, — ответил Джейкоб. — На этом кристалле.

— Это все что есть, — сказала Чейз. — Во введении указано, что планируется издать следующие выпуски. Но ни один так и не подготовили. Умер редактор.

— Его звали Чарлз Паррини, из Милетского университета, — добавил Джейкоб. — Он умер тридцать лет назад.

— Издание мог закончить кто-нибудь еще.

— Возможно. — Чейз выпрямилась. — Значит, просто не опубликовали.

— Может, это и не имеет значения, — заметил Джейкоб. — Но ведь Паррини должен был собрать какие-то документы. Найдите их, тогда, возможно, вы получите ответы на свои вопросы.

Милетский университет располагался на Сиквине, самом маленьком из шести континентов Окраины, посреди пустыни, в городе Капучай. Паррини проработал там профессором литературы большую часть жизни. Библиотека была переполнена его книгами, этот человек оказался чрезвычайно плодовитым. Там можно было найти его комментарии к произведениям каждой литературной эпохи, начиная с вавилонской. Он редактировал несколько справочных изданий по великим поэтам и эссеистам, включая Уолдорфа Кэндлза, перевел целую полку ашиурской поэзии и философии. Всю вторую половину дня и часть следующего утра мы с Чейз работали в кабинете Гейба, просматривая эти книги.

Ближе к полудню Чейз позвала меня к терминалу:

— Интересный перевод сочинения Тулисофалы. Я ознакомилась с принципами, на которых основана ее этическая система: «Люби врага своего. Плати добром за зло. Справедливость и милосердие — краеугольные камни праведной жизни, справедливость потому, что ее требует природа, а милосердие потому, что справедливость разъедает душу».

— Что-то знакомое.

— Возможно, существует единственная этическая система для всех разумных видов. Хотя у «немых» она, по-видимому, не имела успеха.

— Ты именно это хотела мне показать?

— Нет. Минуточку. — Чейз вернула на экран титульный лист и указала на посвящение. «Лейше Таннер».

Никто из библиотекарей не знал о Паррини. Для них он был всего лишь парой кристаллов в библиографическом зале и тремя коробками документов в хранилище. А может, там было четыре коробки? Точно никто не знал. По нашей просьбе коробки спустили в просмотровую комнату и продемонстрировали

их содержимое. Мы обнаружили студенческие доклады, списки учеников, финансовые записи, устаревшие еще при жизни Паррини: счета за мебель, произведения искусства, книги, одежду, скиммер.

— Должно быть что-то еще, — сказала Чейз, когда мы сняли обручи и приступили к обеду. — Мы не там ищем. Составив первый том, Паррини просто не мог не создать большой задел материалов для следующих книг.

Я согласился и предложил начать с литературного отдела.

Джейкоб уже держал наготове код связи, и сразу же после обеда мы подключились к убогой конторе с потрепанной мебелью, где за столами скучали два молодых человека. Задрав ноги и скрестив руки за головой, они развалились у старинных терминалов. Один — очень высокий, почти два с половиной метра, другой — среднего роста, с ясными дружелюбными глазами и рыжеватыми волосами. На мониторе быстро мелькали отрывки текстов, но никто не обращал на них внимания.

— Да? — спросил тот, что пониже, слегка выпрямившись. — Чем могу помочь?

Он обращался преимущественно к Чейз.

— Мы проводим исследование о жизни Чарлза Паррини. Нас особенно интересуют его работы по Уолдорфу Кэндлзу.

— Паррини — жалкий писака, — сказал высокий, не меняя позы. — Скембли гораздо лучше разбирается в Кэндлзе. Или Кестлер. Черт, почти любой, кроме Паррини.

Первый, нахмутив брови, представился:

— Корман. Зовут Жак. А это Тэкстер.

Губы Тэкстера слегка приоткрылись.

— Что вам нужно? — спросил Корман, изучающе рассматривая Чейз. Она ему явно понравилась.

— Знаком ли вам перевод Тулисофалы? Почему Паррини посвятил его Лейше Таннер?

Корман усмехнулся, явно пораженный:

— Потому что, — он впервые взглянул в мою сторону, — она первая предприняла серьезную попытку перевести ашиурскую литературу. Никто ее, конечно, уже не читает. Современная филология более совершенна. Но Таннер проложила дорогу.

Чейз кивнула в своей лучшей академической манере.

— Вы читали работу Паррини об Уолли Кэндлзе? — спросила она, произнося слова отчетливее, чем обычно. — «Письма»?

Тэкстер вставил ногу в открытый ящик стола и подвигал его туда-сюда.

— Слышал о ней, — ответил он.

— Должны быть дополнительные выпуски. Они были составлены?

— Насколько я помню, — сказал Тэкстер, — он умер, не дойдя до середины проекта.

— Это правда. — Чейз перевела взгляд с одного на другого. — Может, кто-нибудь другой закончил начатое им?

— Не думаю.

Тэкстер растягивал слова. Очевидно, он не имел ни малейшего представления о предмете разговора. Он попытался улыбнуться, получил в ответ ободряющую улыбку Чейз и проконсультировался с компьютером.

— Нет, — сказал он через несколько секунд. — Только том первый. Потом ничего.

— Доктор Тэкстер, — я присвоил парню звание, которое вряд ли у него было, — что могло случиться с записями Паррини после его смерти?

— Мне придется это выяснить.

— Пожалуйста, — попросила Чейз. — Вы бы нам очень помогли.

Тэкстер выпрямился:

— Хорошо, я могу это сделать. Где вас найти?

Казалось, он обращается к телу Чейз.

— Вы можете дать нам ответ сегодня вечером?

— Возможно.

— Я вернусь, — улыбнулась Чейз.

После смерти Чарлза Паррини его документы попали в руки Адриана Монка, с которым он тесно сотрудничал. Тот должен был закончить второй и третий тома писем Кэндлза, но в то время работал над ныне забытым историческим романом «Маурина», эпическим изложением эпохи Сопротивления, увиденной глазами молодой жены Кристофера Сима. В результате он не закончил ни своего романа, ни собрания Кэндл-

за, а бумаги Паррини дочь Монка подарила библиотеке Университета Маунт-Табор, где ее отец когда-то получил диплом.

Маунт-Табор расположен неподалеку от Бельведера, сравнительно небольшого городка в Южном полушарии, находящимся в восьми часовых поясах от нас. Название университета — Гора Табор — несколько сбивало с толку: местность вокруг Бельведера абсолютно ровная. Как выяснилось, это учреждение основано церковью, а Маунт-Табор — библейское название.

Через несколько минут после того, как Чейз вторично переговорила с Тэкстером, мы оказались перед искином, который присматривал за библиотекой университета после ее закрытия. Никаких неопубликованных материалов не было зарегистрировано ни под фамилией Монк, ни под фамилией Паррини.

Утром, к открытию библиотеки, мы вернулись. Молодой ассистент, к которому мы обратились с вопросами, проверил свой банк данных, отрицательно качая головой после каждого вопроса.

— Ни Монка. Ни Паррини. Извините. Хотел бы вам помочь.

То же самое сказал нам и искин, но с людьми легче разговаривать.

Мы настаивали, что материалы должны быть где-то у них, в конце концов молодой человек вздохнул и переключил нас на смуглолицую даму. Плотная, черноволосая, с резкими манерами, она всем своим видом давала понять собеседнику, что ее время — вещь драгоценная.

— Если что-нибудь появится, мы немедленно с вами свяжемся, — ответила она категоричным тоном, собираясь уйти. — Оставьте, пожалуйста, ваш код в регистратуре.

— Если их нет сейчас, — сказал я, — то они не появятся. Бумаги Паррини были подарены университету более двадцати лет назад.

Она остановилась:

— Ясно. Это произошло еще до меня, и, очевидно, их у нас нет. Нам дарят огромное количество рукописей, которым наследники, как правило, не смогли найти применения. К сожалению, мистер Бенедикт, мы склонны преувеличивать значение почивших близких для потомков... Вероятно, вам нужно справиться в литературном фонде.

— Я был бы вам крайне признателен, если бы вы смогли помочь нам, — настаивал я. — И я с удовольствием оплатил бы вам затраченное время.

Я еще никогда не пытался подкупить кого-либо, поэтому чувствовал себя не в своей тарелке. Бросив косой взгляд на Чейз, я заметил ее старательно сдерживаемую улыбку.

— Я бы с удовольствием взяла ваши деньги, мистер Бенедикт, но это не принесет вам никакой пользы. Если материалов нет в каталоге, значит их нет здесь вообще.

Я поинтересовался, не вызовет ли беспокойства в Совете попечителей Маунт-Табора сообщение о том, что библиотекари так небрежно обошлись с наследием Чарлза Паррини, и она мне ответила, что я волен поступать так, как сочту нужным.

— Думаю, это конец ниточки, — сказал я Чейз, когда мы вернулись в кабинет.

Она кивнула, и мы встали с кресел, в которых просидели большую часть последних двух дней. Было уже далеко за полночь.

— Давай немного подышим свежим воздухом, — предложила она, прижимая пальцы к вискам.

Выйдя из дома, мы мрачно побрели по лесной тропинке.

— И вообще пора все кончать, — сказал я.

Чейз молча смотрела перед собой. Ночной воздух был холодным, даже обжигающим, но приятным. Моя спутница погрузилась в свои мысли, а я, порадовавшись естественному окончанию дела, вдруг почти физически ощутил присутствие рядом со мной длинноногой Чейз.

— Я понимаю твое разочарование, — неожиданно сказала она.

— Да.

Глаза Чейз находились на одном уровне с моими, и я чувствовал на себе ее взгляд.

— Мне хотелось бы получить ответы на некоторые вопросы, — беззастенчиво соврал я.

— Хорошо бы поймать того, кто играет с тобой в эти игры.

— И это тоже...

Черта с два!

Я попытался облегчить совесть, распространяясь о своей ответственности за поместье Гейба, о собственных проблемах

и тому подобном. Мое вранье не имело никакого значения, поскольку Чейз все равно не слушала.

— Есть идея! — Она прервала меня, будто я ничего и не говорил. — Документы подарены дочерью Монка. Дар мог быть зарегистрирован в каталоге на имя дарительницы, а ее не обязательно звали Монк. Должно быть, в библиотеке не очень хорошо поставлена система ссылок.

Она оказалась права.

Упакованные в пластиковый контейнер материалы стояли в хранилище.

Смутлолицая библиотекарьша попыталась доказать, что материалы закрыты для общего просмотра, но быстро уступила, едва я снова пригрозил ей обратиться к начальству. На этот раз с куда более обоснованными жалобами.

Она организовала доставку контейнера в просмотровую комнату, и, когда мы прибыли, материалы уже лежали на двух столах. Молодой ассистент, с которым мы познакомились накануне, был приставлен помогать нам: заряжать блоки памяти, подносить вещи к свету, переворачивать страницы и выполнять другие физические действия, недоступные кристаллокопиям. Он подходил к делу очень ответственно, хотя работа, по видимому, быстро ему надоела, и являл собой полную противоположность своей начальнице. Я подумал, что он слишком увлекся Чейз.

Два дня мы просматривали материалы, значительная часть которых состояла из корреспонденции, полученной и отправленной Уолдорфом Кэндлзом. Записана она была на кристаллах, каких-то старых катушках и цилиндрах, на различных типах волокон, уже не применявшихся в наше время, на системах светозаписи и бумаге.

— У нас будут проблемы, — сказала Чейз. — Где ты найдешь читающее устройство, в которое можно вставить вот это? — Она указала на кубик в руке ассистента. — Я даже не уверена, записана там информация или нет.

— В университете должно существовать необходимое оборудование, — предположил я, обращаясь к молодому человеку. Тот энергично кивнул.

— У нас есть адаптированные считывающие устройства для различных систем записи, — подтвердил он.

Честно говоря, продираться сквозь эти письма было делом нелегким. С ростом популярности Кэндлза, круг его корреспондентов значительно расширился. Паррини нашел письма от обоих Симов, от людей, чьи имена вошли в историю Сопротивления, от государственных деятелей, участников войны, производителей оружия и социальных реформаторов, от теологов и жертв войны. Имелось даже описание церемонии вручения дипломов на Каха Луане, где выступал Тариен Сим. При обычных обстоятельствах он был бы один, но на этот раз присутствовал также посол ашиуров. Переводчиком была Лейша Таннер!

— Этой женщине нравилось играть с огнем! — прокомментировала Чейз.

О данном событии Кэндлз сообщал в письме, написанном за несколько недель до падения Города-на-Скале:

«Если любовь к церемониям что-то означает, то наши культуры, возможно, имеют больше общего, чем нам хотелось бы признать. Обе придают официальность различным событиям: рождениям и смертям, спортивным соревнованиям, выставкам произведений искусства, отдельным политическим выступлениям и самому последнему церемониалу — войне.

Поэтому закутанная в плащ фигура посла, сидящего в стороне от почетных гостей, не выглядела такой уж неуместной. Судя по складкам одежды, его передние конечности были сложены на коленях. Капошон полностью скрывал лицо. Даже в ясный солнечный полдень у меня возникло чувство, будто я смотрю в темный туннель.

Лейша, которой такие вещи были известны, сказала мне, что для посла все это было крайне тяжелым испытанием. Кроме того, ему могла угрожать и физическая опасность, так как люди из службы безопасности не сумели бы защитить его от решительного убийцы. К тому же он явно страдал от некоего физического давления, вызванного присутствием большого количества людей. Думаю, я чувствовал бы себя так же, если бы считал, что все хотят моей смерти.

Было произнесено много официальных речей об академических успехах и блестящем будущем. Я поражался самообла-

данию посла, сидевшего неподвижно среди нас, мне было неловко в его присутствии. Должен признаться, мне не очень-то нравилось это создание, мне хотелось, чтобы он ушел. Не знаю почему. Это не имело ничего общего с войной. Наверное, мы никогда не будем чувствовать себя уютно в присутствии разума, облаченного в чуждую нам физическую форму. Интересно, не это ли настоящая причина нашей реакции на чужаков, которую принято относить на счет их предполагаемого проникновения в наш разум?

Университет попросил Лейшу быть переводчиком, то есть прочитать речь инопланетянина. Все знакомые настойчиво отговаривали ее, а некоторые даже намекали на предательство. Иногда мы забываем, кто наш враг.

Хочу заметить, что дружбой таких людей ей не стоило бы дорожить. К сожалению, среди них были Кантор, Лин Квен и молодой человек, которого Лейша, по-моему, любила.

Не имеет значения. Когда настало время, она была рядом с послом и выглядела такой же спокойной и очаровательной, как всегда. Она — настоящая женщина, Конни. Был бы я помоложе!..

Тариен Сим тоже там присутствовал. Его личность приобрела такое невероятное политическое значение, что его внешность могла вызвать разочарование. Тем не менее в нем было нечто величественное. В его глазах сияли лучи солнца, если ты понимаешь мою мысль.

На самом деле именно его запланированное выступление стало причиной появления посла. Ашиур хотел получить равные условия. Но я считаю это ошибкой. Контраст между Тариеном, его фигурой с ярко-рыжей бородой, его голосом, порождающим революции, и молчаливой зловещей фигурой посла едва ли мог быть более разительным.

Собралось более четырехсот выпускников, считая и тех, кто получал диплом второй ступени. Они сидели рядами на Мориенском поле, где студенты в течение четырех столетий слушали вступительную ораторию. Позади них толпа зрителей, гораздо более многочисленная, чем мне доводилось видеть за все годы присутствия на подобных церемониях, заполнила сидячие места и выплеснулась на легкоатлетическое поле. Присутствовали многочисленные представители прессы, целая

армия сил безопасности, университетская охрана, подкрепленная городской полицией, и несколько десятков явных агентов разных спецслужб.

Полдень выдался беспокойный. Все ожидали каких-то событий, боялись их пропустить, но, возможно, боялись также быть втянутыми в них.

Выступающие студенты говорили то, что всегда говорят студенты в подобных случаях, и их речи вызвали вежливые аплодисменты. Затем встал президент Хендрик, чтобы представить Сима. Насколько я знаю, между университетом и правительством состоялось нечто вроде соревнования по поводу порядка выступлений. Хендрик хотел предоставить заключительное слово Симу и таким образом публично продемонстрировать, что он одобряет присутствие посла не более, чем остальная толпа. Но правительство настояло, чтобы почетный гость инопланетян был удостоен этой чести.

Толпа выжидала, пока Хендрик превозносил мужество Сима и его таланты в эти пагубные времена, а когда Тариен занял место на трибуне, разразилась бурей аплодисментов. Тариен пожал руки нескольким важным персонам, избегая смотреть на посла, обвел взглядом аудиторию и небрежным движением руки призвал ее к молчанию.

— Выпуск, — начал он, опустив традиционные приветствия, — это шаг в будущее. Хотелось бы поговорить о свершениях недавнего прошлого. О серьезных попытках избежать войны, объединить человечество, обеспечить безопасность и процветание каждому человеку. В конце концов, к этим целям мы стремились долгое время, но они оказались еще более недостижимыми.

Лейша неподвижно сидела рядом с послом. Ее лицо было напряженным, колени сжаты, пальцы стиснуты в кулак.

Не я один это заметил. Казалось, ее присутствие рядом с послом притягивает к себе взгляды, словно нечто непристойное. Мне и самому стоило большого труда подавить в себе подобное ощущение. Никому, пожалуйста, не рассказывайте, не то я стану отрицать это.

— К несчастью, — продолжал Тариен, — нужно сделать еще слишком много. Больше, чем может успеть мое поколение. Скорее всего, именно вам предстоит добиться окончательного

успеха, когда все наконец поймут, что не может быть безопасности ни для кого в отдельности, что мира не будет до тех пор, пока ведущие войну не поймут ее невыгодности...

Я мог бы процитировать или пересказать всю его речь, Конни. Он так хорошо говорил. Если кто-то и может объединить передравшиеся планеты в Конфедерацию, то только он. Он говорил об отдаленных планетах, о мужестве, долге, кораблях, несущих идеалы сквозь звезды.

— В конце концов, — сказал он, — не оружие войны определит нашу судьбу, а оружие, которое сметало правительства угнетателей и амбициозных завоевателей с тех пор, как мы построили первый печатный станок. Или вырезали первые символы на табличке. Свободные идеи. Свободные идеалы. Всеобщая порядочность.

Время работает на нас. Противник, с которым мы сражаемся, который угрожал бы, если смог, нашему существованию, не может военными кораблями одолеть могущество разума, творящего великое!

Раздались первые редкие аплодисменты, потом они быстро разрослись и набрали силу. Одна из выпускниц, высокая девушка с гордой осанкой, встала, ее черные глаза горели от возбуждения. Я сидел недостаточно близко, чтобы разглядеть слезы, но знаю, они были. Один за другим к ней присоединились остальные, пока все не встали.

Тариен снова призвал к молчанию:

— Сейчас лучше вспомнить тех, кого мы потеряли, потому что они дали нам наше будущее. Они купили для нас время. Но придет час, когда мы сможем праздновать победу вместе, когда выполним свою задачу и дадим отпор нашим угнетателям.

На мгновение все застыли. От наступившей тишины звенело в ушах. Тариен поклонился:

— От лица моего брата и всех, кто сражается от вашего имени, благодарю вас.

Конни, это было великолепно! Вряд ли на поле нашелся бы хоть один человек, который не поменял бы с радостью свое нынешнее положение на какую-нибудь военную профессию и хорошую палубу под ногами. Чего еще можно желать от жизни, кроме как присоединиться к деллакондцам?

Ну, я вижу, как ты презрительно усмехаешься: вот ведь Кэндиза несет, должно быть, стареет. Господи, помоги мне! Мы приближаемся к самому важному экзамену, который предстоит сдать нашему народу. И когда через много лет мы оглянемся назад, мне хотелось бы знать, что и я внес свой вклад...

Мне стало жаль посла, похожего на одинокий неловкий манекен, съжившийся перед лицом такой бури.

Напуганный Хендрик вышел на середину сцены. Мы забеспокоились, спрашивая себя, что будет дальше.

— Почтенные гости, — произнес он голосом, лишенным эмоций, — члены факультета, выпускники, друзья университета. Наш следующий оратор — посол ашиуров М'Кан Кеол-типесс.

Вдалеке, почти у горизонта, над линией деревьев взлетел скиммер. Мне показалось, я слышу шорох его магнитных двигателей.

Посол неуклюже поднялся. Ему было явно не по себе: то ли от местной гравитации, немного большей, чем на Токсиконе, где он работал до этого, то ли от понимания ситуации — не знаю. Лейша встала рядом. Она выглядела вызывающей и невозмутимой одновременно. Очевидно, она успела овладеть собой. И (тебе бы это понравилось) Лейша буквально взбудоражила толпу, предложив послу руку и проводив его к трибуне.

Он занял свое место, возвышаясь, как башня, над переводчицей. Из складок его одежды раздался какой-то треск, и Лейша достала блокнот. Очевидно, в нем находилась запись речи, которую она должна была читать. Но посол сделал знак, призывая отложить блокнот. Мы стали свидетелями старой игры, когда заранее подготовленное обращение выбрасывают прочь. Он ошупал складки своего капюшона, спустил его на плечи и остался с непокрытой головой, мигая от яркого солнечного света.

Он оказался очень стар, его пергаментное лицо выражало страдание. Единый настрой, созданный Тариеном Симом, продолжал существовать, но, казалось, толпа отступила на несколько шагов назад.

Посол вытянул длинные сухие пальцы с множеством суставов, туго обтянутых серой плотью. Они плясали в солнечных лучах, и в их грациозных движениях было нечто такое, отчего у меня по спине пробежал холодок.

Лейша следила за его пальцами, потом кивнула. Вероятно, она колебалась при переводе его первых „фраз“, но ашиур, очевидно, настаивал.

— Посол благодарит меня, — сказала она, — и понимает, как для меня это нелегко. Он говорит: „Я понимаю ваш гнев в этот час...“

Пальцы посла плели свой сложный узор.

— „Я хотел бы поприветствовать президента Хендрика, уважаемых гостей, преподавателей, выпускников и их родителей. И особенно, — посол повернулся к Тариену Симу, сидящему далеко от него, — доблестного представителя мятежников, противника, которого я предпочел бы называть другом“.

Ашиур остановился, и мне показалось, что я вижу на его лице искреннее сожаление.

— „Мы желаем всем вам счастья. В связи с сегодняшним событием, когда молодежь выходит вперед, чтобы испытать свои знания и строить свою жизнь, мы особенно ясно понимаем, что мудрость у них еще в будущем. Учитывая обстановку, в которой мы сегодня встретились, это справедливо для обеих наших рас“.

Голос Лейши, сначала слишком высокий и немного нервный, приобрел свое обычное звучание. Ее, конечно, нельзя сравнить с Тариеном Симом, но она все же была очень хороша.

— „Выпускникам я хотел бы сказать, — продолжал посол, — что мудрость состоит в том, чтобы определить истинно важное, с подозрением относясь к любому взлелеянному убеждению, истинность которого настолько очевидна, что ее нет нужды подвергать проверке. Мудрость народа состоит в определении предела, до которого его представителям дозволено ошибаться“.

Он остановился, давая Лейше возможность перевести дух.

— „Сегодня я предпочел бы не говорить о политике, однако мой долг перед вами и перед моим народом заставляет меня ответить посланнику Симу. Сказав, что имеет место крупный конфликт, он, к сожалению, прав. Но борьба идет не между ашиурами и людьми. Она идет между теми, кто хочет найти способ уладить наши разногласия мирным путем, и теми, кто верит только в военное решение. В эти мрачные дни вам необходимо понять, что у вас есть друзья среди нашего народа и враги среди вашего собственного.“

Наша психологическая реакция друг на друга создает напряжение, но его можно преодолеть. Если мы захотим. Если будем настойчиво добиваться этого! В любом случае я умоляю вас не использовать его как основу для морального осуждения. Если мы совершим это преступление друг против друга, то возьмем на себя огромную историческую ответственность.

Я целиком согласен с замечанием посланника Сима. Несмотря на различия в культуре, внешности и восприятии, у нас есть один дар, который имеет огромное значение: мы — мыслящие существа. В этот день, под этим солнцем я молюсь о том, чтобы мы сумели им воспользоваться. Я молюсь о том, чтобы мы остановились в своем безрассудном беге и подумали!«»

Я с опозданием заметил, что эта запись имела звуковую пометку: она предназначалась для другой книги, где предполагалось рассмотреть влияние, которому подвергался Уолдорф Кэндлз в молодые годы. Я удивился, почему события приняли такой ужасный оборот, если все, казалось, стремились поступать как надо? Разве понимание ничего не стоит?

Не могу ответить на эти вопросы, подозреваю только, что в конфликте есть нечто неумолимо привлекательное и мы до сих пор не поняли природу этого зверя.

Чейз обнаружила голографическое сообщение Лейши, отправленное с Илианды через тридцать два дня после предыдущего послания с Миллениума. Оно было коротким: «Уолли, посылаю отдельно письменное заявление Киндрел Ли, которой есть что рассказать о Мэтте. История дикая, я не знаю, чему верить. Нам нужно все обсудить, когда я вернусь домой».

— Не понимаю, — сказал я, глядя на дату, потом еще раз прочитал текст. — Послано с Илианды *после* эвакуации. Возможно, даже после разрушения Пойнт-Эдварда. В чем, черт побери, дело? Зачем она полетела туда?

— Не знаю, — ответила Чейз, роясь в кипах собранных нами документов.

— А где это заявление?

— Выслано отдельно. По-видимому, среди этих материалов его нет.

XIV

Разрушение Пойнт-Эдварда (уже после эвакуации) было непонятным проявлением варварства. Ничто не могло с большей наглядностью продемонстрировать пропасть между человеческим разумом и непредсказуемостью чужаков. После этого разрушения люди испытали такой ужас, что на мгновение сплотились, почти осознав свою человеческую общность и грозящую ей гибель. К сожалению, это мгновение быстро прошло.

Арина Кэш. Война в пустоте

Любопытно, что могила Мэтта Оландера уже находилась на своем месте, когда беженцы вернулись на Илианду после войны. Они обнаружили ее на заросшем травой поле, неподалеку от главного здания вокзала в космопорте имени Уильяма И. Ричардсона. Могилу отмечал одинокий круглый камень, вырезанный лазером из стены здания, с надписью, сделанной, предположительно, тем же инструментом:

МЭТТ ОЛАНДЕР

Умер 3 авригала 677

ДОБЛЕСТЬ не знает отчизны

Вычурная, в стиле двухвековой давности, надпись вырезана небрежно, имя и первое слово — крупными буквами. Дата по календарю Илианды соответствовала времени эвакуации.

Вокруг места, расположенного в роще, — низкие изгороди из кустарника, цветущие деревья и дорожки, посыпанные гравием. На жгучем ледяном ветру с океана полощется знамя Деллаконды с изображением фурии, заключенной в серебряное кольцо Конфедерации. У подножия флаштока Историческое общество Пойнт-Эдварда установило в 716 году каменный знак

с бронзовой табличкой. На ней имя Оландера и фраза, якобы сказанная им одному из товарищей в последние мгновения эвакуации: «Не дело, если Пойнт-Эдвард встретит „немых“ без единого защитника».

У основания памятника выгравирована резолюция Объединенных Палат, гласящая, что Мэтт Оландер «никогда не будет забыт Городом, который он не захотел покинуть».

Это место, куда люди приходят в выходные дни посидеть на скамейках, полюбоваться чайками и пузырьниками. В тот зимний день толпа детишек запускала ярко раскрашенных змеев. Белое солнце Каспадел прорывалось сквозь серые тучи, и туристы, высадившиеся из автобуса, торопливо обходили рошу, бросая беглые взгляды на надписи, и забирались обратно в автобус, где было тепло.

Несмотря на близость порта Ричардсона, место казалось довольно одиноким. Возможно, чувство изоляции вызывали психологические, а не географические причины. Стоя под навесом высоких кустарников, в отгороженном пространстве, посвященном исключительно мужеству одного человека, я продолжал думать о многоликости природе истины. Как отнеслись бы ко всему этому товарищи Оландера, те, кто презирал даже воспоминание о нем и намекал Лейше Таннер на его предательство? «Доблесть не знает отчизны».

Где же правда? Что произошло в Пойнт-Эдварде?

— Кто соорудил это? — спросила Чейз.

Она выглядела серьезной, задумчивой, почти подавленной. Ветер трепал ее волосы, и она отбрасывала их рукой.

— Парковая комиссия.

— Нет. Я хочу сказать, кто похоронил Мэтта Оландера? Кто вырезал надпись на могильном камне? В «Спутнике туриста» сказано, что могила уже была здесь, когда беженцы вернулись с Миллениума после войны.

— Знаю.

— Кто вырезал надпись? — Чейз полистала брошюрку. — Здесь сказано, что, по преданию, это сделали ашиуры.

— Мы знаем о них слишком много. Но почему бы не отдать последние почести врагу? Во время войн случались и более странные вещи.

Вокруг камня собралась толпа. Некоторые делали снимки, другие, переговариваясь, шли дальше.

— Холодно. — Чейз застегнула молнию на куртке и включила термоэлементы. — Почему же надпись не на их родном языке?

— Черт возьми, откуда я знаю. А что говорит путеводитель?

— Говорит, что специалисты расходятся во мнениях.

— Здорово. Очень помогает. Могу предложить другую версию, которая, по крайней мере, объяснит похороны.

— Выкладывай, — сказала Чейз.

— Сколько они собирались эвакуировать? Двадцать тысяч человек за неделю? Нельзя проделать такое и не пропустить хотя бы нескольких, всегда найдется кто-то, кому не сообщили. Во всяком случае, Оландер остался, нашел их и, вероятно, был вместе с ними, когда все погибли при бомбежке. Может, он сделал нечто такое, чем заслужил их восхищение: подбил, например, из личного оружия вражеский корабль или спас ребенка из горящего дома. Кто знает? Но они восхищались его поступком и похоронили надлежащим образом.

Я уставился на обломок.

— Лейша Таннер знала правду.

— Думаю, да. Ты веришь в собственную теорию?

— Нет. Что-то здесь не так. И в нежелание Оландера покинуть город тоже не верю. Это очень красиво и поэтично, но, скорее всего, его просто забыли. Деллакондцы выбрались отсюда за несколько часов до появления вражеского флота и, должно быть, чертовски спешили, зная о его приближении.

— Почему же товарищи Оландера так реагировали на упоминание о нем?

Мы стояли над могилой и старались представить себе, что могло тогда произойти.

— Интересно, — заметил я, — действительно ли здесь кто-то похоронен? Может, могила пуста?

— Нет. Я читала об этом, когда мы летели сюда, Алекс. Они сделали снимки. Там действительно есть тело, и записи дантиста свидетельствуют, что это и вправду Оландер.

— А сказано, как он умер?

— Не от взрыва плазменной бомбы. По-моему, в него выстрелили из лазера. Считают, что из небольшого ручного оружия, и это свидетельствует в пользу одной части легенды.

— То есть?..

— «Немые» выслали десант и попытались захватить его живым.

— Возможно, его поймали и казнили.

— Такая возможность весьма вероятна, — согласилась Чейз. — Но ни один человек здесь ее не примет.

— Почему?

— Потому что это не слишком героическая смерть. Все предпочитают образ Оландера, стоящего на крыше вокзала с импульсной винтовкой, окруженного трупами инопланетян и палящего в них до тех пор, пока эти уроды не сразили его. В противном случае как ты объяснишь эту надпись?

— Полагаю, самоубийство тоже исключается. Ладно. Второй вопрос: если Оландер остался добровольно, знал ли об этом его командир? Или он увел корабль? Если так, то тогда можно объяснить некоторое раздражение, с которым столкнулась Таннер.

— Не думаю, чтобы Кристофер Сим позволил кому бы то ни было остаться, чтобы умереть. Это на него совсем не похоже.

— Откуда ты знаешь?

Чейз на мгновение смешалась:

— Мы говорим о *Кристофере Симе*, Алекс.

Наши взгляды встретились. Чейз улыбнулась и покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Я в это не верю.

— Я тоже. Если бы мы выяснили, почему Оландер не улетел со своим кораблем, мы бы далеко продвинулись в понимании...

Я заколебался.

— Чего? — настаивала Чейз.

— Будь я проклят, если знаю. Может, Киндрел Ли нам расскажет.

Мы взяли напрокат скиммер в Ричардсоне, заглянули в отель, где для нас были заказаны номера, и полетели в Пойнт-Эдвард, средних размеров город, построенный из осадочных пород, камня и стекла над бывшим прибрежным вулканом.

Первый взгляд на него поразил нас. Не было ни плавных пешеходных эстакад, ни аллей, ни парков, соединяющих верхние уровни. Пойнт-Эдвард представлял собой город четко очерченных индивидуальных строений с тяжелыми фасадами,

квадратными арками и бастиянами, а также многочисленными статуями. Центральную часть перестроили после разрушения в 677 году, используя повсеместно один архитектурный стиль. Путеводитель называет его «единым токсиконским». В свое время идея могла казаться привлекательной, но результат получился ошеломляющим: прочность, монументальность, непоколебимая уверенность. Город, похожий на крепость.

Сажая скиммер на крышу отеля, я спрашивал себя, насколько это отражает состояние ума народа, едва избежавшего огненной гибели.

Час спустя из номера Чейз мы связались с Бюро записей и жизненно важной статистики. Клерком оказался искин, которому придали внешность пожилого мужчины с пышной черной бородой и полными сочувствия голубыми глазами.

— Было бы проще, если бы у нас имелся ее регистрационный номер, — сказал он.

— Простите, — проворчал я, — сколько людей по имени Киндрел Ли может обитать в городе с населением в двадцать тысяч человек?

— Мистер Бенедикт, — ответил искин, задумчиво тыча пальцами в свою клавиатуру, — вы, конечно, понимаете, что записи сгорели вместе с городом в шестьсот семьдесят седьмом. У нас сохранилось очень мало материалов.

— Но, предположим, эта женщина находилась здесь после нападения. Должна была находиться, если Таннер с ней говорила. Возможно, она потом вышла замуж. Или обращалась по поводу каких-то льгот. Или получила работу в правительстве. Должно же быть о ней хоть что-то.

— Да, — охотно согласился искин и принялся за работу. — Вы уверены в правильности написания ее имени?

— Нет.

— Есть ли вероятность, что она родилась под другим именем?

— Есть.

— Вы ставите очень трудную задачу, мистер Бенедикт.

— Пожалуйста, сделайте все возможное.

Я попытался предложить ему деньги, но он отказался. Правительственные правила и так далее, хотя мне все еще было неловко.

Чейз рыскала по ограниченному пространству, насколько позволял проектор, а я следил за новостями дня, сменяющимися друг друга на экране монитора.

На Земле начался экономический спад.

На границе боевые корабли ашиуров и конфедератов опять вступили в перестрелку. С нашей стороны потерь нет, с их, вероятно, тоже.

«А в этот день сорок лет назад... — на терминале появилось изображение летящей яхты, — „Андовер“, заканчивавший кругосветное путешествие, исчез в южных морях».

— Нет, — внезапно заговорил клерк. — Никаких записей нет.

— Должны быть, — возразил я. — По крайней мере, запись о ее смерти.

— Если она умерла, мистер Бенедикт, — искин показал в улыбке ровные белые зубы, — то случилось это не на Илианде.

— У меня есть еще одна идея, — сказал я, когда мы вернулись в номер. — «Андовер».

— Думаю, хватит с нас загадок, Алекс. Вряд ли «Андовер» имел к этому отношение.

— Конечно нет. Но там мы видели клип сорокалетней давности. Какой давности материал хранится в местной организации по сбору новостей?

В местной сети числились два синдиката: «Океанский» и «Мега». Ни один из них не существовал больше полувека. Хотя год на Илианде на сорок процентов длиннее, чем у нас дома, все же срок был недостаточно большим.

— Не имеет значения, — сказал нам в «Меге» инженер по связи. — Все используют центральный банк данных. У нас есть доступ к записям давностью почти в триста лет, черт побери.

Мы связались с Информсвязью, центральным процессорным устройством, и получили то, чего добивались, — доступ к истории Илианды, рассматриваемой с современной точки зрения.

Чейз включила терминал и послала запрос на ЛИ КИНДРЕЛ.

Пришел ответ: НЕТ ЗАПИСЕЙ.

Она поменяла местами слова: КИНДРЕЛ ЛИ.

НЕТ ЗАПИСЕЙ.

Мы попытались счастья с различными вариантами написания имени, но безуспешно.

— Что теперь? — спросила Чейз.

— Оландер.

Она отстучала его имя.

ЖЕЛАЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ИНДЕКС ИЛИ ПРОСМОТРИТЕ ЗАГОЛОВКИ?

— Заголовки, — ответил я.

В ОПРЕДЕЛЕННОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ?

— В хронологической, начиная с самых последних.

УЭС КЛАРК ИСПОЛНЯЕТ РОЛЬ ОЛАНДЕРА НА ВЕСЕННЕМ КАРНАВАЛЕ.

— Не то, — сразу сказала Чейз, прикасаясь к клавиатуре.

ИМЯ МЭТТА ОЛАНДЕРА ОСТАЕТСЯ ПОПУЛЯРНЕЙШИМ У МАЛЬЧИКОВ.

ВЕРОЯТНО, ОЛАНДЕР РОДИЛСЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ.

МЕДИЦИНСКИЙ АНАЛИЗ: ВОЗМОЖНО, ОЛАНДЕР УЖЕ УМИРАЛ, КОГДА БРОСИЛ ВЫЗОВ АШИУРАМ.

Истории накапливались.

АКАДЕМИИ ОЛАНДЕРА ПРЕДЪЯВЛЕНО ОБВИНЕНИЕ В СМЕРТИ РЕБЕНКА.

СТЭНТОН ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО В МОДУ ВХОДИТ ЛИНИЯ ОЛАНДЕРА.

МЭТТ ОЛАНДЕР КАК СИСТЕМНЫЙ АНАЛИТИК: ПО МНЕНИЮ ЭКСПЕРТОВ, ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ОПЕРЕДИЛ СВОЕ ВРЕМЯ.

Я начал просматривать материалы, пока Чейз искала упоминания о Лейше Таннер. Она в конце концов нашла несколько слов о ней в рецензии на книгу шестидесятилетней давности.

— «Лейтенанты Сима», — сказала она. — Слышал о такой?

— Нет. Но, похоже, ее следует достать. Пусть отправят Джейкобу.

Она покачала головой:

— У них нет. Ближайшие доступные экземпляры, говорится здесь, предположительно находятся на Пентуме.

— Где-где?

— Далеко отсюда. Родная планета автора. Рецензент говорит, он все изложил неверно и книга не представляет ценности. Как у тебя дела?

Она смотрела мне через плечо, поэтому я вызвал следующую заметку:

МЭТТ ОЛАНДЕР ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ ОБОРОННОМУ КОМИТЕТУ.

Вряд ли система решила подшутить над нами: этот Мэтт Оландер являлся экспертом по гиперпространственным нагрузкам.

На следующее утро мы расширили область поисков и к концу дня наткнулись на интересную статью двадцатилетней давности:

СПРОВОЦИРОВАЛ ЛИ СИМ НАПАДЕНИЕ НА ИЛИАНДУ?

Деллакондцы готовили ловушку у Илианды, но полдесятка крейсеров, обещанных Землей, в последний момент были отозваны.

Другие невероятные истории доходили из менее надежных источников, специализировавшихся на сенсациях:

ВОЗМОЖНО, ОЛАНДЕР БЫЛ ЖЕНЩИНОЙ.

ОЛАНДЕРА ВИДЕЛИ ЖИВЫМ НА ТОКСИКОНЕ СПУСТЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Плазменные удары, обрушившиеся на Пойнт-Эдвард ранним осенним утром (точная дата неизвестна) 677 года, выгляди в скалах впадину, уничтожили лес и смели весь город, будто он никогда и не существовал.

Тот факт, что Пойнт-Эдвард был покинут ко времени атаки, о чем инопланетяне не могли не знать, сделал это событие единственным в своем роде за всю историю войны. Он продемонстрировал ярость и презрение чужаков ко всему человеческому — эмоции, которые ужаснули приграничные миры.

Мы уныло прогуливались по прибрежной полосе, и я наконец прервал долгое молчание:

— Им чертовски повезло, что там было мало людей, а Илианда относительно невелика. Сколько на ней населения? Пять, от силы шесть миллионов? Сколько людей по фамилии Ли может здесь жить?

— Немного, — согласилась Чейз.

— Мы уже обсуждали это раньше. Давай найдем терминал.

В сети Илианды значилось пятьдесят шесть человек по фамилии Ли, написанной различными способами.

Эндмара Ли мы обнаружили почти сразу.

Один из родственников назвал его семейным историком, и, когда Эндмар понял, что мы разделяем его интерес, последовал взрыв энтузиазма. Он показал нам голограммы людей в несколько стилизованной одежде времен Сопротивления: Генри Кортсона Ли, владельца магазина сувениров у порта Ричардсона, который видел живого Кристофера Сима; Полмара Ли, желавшего остаться и защищать свой дом от ашиуров, но которого увезли силой.

— Это Джина, — сказал он. — Племянница Киндрел.

Чейз выказывала признаки нетерпения, но я нахмурился, и она покорно вздохнула.

Эндмар Ли был невысоким, почти хрупким человеком, худым и немногословным. Несмотря на молодость, ему, казалось, недостает энергии и уверенности этого возраста.

— А вот и она, — наконец произнес он, проецируя голограмму на середину комнаты. — Думаю, снимок сделан до войны.

Киндрел выглядела привлекательной. Худощавая, широкоплечая, с несколько беспечным лицом и темными волосами. Не похожа на человека, который будет суетиться из-за других.

— Что вам о ней известно? — спросил я.

— Да о ней и знать-то почти нечего, — ответил Ли. — Не думаю, чтобы в Киндрел было нечто примечательное. Она многое испытала в ранний период своей жизни...

— Что вы имеете в виду?

— Ее муж умер на третьем году их брака. Какой-то жуткий несчастный случай с лодкой. Не знаю подробностей, они утеряны. Потом началась война.

— Возможно, для нее даже лучше, — заметил Чейз. — Это заставило ее сосредоточиться на другом.

Ли колебался.

— Да.

Слово повисло в воздухе, оставляя какую-то недосказанность.

— Она вернулась? После войны?

— Да, вернулась. Приехала вместе с остальными.

— Говорит ли вам что-нибудь имя Лейша Таннер?

Эндмар подумал, потом покачал головой:

— Оно имеет какую-то связь с Киндрел?

— Мы не знаем, — ответила Чейз. — Киндрел вышла замуж вторично?

— Нет, — сказал он. — По крайней мере, она не была замужем, когда покинула Илианду. Потом мы потеряли ее из виду, но к тому времени она неплохо устроилась. Последний снимок... — Эндмар нажал кнопки на пульте управления. — Вот он.

Снова появилась Киндрел, стоящая рядом с племянницей Джиной, уже женщиной средних лет. Их сходство поражало.

— Киндрел была немного странной, как я понимаю. У нее была яхта, и она не сходила с нее на сушу по многу лет. Совершала дальние путешествия, иногда в одиночестве, иногда с друзьями. Она была очень близка с племянницей. Джина умерла через четыре года после того, как был сделан этот снимок, но имя Киндрел среди присутствовавших на похоронах в семьсот седьмом году не упоминается. Возможно, к тому времени ее уже не было на Илианде, хотя в семьсот шестом она еще находилась здесь. Это позволяет довольно точно определить дату ее отъезда.

Я согласился и, пересчитав все в стандартном времени, решил, что Киндрел покинула родную планету через сорок лет после нападения.

— Откуда вы знаете, что она жила здесь в семьсот шестом?

— У нас есть документ, датированный ее рукой.

— Какой документ?

— Медицинское свидетельство, — поспешно ответил Эндмар.

— А дети у нее были?

— Нет, насколько мне известно.

Чейз внимательно рассматривала снимок: Киндрел в пожилом возрасте.

— Вы правы, — обратилась она к Ли.

— Относительно чего?

— У нее такой вид, будто ей пришлось пережить трудные времена.

Дело было не только в том, что Киндрел постарела и утратила жизнерадостность молодости, — выражение ее лица стало отстраненным, рассеянным, недоверчивым.

Чейз, опершись подбородком на сжатые кулаки, продолжала смотреть на снимок.

— Что связывало ее с Мэттом Оландером?

Выражение лица Эндмара не изменилось, но щека вдруг за-
дергалась, глаза на мгновение вспыхнули.

— Не понимаю.

— Мистер Ли, — я наклонился вперед и попытался при-
нять серьезный вид, — нам известно, что Киндрел знала Мэт-
та Оландера. Почему вы скрываете это?

Он вжался в кресло, выдохнул воздух и сосредоточенно уста-
вился на изображение. Я с обезоруживающей прямоотой пред-
ложил заплатить за сведения и назвал сумму, которую считал
вполне достаточной.

— Кто вы такие? — спросил Эндмар. — Почему вас это ин-
тересует?

— Мы исследователи из Андикварского университета, —
солгал я. — Нам хотелось бы знать правду. Если вас волнует
конфиденциальность, то можете не беспокоиться.

— У исследователей не бывает таких денег, — ответил он. —
Что все это значит?

По тому, как он задал свой вопрос, я понял, что мы на пра-
вильном пути.

— Деньги из государственного фонда. Если вы не заинте-
ресованы в таком обороте дела, у нас есть и другие источники.

— Назовите мне хоть один.

Чейз прищурилась:

— Вижу, мы просто теряем здесь время, Алекс.

— Нет. — Ли нажал кнопку, и изображение исчезло. — Хо-
тите знать мое мнение? Я предлагаю вам его бесплатно.

Мы ждали.

— Оландер на самом деле умер почти так, как все считают,
а то, что вы ищите, — фальшивка. Здесь нет никакой сенсации.

Его глаза сузились и стали жесткими.

— Могу прямо сейчас устроить перевод денег из фонда, —
предложил я. — Что за фальшивка?

— Деньги — это чудесно, — сказал Эндмар, — хотя дело и
не в них. Я не хочу ставить себя в глупое положение.

— Ничего подобного не случится, — заверил я.

— Скажу вам прямо, мне не нравится написанное и, кроме
того, оно не должно быть предано гласности. Вы меня пони-
маете?

— Да, — ответил я.

— Это заявление, сделанное Киндрел. Мне никому не следовало его показывать, но один раз я уже дал себя уговорить. Вы посмотрите его здесь, из дома ничего не выносить — и никаких копий. Если вы настаиваете на том, чтобы заплатить мне, платите наличными. Не хочу никаких документальных свидетельств.

— Ладно, — согласился я.

— Хорошо.

— Если что-то выплывет наружу, — продолжал он, — я стану все отрицать.

Чейз прикоснулась к его руке:

— Все в порядке. Мы не доставим вам никаких неприятностей. — Она снова взглянула на меня, потом перевела взгляд опять на Ли. — А кто еще интересовался документом?

— Высокий человек. Смуглая кожа. Черные глаза. — Он наблюдал за нами, ожидая, что мы его узнаем. — Около трех месяцев назад.

— Как его звали?

Эндмар повернулся к переговорному устройству, что-то кратко сказал в него, потом поднял глаза:

— Хью Скотт.

XV

Среди деллакондцев было мало профессиональных солдат. Сим совершал чудеса с помощью системных аналитиков, учителей литературы, музыкантов и клерков. Мы склонны помнить его как стратега и тактика, но все это не имело бы никакого значения, не обладай он способностью заставить обыкновенных людей совершать необычайные поступки.

Гарольд Шаменвей. Комментарии к последней войне

Приложение: ЗАЯВЛЕНИЕ КИНДРЕЛ ЛИ

Пойнт-Эдвард
13.11.06

Я не знаю, кто прочтет это, если вообще кто-нибудь прочтет. У меня также нет другой причины излагать факты, кроме желания признать свою ответственность, которую я не могу сложить с себя в этой жизни.

Я оставляю заявление своей племяннице Джине. Ей известно его содержание, она была моим другом и доверенным лицом на протяжении всего моего испытания, поэтому я разрешаю ей делать с записями все, что она сочтет нужным.

Киндрел Ли

«Мне всегда казалось, что на Илианде живут привидения. Нечто бродит здесь по туманным морям и изломанным архипелагам, дышит под покровом лесов на континентах, чувствуется в старинных руинах, оставленных, может быть, человеком, или в резком запахе озона во время гроз, обрушивающихся на Пойнт-Эдвард каждую ночь с регулярностью, которую никто еще не смог объяснить. Не случайно многие современные авторы фантастических романов о сверхъестественном выбирают местом действия Илианду, мир холодных звезд и мечущихся лун.

Нескольким тысячам обитателей планеты, большая часть которых живет в Пойнт-Эдварде, на северной оконечности самого маленького из трех континентов планеты, такие высказывания кажутся преувеличением. Но для тех из нас, кто побывал в менее потусторонних мирах, Илианда остается местом хрупкой красоты, почти неслышных голосов и текущих из неизвестности темных рек.

Острее всего я почувствовала ее сверхъестественную атмосферу после смерти Гейджа. Не послушавшись совета друзей, я вывела „Мердит“ в море, твердо решив каким-то образом (такое порой случается с людьми в тяжкие для них времена) снова прикоснуться к тому, что мы когда-то пережили вместе, и еще сильнее ощутить свое горе. И если я надеялась неким неопределенным образом вернуть часть ушедших дней, то причиной тому было чувство, будто в этих призрачных морях может произойти все что угодно.

Я поплыла в Южное полушарие и быстро затерялась среди десяти тысяч островов».

Пока Киндрел Ли плавала по теплым морям, к планете приближалась война. Когда отшельница вернулась в пустой Пойнт-Эдвард, она была поражена и испугана. Эвакуационный флот Сима, о котором она даже не подозревала, уже прилетел и улетел.

Киндрел описывает свой первоначальный шок, лихорадочные попытки найти хоть одного живого человека на широких проспектах и в торговых центрах.

«Никто никогда не приписывал мне сверхразвитого воображения, но в тот час я стояла на площади, абсолютно сбита с толку, и прислушивалась к городу: ветер, дождь, плеск воды у причалов, жужжание энергоустановок под мостовой, отдаленное хлопанье дверей, мерный музыкальный ритм электронного пианино, доносившийся из центра Эдварда. Что-то невидимое двигалось посреди всего этого!»

Ярко сияли городские огни. Воздух был полон звуков радиопередач. Киндрел даже услышала разговор между приближающимся челноком и орбитальной космической станцией, свидетельствующий о том, что обычный утренний рейс в космопорт имени Уильяма И. Ричардсона проходит по расписанию.

В конце концов она отправилась в Ричардсон и на полпути стала замечать свидетельства бегства, практически наскочила на них: в городке, носившем звучное название Валгалла, она слишком быстро вошла в поворот и врезалась в брошенный городской автобус.

Киндрел вызвала челнок, но так и не дождалась его. Ничего не зная о происходящем, она попросту перепугалась. Ее охватила паника. Обыскав помещение службы безопасности, в котором служил ее муж, она и вооружилась лазером. Вскоре она встретила Мэтта Оландера.

«Не могу точно сказать, когда именно я поняла, что там кто-то есть. Наверное, услышала шаги. Журчание текущей воды или легкий шорох потоков воздуха.

Моим первым побуждением было выбраться из здания, вернуться к машине, а может, и на яхту. Но я сдержалась, чувствуя, как по спине катится пот.

Дрожа от страха, я переходила из одного кабинета в другой и наконец остановилась в зале заседаний, где возвышалась стелла с пикирующим самолетом. На дальнем конце резного стола мигал голограф, который никто не позаботился выключить. Здесь же стояло несколько брошенных чашек кофе, лежали разбросанные светоблокноты. Можно было подумать, что заседание недавно прервалось и его участники сейчас вернутся.

Я наладила голограф и осмотрела некоторые блокноты. Обсуждали мотивационную технику.

И в этот миг где-то очень далеко разбилось стекло!

Звук был резкий, неожиданный. По залу пронеслось его эхо — короткие импульсы, постепенно сливающиеся друг с другом, тающие, переходящие в едва слышное гудение энергии в стенах. Потом все исчезло в раздраженном шепоте.

Наверху. Должно быть, в „Башне“. Так назывался ресторан на крыше здания.

Лифт поднял меня на верхний этаж, я вышла в серую темноту ночи и быстро миновала открытый дворик.

В тумане „Башня“ выглядела мрачно: затянутые желтым круглые окна с крестообразными переплетами, колонны из камня, поддерживающие арки дверей, старинная медная дощечка для меню. Освещение не работало.

Из комнаты просачивалась тихая музыка. Я слегка приоткрыла дверь и заглянула внутрь. „Башня“, освещенная подключенными к компьютеру свечами, мигающими в закопченных кувшинах, выглядела как подводный улей из каменных сводов и разделенных ручейками пещер, автоматов для раздачи салатов, имитацией валунов и столбов. А центре этой пещеры поблескивала длинная полированная стойка бара. Голубые и белые огни вспыхивали на песчанике и серебре. Хрустальные потоки вытекали из уст каменных нимф, мчась по узким каналам между грубо вытесанными мостиками. Возможно, в другое время это место показалось бы сравнительно скучным, еще одним рестораном, где клиенты ведут нудные беседы, чтобы поддерживать созданную архитектором иллюзию. Но в тот вечер абсолютного безмолвия пустые столы отступили в темноту, а колеблющиеся огни в закопченных кувшинах уподобились сверканию ночных звезд.

Было довольно прохладно, и мне пришлось натянуть куртку. Видимо, отказало отопление.

Я одолела мостик, проскользнула вдоль стойки бара и остановилась, чтобы оглядеть нижний уровень. Никакого беспорядка: стулья расставлены по местам, серебро выложено на красные полотняные салфетки, на столах выстроились приправы и бутылочки с соусами.

Почувствовав, что сейчас расплачусь, я ногой пододвинула стул и села за стол.

— Кто там? — вдруг раздался голос.

Я замерла.

Шаги. Где-то сзади. А потом — человек в мундире.

— Привет, — весело сказал он. — С вами все в порядке?

Я неуверенно покачала головой:

— Конечно. Что происходит? Где все?

— Я в задней части, у окна. — Он повернулся ко мне спиной. — Мне надо оставаться там.

Убедившись, что я иду за ним, человек направился туда, откуда пришел.

Одежда на нем была странная, но смутно знакомая. Догоняя его, я вспомнила: это сине-голубой мундир Конфедерации.

Стол незнакомца загромождало электронное оборудование. Пучки проводов соединяли два или три компьютера, ряд мони-

торов, генератор и бог знает что еще. Он стоял над всем этим, с серьгой наушника в одном ухе, явно поглощенный изображениями на дисплеях: схемами, разверткой слежения, колонками цифр и символов.

Он взглянул в мою сторону, почти не видя меня, кивнул на бутылку темного вина, вынул стакан и жестом предложил угощаться. Потом улыбнулся чему-то увиденному, положил наушник на стол и сел.

— Я — Мэтт Оландер, — представился он. — Какого черта вы здесь делаете?

Это был мужчина средних лет, тонкий, словно лезвие. Его серая кожа почти не отличалась по цвету от стен — верная примета обитателя корабельных палуб.

— Я, кажется, не понимаю ваш вопрос, — ответила я.

— Почему вы не улетели с остальными?

Он внимательно наблюдал за мной. Увидев, что я совсем сбита с толку, он озадаченно почесал затылок.

— Всех увезли, — произнес он.

— Кто? — спросила я. Мой голос сорвался. — Кто всех увез и куда?

Он отреагировал так, будто услышал глупый вопрос, и потянулся за бутылкой.

— Конечно, нельзя охватить все сто процентов. Где вы были? В шахте? В горах и без связи?

Я объяснила.

Расстегнутый у ворота мундир открывал светлый свитер, что явно было нарушением формы. Волосы у него были редкие, а черты лица подошли бы скорее торговцу, чем воину. Голос его смягчился.

— Как вас зовут?

— Ли. Киндрел Ли.

— Послушайте, Киндрел, мы провели последние две недели, эвакуируя Илианду, и закончили вчера утром. Насколько мне известно, остались только вы и я.

Оландер снова переключился на монитор.

— Почему? — Я почувствовала облегчение, смешанное с ужасом.

Судя по выражению его лица, Оландеру хотелось, чтобы меня здесь не было. Он прикоснулся к клавиатуре на своей панели.

— Я вам покажу, — сказал он.

На одном из экранов появилось изображение концентрических окружностей, на которых мигало восемь-девять звездочек.

— Илианда в центре. Или, скорее, станция. Диапазон дальности примерно полмиллиона километров. Вы смотрите на флот „немых“. Базовые корабли и крейсера. — Оландер глубоко вздохнул. — Происходит следующее, мисс Ли. Наш флот собирается хорошенько всыпать этим мерзавцам. — Он стиснул зубы, и в глазах его заиграли огоньки. — Наконец-то. Они гнали нас в течение трех лет, но сегодняшний день — наш.

Оландер поднял пустой стакан и насмешливо отсалютовал потолку.

— Я рада, что вам удалось вывезти людей.

— Сим не согласился бы на иное.

— Никогда не думала, что война придет сюда. — На экране возникла еще одна звездочка. — Не понимаю, ведь Илианда нейтральна.

— Киндрел, в этой войне нет нейтральных. Вы просто позволяли другим сражаться вместо вас.

В голосе его чувствовалось презрение.

— На Илианде мир! — выпалила я, глядя ему прямо в глаза и ожидая, что он смутится. Но увидела только ненависть. — По крайней мере, был мир.

— Мира нет нигде. Очень давно никто не живет в мире. — Голос его звучал холодно, он резко рубил слова.

— Они здесь только потому, что здесь вы? — спросила я.

— Да, им нужны мы. — Он ухватился руками за спинку стула, положил подбородок на кулак и рассмеялся мне в лицо. — Вы судите нас! Знаете, вы — совершенно невозможные люди. Если вас еще не убили или не заковали в цепи, то только потому, что мы умираем, чтобы дать вам возможность кататься на ваших чертовых яхтах!

— Боже мой! — ахнула я, вспомнив о пропавшем челноке. — Так вот почему он так и не прилетел?

— Не беспокойтесь, он сюда и не собирался.

Я затрясла головой:

— Ошибаетесь. Около полуночи я слышала обмен сообщениями по радио. Они летели по расписанию.

— Они не собирались прилетать, — повторил он. — Мы сделали все возможное, чтобы эта планета выглядела как всегда.

— Зачем? — спросила я.

— Мы сейчас изменим ход войны. „Немым“ наконец-то достанется!

Глаза его погасли, и я вздрогнула:

— Это вы привели их сюда.

— Да. — Оландер встал. — Мы привели их сюда. Мы привели их в ад. Они думают, что Кристофер Сим находится на космической станции. А он им очень нужен. У Сима никогда не было достаточной огневой мощи, поэтому он пытался сдерживать армаду с несколькими десятками легких фрегатов. — Лицо Оландера исказилось. Это было устрашающее зрелище. — Он задал жару уродам. Любой другой был бы обескуражен с самого начала, но Сим... Иногда я спрашиваю себя, человек ли он.

„А ты сам?“ — подумала я и незаметно потрогала лазер.

— Наверное, будет лучше, если вы уйдете, — без всякого выражения сказал он.

Я не шевельнулась.

— Почему здесь? Почему Илианда?

— Мы старались найти систему, население которой достаточно невелико, чтобы его можно было вывезти.

Я подавила непристойное ругательство.

— Вы голосовали по этому вопросу? Или Сим просто явился и стал отдавать приказы?

— Будьте прокляты! — прошептал Оландер. — Вы не имеете ни малейшего представления, о чем идет речь. Миллион людей погибло в этой войне. „Немые“ сожгли Корморал, взяли Город-на-Скале и Мордэн Дальний. Они опустошили десяток систем, и вся пограничная зона на грани коллапса. — Он вытер рот ладонью. — Им не очень-то нравятся человеческие существа, мисс Ли. Вряд ли они собираются оставить кого-либо из нас в живых, когда все закончится.

— Ведь войну начали мы, — возразила я.

— Легко сказать. Вы же ничего не знаете, хотя теперь это не имеет значения. Мы давно уже перестали разбираться в таких тонкостях. Убийства не прекратятся до тех пор, пока мы не прогоним уродов туда, откуда они явились.

Оландер переключил экраны на показ обстановки:

— Сейчас они окружают станцию. — Его губы искривила мстительная усмешка. — Значительная часть их флота уже в пределах досягаемости. И подходят все новые корабли.

Он злорадно улыбнулся, и я, помню, подумала, что никогда раньше не встречалась лицом к лицу с таким абсолютно злым человеком. Оландер действительно получал удовольствие.

— Вы говорили, что у Сима нет достаточной огневой мощи...

— Нет.

— Тогда как же...

По его лицу пробежала тень. Он заколебался и отвел взгляд от мониторов:

— Защитные экраны станции отключены. Там нет никого из наших, кроме парочки эсминцев. Они превращены в автоматы, а станция оставлена людьми.

Мигающих огоньков на боевом дисплее прибавилось, их уже стало около дюжины. Некоторые вошли в пределы внутреннего кольца.

— Они могут видеть только эсминцы и корабль в доке, который принимают за „Корсариус“. Тем не менее они держатся на расстоянии. Но это не играет никакой роли!

— „Корсариус“! — воскликнула я. — Корабль Сима?

— Они сейчас думают, что им удастся захватить его и кончить войну.

Оландер прищурил глаза, вглядываясь в схемы.

Я начала подозревать, что пора послушаться его совета: отправиться на пристань, взять „Мерedit“ и уплыть обратно в Южное полушарие. Пока все не наладится.

— Эсминцы разворачиваются, — произнес он. — Но они даже не замедлят продвижения „немых“.

— Тогда зачем они вообще нужны?

— Должны же мы оказать им хоть какое-то сопротивление. Чтобы не дать времени на раздумья.

— Оландер, если у вас там нет кораблей, то как Сим предполагает уничтожить что бы то ни было?

— Он и не уничтожит. Это сделаем мы с вами, Киндрел. Сегодня ночью мы нанесем „немым“ такой удар, который сукины дети запомнят навсегда!

Неожиданно два экрана ослепли, потом изображение появилось снова, но поверх него лихорадочно заморгала круговерть символов. Оландер нахмурился:

— По станции нанесен удар.

Он протянул мне руку дружеским, успокаивающим жестом, но я не подошла к нему.

— А что мы им сделаем? — спросила я.

— Киндрел, мы остановим солнце.

Заявление показалось мне несколько туманным, я так ему и сказала.

— Мы поймает их, — ответил он. — Все здесь и все в пределах сферы радиусом полмиллиарда километров будет сожжено. Если они сразу же поймут, что происходит, и быстро уберутся, у них еще есть шанс. — Он взглянул на компьютер. На панели горела красная лампочка. — Мы заполнили старый грузовой корабль антимагией. Он ждет моей команды.

— Какой команды?

— Команды материализоваться внутри вашего солнца. — Каждое его слово повисало в неподвижном воздухе. — Мы собираемся внедрить его в солнечное ядро. Результат, как мы полагаем, будет... — он помедлил и ухмыльнулся, — достаточно взрывным.

Я почти поверила, что за пределами этого бара больше ничего не существует. Мы отступили в темноту: Оландер, я, мониторы, музыка вдали и каменные нимфы.

— Сверхновая? — спросила я. Наверное, мой голос звучал еле слышно. — Вы стараетесь вызвать взрыв сверхновой?

— Нет. Не настоящая сверхновая.

— Но эффект...

— ...будет таким же. — Оландер выглядел ужасно довольным. — Революционная техника. Крупное достижение в космонавтике. Такое, знаете ли, нелегко осуществить. Никогда раньше этого не происходило.

— Бросьте, Оландер, — взорвалась я, — не можете же вы полагать, что я поверю, будто парень, сидящий в баре, может взорвать солнце!

— Прошу прощения.

Выражение его глаз изменилось, он выглядел испуганным, словно забыл, где находится.

— Возможно, вы правы. Я и в самом деле не знаю. Подобный эксперимент стоил бы слишком дорого.

Я попыталась представить себе Пойнт-Эдвард, поглощенный огнем, посреди кипящих морей и горящих лесов. Город Гейджа, где мы бродили по узким улочкам и обшаривали старые книжные лавки, гонялись друг за другом на пляжах и сидели в освещенных свечами барах. Откуда мы впервые ушли в море. Никогда не забуду, как мы в первый раз вернулись домой и наш дом выглядел как яркий и твердый алмаз на фоне неба. Домой. Здесь всегда будет мой дом.

Я смотрела на Оландера увлажнившимися глазами и вдруг поняла, что вернулась в Пойнт-Эдвард с намерением покинуть Илианду.

— Оландер, они оставили вас для этого?

— Нет. — Он энергично замотал головой. — Предполагалось, что это произойдет автоматически, когда „немые“ подойдут поближе. Взрыватель подключен к датчикам на станции, но „немые“ иногда удается нарушить прохождения команд и функций управления. Мы не могли рисковать...

— Так они вас все-таки оставили?

— Нет! Сим никогда бы не позволил. Он верит в сканеры и компьютеры. Однако люди, знающие всю эту дрянь лучше, не верят. Поэтому я остался, отсоединил пусковое устройство и принес его сюда.

— Боже мой, вы действительно собираетесь сделать это?

— Так лучше получится. Мы можем поймать этих подонков в самый удачный момент. Чтобы принять подобное решение, нужен человек. Машина не сможет сделать все как надо.

— Оландер, вы собираетесь разрушить целый мир!

— Знаю. — Его глаза наконец-то встретились с моими. — Никто этого не хотел, но нас приперли к стенке. Если мы не сможем сделать это, то, возможно, ни для кого из нас уже не настанет будущее.

Я продолжала говорить с ним, хотя мое внимание все больше притягивала клавиатура компьютера, клавиша „ПУСК“, много длиннее других и слегка вогнутая.

Рукой я ощущала твердый и холодный ствол лазера.

Оландер выцедил последние капли вина из стакана и швырнул его в темноту. Стакан разбился.

— Чао! — произнес он.

— Сверхновая... — прошептала я, думая о просторных южных морях и нехоженных лесах, в которые никто уже никогда не войдет. О загадочных развалинах. О тысячах людей, для которых, как и для меня, Илианда была домом. Кто вспомнит ее, когда она исчезнет? — В чем разница между вами и „немыми“?

— Я знаю, что вы чувствуете, Киндрел.

— Вы не имеете ни малейшего представления о том, что я чувствую...

— Поверьте, я знаю точно. Когда „немые“ сожгли Корморал, я находился на Мелисandre. Я видел, что они сделали с планетой. „Немые“ рассердились на местных жителей, потому что те убили несколько их солдат. Таких же людей, как вы, просто занимающихся своим делом. Вы знаете, на что похож Корморал сейчас? Ничто не сможет существовать там еще десять тысяч лет.

Чей-то стул, его или мой, скрипнул, и звук эхом прокатился по бару.

— На Корморал и его жителей напали их враги!

Я была в ярости, в ужасе. Под столом я незаметно провела пальцами по выпуклости на рукоятке лазера.

— Вам приходило в голову, — спросила я как можно более рассудительно, — что произойдет, когда „немые“ уйдут домой, а мы опять начнем пререкаться друг с другом?

Он кивнул:

— Знаю. Риск большой.

— Риск? — Я указала дрожащим пальцем на ряд приборов. — Эта штука опаснее, чем десяток вторжений. Господи, мы выдержим нашествие „немых“. Мы пережили ледниковые периоды, ядерный век, колониальные войны, и мы наверняка справимся с этими сукиными детьми, если не будет другого выхода. Но вещь, которая находится перед вами... Мэтт, не делайте этого. Чего бы вы ни надеялись добиться, цена слишком высока.

Я прислушивалась к его дыханию. Из динамиков лилась старая песня о любви.

— У меня нет выбора, — вяло ответил Оландер, бросая взгляд на дисплей. — „Немые“ начали отходить, значит они уже знают, что станция пуста, и подозревают отвлекающий маневр или ловушку.

— У вас есть выбор! — закричала я.

— Нет! — Он засунул руки в карманы куртки, словно хотел удержаться от прикосновения к клавишам. — У меня его нет.

Не помню, как в руке у меня очутился лазер. Я направила его на компьютеры:

— Я этого не допущу.

— Вам не удастся помешать. — Оландер отступил в сторону. — Но можете попробовать.

Я отошла на несколько шагов и подняла перед собой оружие. Любопытное замечание! Я повторила его про себя еще раз. На лице Оландера отражались чувства, которым я не могла подобрать названия. Тогда я поняла, что происходит.

— Если я перережу подачу энергии, механизм сработает?

Лицо выдало его.

— Убирайтесь! — Я направила лазер на Оландера. — Мы просто посидим тут некоторое время.

Он не двинулся с места.

— Отойдите, — повторила я.

— Ради бога, Киндрел! — Он протянул ко мне руки. — Не делайте этого. Здесь никого нет, кроме нас с вами.

— Здесь есть живая планета, Мэтт. А если этого мало, то есть еще прецедент, который будет создан.

Он шагнул к пульту.

— Не надо, Мэтт, — сказала я. — Я убью вас! Не сомневайтесь!

Мгновение тянулось долго.

— Пожалуйста, Киндрел.

Так мы и остались, лицом к лицу. Оландер понял выражение моих глаз и побледнел. Я держала лазер перед собой, и он видел, что оружие направлено прямо ему в грудь.

Восточная часть неба начала светлеть.

— Мне следовало оставить это там, — произнес он, прикидывая расстояние до клавишей.

По моим щекам бежали слезы, я слышала свой голос, громкий, испуганный, будто он шел откуда-то извне. Весь мир сжался до ощущения спускового крючка под указательным пальцем правой руки.

— У вас не было никакой необходимости оставаться! — закричала я. — Это не имеет ничего общего с героизмом. Вы слишком долго воевали, Мэтт, и слишком хорошо научились ненавидеть.

Оландер осторожно сделал второй шаг, следя за мною умоляющим взглядом.

— Вам это нравилось, пока не подвернулась я.

— Нет, это не так.

Мышцы у него напряглись. Я мгновенно поняла его намерение, замотала головой и всхлипнула. Оландер приказал мне положить оружие, а я стояла, глядя на маленькую бусинку света у основания его горла, куда попадет луч, и повторяла:

— Нет!.. Нет!.. Нет!..

Когда он наконец рванулся, но не к компьютеру, а ко мне, он сделал это слишком медленно, и я убила его.

Моим первым побуждением было выбраться оттуда, сесть в лифт, спуститься и бежать...

Боже, почему я этого не сделала!

Солнце взошло над горизонтом, облака на западе растаяли, и начался еще один прохладный осенний день.

Мэтт Оландер лежал, скрючившись, под столом, с крохотной черной дырочкой в горле, и струйка крови стекала на каменный пол. Куртка распахнулась, из внутреннего кармана торчал пистолет, черный, смертоносный, простой в обращении.

Мне не приходило в голову, что он вооружен и может убить меня в любой момент.

Какие же люди сражались на стороне Кристофера Сима?

Оландер готов был сжечь Илианду, но не смог заставить себя отнять у меня жизнь.

Что за люди? Не могу ответить на этот вопрос. Ни тогда, ни теперь.

Я долго стояла над телом, иногда посматривая на мигающий экран с красным глазком, а белые огоньки убегали к внешнему кольцу.

Во мне зародился ужасный страх: я еще могла осуществить его намерение, не обязана ли я сделать это ради него, ради кого-то еще, — протянуть руку и нанести удар, который они подготовили. В конце концов я ушла оттуда в начинающийся день.

Черные корабли, уцелевшие у Илианды, продолжали собирать обильный урожай жертв. Еще почти три года Кристофер Сим совершал свои легендарные подвиги. Деллакондцы дер-

жались, пока не вмешались Земля и Окраина, пока в пылу битвы не родилась современная Конфедерация.

О солнечном оружии никогда больше не слышали: то ли оно не сработало, то ли Симу больше не удавалось заманить достаточно крупные силы врага в нужный район и на необходимое расстояние — не знаю.

Для большинства людей война сейчас — нечто далекое, предмет споров историков. Живым воспоминанием она осталась только для сравнительно старых людей. „Немые“ давно отступили в свои мрачные миры. Сим покоится со своими героями и со своими тайнами где-то у Ригеля, Илианда продолжает поражать туристов туманными морями, а исследователей — руинами.

Мэгг Оландер лежит в могиле у Ричардсона. Я вырезала его имя на камне тем же оружием, которым убила его.

А я... К сожалению, я уцелела, пережив атаку на город, справедливый гнев деллакондцев и собственное чувство вины.

Деллакондцы появлялись после убийства дважды. В первый раз их было четверо, две женщины и двое мужчин. Я спряталась, и они улетели. Позднее, когда я уже решила, что они больше не появятся, на одну из стартовых площадок Ричардсона приземлилась женщина, я вышла и рассказала ей все.

Я думала, меня убьют, но она мало говорила и хотела взять меня на Миллениум. Но я не решилась, ушла от нее и жила возле разрушенного города, в Валгалле, где мне, может быть, и следовало умереть в окружении призраков, число которых с каждым днем увеличивалось. Все убитые моей рукой. Когда в конце войны илиандцы вернулись, я ждала их.

Они предпочли мне не верить, возможно по политическим причинам, или они просто хотели забыть. И вот я лишена даже общественного осуждения. Никто не проклинает меня. И не прощает.

У меня нет сомнений в правильности того, что я сделала.

Рассуждая при свете дня, я это знаю. Хотя знаю и другое: кто бы ни прочел этот документ после моей смерти, он поймет, что мне необходимо нечто большее, чем правильная философская позиция.

Потому что теперь для меня, во мраке под кружащимися лунами Илианды, война никогда не закончится».

XVI

Какие мрачные мысли завели его так высоко, на эту открытую ветрам скалу, мы никогда не узнаем...

Аней Кей. Кристофер Сим на войне (процитированные слова выбиты также на медной табличке у Карниза Сима)

Утром, когда мы завтракали в ресторане на крыше, освещенном ярким теплым солнцем, все показалось мне несколько нереальным.

— Это фальшивка, — сказала Чейз. — Не могли они рассчитывать на то, что им удастся материализовать тот корабль внутри планетной системы, не говоря уже о самом солнце.

— Но если бы это оказалось правдой, — возразил я, — мы получили бы ответы на некоторые вопросы. И возможно, на самый важный: что спрятано в Даме-под-Вуалью.

— Бомба?

— Что же еще?

— Но если штучка работала, почему они ее не использовали? Зачем понадобилось спрятать ее где-то в лесу?

— Наверное, деллакондцы считали, что Конфедерация не переживет войну, даже если они победят. Как только «немые» были бы выдворены за ее пределы, планеты снова принялись бы ссориться. И возможно, Сим не хотел выпускать на свободу такое оружие. Даже среди своего собственного народа.

Возможно, когда положение стало отчаянным, он увидел лишь два выхода: уничтожить его или спрятать. Поэтому спрята-
л. Все, кто знал об этом, погибли. И история была забыта.

Чейз подхватила:

— А сейчас, двести лет спустя, является «Тенандром» и на-
тыкается на это оружие. Они все засекретили!

— Вот именно, — сказал я.

— Но где же оружие? Они привезли его обратно?

— Наверняка. И сейчас мы запускаем его в производство.

На следующий год мы уже будем угрожать «немым».

Чейз затрясла головой:

— Не верю. Как мог «Тенандром» понять, что это за штука?

— Вероятно, она снабжена инструкцией. Послушай, это первое полученное нами объяснение, имеющее хоть какой-то смысл.

На лице у Чейз появилось скептическое выражение.

— Я все же считаю это невозможным. Послушай, Алекс, точность межзвездных перелетов весьма невелика. Если я сажусь на корабль, находящийся на орбите возле планеты, делаю прыжок в гипер...

— ...и тут же возвращаешься обратно, то можешь очутиться за несколько миллионов километров оттуда. Знаю.

— Несколько миллионов километров? Да мне чертовски повезет, если удастся прыгнуть обратно в ту же планетную систему. Как же они, черт возьми, рассчитывали попасть в звезду? Просто смешно.

— А если это можно сделать как-то по-другому? Давай проверим. Подумай, нельзя ли найти эксперта — физика или еще кого-то. Но держись подальше от разведки, говори им, что собираешь материал для романа. Ладно? Узнай, что произойдет, если ввести антиматерию в ядро звезды, действительно ли она взорвется? Имеется ли теоретически какой-либо способ осуществить такое внедрение?

— А ты что собираешься делать?

— Осматривать местные достопримечательности, — ответил я.

Со времен Киндрел Илианда изменилась. Никакой флот из челноков, крейсеров и межзвездных транспортов не смог бы теперь эвакуировать население всей планеты. Старый теократический комитет, который правил Пойнт-Эдвардом, все еще существует, но он превратился в рудиментарный орган. Давно уже открыты двери для поселенцев, и Пойнт-Эдвард сейчас

только один из сети городов, причем не самый крупный. Но он не забыл свое прошлое: «Деллакондское кафе» на улице Неповиновения, парк Кристофера Сима, площадь Кристофера Сима, бульвар Кристофера Сима. Вокзал на орбите назван в его честь, его портрет отпечатан на банкнотах Илианды.

И Мэтт Оландер: его профиль на бронзовой доске, надпись «Защитник», выбитая на арке, через которую посетители попадают в Старый Город — площадь, окаймленную четырьмя кварталами разрушенных зданий, оставленными такими, какими они были после нападения. Посетители молча проходят по мемориалу, всегда останавливаясь около изображения.

Я и сам провел некоторое время, рассматривая голограммы челноков Сима, снятые в ту отчаянную неделю, когда ашиуры приближались, а они сновали в Ричардсон и обратно на бесшумных магнитных двигателях. Это были воодушевляющие картинки, дополненные гимнами, портретами героев с суровыми взглядами и тем приглушенным комментарием, который всегда сопровождает изображение легендарных событий. Кровь застучала у меня в висках, я опять втягивался в драму древней войны.

Позже, в придорожном кафе, окруженном замерзшими деревьями, я подумал о том, как легко мы возбуждаемся от перспективы битвы за правое дело, даже если его справедливость несколько сомнительна. Наша слава, наше падение.

Я наблюдал за толпой людей, никогда не знавших организованного кровопролития, и спрашивал себя, не права ли Киндрел Ли, доказывавшая, что настоящему риску все мы подвергаемся не со стороны той или иной группы пришельцев, а со стороны нашего собственного отчаянного желания создавать Александров и с энтузиазмом атаковать и следовать за ними в ту крепость, которую они пожелают?

Кто была та одинокая женщина, посетившая Киндрел Ли? Таннер? Ли считала, что она прилетела с Деллаконды, но ведь она и ждала кого-то из деллакондцев.

Легко понять, почему деллакондцы могли солгать о причине смерти Мэтта Оландера: они не хотели раскрывать существования солнечного оружия, поэтому сделали героя из неудачливого системного аналитика, который остался, чтобы обеспечить успех операции, но сорвал планы Сима. Каждый знающий

правду должен был его ненавидеть. Сколько же людей погибло из-за поступка Оландера?

Я мог вообразить их всех, расположившихся в безопасности за облаком Оорта и наблюдавших за датчиками, выжидая подходящий момент для решающего удара. Неудивительно, что они испытали великую горечь.

Но Сим сражался еще полтора года, так и не применив солнечного оружия. Интересно, права была Киндрел Ли или нет, предположив, что оружие имело дефект либо стало неработоспособным по какой-то прихоти природы или допотопной техники эры Сопротивления? И что в конечном итоге она напрасно убила Мэтта Оландера.

Ближе к вечеру я поднял скиммер навстречу сильному ветру. Движение на улицах было большим, и гигантские голограммы потрясающе красивых манекенщиц демонстрировали зимнюю моду собравшейся у торгового центра толпе. Я описал над центром дугу, набрал высоту и поплыл в сером небе.

Во время эвакуации Пойнт-Эдварда Кристофер Сим оставил штаб для руководства операцией, а сам занялся другими делами. Тогда происходили удивительные вещи: его офицеры заметили, что Сим поднимался задолго до рассвета и летал на скиммере вдоль побережья. Местом его прогулок был одинокий карниз скалы, возвышающейся над морем. Что он там делал, почему летал туда — никто так и не узнал. Толденье обессмертил эту сцену в своем шедевре «На скале», а само место жители Илианды включили в число исторических. Они называют его Карниз Сима.

Я хотел взглянуть на войну его глазами, а для этого мне надо было посетить его убежище.

Летательный аппарат перешел в горизонтальный полет и начал длинный бросок к морю. Я был немного подавлен сочетанием вершин, города, океана и тумана, но тут до меня дошло, что есть еще одно место, которое стоит посетить.

Переключившись на ручное управление, я повернул назад, вглубь континента. Зажужжал компьютер, настаивая на большей высоте полета. Жужжание прекратилось, и я под самыми облаками пролетел над кратером вулкана. Если верить литературе, он был надежно потушен. Об этом много веков назад позаботились инженеры-вулканологи, но, несмотря на это, его

состояние периодически проверяла служба охраны окружающей среды Пойнт-Эдварда.

Никакой романтики!

Я снизился к волнующемуся шатру пурпурного леса. На юго-западе земля была поделена на крупные фермы. Два потока вились через сельскую местность, сливаясь примерно в восьми километрах от Пойнт-Эдварда и исчезая в горах.

Шпили космопорта вдали выглядели хрупкими на фоне угрожающе потемневшего неба. С вершины «Башни» падал водяной занавес. Я наблюдал, как с противоположной стороны полетел челнок, сделал петлю, грациозно накренился и опустился в комплекс.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы найти то, что я искал, — дорогу, по которой Ли ехала из Пойнт-Эдварда к Ричардсону. Ее уже не существовало, сообщение между этими двумя пунктами шло по воздуху, и любому жителю маленьких городков проще было обзавестись скиммером.

Но отдельные отрезки древней дороги еще можно было различить. Огибая группу холмов, она тянулась параллельно сначала одной реке, потом другой. В основном ее можно угадать только по более молодым деревьям.

Я поместил карту на монитор и смотрел сквозь атлас, стараясь найти место, где Киндрел потерпела аварию.

Валгалла — небольшое фермерское селение: около дюжины домов, магазин аппаратуры, продовольственный магазин, мэрия, ресторан, таверна. Двое на крыше соорудили слуховое окно, несколько человек собралось возле мэрии. Никто даже не взглянул вверх, когда я пролетал над ними.

Киндрел описала крутой поворот, который мог быть только с восточной стороны, где дорога выходила из холмистой местности. Не было ни следа канавы, ни углубления, но два века — срок большой. Это произошло где-то здесь. Необозначенное место на планете, усыпанной мемориалами. Любопытно, как бы изменилась история Илианды, если бы в ту ночь Киндрел Ли погибла?

Час спустя я летел над широкой, усыпанной островками бухтой Пойнт-Эдвард.

Город расплзался на склоны окружающих его хребтов, рискованно близко прижимался к пропастям, поддерживаемый

комбинацией металлических опор и силового поля. Посадочные площадки блестели на крышах и в высеченных скальных гротах. Некоторые общественные здания изгибались арками над трещинами. Приморский бульвар протянулся почти на том же месте, что и во времена Сопротивления, огибая бухту и переходя на севере в улицу с двусторонним движением.

Лес, скалы и снег — серо-белый пейзаж сливался с мрачным небом. Я лениво кружил над районом, любуясь его дикой красотой, потом повернул на север.

Пойнт-Эдвард остался позади. Прибрежное шоссе устремилось вглубь материка и нырнуло в густой лес.

Горы постепенно сливались в монолитную крепостную стену, гладкую, отражающую свет, не имеющую срока жизни. Илиандцы называют ее Стена Клона, в честь мифического героя, построившего ее для защиты от полчищ морских демонов. В ее тени воздух был холодным. Я держался низко, почти у самых брызг.

Паруса разрезали густой туман, а высоко надо мной пролетали скиммеры и даже аэробусы. Несколько чаек кружили рядом — некрасивые существа, с клювом лопатой, огромными крыльями и голосом, напоминающим отбойный молоток. В воздушных потоках лениво плавали пузырьники.

Редкие деревья жались к скале. Компьютер определил некоторые из них как «Кассандры». Считалось, что они обладают чем-то вроде лиственного разума. Тесты не дали окончательного ответа, и скептики продолжали утверждать, что это легенда, поскольку в путанице их ветвей угадывались какие-то человеческие черты, особенно когда солнце просвечивает сквозь кроны.

Несколько деревьев сгрудилось на краю кратера. Я повернул на них навигационный телескоп: переплетенные ветви, широкие листья тянутся к скудному серому свету. Но солнца не было, и никакого лица я не увидел. Когда я приблизился к Карнизу Сима, в наушниках зазвучал повторяющий одно и то же голос.

— Имеются необходимые удобства для туристов, — говорил он. — Пожалуйста, переключитесь на автоматическое управление. В радиусе восьми километров от парка полеты с ручным управлением запрещены.

Я подчинился. Скиммер немедленно рванул в сторону моря, набрал высоту и начал медленный разворот к крутой стене.

На посадку выстроилась очередь из трех скиммеров. С ближайшего из них мне махали руками детишки, и я помахал в ответ. Мы находились уже над краем хребта, подходя к бело-голубому посадочному комплексу на самой вершине.

Карниз Сима находился ниже. На нем был сооружен отель с золотым куполом, теннисными кортами и плавательными бассейнами. Во времена Сима он, наверное, представлял собой полоску скалы, на которой едва мог уместиться скиммер. Но его укрепили, расширили и обнесли оградой.

Женский голос в переговорном устройстве был молодой и сладкий, как сироп:

— Добро пожаловать на Карниз Кристофера Сима. Пожалуйста, не пытайтесь выйти из своего скиммера, пока он полностью не остановится. Желаете заказать номер в отеле «Сим»?

— Нет, — ответил я. — Хочу только посмотреть на Карниз.

— Очень хорошо, сэр. Вы можете добраться до Карниза Кристофера Сима, следуя синим отметкам. Комитет Сопротивления напоминает, что прохладительные напитки можно употреблять только в специально отведенных местах. Желаю вам приятно провести время.

Я опустил на посадочную площадку, сдал скиммер смотрителю, сел в голубой вагончик, который спустил меня по туннелю на основной уровень, и оказался в холле гостиницы. Синяя стрелка указывала на боковую дверь. Несколько человек, в основном дети, плескались в окруженном папоротниками бассейне. Сувенирная лавка предлагала посуду и стаканы эпохи Сопротивления, вымпелы, модели «Корсариуса», основательный набор кристаллов и книг, среди которых был «Человек и олимпиец», а также скромный томик «Максима Кристофера Сима». Над вестибюлем царила великолепная картина Толденьи «На скале»: задумавшийся Сим довольно рискованно сидит на вершухе округлого обломка скалы, глядя на волнующийся под ним океан, освещенный восходящим солнцем, а на горизонте видны штормовые облака.

Он одет в свободную куртку и широкие брюки, а светлые с проседью волосы кудрями выбиваются из-под потрепанной шляпы. Прищуренные глаза полны боли. Слева виднеется бело-зеленое крыло его скиммера с изображением моркадско-

го дерева, которое более четырехсот лет служило официальным символом Илианды.

Я купил экземпляр «Максим» и взял его с собой на Карниз, оказавшись там почти в одиночестве.

— Не сезон, — объяснил смотритель. — В это время года у нас мало туристов, но многие прилетают из города, чтобы пообедать и выпить. Вечером будет полно народу.

Карниз открыт всем ветрам, а все остальное герметизировано и обогрето, включая обзорную площадку, расположенную под прямым углом к поверхности выступа, на которой несколько человек смотрели в телескопы, выстроившиеся целой батареей. Молодая, тепло укутанная пара вышла наружу вслед за мной.

Возле низкой сеточной ограды играли детишки, взбирались на нее, и тогда уже ничто не отделяло их от более счастливого мира. Далеко внизу лежал океан, и я, заглянув туда, отпрянул назад.

Над головой развевались разнообразные флаги, морские птицы описывали круги, а пара пузырьков плавала сразу за оградой на расстоянии вытянутой руки. Даже в тени горной стены их амебные мешки переливались всеми цветами радуги. Эти мирные, неторопливые создания существуют на многих планетах и проявляют по отношению к нам неустанное любопытство.

«Их стоило сохранить», — подумал я.

И часк, и широкое море, которое существует здесь уже столько миллионов лет.

Как мог Сим даже подумать об уничтожении всего этого? Как мог он стоять здесь, под неподвластными времени стенами, и обдумывать такой план?

Найдя на обзорной площадке скамейку, я сел и открыл «Максимы».

Изданы они были частным образом через Орден Фурии. Материал в основном взят из единственной опубликованной работы Сима. Но имелись также отрывки из писем, судовых документов, комментарии, приписываемые ему, публичные заявления и тому подобное.

«На нас надвинулся кризис, — говорит он на заседании Конгресса, — и я покривил бы душой, не признав перед вами, что прежде, чем он закончится, многие места в этой палате окажутся пустыми».

А одному из сенаторов той же планеты он писал:

«Я совершенно уверен, что, какая бы сила ни увела нас невообразимо далеко от Аркадии, она, несомненно, не собирает-ся теперь бросить нас на произвол судьбы, во власть этой древней, лишенной воображения расы, которая так упорно добивается нашего уничтожения».

Скала Толдены — самая большая в целой группе скал, острым углом выходит из поверхности утеса и рискованно нависает над пустотой.

Карниз был узким. В самом широком месте хороший пилот с трудом мог посадить скиммер, а при малейшей непредвиденной случайности, скажем внезапном порыве ветра, и скиммер, и пилот рисковали свалиться в океан.

Почему?

И почему перед рассветом?

А впрочем, что может быть лучше при обдумывании судьбы звезды и планеты, которые он собирался уничтожить, чем захватить их вместе, в великолепном симбиозе океанского восхода солнца.

Что происходило в его мозгу в то туманное утро? Может, Сим надеялся, что внезапный порыв ветра переложит тяжесть решения на плечи кого-нибудь другого? Может, он стал бояться своего собственного оружия?

Кристофер Сим был прежде всего историком. Стоя здесь, наблюдая за последними, как он считал, рассветами планеты, он, должно быть, страшился приговора истории.

Я осознал это и содрогнулся. Каково было этому воину взвалить на себя подобную ответственность! И дело вовсе не в том, что никто больше не слышал о солнечном оружии.

XVII

Мерой цивилизации является мужество. Но не мужество ее солдат, а мужество свидетелей событий.

Тулисофала. Горные перевалы (перевод Лейши Таннер)

Ближе к вечеру туман унесло, и я устроился за столиком в углу бара, мирно потягивая зеленый ламентос. Когда небо начало темнеть и стали видны кольца Илианды, я включил коммуникатор:

— Чейз, ты там?

Раздался зуммер, значит Чейз ушла без аппарата. Я выпил еще, потом сделал очередную попытку выйти на связь.

— Была в душе, — объяснила Чейз. — День выдался трудным, но я получила ответы на некоторые вопросы. Идея нашего парня могла бы сработать.

— Антиматерия?

— Да. Антигелий, если цель имеет гелиевое ядро. Как в нашем случае.

— С кем ты говорила?

— С одним физиком. Он обретается в местечке под названием Островные лаборатории. Его зовут Кармел, и, похоже, он знает, о чем говорит.

— Но это могло бы сработать?

— Алекс, он сказал следующее, цитирую: «Корабль, нагруженный таким веществом, взорвал бы солнце, к чертовой матери!»

— Значит, Киндрел права. Если заряд можно доставить в ядро. А ты поинтересовалась у него этой частью задачи? Мог ли

Сим найти способ перемещения в гиперпространстве в заданную точку?

— Я не упоминала о Симе. Мы говорили о романе, помнишь? Но Кармел считает, что навигация в пространстве Армстронга теоретически невозможна. Он предложил другой способ: ионизировать антигелий, поместить его за мощным магнитным полем, а потом загнать на большой скорости в солнце.

— Вероятно, именно так они и собирались поступить, — сказал я. — А могли бы мы проделать это?

— Он считает, что нет. Антигелий легко изготовить и хранить, но технология его внедрения должна быть на очень высоком уровне. Теоретически пространство Армстронга — единственный тип нелинейного пространства, допускающий физическое проникновение трехмерных объектов. Я все-таки думаю, что это утка.

— Да, — согласился я. — Возможно. Послушай, я сейчас в очень славном месте. Не хочешь присоединиться ко мне и пообедать?

— Карниз?

— Да.

— Согласна, только дай собраться. Потом я возьму такси. Увидимся через полтора часа.

— Хорошо. О такси не беспокойся, я пришлю за тобой скиммер.

Через свой коммуникатор я попытался ввести код обратного маршрута в бортовой компьютер моего скиммера. Но в ответ замигала красная лампочка: нет связи. Почему? После второй неудачной попытки я соединился с диспетчерской службой:

— У меня проблемы с автоматикой. Не мог бы ваш служащий вручную ввести код в мой скиммер?

— Да, сэр. — Голос был женский и звучал слегка раздраженно. — Но это займет некоторое время. У нас не хватает работников, а сегодня большой наплыв посетителей.

— Как долго ждать?

— Трудно сказать. Я пошлю кого-нибудь, как только смогу.

Прождав минут двадцать, я поднялся в ангар, расположенный у самой вершины. Температура резко упала, и кольца, ярко горевшие в небе полчаса назад, превратились в размытое бледное пятно на затянутом тучами небе. У входа в ангар я снова

попытался поговорить с диспетчером. Они все еще заняты, но с минуты на минуту кого-нибудь пришлют.

— Не могли бы вы сказать, где мой скиммер?

Молчание, потом:

— Гостям не разрешается заходить в зону ангара.

— Разумеется.

На двери красовалась табличка: «Только для обслуживающего персонала». Я толкнул дверь и очутился в обширной пещере, которая, вероятно, не выглядела бы такой большой, если бы я мог видеть стены. Ее освещала только цепочка желтых ламп, уныло горящих в сумрачной глубине. Пока я ориентировался, над моей головой открылось сразу несколько дверей, и через шахту в ангар спустился корабль.

Его навигационные огни лишь на секунду осветили ряд стоящих машин, но я заметил свой скиммер, покрашенный в желто-зеленый цвет. Сочетание, конечно, раздражало глаза, зато его сразу можно узнать, если находиться не очень далеко. Я подождал, пока глаза не привыкнут к темноте, потом осторожно шагнул и повернул налево — в этом направлении света было больше.

Еще один скиммер со сверкающими огнями вылетел из шахты. Я попытался сориентироваться получше, однако его фонари, мигнув, тотчас же погасли, и он полетел вдоль одного из коридоров, образованных стоящими аппаратами. Я на ощупь пробрался мимо маленького аэробуса и пошел вглубь ангара.

По-видимому, там было три шахты, машины прилетали и улетали в устрашающих количествах. Я окончательно запутался, к тому же нескольких секунд, в течение которых фары скиммера освещали ангар, на поиски мне не хватало. В тот вечер я стал экспертом по размещению бортовых огней и вдобавок сформулировал закон Бенедикта: лучи от фар на следующих друг за другом скиммерах никогда не светят в одинаковом направлении. Они лишь путали меня.

Кроме того, достигнув уровня земли, скиммеры сразу выключали бортовые огни, из-за чего мне пришлось пережить немало неприятных минут: я спотыкался о подкосы крыльев и хвостового оперения, разбил коленку, даже упал лицом вниз.

В какой-то момент, стоя на коленях перед скиммером, я услышал, как включились его двигатели, и едва успел отскокить в сторону, но крылом меня все-таки сбило с ног.

У меня появились некоторые сомнения в успехе моего предприятия, но в ходе этих поисков я окончательно потерял ориентацию и поэтому уже не мог отступить. Я собрался снова вызвать диспетчерскую и попросить помощи, как вдруг увидел желто-зеленый фюзеляж.

Обрадованный, я забрался в кабину, вызвал Чейз и предупредил ее, что скиммер на несколько минут опоздает.

— Ладно, — сказала она. — Что-нибудь не так?

— Нет, — проворчал я. — У меня все хорошо. Просто маленькая проблема со скиммером. Не отключайся, пока я не удостоверюсь, что он работает.

— Удостоверишься, что он работает? — скептически воскликнула Чейз. — Слушай, я лучше возьму такси.

Да, то был мой единственный шанс отвести беду! А я тогда даже не подумал о вероятности диверсии. К тому же я здорово устал, да и вообще, кому бы это пришлось в голову!

Случайно повредить систему ответчика в скиммере нельзя. В моем пестром, например, нужно сначала снять пластиковую крышку, потом прижать клавишу связи. Просто, но сделать это можно только намеренно.

Как это случилось?

Наверное, небрежность служителя. Странно, ведь служители не поднимаются на борт, если нет никаких проблем. И все же кто-то это сделал. Я дал слово, что чаевых они не дождутся. Боже мой!

Я включил систему, порадовался потоку теплого воздуха в кабине, набрал на клавиатуре инструкцию, послушал, как загудели двигатели. Скиммер оторвался от пола, подождал пока не проплыл мимо другой корабль, и вылетел в коридор. Он прибавил скорость, остановился, отбросив меня назад на ремнях, а потом почти вертикально поднялся в выходную шахту.

Я повел его вверх, через вершину горы, и опять вниз на посадочную площадку. Выбрался наружу, установил систему наведения на крышу отеля в Пойнт-Эдварде.

— Уже в пути, — сообщил я Чейз по коммуникатору.

Скиммер взлетел и помчался в направлении моря.

— Хорошо, — ответила она. — Я уже проголодалась.

Я наблюдал, как аппарат набирает высоту и его бортовые огоньки расплываются на фоне нижней границы облаков. Он описал круг и исчез в ночи.

— Надвигается шторм, — сказал я Чейз из бара гостиницы. — Оденсья соответствующим образом.

— Ты ведь не поведешь меня через сугробы?

— Нет. Но Карниз — место открытое, ничем не защищенное.

— Ладно.

Я устроился в мягком кресле. Пушистые ковры покрывали каменный пол, выходящее на океан огромное окно обрамляли серые шторы. Зал украшали патриотические картины эпохи Сопротивления и гербы планет. Фрегаты красовались на фоне лунной поверхности, а похожие на валькирий матери стояли рядом с портретами своих сыновей.

— Здесь хорошо.

— Здорово. — Пауза. — Алекс?

— Что?

— Я весь день думала об антиматерии, двигателях Армстронга и тому подобном. Мы предположили, что рассказ Киндрел правдив, поскольку тогда солнечное оружие уже могло быть создано. Но существует и другая возможность: рассказ правдив, а лгать мог Оландер.

Я немного подумал, не найдя никакой причины отвергнуть эту идею. И все же я сомневался.

— Ты знаешь, как выглядела Киндрел Ли, — продолжала Чейз. — Оландер сидит в баре — возможно, он уже порядочно набрался, — и вдруг рядом с ним появляется она. Для мужика вполне естественно преувеличить свое значение.

— С этой стороны я тебя еще не знаю, — заметил я.

— Извини, — улыбнулась Чейз. — Я не хотела никого обидеть. Это почти в порядке вещей. Ну, ты меня понимаешь.

— Конечно.

— Скиммер уже прилетел. Скоро увидимся.

Она отключилась.

Поднялся ветер, швыряя в окно снежные хлопья, потом налетел шторм и начал набирать силу. Я позвонил в отель и заказал два номера на ночь. Погода, конечно, не представляла серьезной опасности для путешественников: скиммеры — необычайно прочные машины, и, пока пилот пользуется автоматикой, бояться действительно нечего. Но мне нравилась перспектива провести штормовую ночь на Карнизе Сима.

Погрузившись в свои мысли, я наслаждался темным вином Илианды, когда чья-то рука сжала мое плечо и знакомый голос воскликнул:

— Боже мой, Алекс! Где ты был? Я тебя повсюду искала.

На волосах Квинды был снег, она дрожала, голос ее срывался.

Я уставился на нее, слегка ошеломленный:

— Квинда, какого черта ты здесь делаешь?

Лицо ее побледнело.

— Где твой скиммер?

— А что?

Я встал, чтобы придвинуть ей стул, но она нетерпеливо отмахнулась.

— Где скиммер? — повторила она тоном, который я не мог назвать иначе как угрожающим.

— Где-то над океаном, полагаю. Он везет Чейз Колпат из Пойнт-Эдварда.

Квинда выругалась.

— Женщина, которая прилетела с тобой? — Она впиалась в меня диким взглядом. — Срочно свяжись с ней. Скажи, чтобы она выбралась из скиммера. Пусть другие тоже держатся от него подальше.

Говорила Квинда с трудом, глаза ее блуждали по сторонам, она вытирала со лба пот.

Я похолодел:

— Почему? Что со скиммером?

Квинда отчаянно потрянула головой:

— Не важно. — Она встала, словно собираясь уходить, потом оглянулась, снова села. — На скиммере бомба.

Я не верил своим ушам:

— Что ты сказала?

— Бомба! Ради бога, вызови ее, сними ее со скиммера, убери всех подальше от него.

— Наверное, уже слишком поздно!

Я еще не совсем осознал происходящее, а Квинда уже вскочила, горя желанием куда-то бежать, что-то предпринять.

— Откуда ты знаешь о бомбе?

— Потому что я сама подложила ее туда. — Она взглянула на свой коммуникатор. — Какой у нее код? Почему, прилетев

сюда, ты не дал свои координаты в сеть, чтобы тебя можно было найти?

— На этой планете нас никто не знает, так какого черта мы должны отмечаться?

Я открыл канал, прошептал имя Чейз в коммуникатор и тут же услышал шипение несущей волны и гул ветра вокруг скиммера.

— Алло! — ответила Чейз. — Алекс, я как раз собиралась вызвать тебя. Закажи мне отбивную и печеную картошку, буду через двадцать минут.

— Где ты находишься?

Она ответила с насмешливым удивлением в голосе:

— На полпути. Что-то новенькое? Или кто-то?

— Здесь Квинда.

— Кто?

— Квинда Арин. Она думает, что у тебя на борту бомба.

Шум ветра. Потом:

— Черта с два.

Квинда заговорила в свой коммуникатор:

— Я не «думаю». Она прикреплена к шасси и может взорваться в любую секунду.

— Проклятье! Кто вы?

— Послушайте, мне очень жаль.

Я подумал, что Квинда сейчас сломается. На глазах у нее появились слезы, но она стряхнула их.

— Она там, Чейз. Вы ее видите?

— В этой буре? Здесь метет метель. Послушайте, через двадцать минут я прилечу. У меня еще есть время?

Квинда отрицательно качнула головой в знак того, что не имеет представления.

— Она должна была взорваться час назад, — сказала она. — Вы не можете немного спуститься и сбросить ее?

— Подождите минуту.

Я слышал, как Чейз двигается в кабине, сражается с фоном, тихо ругается. Наконец она открыла его, и завыл ветер. Затем Чейз вернулась и, задыхаясь, ответила:

— Нет. Я не собираюсь спускаться. — (Я уловил в ее голосе нотки паники.) — Как она туда попала?!

Я мысленно представил себе скиммер. Чейз пришлось бы сделать большой шаг от кабины к подкосу вдоль крыла, а по-

том спуститься на два метра на стойку шасси. И все это во время шторма.

— А если остановить скиммер? Сможешь удержать его на месте?

— А почему бы тебе не поменяться со мной местами? Кто, черт возьми, эта женщина? Кого из нас она хочет убить?

— Нужно избавиться от бомбы, — повторила Квинда. — Или выбраться из скиммера.

— Послушайте. Я собираюсь перейти на ручное управление и лететь к вершине. Вам придется забрать меня. Но поторопитесь. После посадки мне нужно как можно дальше убраться от этой штуки, а на улице холодно.

— Ты далеко от берега?

— Около трех километров.

— Хорошо, Чейз. Но не выключай коммуникатор. Мы вылетаем.

— Не могу поверить, что ты это сделала, — сказал я Квинде.

Она как раз давала инструкции своему скиммеру, который должен был прилететь за нами, и не отвечала, пока не закончила диктовать, а затем обрушилась на меня с холодной яростью:

— Ах ты, тупица! Ты сам виноват! Какое ты имеешь право влезать в чужие дела, пытаясь урвать кусок для себя? А потом болтать с проклятыми «немыми». Тебе повезло, что ты еще жив. А теперь давай поторопимся, мы можем почесать языки позже.

Мы оба были уже на ногах.

— Ты хочешь сделать что-нибудь полезное? — продолжала она. — Вызови Патруль. И прикажи Колпат включить свой маяк. — Голос едва повиновался ей. — Я никому не собиралась причинять вред, но сейчас уже не уверена, что была права.

Я известил Патруль, описал им обстановку, но они не хотели мне верить.

— Кому, черт побери, понадобилось подкладывать бомбу в скиммер? Уже вылетаем, — проворчал патрульный. — Но сейчас у нас поблизости никого нет. Полет займет какое-то время. Возможно, минут сорок.

— У нас нет сорока минут, — сообщил я.

— Алекс, — сказала Квинда, когда мы почти бежали по вестибюлю, — мне очень жаль. Жаль, что я просто не пришла к тебе, и жаль, что ты такой дурак. Какого дьявола ты не можешь заниматься своим делом? Господи, неужели я убила человека?!

— Так все эти козни — твоих рук дело? Ты ukrала файл, ты подбросила переделанные программы! Да?

— Да. К сожалению, ты не понимаешь намеков.

Это было уж слишком. Думаю, если бы мы так не спешили, я бы стукнул ее об стену, но в тот момент нас ждало много других дел.

— Где твой скиммер?

— В пути.

— Клянусь Богом, Квинда, если с Чейз что-нибудь случится, я выброшу тебя в океан!

Мы вышли на тупиковую подъездную дорожку, в северном конце которой размещался танцевальный зал, отгороженный тросом. Гибким тросом, длиной около двенадцати метров. Я рывком сорвал его и смотал на руке, пока мы поднимались через шахту к вершине.

Посадочная площадка была густо замечена снегом. Мы побежали вперед и наткнулись на конец очереди. Люди стояли, наклонив голову, прячась от ветра, глубоко засунув руки в карманы курток с обогревом. Квинда отвернула рукав и посмотрела на часы.

С посадочной площадки нельзя разглядеть ангар. Мы увидели, как из-за деревьев показался скиммер и поплыл в нашу сторону. Над головой кружились прилетевшие аппараты, ожидая очереди на посадку.

Появился аэробус.

— Она не работает, — произнесла Квинда, с беспокойством оглядываясь по сторонам.

— А когда она должна была работать?

— В ангаре. Но что-то испортилось.

— Еще одно предупреждение?

Квинда обернулась. Не могу припомнить другого случая, когда я видел такую ожесточенность в глазах женщины.

— Квинда, почему ты отключила автоматику?

— Чтобы никто не воспользовался скиммером, — упрямо ответила она. — Кто бы мог подумать, что ты пойдешь туда и все исправишь?

— Как приводится в действие механизм взрывателя?

— Таймером. Но или я его неправильно установила, или он неисправен. Не знаю.

— Чудесно.

Шторм обрушился на нас с новой силой, и внезапно я почувствовал страшную усталость.

— Может, тебе следовало бы все рассказать.

— Тебе надо просто оставить свою затею. Давай заберем твою партнершу, вы оба вернетесь на Окраину и забудете это дело! — Квинда заговорила в свой коммуникатор: — Диспетчер, у нас срочное дело. Мое имя Арин. Мне немедленно нужен мой скиммер. Пожалуйста.

— Ваш скиммер на подходе, — ответил компьютер. — Мы не можем ускорить события.

— Вы можете дать нам другой скиммер? — спросил я. — Ситуация критическая.

— Подождите, я соединю вас с моим руководителем.

Из аэробуса высыпали пассажиры. Когда они исчезли из виду, аэробус взлетел, тяжело развернулся и спустился в ангар. Через несколько секунд над рощей появился роскошный скиммер и пошел в нашем направлении: сине-стальной, отделанный серебряными накладками, с наконечниками на крыльях. Марка «фаше». К нему заспешила пожилая пара.

Я подумал, не конфисковать ли этот «фаше», но Квинда покачала головой.

— Вот он, — прошептала она.

Из диспетчерской раздался новый голос:

— Объясните, пожалуйста, в чем ваша проблема?

— Человек в опасности.

Квинда дала им код Чейз.

Следом за роскошным «фаше» летел наш скиммер. Оба приближались.

Снова голос из диспетчерской:

— Мы оповестим Патруль. У нас нет спасательного оборудования.

— Нам не нужно спасательное оборудование. Только скиммер.

— Понимаю.

Мой коммуникатор загудел, и я включил канал:

— Да, Чейз?

И здесь, и у нее гудел ветер, заглушая ее слова. Я повернулся к ветру спиной:

— Повтори еще раз!

— Кажется, чертова штуковина взорвалась. — Чейз пыталась справиться с голосом. — Я потеряла управление. Скиммер идет вниз.

— Двигатели работают?

— Да, но часть хвоста оторвало. И что-то проткнуло кабину. Фонарь сорван, в полу большая дыра, в нее можно вывалиться.

В канале взвизгнул ветер.

— С вами все в порядке? — спросила Квинда.

Голос Чейз стал жестким:

— Она еще с тобой?

— Мы собираемся лететь на ее скиммере.

— Собираетесь? Ты хочешь сказать, что вы еще не вылетели?

— Сейчас вылетаем. С тобой все в порядке?

— По-моему, у меня сломана левая нога.

— Ты сможешь добраться до вершины?

— Нет. Сейчас я как раз над ней, но слишком быстро теряю высоту. Если попытаюсь, то, вероятно, врежусь в стену.

— Ну ладно. Оставайся в скиммере.

Квинда с беспокойством посмотрела на меня и положила ладонь на мое запястье, прикрыв коммуникатор:

— Океан холодный. Нужно побыстрее вытащить ее.

«Фаше» приземлился на площадке, и его владельцы, спиной к ветру, прошли мимо нас. Мужчина поднял глаза и взмахнул рукой, широким жестом охватив небо:

— Адская ночь, не правда ли?

Снова послышался голос Чейз:

— Постараюсь остаться в воздухе сколько смогу.

— Все будет в порядке.

— Тебе легко говорить. Где, черт возьми, на этой леталке спасательное снаряжение? Здесь нет даже спасательного жилета.

— Никто не предполагал, что он потерпит аварию, — ответил я. — Послушай, мы можем добраться к тебе раньше, чем ты

ударись о воду. Если даже и опоздаем, то всего на пару минут. Оставайся в скиммере.

— А если он утонет? В нем очень большая дыра.

Наш скиммер опустился на площадку, мы общими усилиями откинули фонарь и залезли внутрь. Быстрее. Квинда не произнесла этого вслух, но ее губы двигались, складываясь в слова: быстрее, быстрее, быстрее...

— Двигатели отказывают, — сказала Чейз. — Они очень шумят. Движение вперед почти прекратилось. Алекс, если они откажут, то падать будет довольно высоко.

Раздался сильный треск.

— Что случилось?

— Кабина разваливается, Алекс.

— Может, тебе спуститься пониже?

— Я уже и так спускаюсь. Не волнуйся. Когда ты рассчитываешь добраться сюда?

— Через двадцать минут.

Раздался голос диспетчера:

— Арин, вам предоставлена аварийная первоочередность. Переводим управление полетом на ваш пульт. Удачи!

Снова заговорила Чейз:

— Меня здесь очень сильно трясет. Эта штука может просто-напросто развалиться на части.

Мы поднялись в воздух. Медленно. Как только мы вышли из-под прикрытия защитных экранов, на нас обрушился шторм. Перелет обещал быть непростым. Я перевел сигнал от Чейз на систему слежения скиммера и ввел в монитор карту района ее предполагаемого местонахождения.

Мы начали набирать скорость. Квинда задала управлению скорость в сто восемьдесят километров. Верхний предел. Соумеваюсь, чтобы скиммер мог развить такую скорость.

У правого края дисплея появился голубой огонек, обозначив местонахождение Чейз. Я включил канал:

— Как наши дела?

— Неважно, — донесся ее голос.

— Не замечаешь никаких признаков патрульного корабля?

Я, правда, не слишком надеялся, что они появятся так быстро, но мне хотелось поддержать в Чейз надежду.

— Ответ отрицательный. Вы далеко от меня?

— В тридцати пяти километрах. Как у тебя дела?

— Падаю быстрее. Наверно, удар будет довольно сильным.

Ее слова доносились с паузами, прерываемые шумом и, возможно, страхом. Я ощущал ее состояние: вот она вжалась в сиденье искалеченного аппарата и смотрит вниз, в пустоту.

— Квинда?

— Мы летим со всей возможной скоростью.

Она набрала цифры на дисплее. Кроме машины Чейз и быстро отстающего от нас «фаши», было еще два сигнала.

Я вызвал их изображение. Один оказался аэробусом, летящим из Пойнт-Эдварда к Карнизу Сима, другой по виду был частным скиммером, только что вылетевшим из города и направляющимся в нашу сторону. Но он находился от Чейз дальше, чем мы. Куда же подевался Патруль?

— Чейз, я оставляю канал включенным.

— Ладно.

Я связался с аэробусом:

— Аварийная ситуация, скиммер в беде.

Мне резко ответил женский голос:

— Что происходит? Говорит экспресс на Карниз Сима.

— Примерно в четырех километрах впереди вас падает скиммер, на несколько градусов правее. В данный момент высота около двухсот метров.

— Поняла. Вижу сигнал.

— Один пилот, пассажиров нет. Произошел взрыв. Вероятно, у пилота сломана нога.

— Ночь неподходящая, — сказала женщина и добавила: — Ладно. Я извещаю Патруль, что отклонилась от курса для оказания помощи. От Карниза летит несколько скиммеров. Который из них ваш?

— Тот, что впереди.

— Вам нужно побыстрее добраться сюда. Мой корабль не слишком маневренный. И в лучшую погоду никто не смог бы спуститься, не рискуя утонуть. Подумайте, как справиться с этим.

— Хорошо, — я подергал за трос, проверяя его прочность, — у меня есть веревка.

— Она вам понадобится.

— Знаю. Сделайте все возможное. Оставайтесь с ней.

Квинда молча склонилась над пультом управления, подгоняя скиммер. Лицо ее казалось неподвижным в бледном свете приборной шкалы, но, несмотря ни на что, она была красива.

«И теперь уже навсегда недосягаема», — подумал я и спросил:

— Почему?

Квинда резко повернулась ко мне и подняла полные слез глаза:

— Ты знаешь, что ищешь? Имеешь хоть какое-то представление, что там находится?

— Да. — Я выложил свой главный козырь. — Корабль Деллаконды.

Она кивнула:

— Нетронутый. Все целое. Алекс, бесценный артефакт. Можешь представить себе, что значит ходить по его палубам, читать его бортовой журнал? Привести его обратно? Думаю, это один из фрегатов, Алекс. Один из фрегатов!..

— И ты рисковала нашими жизнями, чтобы получить этот чертов корабль?

— Нет, тебе никогда не угрожала опасность. Я бы никогда... Но... проклятая... бомба... не... взорвалась, — цедила Квинда. — И я не могла предостеречь тебя. Не могла связаться с тобой.

— Где файл «Таннер»?

— Я его спрятала. Ты не имеешь на него права, Алекс. Я работала над этим долгие годы, и вот твой дядя умер, а ты просто приходишь и просто забираешь все?

— Как ты оказалась замешанной в это дело?

— А тебе не приходило в голову, что не только Гейб интересовался «Тенандромом»?

На дисплее возникло новое световое пятнышко. Спасательный корабль. Но он еще слишком далеко, и Чейз окажется в воде задолго до его прибытия.

— Эй, скиммер, — подала голос пилот аэробуса. — Я вижу вашу птичку. Нет, ее снова закрыло от меня облаками, но я ее видела. Она не совсем падает, хотя снижается слишком быстро.

— Хорошо. Чейз, ты слышишь?

— Да. Сообщите мне какую-нибудь другую новость.

— Можешь сделать что-нибудь?

— А что ты предлагаешь?

— Чейз, мы будем у тебя очень скоро.

— Не вижу здесь ничего способного плавать, за исключением, возможно, сидений, но они намертво закреплены.

— Ладно. Сможешь продержаться еще пару минут? Мы уже снижаемся к тебе.

— Вижу аэробус. Он провожает меня вниз.

— Хорошо, — заговорила Квинда.

— Чейз, вам не составит труда выбраться из скиммера?

— Нет, — ответила Чейз, и голос ее слегка потеплел.

— Чейз? Это ваше имя? — спросила пилот аэробуса.

— Да.

— Хорошо, Чейз. Мы останемся с вами. И ваши друзья на подходе. Все будет в порядке.

— Спасибо.

— Я не смогу вытащить вас из воды. Волнение на поверхности океана слишком велико, и я не в состоянии спуститься достаточно низко, чтобы достать вас.

— Все в порядке.

— У меня на борту двадцать человек.

— Все правильно. Как вас зовут?

— Хоч. Мовинет Хочли.

— Спасибо, Хоч.

— Вода приближается. Вы ударитесь об нее секунд через двадцать.

Мы уже спустились к поверхности океана. Открылся вид на бушующие волны, завывал ветер. Я начал разворачивать трос. Тут замигал один из мониторов.

— Наводка от аэробуса, — сказала Квинда.

Мы смотрели на поврежденный скиммер немного сверху и сбоку. Аэробус висел над ним под таким углом, что его ходовые огни освещали место действия. Мы видели Чейз в кабине, прижатую к спинке сиденья, вцепившуюся в штурвал. Скиммер был разворочен, шасси исчезло, в фюзеляже зияли дыры, хвост был смят, одно из крыльев разломано.

— Сколько еще осталось? — спросил я.

— Три, может, четыре минуты.

— Не успеем, — шепнул я, прикрывая коммуникатор рукой, чтобы не услышала Чейз.

— Мы доберемся, — ответила Квинда.

Она сильно ударилась. Скиммер попал в провал между волнами, и океан захлестнул его.

Мы все звали Чейз, но ответа не получили.

— Он тонет, — сказала Хоч.

Скиммер переваливался с боку на бок в белой воде, на мгновение крыло задралось и сломалось, а огни на нем продолжали ярко гореть.

— Мы прямо над ним, — продолжала Хоч. — Хоть бы в днище этого чертова корабля был люк.

В ее голосе звучало отчаяние. Квинда дышала коротко, со всхлипами.

— Она не выберется! — вдруг завопила она. — Алекс, она не сможет выбраться!

— Давай, Чейз. Выбирайся оттуда, — прошептала пилот аэробуса.

Ничего. Обломки скиммера погружались под воду, а мы носились над вздымающимся, покрытым белыми хлопьями океаном.

— Эй! — раздался голос Хоч. — Что вы там делаете?

Включилась еще одна внешняя камера, и мы увидели главный люк аэробуса. Вокруг него появилась узкая полоска желтого света, а потом распахнулась дверь. Женщина, открывшая ее, едва не выпала за борт.

Раздался взрыв ругательств Хоч.

Какой-то человек (Алвер Коул, я запомню его имя на всю жизнь) появился в проеме, поколебался, прыгнул в океан и тут же исчез в черной воде.

Квинда нажала на тормоза.

— Около минуты, — сказала она.

Один из прожекторов аэробуса осветил Коула, вынырнувшего на поверхность и старающегося доплыть до кабины скиммера.

Хоч увеличила изображение.

— Не знаю, видно на вашем экране или нет, — сказала она, — но, кажется, он до нее добрался.

— Хоч, — позвал я, — ваш люк открыт. Вы ведь не дадите выпрыгнуть еще кому-нибудь?

— Чертовски надеюсь, что нет.

Она кого-то отправила туда проследить за этим, и через несколько секунд свет из люка исчез.

— Приближается Патруль, — сообщила Квинда. — Будет здесь через пять минут.

Из аэробуса донеслись радостные крики.

— Он машет рукой, — сказала Хоч. — Он ее достал.

Она продолжала маневрировать, пытаясь удержать свет фонарей в нужном месте на поверхности воды.

— Через несколько секунд будет там, — объявила Квинда. — Готовься.

Она полностью открыла дроссель тормозных двигателей, и скиммер перешел в медленное вращение. Мы остановились. Я сдвинул фонарь в сторону и выглянул наружу, на слепящие огни и беспокойный океан.

Квинда откатила задние сиденья, откинула спинки, соорудив два ложа.

— Налево от вас, — донесся голос Хоч.

— Вот они, — сказала Квинда.

Я успел заметить, как две головы накрыло волной.

Разворачивая трос, я выполз на крыло. Оно было ледяным, руки примерзали к металлу. Неожиданно мне в лицо ударил порыв ветра, и я заскользил, съезжая к воде, но в последнее мгновение мне удалось уцепиться за что-то и перевернуться на бок. Квинда немедленно вылезла из люка, распласталась на крыле и схватила меня за руку и за ногу. В реве шторма я слышал голос Хоч, но не мог разобрать слов. Океан лег набок, мои ноги запутались в тросе.

Квинда немного передвинулась. Волна ударила в шасси, сильно качнув скиммер и взметнув в воздух холодную пену.

— Держу тебя, — сказала она.

— Крутая спасательная команда, — проворчал я, обретя наконец равновесие и неуклюже перекатившись в сидячее положение.

— Порядок? — спросила она.

— Да, спасибо.

Квинда подняла большие пальцы и нырнула обратно в кабину в тот момент, когда нам снова наподдало. Скиммер накрепился, через крыло перекатилась ледяная вода. Квинда протянула мне оторванные от чего-то куски ткани, и я обмотал ими руки.

Я видел Чейз и мужчину из аэробуса, но до них оставалось еще метров восемь.

— Спустись пониже! — прокричал я.

— Думаю, мы и так слишком низко, — ответила Квинда. — Еще пара минут в таком положении, и нас утянет под воду.

— Еще пара минут, и это уже не будет иметь значения.

Я растянулся на животе, жалея, что нет способа сбросить шасси. Пловцы находились почти подо мной. Чейз была либо без сознания, либо мертва, и ее спаситель старался держать голову девушки над водой. Нога Чейз плавала под странным углом. Я видел, как нога согнулась, когда их снова накрыло волной.

В тот момент я готов был убить Квинду Арин.

Вдруг Чейз закашлялась и откинула голову.

Жива!

Казалось, Коул держится из последних сил.

Я бросил ему трос. Конец упал близко, но у Коула замерзли руки, и он не смог ухватиться за него. Я попытался подвести трос поближе. Наконец Коул поймал его и обмотал Чейз петлей. Рядом со мной опять появилась Квинда.

— Оставайся у пульта управления! — приказал я.

— Скиммер на автопилоте.

— Это не поможет, если нас перевернет набок.

— Тебе предстоит поднять тяжелый груз. Думаешь справишься с ним один?

Человек в воде помахал рукой. Порядок.

Мы натянули трос. Океан приподнял девушку, затем отпустил... Когда Чейз оторвалась от поверхности воды, я услышал ободряющие крики Хоч. Стоя на коленях, мы с Квиндой попеременно перебирали трос.

Руки Чейз безвольно свисали, голова запрокинулась и моталась из стороны в сторону.

Когда девушка была уже достаточно близко, я дотянулся до нее и ухватил за куртку. Лицо Чейз было смертельно бледным, осколки ледяных кристаллов запутались в волосах и в бровях.

— Осторожно, нога, — сказала Квинда.

Мы вытащили Чейз на крыло. Я снял с нее трос и бросил его обратно в океан. Квинда забралась в кабину, и я протащил туда Чейз.

— Поторопитесь, — сказала Хоч. — Вы теряете другого.

Оставив Чейз на попечение Квинды, я вернулся к ее спасителю.

Коул пытался ухватиться за трос, но не слишком в этом преуспел. Сильно замерз. Он вскинул было руку и исчез под водой.

На крыло вернулась Квинда. Я передал ей конец троса, приготовившись соскользнуть в воду, но она яростно затрясла головой:

— Как, по-твоему, я смогу втащить его сюда? Или тебя?

— Может, просто дать ему утонуть?

— Спасибо, — с горечью сказала она и, прежде чем я понял, что она собирается сделать, исчезла. Нырнула в волны, скрылась, выплыла, хватая ртом воздух, огляделась, потом снова ушла под воду.

Через несколько секунд человек из аэробуса сам вынырнул на поверхность. Квинда доплыла до него, но море сомкнулось над их головами. Когда я снова их увидел, она его держала.

Я втянул трос обратно и бросил ей. Квинда быстро обмотала Коула под мышками и подала сигнал.

Я потянул.

Мертвый груз. Гораздо более тяжелый, чем Чейз.

Некуда было упереться ногами, поэтому, потянув за трос, я просто заскользил по поверхности крыла.

Я забрался в кабину и попытался тащить оттуда. Но там было слишком тесно, а Коул оказался чертовски тяжелым.

— Хоч! — закричал я.

— Вижу!

— Можно вашим людям снова открыть дверь?

— Они уже это делают.

— Квинда, — крикнул я, — держись. Держись за него. Мы вытащим вас обоих. — Я стал привязывать трос к основанию кресла.

Квинда покачала головой. Я не слышал ее, но она показывала на трос. Он не мог выдержать двоих! Чтобы подчеркнуть это, Квинда оттолкнулась от него, и сквозь рев шторма я разобрал: «Возвращайся за мной».

Я заполз в кабину и бросил скиммер вверх.

Хоч повернула свой аэробус так, чтобы перехватить меня по дороге. В его корпусе открылся большой теплый круг желтого света. За моей спиной Чейз издала звук, больше похожий на всхлип, чем на стон.

Я поднялся выше аэробуса и начал снижаться.

— Скажите, когда мне остановиться, — попросил я.

— Ладно, — ответила Хоч. — Вы продвигаетесь хорошо. Проверьте свой монитор: у вас уже должна появиться картинка. Снижайтесь... ниже... еще на несколько метров вперед... Хорошо, продолжайте...

Я видел на экране корпус аэробуса. Несколько пар рук держались за края люка.

— Еще ниже, — сказала Хоч.

Трос туго натянулся. Кто-то из аэробуса ухватил мужчину за ноги и втащил внутрь.

— Порядок, — облегченно вздохнула Хоч. — Мы его достали.

— Мне нужен трос.

— Уже сбросили.

Я отчалил в сторону.

— Держите люк открытым, — попросил я. — У меня еще одна в воде. Давайте повторим.

— Хорошо, — ответила Хоч и мрачно прибавила: — Потопитесь.

Поторопитесь!

Когда я снова выбрался на крыло, Квинда уже исчезла. Я бросал трос снова и снова, звал ее, даже не зная точно, где она находится.

Нас окружали корабли Патруля. Они искали до рассвета.

XVIII

Отсутствие могилы не значит ничего.

Вергилий. Энеида, II

На холме возле Андиквара в память о Квинде устроили собрание, целью которого была не поминальная служба, а увековечивание ее жизни. Накрыли стол, наняли оркестр. Гости громко, хотя и не совсем мелодично пели, все довольно много пили.

Присутствовало около двухсот человек, некоторых я узнал: они были из Общества Талино. Гости поднимали бокалы в честь Квинды, наперебой предаваясь воспоминаниям. Ветерок играл над сверкающим навесом из силового поля, защищающего от холода зимнего вечера.

Мы с Чейз сидели в сторонке. Она опиралась на костыль и мрачно молчала. Когда большая часть угощения исчезла, гости собрались за круглым столом. Один за другим они выходили вперед, чтобы подвести итог жизни Квинды. Не известно ни одного случая, чтобы она причинила кому-нибудь боль, говорили они, она была другом, неизменной оптимисткой, хорошей дочерью, никогда не будет никого, похожего на нее.

Банальности. Я напомнил себе, что эта женщина дважды вломилась в мой дом, проявила безрассудное пренебрежение к моей жизни, едва не убила Чейз и, наконец, пала жертвой собственной жестокости.

Ближе к концу я заметил Коула, спасителя Чейз, человека, которого спасла Квинда. Он тихо и одиноко стоял в стороне под деревом. Мы встали рядом.

К нам подошел молодой человек, поразительно похожий на Квинду, представился ее братом и поблагодарил нас за приход. Он знал нас, знал, что мы были с ней до конца, и спросил, не выступлю ли я перед собранием. Я поколебался. Наверное, следовало отказаться от лицемерного поступка, но я тем не менее согласился и прошел сквозь толпу к столу. Ее брат представил меня.

— Вы уже слышали о Квинде все существенное, — сказал я. — Я знал ее только в начале и в конце ее короткой жизни. И возможно, я могу добавить ко всему сказанному только то, что она, не задумываясь, пожертвовала своей жизнью ради человека, даже имени которого не знала.

Через час, с постановлением суда в кармане и в сопровождении душеприказчика Квинды, я неохотно отправился к ней домой на поиски файла «Таннер». Его там не оказалось.

Да я на это и не надеялся. Мы ведь не знали, что Квинда с ним сделала.

Я спросил у душеприказчика, а позже у членов семьи, нельзя ли получить доступ к ее личным бумагам. Это была нелегкая просьба, ведь я пришел с постановлением суда. Они, понятно, не разрешили, а через несколько дней некоторые документы в соответствии с волей усопшей были сожжены.

Подозреваю, в них содержались косвенные доказательства ее вины — возможно, какие-то записи о подготовке фальсифицированных программ. Во всяком случае, я успокаивал себя тем, что артефакт им сжечь не удалось. Квинда, по-видимому, знала о нем не больше меня.

В тот вечер пришло две новости. Патрули, дежурившие в спорных областях, потерпели поражение в очередной стычке у Периметра. Некоторые обозреватели считали, что правительство преувеличивает угрозу и раздувает вражду, стремясь подавить в Конфедерации политическое влияние сепаратистов.

Вторая новость сообщала, что дом Хью Скотта на Аквариуме продан, а деньги переведены на некий счет на Деллаконде. Да, самое подходящее место для непоседливого Скотта — это родная планета Кристофера Сима.

Я снова пустился в путь.

XIX

Легенда о том, что Маурина была почти ребенком, когда вышла замуж за Кристофера Сима, явная выдумка. На самом деле она была его учительницей, преподававшей ему классическую греческую филологию и философию Платона. А ее владение такими трудными предметами в условиях приграничной планеты предполагает весьма зрелый возраст.

На их свадьбу легла тень стычек с ашиурами, и, когда эти стычки в конце концов переросли во всеобщую войну, Кристофер присоединился к своему брату Тариену, пообещав жене, что только Бог может помешать ему вернуться.

Однако ни один из братьев больше не увидел ни ледяных вершин, ни широких рек Деллаконды. Когда три года спустя пришло известие о катастрофе у Ригеля и гибели мужа, Маурина пристрастилась к прогулкам по одиноким горным тропам. По-видимому, она никогда не теряла надежды, что муж еще жив и вернется. Даже после возвращения на Деллаконду горстки уцелевших Маурина все еще упорствовала. Близкие потеряли терпение и со временем стали ее сторониться.

Маурина сделалась привычным зрелищем для ночных путешественников, вздрагивающих при появлении ее стройной фигурки, завернутой в длинную серебристую накидку и проходящей по плотному снегу под яркой луной.

Однажды Маурина не вернулась. Ее нашли весной у подножия скалы, носящей теперь ее имя.

Сегодня местные жители утверждают, что в горах продолжает бродить ее дух. Не один деревенский обыватель, возвращаясь ночью домой, видел прекрасный призрак. Говорят, Маурина смотрит на небо и задает всегда один и тот же вопрос: «О друг, скажи, есть ли новости о „Корсариусе“?»

Феррис Грэммери. Знаменитые призраки Деллаконды

Деллаконда — маленькая, тяжелая, богатая металлами планета, вращающаяся вокруг древней кирпично-красной звезды Далия.

В относительно недавнее время — около двадцати тысяч лет назад — она едва не столкнулась с объектом, который теперь стал ее лунной. Вследствие этого Деллаконда выписывает сейчас неправильные петли вокруг своего центрального светила. Луна в конце концов оторвется от Деллаконды, но это произойдет только через десять миллионов лет. Орбита планеты постепенно выравнивается, и, по современным оценкам, в течение нескольких сотен тысяч лет климат на Деллаконде снова станет умеренным.

Пока же обитаемые районы планеты подвержены воздействию жестоких зим, палящего лета и капризам природного механизма, время от времени разражающегося устрашающими бурями. Люди предпочитают селиться в глубине материков, подальше от циклонов, регулярно опустошающих побережье. Деллаконда — планета скал и пустынь, обширных равнин, замёрзших большую часть года морей, непроходимых лесов и непреодолимых рек.

Города защищены силовыми полями, хоть некоторые и заявляют, что предпочли бы старые времена «с настоящей сменной времен года». Теперь все слишком предсказуемо, считают они: каждый день двадцать градусов и приятная погода. Губительно для молодых людей. Однако периодически вносимые в Совет предложения по отключению поля всегда с шумом проваливались.

Под именем «Скотт Хью» в различных городах Деллаконды значилось сто семнадцать человек. Я обзвонил всех. Если кто-то из них и был Скоттом, которого я искал, он не признался.

Я попытался навести справки в Большом банке внутренних областей, где был открыт счет, на который перевели деньги от продажи дома. Они вежливо выслушали меня, но адрес дать отказались. Более того, передавать сообщения клиенту тоже против их правил.

Итак, мне оставалось опросить все тридцатимиллионное население планеты в поисках человека, который не хотел, чтобы его нашли.

Наиболее вероятным местом для начала поисков был дом Кристофера Сима. Теперь это, разумеется, музей: скромный, двухступенчатый дом из пермиата в Кассанвайле, дальнем гор-

ном поселке, население которого в годы Соппротивления составляло около тысячи человек. Сегодня оно лишь немногим больше, если не считать туристов.

И все же это выставочное скопление древних, но ухоженных зданий представляет собой краеугольный камень Конфедерации. Здесь собраны все великие символы: над поросшими лесом вершинами парят фурии, в верхнем окне домика Сима горит одинокий фонарь, а в скромном коттедже Тариена, на другом конце покрытой лесом долины, компьютер еще хранит в памяти первые варианты предложений, в конечном итоге вошедших в Соглашение.

Я добрался туда поздно вечером. Чтобы сохранить очарование старой планеты, деллакондцы воздержались от сооружения над городом навеса. Теперь все изменилось, но в ту позднюю весну 3231 года по деллакондскому летоисчислению он был открыт стихиям. Насколько я помню, день выдался холодным, даже в полдень температура не поднималась выше минус двадцати градусов. Постоянный ледяной ветер дул вдоль горных склонов и гулял по центральной части Кассанвайля.

В нескольких сотнях метров от дома Сима деллакондцы соорудили приют для туристов. От него людей перевозили на аэробусе к главным историческим местам в округе. Однако ожидание на станции могло быть долгим. Я пробыл там почти час, прежде чем группу из двадцати человек, среди которых оказался и я, доставили через поле спрессованного снега к конечному пункту.

Сим жил в трехэтажном сельском доме, с двух сторон окаймленном верандой. Наш аэробус описал круг над местностью, чтобы мы рассмотрели достопримечательности: маленькое кладбище, где похоронена Маурина, личный скиммер Сима, стоящий теперь на постоянном причале под навесом из силового поля в северной части поместья, Бикфордскую таверну, видневшуюся у подножия восточного склона, где после начала войны состоялась первая стратегическая встреча.

Мы ждали в воздухе, пока предыдущая группа не займет места в своем аэробусе, потом опустились на предназначенное для нас место. Гид объявил, что в доме можно пробыть десять минут, и открыл двери.

Мы высыпали наружу и, несмотря на холод, постояли на дорожке, чтобы проникнуться торжественностью момента, посмотрели на окна спальни, откуда пробивался мягкий желтый свет, и вошли в дом.

Веранда, обставленная качалками и мягкими креслами, обогревалась. На шахматной доске застыли фигуры, и бронзовая табличка объясняла, что позиция взята из записи партии, сыгранной Кристофером Симом с одним городским жителем. Как я понял из реплик посетителей, у Сима, игравшего черными, позиция была лучше.

С веранды открывался потрясающий вид: длинная долина, по которой вьется замерзшая река, просторные белые склоны с разбросанными по ним редкими домами и пятнами леса, холодные вершины, тонушие в клочьях облаков.

Чопорно-формальный интерьер с богато вышитыми ковриками, сводчатыми потолками и неудобной мебелью был выполнен в манере той же эпохи. Центральная прихожая разделяет жилую комнату и библиотеку с одной стороны и гостиную и столовую — с другой. Как часто бывает в исторических зданиях, желание создать ощущение другой эпохи не привело ни к чему. А старательно разложенные личные вещи и книги, которые, по идее, должны вызвать у посетителей впечатление, будто хозяева сию минуту вышли, лишь подчеркивают тщетность этих усилий.

В библиотеке лежала книга отзывов. Я быстро просмотрел ее, перелистывая страницы на мониторе, чем привлек внимание охранника. Он подошел и осведомился, не нужна ли мне помощь.

Я любезно ответил, что для меня книга отзывов всегда служит едва ли не главным объектом посещения.

— Из нее многое можно узнать, — заметил я, ища в колонке для замечаний патетические высказывания.

Там были записи о качестве еды в гостиницах, о плохом оборудовании ванных комнат в туристическом приюте, фраза «Только что поженились» рядом с именами какой-то парочки и энергичное «Смерть захватчикам» напротив чьей-то неразборчивой подписи.

— Знаю, — ответил охранник и потерял ко мне интерес.

Наконец я нашел то, что искал, — имя Хью Скотта! Как давно он был здесь? Даты проставлялись по деллакондскому ка-

лендарю, который я заложил в свой коммуникатор. Оказалось, я отстал от Скотта на четыре месяца.

В графе «адрес» он отметил: «Деллаконда», а графа для замечаний осталась пустой.

Я собрался было немного походить по дому, но экскурсия уже закончилась, и все направились к выходу. Гид жестом указал мне на дверь, и я нехотя присоединился к своим спутникам.

Следующей остановкой была Академия Вендикиса, в которой преподавал Сим.

Здание представляло собой копию, оригинал же разрушили после войны, и почти сто лет на этом месте ничего не строили.

Все помещения теперь приспособлены под другие цели: в них разместились сувенирный магазинчик, туалеты, видеозалы, ресторан. Сохранился лишь класс Сима, в котором дисплеи настроены для урока истории из курса «Греко-персидские войны» с использованием материалов и плана урока из его файлов. У двери стоит голографический спартанец-гоплит в полном вооружении.

Тема урока светится на дисплее: «Леонид у Фермопил».

На стенке у класса прикреплена серебряная табличка. Это список бывших студентов, воевавших вместе со своим учителем. На ней значатся двадцать семь имен. Только двое из них остались в живых.

Как и в домике Сима, в академии имелась своя книга отзывов, где я снова нашел имя Скотта. Та же дата, но на этот раз он добавил язвительное замечание: «В конечном итоге, это не имело значения...»

Поскольку Хью оставил записи в каждом из священных мест, я сделал вывод, что он не мог оказаться случайным посетителем. Я огляделся, изучая толпу. Мы стояли, тесно прижатые друг к другу на отгороженных веревками местах. Одни наблюдали за ходом битвы при Фермопилах, другие старались рассмотреть пульт управления Сима, кто-то сидел у терминалов, вызывая данные, которые, по утверждению Управления заповедников, собраны и внесены самим Симом.

Повсюду стояли памятники и памятные знаки. Можно было осмотреть коттедж Моры Пул, на крыше которого красовалась черная фурия, нарисованная ею как вызов в самый разгар

оккупации, и табличку со словами Уолта Хастингса, произнесенными им, когда он получил известие о гибели у Валинаса всех своих пятерых сыновей и дочерей: «Я считаю себя счастливейшим из людей, потому что у меня были такие дети!»; и памятник безымянному ашиурскому офицеру, убитому партизанами во время поисков потерявшегося зимой ребенка.

Но самым знаменитым памятником был Сигнал.

Каждый вечер он сияет в окне третьего этажа домика Симы — теплый желтый конус света, сверкающий на снегу. Это маяк, зажженный Мауриной для погибшего мужа, древняя лампа, которая, согласно легенде, горит каждую ночь с тех пор, как пришла весть от Ригеля.

Маурину Сим всегда представляют себе такой, какой она изображена на гравюре Констебля, — красивой, молодой, с распущенными черными волосами, глядящей застывшими от боли глазами на яростный серп луны.

Ее свадьбу омрачила тень надвигающейся войны. Она не пыталась отговорить мужа, собиравшегося присоединиться к Тариену и его добровольцам, которые преисполнились решимостью помочь Корморалу. В то время подобная экспедиция, наверное, казалась самоубийством, хотя многие считали, что ашиуры, скорее всего, отступят.

Но Корморал сгорел до прибытия деллакондцев, и это событие все изменило. То, что сначала было не более чем демонстрацией, превратилось в беспощадную войну.

Через некоторое время Маурина и сама пошла воевать, присутствовала при обороне Города-на-Скале и Санусара, стояла у пульта орудия в Гранд-Салинасе, выполняла функции посла, путешествуя на нейтральные планеты вместе с Тариеном и выступая в защиту дела Конфедерации. Но Маурина оказалась на Деллаконде, когда планету захватили ашиуры, и уже не могла активно участвовать в событиях. Несмотря на свои телепатические способности, ашиуры, по-видимому, не поняли, какой приз был в их руках, а если и поняли, то предпочли проигнорировать этот факт.

Говорят, когда пришло известие о смерти мужа, Маурина была в ванной. Молодой человек по имени Фрэнк Пакстон, принесший это известие, со слезами барабанил в дверь, пока Маурина не поняла, что случилось.

Сигнал горел и той ночью, когда она в последний раз покинула дом, а потом городские жители уже не давали ему погаснуть.

Я снова напал на след Хью Скотта в Хринварском космическом музее в Ранкорве, столице Деллаконды. Когда мне сказали, что он «собирается к Хринвару», я был весьма озадачен. Скотт полетел в этот музей, а я тем временем отправился за двести световых лет, чтобы взглянуть на место этого сражения.

Хью значился как помощник Общества Военного флота. Адрес не указывался, но код был приведен. Он оказался местным, и я с первой попытки связался со Скоттом:

— Мистер Скотт?

— Да? — Голос звучал довольно дружелюбно. — Кто это?

Я почувствовал прилив восторга:

— Мое имя Алекс Бенедикт. Я племянник Гейба.

— Понимаю. — Голос стал сдержанным. — Я огорчен известием о гибели вашего дяди.

— Благодарю вас.

Я стоял в комнате музея, глядя сквозь стеклянную витрину на экспозицию военных мундиров того времени.

— Не могли бы мы вместе пообедать? Я бы с удовольствием побеседовал с вами.

— Ценю ваше приглашение, Алекс, но я очень занят.

— Я читал ваши заметки в Обществе Талино. Они все невиновны?

— Кто все?

— Члены экипажа «Корсариуса»?

Скотт невесело рассмеялся.

— Думаю, вы не принимаете это место всерьез, — ответил он.

— Как насчет обеда?

— У меня действительно нет времени, мистер Бенедикт. Может, мы встретимся когда-нибудь потом, но не сейчас.

Скотт прервал связь, а я стоял, слушая несущую волну.

Я подождал десять минут, потом попытался снова.

— Вы ведете себя невежливо, мистер Бенедикт, — сказал Скотт.

— Послушайте, Хью. Я облетел всю Конфедерацию, мой дом грабили, моя жизнь подвергалась опасности, одна жен-

щина утонула. Возможно, здесь замешаны ашиуры, я повсюду натываюсь на каменные стены. Я устал! Действительно устал и хочу получить ответы на некоторые вопросы. Мне хотелось бы угостить вас обедом. Если вы не согласны, мы встретимся как-нибудь по-другому. Конечно, ваш отказ затянёт мои поиски, но Ранкорва не так уж велика.

Скотт тяжело вздохнул:

— Ладно. А после встречи вы уедете и оставите меня в покое?

— Да.

— Вы понимаете, что я не могу сказать вам больше, чем рассказал вашему дяде?

— Спасибо и на этом.

— Хорошо. Сможете найти Меркантайл?

Он оказался стариком. Лицо прорезали глубокие морщины, движения скованные, волосы поседели, а тело расплылось от слишком большого количества ростбифа, съеденного за долгие годы.

Когда я вошёл, он уже сидел в углу, мрачно глядя в окно на город.

— Нет смысла откладывать, — игнорируя протянутую руку, сказал он, когда я поблагодарил его за согласие встретиться со мной. — Вы, надеюсь, простите, если я не стану есть. — Перед ним стоял стакан с напитком. — Что именно вы хотите услышать?

— Хью, — небрежно сказал я, — что случилось на «Тенандроме»?

Скотт, вероятно, был готов к подобному вопросу, но я все-таки заметил неуверенную дрожь в его горле, словно он хотел попробовать на вкус этот вечер, прежде чем отвечать.

— Как я понимаю, вы решили, что существует некая тайна?

— Да.

Он пожал плечами, как будто беседа принимала утомительный оборот:

— Эту мысль внушил вам дядя?

— И другие источники.

— Хорошо. Значит, вы проделали весь путь, чтобы поговорить со мной. И наверное, не поверите, если я скажу вам,

что в том полете не было ничего необычного, кроме неисправности в системе двигателей?

— Нет.

— Очень хорошо. А вы поверите, если я скажу, что у нас была веская причина держать найденное нами в секрете и что ваше настойчивое стремление задавать трудные вопросы не доведет до добра, а может наделать много бед? Что решение молчать было единодушно поддержано всеми участниками того полета?

— Да, — осторожно ответил я, — я могу в это поверить.

— Тогда, надеюсь, у вас хватит здравого смысла прекратить поиски и вернуться домой. Вероятно, Габриэль Бенедикт оставил вам значительную сумму денег. Да? Возвращайтесь на Окраину, получайте от них удовольствие и оставьте «Тенандром» в покое.

Говоря это, Скотт весь сжался, в воздухе повисло напряжение.

— Именно так вы и сказали моему дяде?

— Да.

— Вы не сказали ему, что нашли боевой корабль делла-кондцев?

Выстрел попал в цель. У Скотта перехватило дыхание, он с подозрением огляделся, не слышит ли кто-нибудь.

— Алекс, — запротестовал старик, — вы несете чепуху! Оставьте, пожалуйста!

— Давайте попробуем иначе, Хью. Зачем вы здесь? Что ищете?

Он уставился в свой бокал, его глаза стали жесткими и очень черными.

— Теперь уже не знаю. Возможно, призрак.

Я подумал о своей давней беседе с Айваной на Аквариуме. «Он странный».

— Призрака зовут Таннер?

Скотт медленно поднял глаза и посмотрел мне в лицо. В его взгляде была боль и что-то еще. Большие руки сжались в кулаки, он резко встал.

— Ради бога, Алекс, — прошептал он. — Не вмешивайтесь в это!

XX

Поэзия — это живопись словами.

Приписывается Симониду из Хиоса

Все время мы возвращались к Лейше Таннер.

— Ключ в ней, — заметила Чейз. — Где она находилась во время своих длительных отлучек? Почему стоит в центре того, что движет Скоттом, чем бы это ни являлось? Гейб тоже придавал ей настолько большое значение, что назвал ее именем тот файл. — Она лежала на диване с электронной шиной на ноге. В шине что-то слабо жужжало, стимулируя процесс заживления. — Годы отсутствия. Почему Таннер все время неожиданно исчезала на целые годы? Чем занималась?

— Она искала то, что нашел «Тенандром», — медленно произнес я.

Да, это могло быть правдой: если солнечное оружие сначала спрятали, а потом потеряли, оно служило волнующей приманкой. Оба Сима погибли, никто не знает, где оно. Поэтому Таннер возглавила поиски.

— Возможно, — согласилась Чейз. — И куда это нас приведет?

— Слушай, Таннер искала фрегат, двести лет спустя Гейб ищет тот же фрегат. И он крайне заинтересовался Таннер. Что это нам даст?

— Что она нашла корабль и где-то записала его координаты.

— Она не могла его найти, иначе его бы уже там не было и «Тенандром» не наткнулся бы на него. Зачем Таннер охотит-

ся за фрегатом, если она собиралась просто оставить его на месте и улететь?

— Истина вот в чем, — с раздражением сказала Чейз. — После всего нами вынесенного это не имеет никакого смысла.

Я встал и зашагал по комнате:

— Давай попробуем подойти с другой стороны. Должна же была быть некая информация, которой руководствовалась Таннер. В противном случае она взялась за непосильную задачу, правильно?

— Согласна.

— Какую форму могла принять эта информация? Возможно, Лейша отправилась с ними, когда они летали к Даме-под-Буалью. В этом случае она знала бы продолжительность путешествия. А может, она не летала, но знала какое-нибудь полузабытое высказывание одного из членов экипажа.

— Хорошо, — сказала Чейз. — Откуда Гейб мог добыть такую информацию? Мы прочли все, что смогли отыскать о Таннер, и впустую. Если же мы правы, предполагая, что она странствовала там долгие годы и ничего не нашла, то зачем нам ее информация? Если уж Таннер не смогла ничего найти, то о чем она могла рассказать нам?

О чем Таннер могла рассказать нам? Я уловил здесь какой-то намек и снова повторил про себя ее слова. А кому она могла рассказать?

— Кэндлз, — сказал я.

— Что ты сказал?

— Кэндлз! Она рассказала Кэндлзу!

И черт возьми, я понял, где искать. Взяв экземпляр «Слухов Земли», которым заменил украденный том, я нашел стихотворение «Лейша».

— Оно даже названо в ее честь, — сказал я. — Слушай.

Затерянный пилот
Вдали от Ригеля
Несется по орбите
Одна в ночи
И ищет Колесо
Из звезд...
В морях времен ушедших
Оно кружится,
Отмечая год.

Девять звезд на ободке
И две у ступицы.
Она,
Блуждая,
Не знает отдыха,
Покинув
Свою гавань
И меня.

— Я не сильна в поэзии, — сказала Чейз, — но звучит ужасно.

Я попросил Джейкоба показать ту критическую статью, где описывалось это стихотворение: разбор древнего мистического значения числа девять (девять месяцев вынашивания матерью ребенка, девять узлов на плети любви у арабов и тому подобное) в сочетании с тайным смыслом двойных звезд у оси по аналогии с началами инь-ян в восточных религиях. Лейша представлена как символическое воплощение всеобщей матери, совершающей, очевидно, некое подобие космического урегулирования после смерти своего символического сына у Ригеля. Герой становится Человеком, попавшим в Колесо Смерти.

Нечто в этом роде.

— Черт побери, это явно какое-то созвездие, — сказала Чейз.

— Да. И полагаю, мы получили ответ еще на один вопрос. «Рэшим Мачесны раскололся». Гейб имел в виду банк данных в Институте Мачесны! Они, наверное, проводили поиск по его просьбе!

Легкая улыбка тронула губы Чейз.

— Ты чего?

— Квинда.

— То есть?

— Украд у тебя экземпляр «Слухов Земли», она держала ответ в руках.

Джейкоб договорился о встрече с одним из администраторов, и через час мы связались с ним.

Это оказался худой веснушчатый юноша с длинным носом и легкой дрожью в голосе. Он сутулил плечи, как бы обороняясь, и, казалось, не мог ответить ни на один вопрос, не проконсультировавшись сначала с монитором. При виде нас он не сде-

лал попытки встать из-за стола, словно боялся покинуть надежную крепость.

— Нет, — ответил парень, когда я объяснил ему цель визита. — Вряд ли мы выполняли какие-либо специальные задания для человека по имени... э... Бенедикт. По какому каналу могла проходить такая работа?

— Простите?

— Заказы на проведение исследований поступают из различных источников: правительственных, университетских, корпоративных, от разных фондов. Какой из них мог использовать ваш дядя?

— Не знаю. Возможно, никакой.

— Мы не принимаем заказов от частных лиц.

Казалось, парень читает этот ответ с монитора.

— Послушайте, — сказал я, — не имею представления, как он это организовал, но не сомневаюсь, что Гейб у вас был, кто-то с ним работал.

Администратор забарабанил пальцами по полированной крышке стола.

— Это было бы против всяких правил, мистер Бенедикт, — сказал он. — Сожалею, что не смог вам помочь.

— Мой дядя недавно погиб. А поскольку он остался очень доволен работой, которую проделали для него ваши сотрудники, он хотел выразить свою признательность каким-нибудь существенным способом.

Я одарил его ослепительной улыбкой. Выражение лица администратора смягчилось.

— Понимаю, — сказал он.

В нем было много птичьего: миниатюрность, быстрые движения, порхающее по кабинету внимание, которое не задерживалось ни на чем более нескольких секунд.

— К сожалению, дядя не потрудился точно назвать имя. Мне нужна ваша помощь. Это мой дядя. — Я показал ему фотографию.

Администратор прищурился, покачал головой:

— Я его не знаю.

— Сколько в вашем штате профессионалов?

— Все зависит от того, что вы понимаете под этим словом.

— Понимайте, как вам больше нравится. Хотя бы один из них узнает человека на фото. Конечно, мне нужна уверенность,

что это именно тот человек, поэтому я бы хотел, чтобы он или она описала мне задание дяди.

— Очень хорошо, — сказал парень, бросая снимок на кипу бумаг. — Я подумаю, что можно сделать.

— На большее я и не рассчитывал. — Я демонстративно поднял левую руку с коммуникатором. — Джейкоб, мы сейчас переводим деньги. — Потом обратился к администратору: — Мне понадобится номер счета.

Он с радостью помог Джейкобу, подтвердившему прием, и заявил, что готов выполнить просьбу. По моим предположениям, сумма равнялась недельному заработку администратора.

— Деньги ваши. Их будет намного больше, если вы найдете того, кого я ишу.

— Да, — ответил парень, проявляя все большую заинтересованность. — Уверен, что смогу помочь вам.

— К вечеру.

— Конечно. Где вас найти?

Эрик Хаммерсмит оказался бородатым полным мужчиной с желтыми, как песок, волосами. К тому же слишком много пил. Мне он сразу понравился.

— Я никогда по-настоящему не знал вашего дядю, — ответил он.

Мы сидели в баре в центре города с бутылкой рома, глядя на гравитационных танцоров.

— Гейб был немного скрытным. Он все время делал вид, будто поиск, который он мне поручил, является частью статистического исследования.

— Ладно уж.

— Простите за такие слова, — Эрик ухватил меня двумя пальцами за рукав, — но он был паршивым актером.

В соседней комнате обедала шумная компания, поэтому нам приходилось близко наклоняться, чтобы расслышать друг друга.

Хаммерсмит подпирал голову рукой. Он пришел на встречу уже достаточно разгоряченным. Я подозревал, что он уже начал отмечать получение премии.

— А что искал мистер Бенедикт? — спросил он с обаятельной улыбкой.

— Дядя пытался найти место для археологических раскопок, Эрик. Это долгая история.

— В звездном скоплении? — Он поднял брови.

Я выпил ром и напустил на себя вид невежественного постороннего.

— Наверное, это и в самом деле странно. Но я не очень-то обращал внимание на подробности. Во всяком случае, дядя хотел выразить вам свою благодарность за помощь.

— Рад слышать, — отозвался Хаммерсмит. — Знаете, это было не совсем по инструкции.

— Что?

— Мне пришлось нарушить несколько правил. Нам не разрешают использовать оборудование в личных целях.

— Понимаю.

Я повторил подготовку к переводу денег, на этот раз сумма превышала шестимесячный оклад.

— Спасибо, — сказал Хаммерсмит, улыбка его стала еще шире. — Позвольте мне заплатить за следующую выпивку.

— Ладно, — пожал плечами я.

Он ждал, что я сделаю перевод, но, не дождавшись, подал знак официанту.

— Полагаю, — сказал он, — вы знаете не больше моего.

Неужели меня так легко разгадать?

— Вы имеете в виду Колесо?

— Значит, все-таки знаете!

Попал! Наконец-то есть результат.

— Конечно. Где-то в Даме-под-Вуалью находится планета, в небе которой появляется это круглое созвездие. «Девять на ободке, две у ступицы». Между прочим, — произнес я, стараясь казаться равнодушным, — он довольно много говорил об этом. Где она находится, планета, которую он разыскивал?

— О да! — (Танцоры эротического шоу гонялись друг за другом в сияющем голубом тумане.) — На ее поиски ушло несколько недель, — объяснил Хаммерсмит, — поскольку у нас просто нет соответствующих программ. И компьютеры часто были заняты. На самом деле, — он понизил голос, — я в первый раз воспользовался случаем и нарушил правила. Это может стоить мне работы, если кто-нибудь узнает.

«Конечно, — подумал я, — поэтому администратор смог так легко тебя вычислить».

— Работа оказалась большой, Алекс. В Даме-под-Вуалью два с половиной миллиона звезд, и без особой модели, построенной компьютером, с точными углами размещения звезд, точной их величиной, он, вероятно, получил бы множество вариантов. Как выглядит Колесо? Правильной ли оно формы? Если нет, насколько велико отклонение от основной линии дуги? Действительно ли там только девять звезд? Или девять ярких звезд? Нам пришлось произвольно задать некоторые параметры, и результат был довольно предположительным.

— Сколько получилось вариантов?

— Свыше двухсот. Или двенадцать тысяч, если менее строго обойтись с параметрами. — Он с сочувственно наблюдал за мной, наслаждаясь, как ему казалось, моим разочарованием.

Я же думал о том, как несколько недель назад мы с Джейком просматривали маршруты звездных кораблей и сократили район поисков до десяти тысяч звезд. При наличии таких цифр было бы легко исключить многие варианты Хаммерсмита. На мгновение у меня появилось искушение щелкнуть его по носу.

— Можете дать мне распечатку?

— Я захватил ее на тот случай, если вам понадобится доказательство. — Он выдал широкую улыбку.

— Спасибо, — ответил я. — Вы мне очень помогли, Эрик.

Мы одновременно бросили на столик деньги и распечатку.

— Вам спасибо, — сказал он. — И еще, Алекс...

— Да?

— Гейб просил меня никому не рассказывать об этом. Я бы так и поступил, будь он жив.

— Понимаю.

— Прошу вас об одолжении. Если вы когда-нибудь узнаете, что за всем этим кроется, возвращайтесь и расскажите мне, хорошо?

Наши взгляды встретились.

— Если смогу, — ответил я и вышел на улицу.

Главная цель оказалась на расстоянии в тысячу триста световых лет от Сараглии, в той области Дамы-под-Вуалью, у которой были координаты, но не было названия.

— Два месяца по крайней мере, — сказала Чейз. — В один конец. Долгий путь.

XXI

Звездный корабль — не место для человека, который спешит.

Нолан Крилл. Арнхейм-ревью, LXXIII, 31

Мы летели к Сараглии на «Грейнджере». «Грейнджер» — двойник «Капеллы», поэтому, пока мы плыли сквозь длинный серый туннель, я много думал о Гейбе.

Обзорные иллюминаторы были, конечно, закрыты. Вид за бортом многих лишал душевного комфорта, но на корабле имелось несколько мест, где пассажир, желающий посмотреть на преисподнюю, мог удовлетворить свое любопытство. Например, салон в носовой части верхней палубы, называющийся Капитанским салоном.

Мы с Чейз удалились туда после того, как я оправился от погружения в гиперпространство. Между прочим, моя реакция на переход становилась с каждым перелетом все хуже. В первый вечер я сидел в баре, отказываясь от разговоров и мрачно вспоминая свою клятву: больше никуда не летать.

Мы выпили слишком много. Бары на звездных кораблях всегда процветают. Располагая избытком свободного времени для размышлений, я стал думать, почему исследователи с «Тенандрома» согласились молчать о своей находке. Меня это беспокоило.

Через некоторое время даже Чейз помрачнела. Так мы и беспокоились всю дорогу, перемещаясь в бесформенном потоке неизвестно скольких измерений, существование которого, по мнению отдельных специалистов, относилось к области чистой математики.

Через восемь дней по корабельному времени мы совершили обратный прыжок в линейное пространство. Пассажиры, придя в себя, столпились у открытых теперь иллюминаторов, чтобы поглазеть на великолепие Дамы-под-Вуалью.

С близкого расстояния она казалась не похожей ни на что, измеряемое человеческими масштабами. Структуру туманности уже нельзя было распознать. Мы смотрели, скорее, на гигантское скопление отдельных звезд, на невообразимое множество цветных точек, лучи которых проникали, казалось, в самую душу, на реку света, уходящую в бесконечность. Насколько бледнее выглядело воспроизведение ее Джейкобом у меня дома!

Когда я больше не смог выносить это зрелище, я пошел в бар. Там было полно народу.

Теперь нам предстояла самая длинная часть перелета — от точки перехода до самой Сараглии, — на которую требовалось две с половиной недели. Я много читал и приобрел привычку играть в карты с компанией завсегдаев в Капитанском салоне. Чейз резвилась с каким-то юнцом в гимнастическом зале и бассейне.

В начале третьей недели полета к нам приблизилась пара челноков. Они привезли новых пассажиров и груз для следующей фазы полета «Грейнджера» и забрали к себе на борт всех направлявшихся на Сараглию. Чейз попрощалась со своим дружком, а я с удивлением обнаружил, что со времени нашего отъезда впервые чувствую себя хорошо.

Сараглия представляет собой конструкцию величиной с небольшую луну, вращающуюся вокруг остатка сверхновой, и является научно-исследовательской станцией. Но близость к сверхплотной звезде обусловила развитие этой искусственной планеты как коммерческого центра, специализирующегося на услугах по обработке материалов для производителей, чья продукция требовала применения сверхвысоких давлений в течение длительного времени.

Внешне станция выглядит несколько беспорядочно — первоначально она была простой орбитальной платформой, но давно уже обросла жилыми куполами, производственными ангарами, энергетическими сетями, погрузочными и стыковочными доками, заводами-автоматами.

Большое облако пыли, удерживаемое искусственной гравитацией, плавает вокруг комплекса, защищая его от жесткого излучения Дамы-под-Вуалью. Оказавшись внутри облака, наблюдатель бывает поражен освещением цилиндрической планетки, льющимся из сотен тысяч окон, иллюминаторов, прозрачных панелей и причальных доков. Хотя Сараглия и расположена на самом краю заселенного человеком пространства, она самая теплая из всех мест его обитания.

Мы причалили на челноке к одному из доков, выгрузились и поселились в гостинице. Чейз немедленно приступила к подготовке второй части путешествия.

Мне же опять потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя, поэтому я отправился осматривать достопримечательности, бродил по лесам и полянам, даже пару дней наслаждался послеобеденным отдыхом на морском берегу.

Через несколько дней мы снова отправились в путь на новом напрокат «Кентавре». Он был меньше корабля Гейба и для столь длительного путешествия оборудован довольно скромно, резко заметила Чейз. Но я еще не привык иметь дело с большими деньгами, а цена за «Кентавр» показалась мне просто ошеломляющей.

Как только двигатели накопили достаточный заряд, мы совершили прыжок в пространство Армстронга.

— Обратный переход через пятьдесят семь дней, — объявила Чейз. — По бортовому времени. Нам надо принять одно решение.

— Выкладывай.

— Перелет долгий. Там, куда мы направляемся, правила Конфедерации не вполне соблюдаются, но предполагается, что мы все равно станем их придерживаться. Если следовать руководству, мы должны дать допуск в триста астрономических единиц для возвращения в линейное пространство. Помножим на нашу неспособность быть точными, и мы легко можем оказаться в пятистах или шестистах астрономических единицах от цели. Кроме того, «Кентавр» гораздо более медлительный корабль при движении в обычном пространстве, чем пассажирский лайнер. Если нам не повезет, то путешествие окажется очень долгим. Наилучший выход — просто взять и впрыгнуть обратно как можно ближе к цели.

— Нет! — взорвался я. — Мы уже столько ждали! Я предполагаю потерпеть еще немного.

— А как насчет того, чтобы терпеть долго?

— О каком сроке идет речь?

— Возможно, около года.

— Раньше ты вроде не говорила ничего подобного.

— Я взвешивала твои возможные решения, Алекс. — Чейз улыбнулась и успокоила меня: — Шанс материализоваться внутри чего-нибудь практически равен нулю. А в области входа, которую мы собираемся использовать, огромное количество свободного пространства. Ты будешь даже в большей безопасности, чем в своем скиммере.

— Не слишком обнадеживающее заявление, — буркнул я.

— Доверься мне, — лучезарно улыбнулась Чейз.

Я всегда был осторожен и старался не злоупотреблять электронными фантазиями. Но долгое путешествие к Даме-под-Вуалью дало прекрасный предлог для отмены старых запретов.

Я путешествовал по всей корабельной библиотеке и отдыхал на роскошных курортах. Одни существовали в реальной жизни, другие — нет, а некоторые просто не могли существовать. И всегда рядом со мной была хорошенькая женщина. А их характеры соответствовали заданной мною программе.

Чейз знала, чем я занимаюсь. Большую часть времени она проводила в кабине пилота, читала и смотрела в серый туннель, простирающийся перед кораблем в бесконечность. Когда я забредал к ней и валился в соседнее кресло, она редко говорила, а я всегда почему-то испытывал легкое смущение. Поэтому Чейз стала меня раздражать.

В конце концов я устал от стандартных путешествий и взял с собой некоторые загадочные археологические программы из коллекции Гейба. Это были изысканные приключения, местом действия которых являлись таинственные развалины в экзотических местах: надо было разыскать и идентифицировать необычный артефакт в затонувшем соборе, населенном ожившими статуями; перевести ряд трехмерных символов, плавающих внутри скопления полупрозрачных пирамид в замерзшей тундре; разгадать по фрагментам смысл древнего ритуала жертвоприношения, в котором, по-видимому, содержался ответ,

почему аборигены за несколько поколений превратились в расу дикарей.

Во всех случаях меня ждал некий сюрприз.

Когда я попал в беду, пытаясь пробраться по залитому водой туннелю в соборе, меня спасла и вытащила в каменный бассейн прекрасная полуобнаженная женщина, которую я помнил, но не сразу узнал.

Рия!

Женщина на фотографии в спальне Гейба.

Она снова появилась в облике хорошенькой дикарки в разрушенном городе, а среди пирамид — в образе великолепного, парящего в воздухе создания с крыльями. Рия всегда появлялась, чтобы спасти искателя приключений и сообщить ему, что он проиграл в игре. Однажды, когда я все же добрался до конца, она ждала меня там.

И всегда ее звали Рия.

Меня все больше захватывало это занятие, но в один прекрасный момент, убегая от преследователей из горной крепости, у которой, по-видимому, не было ни одного выхода, я вдруг очнулся на кушетке, в темноте пространства.

Сердце мое колотилось, пока до меня не дошло, что я уже вернулся в свою каюту. Потом я уловил какое-то движение и увидел силуэт:

— Чейз?

— Привет, Алекс, — сказала она. Голос ее звучал необычно, я слышал ее дыхание. — Как насчет того, чтобы вернуться в реальную жизнь?

На семнадцатый день мы заметили какую-то тень на экранах сканеров пространства Армстронга. Она промелькнула и исчезла.

— Показалось, — сказала Чейз.

Но потом долго хмурилась.

XXII

Человека кормят сказками на протяжении всей его жизни, и он уходит из нее, уверенный, что знает о происходящем все, но в действительности он не знает ничего, за исключением тех событий, которые происходили на его глазах.

Томас Джефферсон. Из письма к Томасу Куперу

Звезда, к которой мы направлялись, представляла собой тусклый красный карлик класса М. Она мирно плыла в одной из самых запыленных областей скопления на расстоянии примерно трехсот световых лет от Сарagliи. Мы не имели ни малейшего представления о том, сколько планет вращается вокруг нее, и я так никогда этого и не узнал.

Чейз вывела корабль в линейное пространство под острым углом к плоскости эклиптики планетной системы, примерно в десяти днях полета от облака Оорта. Огромная удача (или большое мастерство) — подобраться к цели так близко.

Мы устроили вечеринку, пили за красную звезду, поздравляли друг друга. За все время нашего знакомства Чейз впервые перебрала, и в течение нескольких часов «Кентавр» летел без пилота. Чейз становилась то страстной, то сонной, и я подолгу сидел у экранов, разглядывая мириады звезд и гадая, в каком вообще направлении мы движемся. Странно, что политическое содружество из нескольких сотен планет и миллиардов человеческих существ могло так бесследно куда-то исчезнуть.

В пределах биозоны дрейфовали две планеты. Одна, по-видимому, была еще на ранней стадии развития: ее азотную атмосферу наполняла пыль, выброшенная опоясывающими планету вулканами, поверхность сотрясали непрерывные конвульсии.

Зато другая — бело-голубой шар непревзойденной красоты — походила на Окраину, Токсикон, Землю, на все планеты земного типа, на которых смогла укорениться жизнь. Это была планета обширных океанов, яркого солнечного света и бесчисленных островов. Единственный континент располагался у Северного полюса.

— Наверное, там очень холодно, — заметила Чейз, разглядывая в телескоп поверхность суши. — Большая часть покрыта ледниками, на темной стороне не видно никаких огней. Вряд ли там кто-то живет. Более теплые зоны выглядят приятно. Даже маняще. Что ты скажешь, если мы спустимся на капсуле и поплаваем немного? Выберемся ненадолго из этих стен?

Чейз соблазнительно потянулась, и я уже готов был согласиться, как вдруг выражение ее лица изменилось.

— Что случилось?

Чейз нажала кнопку управления поиском, и тут же зазвенел сигнал.

— Вот то, зачем мы прилетели, — сказала она.

Корабль поднялся из темноты над терминатором, почти неотличимый от сверкающих звезд.

— Он вращается по орбите вокруг планеты, — прошептала Чейз.

— А это не естественный спутник?

— Возможно. — Она нажала несколько клавиш и вывела результаты анализа на экран. — Коэффициент отражения довольно велик для скалы.

— Каких он размеров?

— Пока не знаю.

— Может быть, нечто оставленное здесь «Тенандромом»?

— Например?

— Не знаю. Какой-нибудь монитор.

Чейз заглянула в телескоп:

— Сейчас получим увеличенное изображение, подожди.

Она перевела звездное поле на монитор пилота, отфильтровала большую часть свечения, уменьшила контрастность. Осталась одна точка белого света.

В течение следующего часа мы наблюдали, как она обретает форму, постепенно превращаясь в цилиндр, утолщенный

в центре, закругленный с одного конца, расширяющийся с другого. Не могло быть никаких сомнений: боевая рубка на носу, дула орудий, классические обводы корабля эпохи Сопротивления.

— Мы были правы, — выдохнул я. — Черт побери, мы были правы!

Я хлопнул Чейз по плечу. Если бы с нами был Гейб!

По современным меркам корабль казался миниатюрным. Могу представить себе этого карлика рядом с огромным корпусом «Тенандрома».

Зато у него была богатая история: именно он совершал межзвездные прыжки в самом начале существования привода Армстронга, переносил Дезире, Танияму и Билла Проповедника на планеты, составившие в итоге Конфедерацию. И он дал отпор ашиурам.

— У меня есть расчет его орбиты, — с удовлетворением заявила Чейз. — Я собираюсь лечь в дрейф прямо под его левым бортом.

— Хорошо, — отозвался я. — Сколько это займет времени?

Пальцы Чейз заплесали по клавишам.

— Двадцать два часа одиннадцать минут. Мы пройдем около него примерно через полтора часа, вероятно, на расстоянии ста километров. Но потребуются сделать несколько витков, чтобы синхронизировать курс и скорость.

— Ладно.

Я следил за изображением на мониторе. Красивые корабли, у нас таких больше не строят. Корабль казался серебристо-синим, каким-то праздничным, чего лишены холодные серые корабли современной эпохи. Его параболический нос с изображением восходящего солнца, расширяющиеся дюзы, стреловидный мостик, подвесные гондолы — все имело практическое значение только для атмосферного летательного аппарата. Но было в нем что-то трогательное. То ли знакомые очертания корабля, символизирующего последнюю героическую эпоху, то ли ощущение невинности и одновременно вызова в угрожающе торчащих дулах орудий. Он напомнил мне время, когда я был совсем юным.

— Там изображена фурия, — сказала Чейз, направив телескоп на корму.

Я почти различал темный птичий силуэт, застывший в яростном полете на фоне полированного металла, словно готовый увлечь за собой в стремительный полет весь корабль. Чейз попыталась увеличить изображение, но оно стало расплывчатым, поэтому мы ждали, пока не сократится расстояние между кораблями.

Внимание Чейз отвлекло мигание сигнала на одной из панелей. Она прислушалась к звукам в наушниках, на ее лице появилось удивление, и она нажала на переключатель.

— Мы приняли сигнал! — сказала она.

В кабине стало очень тихо.

— От этого ископаемого? — прошептал я.

Прижимая шлемофон к уху, Чейз покачала головой:

— Не думаю.

Она снова нажала на переключатель, и из акустического канала донеслось электронное жужжание.

— Что это?

— Кажется, сигнал идет с поверхности. Их даже два, но визуальных сигналов нет.

— Маяки, — догадался я, — оставленные «Тенандромом».

— Почему же они еще действуют? Разве они ударили отсюда в спешке?

— Это может означать что угодно. Вероятно, они поместили места геологических находок. Разведка использует такие передатчики для пропускания различных импульсов через планету в течение длительного времени. Устройства производят запись отраженного сигнала, который дает представление о ее внутренней динамике. Всякий раз, когда какой-то корабль входит в данную область, запись автоматически идет в эфир. Возможно, существуют и другие сигналы.

Чейз улыбнулась, смущенная своей склонностью делать поспешные выводы.

— Откуда такая осведомленность о работе разведки? — спросила она.

— Последние два месяца я много читал о них.

Я собрался продолжить, но Чейз вдруг побледнела.

Древний корабль приближался, вырастая на экране монитора. Я проследил за ее взглядом, однако ничего не увидел.

— Что случилось?

— Посмотри на эмблему, — прошептала она. — Фурия!
Я посмотрел. Ничего особенного, просто крылатый символ...
...окруженный изогнутой световой линией...
...Серебряный полумесяц.
...«Чтобы враги могли найти меня».
— Боже мой! — прошептал я. — Это же «Корсариус»!

— Невероятно!

Чейз листала старые отчеты о последней битве, время от времени останавливаясь и зачитывая мне отдельные характерные моменты... «Уничтожен на глазах бессильного помочь Тарие-на... Оперативный штаб Сима и его брат беспомощно наблюдали с борта „Кудасая“, как „Корсариус“ совершил свой отчаянный рывок и исчез в ядерном пламени...» И так далее.

— Возможно, — предположил я, — ашиуры правы: их было несколько.

Чейз осмотрела свои приборы:

— Наклон оси около одиннадцати градусов. Он вращается. Думаю, постепенно сходит с орбиты. — Она покачала головой. — По крайней мере, они могли бы ее скорректировать. Я имею в виду «Тенандром».

— Может, им просто не удалось, — сказал я. — Может, там уже не осталось энергии.

— Возможно...

По экрану на командном пульте замелькали изображения: хвостовые секции, коммуникационные блоки, строчки коэффициентов нагрузки. Корабль снова начал удаляться от нас.

— Если он не может двигаться самостоятельно, то они никак не могли увести его домой. Даже если они добрались до грузового отсека, в чем я сомневаюсь, то как бы им удалось прикрепить буксир? К тому же чертова штука могла в любой момент взорваться. Помнишь «Регалию»?

— Чейз, — сказал я, — поэтому Гейбу и понадобился второй пилот. Он взял с собой Кайбера. Чтобы попытаться привести его обратно!

Чейз все же сомневалась:

— Даже если привод в порядке, риск все равно дьявольски велик. Если что-нибудь выйдет из строя, например во время прыжка... — Она покачала головой.

Освещение менялось: мы входили в зону раннего вечера, а уходивший к терминатору «Корсариус» быстро таял в сумерках, сверкая в сгущающейся темноте. Я следил за ним до последнего момента, спрашивая себя, не ночная ли он фантазия, которая утром не оставит после себя и следа.

Объект вошел в тень планеты, потемнел, но...

— Я еще вижу его, — сказала Чейз напряженным голосом. — Он светится. — Голос ее упал до шепота. — Откуда, черт возьми, взялся этот отраженный свет? Никаких лун нет.

Корабль светился устойчивым бледным сиянием. Я почувствовал, как по моему позвоночнику словно провели холодной влажной ладонью.

— Ходовые огни. На нем горят ходовые огни.

Чейз кивнула:

— Наверное, это сделали люди с «Тенандрома». Интересно зачем?

Я не мог в это поверить. Профессионалы, если это возможно, оставляют технические артефакты до окончания исследований в том виде, в каком они были найдены. А поднимались ли вообще люди с «Тенандрома» на борт корабля?

Через час с небольшим мы последовали за «Корсариусом» на ночную сторону. К тому времени он уже превратился в тусклую звездочку.

— С меня хватит, — заявила Чейз, вставая. — Пожалуй, нам следует внять совету Скотта и вернуться домой. В противном случае кто-то из нас должен все время находиться в рубке. Конечно, это смахивает на паранойю, зато я буду лучше себя чувствовать. Согласен?

— Ладно.

Я попытался сделать вид, что предложение Чейз меня забавляет, хотя на самом деле оно мне понравилось.

— Поскольку это твоя экспедиция, Алекс, тебе первому нести вахту. Я иду в каюту и попытаюсь немного соснуть. Если решишь отказаться от своей затеи, я не стану возражать. А пока будешь все обдумывать, следи за этой проклятой штукой.

Чейз вышла из рубки. Я слышал, как она ходит за стенкой, включает утилизатор, закрывает дверь, включает душ. Я радовался, что она там. Если бы ее не было, вряд ли я пошел бы дальше.

Я откинул спинку кресла, поправил подушки и закрыл глаза, продолжая думать об этом ископаемом, периодически приподнимаясь, чтобы посмотреть на ночное небо и убедиться, что оттуда к нам ничто не подкрадывается.

Через час я отказался от попыток уснуть и включил комический монолог из записей библиотеки. Юмор мне не очень понравился, однако номер был легким, энергичным, с меткими фразами и прерывался смехом аудитории. Вот чего не отнимешь у комедии, даже когда она слабая, — она вселяет ощущение безопасности.

В конце концов рубка куда-то уплыла от меня. Я смутно ощущал абсолютную тишину в жилом отсеке, значит Чейз уснула, и я в некотором смысле остался один. Время от времени на приборной панели вспыхивали огоньки. Когда я очнулся, все еще было темно, а Чейз опять сидела в кресле пилота. Пока я спал, она накрыла меня пледом.

— Как у нас дела? — спросил я.

— Порядок.

— О чем ты думаешь?

В ее глазах отражались огоньки приборов. Я слышал ее дыхание, оно было одним целым с гудением и свистками компьютеров, случайным потрескиванием металлических стенок, протестующих против небольших поправок курса или изменения скорости, и с тысячью других звуков, которые слышны среди звезд.

— Я все думаю, — сказала Чейз, — о старой легенде, согласно которой Сим вернется в тот момент, когда Конфедерация будет нуждаться в нем особенно остро.

Она смотрела в иллюминатор.

— Где он? — спросил я.

— За горизонтом планеты. Сканеры не смогут поймать его еще несколько часов. Между прочим, через двадцать минут наступит рассвет.

— Вчера вечером ты сказала, что нам следует оставить его в покое. Ты и в самом деле так думаешь?

— Если честно, Алекс, то да. Меня тошнит от всего этого. Проклятая штука не должна быть здесь. Наверное, люди с «Тенандрома» среагировали на нее так же, как и мы. То есть они приблизились к нему, поднялись на борт, а потом отошли, уле-

тели домой и заставили всех хранить молчание. Почему? Почему, во имя Господа, они это сделали?

— Уйти сейчас, — сказал я, — значит лишиться сна.

— Возможно, из ситуации нет выхода. Из того, что ты рассказал мне о Скотте, ясно одно: он стал одержимым. Не случится ли с нами то же самое после того, как завтра мы поднимемся на его борт?

Чейз сменила позу и вытянула длинные ноги (очень красивые в бледно-зеленом свете от приборов!).

— Если бы я могла стереть из памяти этот корабль, забыть все, уничтожить записи, улететь куда-нибудь и никогда не возвращаться, то, наверное, я бы на это пошла. Вон та штука — не знаю, что это такое, или как это может быть тем, чем кажется, — она чужая в этом небе, в любом небе. Я не хочу иметь с ней ничего общего.

Чейз нажала несколько клавиш, и на мониторе развернулось записанное изображение корабля Сима. Она дала дополнительное увеличение. Конечно, он был темным. Но выглядел таким же настороженным и смертоносным, как и в программах, изображавших налет на Волчки или бой у Ригеля.

— Сегодня ночью я читала его книгу, — сказала Чейз.

— «Человек и олимпиец»?

— Да. Сим — сложный человек. Не могу сказать, что всегда с ним согласна, но он умеет навязать свою позицию. Например, он довольно яростно обрушивается на Сократа.

— Знаю. Сократ не принадлежит к числу его любимцев.

Ее губы дрогнули в мимолетной улыбке.

— Этот человек не уважал никого.

— Его критики тоже так считали. Сим, разумеется, заклеил и их тоже, во второй книге, которую не закончил при жизни. «У критиков все преимущества, — сказал он однажды, — потому что они ждут, пока ты не умрешь, и тогда за ними остается последнее слово».

— Жаль. — Чейз откинулась на спинку кресла и заложила руки за голову. — В школах никогда не рассказывают об этой стороне его характера. Тот Кристофер Сим, с которым знакомятся дети, выглядит безупречным, склонным к проповедничеству и неприступным. — Чейз нахмурилась. — Интересно, что бы он сделал с этим кораблем?

— Он бы поднялся на борт. А если бы не смог, подождал бы, пока не появятся дополнительные данные, и во время этого ожидания нашел бы о чем подумать.

Корпус «Корсариуса» был местами обожжен и изъеден коррозией. Из-за периодической замены листов обшивки он казался покрытым заплатами. Навигационные и коммуникационные модули исполосованы шрамами, защитные экраны в хвостовой части покороблены, а кожух двигателей отсутствовал.

— Тем не менее, — заметила Чейз, — я не вижу крупных повреждений. Правда, есть одна странность.

Мы подходили к кораблю в капсуле «Кентавра». Здесь было довольно тесно, ведь капсула — не более чем пузырь из пластмассы с несколькими двигателями.

— Кожух привода не сорван взрывом. Его сняли. Не уверена, но все выглядит так, будто сами двигатели отсутствуют. — Чейз указала на два объекта в форме гондол, которые я поначалу принял за двигатели Армстронга. — Нет! Это только их внешняя оболочка. Я не вижу сердечников. А они должны быть видны.

— Они должны там быть, — возразил я. — Если кто-то намеренно не искалечил корабль, после того как он прибыл сюда.

Чейз пожала плечами:

— Кто знает? Остальное выглядит не лучше. Держу пари, там полно поврежденного вооружения и оборудования.

— Незавершенный ремонт, — констатировал я.

— Да. Ремонт, произведенный в спешке. Корабль в таком состоянии я бы в бой не повела. Но, за исключением двигателей Армстронга, он выглядит вполне пригодным к службе.

Над корпусом «Корсариуса» выступали соленоиды, застывшие и холодные.

— И они тоже, — прибавила Чейз.

Корабль был скован холодом времени.

Чейз сидела в кресле пилота, озадаченная и, пожалуй, напуганная. Многоканальная связь была включена, мы прослушивали частоты, на которых мог бы вести передачу «Корсариус».

— Должно быть, хроники ошибались, — сказал я. — «Корсариус» явно не был уничтожен у Ригеля.

— Очевидно...

Чейз регулировала изображение на мониторах, хотя в этом не было никакой необходимости. Компьютеры «Кентавра» совмещали схему найденного корабля с древними изображениями «Корсариуса», повторяя процесс снова и снова, в бесконечных деталях.

— Значит ли это, что Сим мог уцелеть у Ригеля?

Чейз покачала головой:

— Будь я проклята, если знаю.

— А если он выжил, зачем прилетел сюда? — продолжал рассуждать я.

— Черт, отсюда очень далеко до зоны сражений. Мог ли «Корсариус» вообще совершить такой перелет?

— О да, — ответила Чейз. — Дальность полета любого из этих кораблей была ограничена только количеством запасов, которые могут уместиться на борту. Они могли это сделать. Вопрос в другом: зачем? Может, они сделали это не по своей воле. Может, Сим и его корабль попали в руки ашиуров. Вдруг он выжил в битве при Ригеле, но был ранен и потом бродил по свету, не зная, кто он такой? Глупо. Даже если и есть доля правды в теории о кораблях-двойниках, что им здесь понадобилось? У кого в самые тяжелые для Сопротивления дни оказалось столько времени, чтобы забраться так далеко с боевым кораблем, который крайне необходим дома?

Мы проплыли над носовой частью, мимо яростных глаз и клюва фурии, мимо орудий на носу корабля. Чейз описала небольшую петлю. Корпус резко ушел в сторону, в иллюминаторах показалась голубая, залитая солнцем поверхность планеты. Потом и она ушла в сторону, уступив место широкому пространству черного неба.

Мы много говорили. Пустая болтовня. О том, как быстро зажила нога Чейз, как хорошо было бы вернуться домой, сколько денег мы можем на этом заработать. Мы, по-видимому, не хотели, чтобы беседа прервалась. А тем временем мы приближались к нашему артефакту. Чейз провела капсулу вдоль корабля, остановившись у главного люка.

— Если у тебя есть какие-то сомнения, — сказала она, повысив голос, чтобы подчеркнуть значимость слов, — он слеп и мертв. Его системы слежения не сделали никаких попыток просканировать нас и сделать запрос.

Мы надели шлемы скафандров, в которые облачились заранее, и Чейз выпустила из кабины воздух. Когда зажглись зеленые огни, она откинула фонарь, и мы выплыли наружу. Чейз двинулась к входному люку, а я задержался, чтобы взглянуть на ряд букв кириллицы, выгравированных на корпусе. Это был кодированный индекс корабля, совпадающий со знаками на «Корсариусе» из модельных программ.

Люк открылся, повернувшись на шарнирах, внутри мелькнул желтый свет. Мы неуклюже ввалились в шлюз. На сигнальной панели, встроенной в переборку, горели красные лампы.

— Корабль на ограниченном энергоснабжении, — сказала Чейз. В коммуникаторе ее голос звучал приглушенно. — Гравитация отсутствует. Полагаю, он переведен в режим консервации. Минимальное количество энергии, чтобы здесь ничего не вымерзло.

Мы включили магниты на ботинках. Автомат закрытия внешнего люка не работал, при моем прикосновении кнопка зажглась, но больше ничего не изменилось. Даже хуже, лампы мигнули, стали оранжевыми, и в отсек начал со свистом поступать воздух. Чейз, повиснув на внешней крышке люка, с трудом закрыла ее.

Давление воздуха быстро росло, стержни внутреннего запора выскользнули из своих гнезд, сигнальные огни загорелись белым светом, и дверь во внутренние помещения корабля бесшумно повернулась на смазанных петлях.

Перед нами открылась тускло освещенная каюта. Внутренние помещения корабля, самого знаменитого боевого корабля в истории! Чейз сжала мою руку, затем отодвинулась в сторону, давая мне пройти.

Нагнув голову, я шагнул внутрь.

Каюту заполняли шкафы, компьютерные консоли и большие ящики с датчиками, измерительными приборами и инструментами. У шлюза висели скафандры, а одна стена была завешана схемой корабля. В обоих концах каюты находились закрытые люки той же конструкции, как и тот, через который мы вошли.

Чейз бросила взгляд на датчик на своем запястье.

— Содержание кислорода в норме, — сказала она. — Чуть маловато, но для дыхания годится. Температура около трех градусов выше нуля. Немного холодновато.

Она расстегнула зажимы, удерживавшие ее шлем, приподняла лицевой щиток и осторожно вдохнула воздух.

— Они уменьшили обогрев, — сказал я, тоже снимая шлем.

— Да, — согласилась Чейз. — Кто-то надеялся вернуться.

Я с трудом заставил себя не смотреть на люки. Мне казалось, что любой из них может внезапно распахнуться. Чейз подошла к скафандрам, делая один осторожный шаг за другим. Так входят в холодную океанскую воду. Она остановилась и пересчитала скафандры. Их было восемь.

— Они все здесь!

— А ты не ожидала?

— Существовала вероятность того, что уцелевшие в катастрофе, какой бы она ни была, вышли наружу произвести ремонт и их унесло от корабля.

— Надо осмотреть мостик, — предложил я. — Надеюсь, там мы найдем какой-нибудь ответ.

— Подожди минутку, Алекс. — Чейз открыла люк в хвостовой части и вышла. — Я сейчас вернусь, — раздался в коммуникаторе ее голос.

— Оставайся на связи, — сказал я. — Я хочу знать, что происходит.

Несколько минут я слышал ее шаги, потом тяжелый стук скользящего на место люка. Мысль о том, в каком я окажусь положении, если с Чейз что-то случится, заставила меня с беспокойством прислушиваться, не возвращается ли она, и задавать себе вопрос, не должен ли я пойти за ней. Я пытался вспомнить последовательность действий при пилотировании «Кентавра». Боже мой, я не знаю даже, в какой стороне находится Конфедерация.

Я бродил среди черных ящиков, кабелей, каких-то совершенно незнакомых мне предметов, плат, стеклянных стержней и длинных трубок, заполненных вязкой зеленоватой жидкостью.

Некоторые шкафчики, по-видимому, принадлежали отдельным членам экипажа. На них значились имена: Ван-Хорн, Экклінде, Мацумото, Порнок, Талино, Колландер, Смыслов. Боже мой, семь дезертиров!

Они не были заперты. Открывая их один за другим, я находил излучатели, счетчики, провода, генераторы и комбинезоны. Больше почти ничего. Лайза Порнок оставила древний радиотелефон, который нужно было носить в кармане, и расческу. Том Мацумото повесил на крючок свою яркую цветную шляпу. Манти Колландеру принадлежало несколько книг на церуллианском языке. Я с благоговением подошел к шкафчику Талино, но там нашлись лишь несколько журналов со статьями об использовании топлива и эффективности защитных экранов, рабочая рубашка и пленки с записями, как оказалось, концертов.

Я нашел только одну фотографию женщины с ребенком, и принадлежала она Тору Смыслову. Ребенок, вероятно, был мальчиком. Я не разобрал.

Все закреплено лентами, зажимами или лежало в специальных ячейках. Вычищенное оборудование сверкало полировкой. Как будто его сложили здесь только вчера.

Я услышал приближение Чейз задолго до того, как она перешагнула комингс люка.

— Ну вот, — сказала она, — лопнула еще одна теория.

— Какая именно?

— Я думала, может, они высадились на поверхность планеты и произошел несчастный случай. Или посадочный аппарат улетел, и они не смогли вернуться.

— Черт возьми, Чейз, — отмахнулся я, — они же не могли *все* покинуть корабль.

— Не могли. Если на борту находился весь экипаж. Но возможно, уцелели только двое. — Она подняла руки. — Проклятье, наверное, это тоже не имеет смысла. Мне кажется, они прилетели сюда спрятаться. Война была уже проиграна, а «немые», возможно, пленных не брали. Потом отказал двигатель — из-за повреждений, полученных в бою. Они не смогли добраться домой. Если к тому же и радио не работало, тогда никто о них не знал. На этом типе кораблей радио и не могло поддерживать связь на больших расстояниях, поэтому, попав в беду, они не смогли получить помощь. И вот еще что: я оказалась права насчет двигателей Армстронга. Их нет. Нет ничего, кроме кожухов. Проклятый корабль лишен звездного привода. У него, правда, есть магнитоплазменный ускоритель для перемещения в линейном пространстве, но на нем нельзя совер-

шать длительный перелет. Странно, им пришлось залатать места, где находились двигатели. А это тяжелая работа, ее нельзя проделать здесь.

— Тогда как же корабль добрался сюда?

— Не имею представления, — ответила Чейз. — Между прочим, посадочный аппарат до сих пор в своем доке, все скафандры на месте. Как же экипаж выбрался отсюда?

— Возможно, здесь был еще один корабль, — предположил я.

— Или они все тут. Где-нибудь.

Большинство светящихся панелей сломалось, тени в коридорах отступали перед лучами наших фонарей, лифты не работали. В воздухе чувствовался запах озона, значит какой-то из компрессоров перегрелся. В одном из отсеков плавали водяные пузыри, другой выгорел, очевидно в результате короткого замыкания. Откуда-то из глубины корабля доносился равномерный стук, протяжный и тяжелый.

— Открывается и закрывается люк, — объяснила Чейз. — Еще одна неисправность.

Мы медленно продвигались вперед. Ходить при нулевой силе тяжести неудобно, поэтому мы сталкивались с трудностями у каждого люка. Все они были заперты. Некоторые подчинялись нажатию кнопок, другие приходилось взламывать. Дважды Чейз пыталась восстановить нормальную подачу энергии со вспомогательных пультов, но оба раза потерпела неудачу: зажигались зеленые лампы, показывая, что команды выполнены, но ничего не происходило, и мы пробирались вперед в полутьме. Один из люков так упорно сопротивлялся нашим усилиям, что мы начали думать, уж не выходит ли он в пустоту. В конце концов мы спустились на один уровень и обошли его.

Мы почти не разговаривали, а если и говорили, то по возможности тихо.

— Столовая.

— Похоже на операционный центр. Кажется, компьютеры работают.

— Личные каюты.

— Никакой одежды и личных вещей.

— В хранилище тоже не много осталось. Наверное, они все забрали с собой, когда уходили.

Уже много лет прошло с тех пор, как мы с Чейз совершили эту прогулку по «Корсариусу», но холод, царивший тогда на корабле, до сих пор преследует меня по ночам.

— Душ.

— Проклятье, посмотри, Алекс. Арсенал! Лазеры, дезинтеграторы, лучеметы, иглострелы, ядерные гранаты. Около десятка ядерных гранат величиной с кулак.

Мы остановились перед последним запертым люком.

— Должно быть, то самое, — сказала Чейз.

«Не стану ли я таким же одержимым, как Скотт?» — подумал я.

Дверь подчинилась нажатию кнопки.

Сквозь круглый иллюминатор светили звезды, в темноте мигали лампочки.

— Мостик Кристофера Сима.

— Подожди секунлочку, — сказала Чейз.

Вспыхнули лампы. Я сразу узнал рубку, которую видел в смоделированной программе: три рабочих места, над головой прозрачная круглая кабинка, где я сидел во время рейда на Хринвар, ряды штурманских и коммуникационных приборов, системы управления огнем.

— Примитивное оборудование, — покачала головой Чейз, стоя у пульта рулевого. Голос ее отражался от стен.

Я встал позади командирского кресла, из которого Сим руководил легендарными сражениями.

Чейз изучала панели управления и вдруг просияла, обнаружив то, что искала:

— Сейчас будет одно «g», Алекс.

Она нажала в определенной последовательности клавиши и нахмурилась. Ничего. Она попыталась снова. На этот раз что-то в стенках завывало, зафыркало и заработало. Я почувствовал, как меня потянуло вниз, к палубе.

— Обогрев я тоже включила.

— Чейз, думаю, пора послушать, что может рассказать нам капитан Сим.

Она энергично закивала:

— Конечно давай узнаем, что случилось.

Чейз стала нажимать клавиши на панели управления. Лампы погасли, засияли экраны мониторов, на них появились изображения наружного пространства. Один датчик засек наш «Кентавр» и стал передавать его изображение, другой показывал капсулу, в которой мы прилетели.

— Возможно, это боевой пульт, — сказала Чейз. — Ничего не трогай. Я не знаю, в каком состоянии вооружение, но выглядит оно вполне боееспособным. Малейшее прикосновение может превратить в пар наши шансы попасть домой.

Я сунул руки в карманы и попытался вспомнить обстановку на мостике, когда видел ее на «Стейн»: спокойная, деловая, освещение включено только в тех местах, где оно необходимо. Но тогда события развивались слишком быстро, и я не запомнил последовательность действий.

— Можешь запросить бортовой журнал? — спросил я.

— Я его ищу. Мне незнакомы эти символы. Потерпи.

Включилась и выключилась общекорабельная система связи.

— Вероятно, они забрали его, — заметил я, подумав о посещении экипажа «Тенандрома».

— Компьютер сообщает, что все на месте. Вопрос лишь в том, как найти.

Пока Чейз искала, я занялся осмотром центра управления, сконструированного людьми, явно питавшими страстную любовь к дуге, петле и параболе. Геометрия была та же, что и у наружной части корабля. Пришлось бы немало потрудиться, чтобы обнаружить хоть одну прямую линию. Деллакондцы никогда не поклонялись богам утилитарности, которые правят нашим временем. Интерьер корабля отличался роскошью и богатством, предполагающими стремление воевать в комфортных условиях. Такая склонность казалась странной у людей, традиционно считавшихся выходцами из суровой пограничной страны.

— Алекс, я нашла. Вот последние записи. — Чейз немного помолчала, чтобы усилить впечатление или, возможно, дать мне время подумать. — Голос, который ты слышишь...

...Явно принадлежал не Кристоферу Симу.

«Ноль-шесть-четырнадцать — двадцать два, — произнес он. — Эбонай-четыре. На данное число завершен ремонт категорий один и два. Ремонт категории три в соответствии с реест-

ром. Системы вооружения восстановлены полностью. „Корсариус“ вводится в строй с сегодняшнего дня. Деверо, техническое обеспечение».

— Это, наверное, командир ремонтников, — сказал я.

— Если они передают командование кораблем капитану, должно быть продолжение.

Продолжение последовало. Кристофер Сим в свое время произнес несколько речей, но никогда не выступал в парламентах и прожил слишком мало, не оставив прощального обращения к людям. В отличие от голоса Тариена, его не знают все школьники Конфедерации. Тем не менее я сразу узнал его и поразился, насколько точно воспроизводили его актеры.

«Ноль-шесть-четырнадцать — тридцать семь, — произнес Сим густым баритоном. — „Корсариус“ получил допуск к операции номер два-два-три каппа, хотя передние преобразователи отказывают при нагрузке шесть запятая тридцать семь, что неприемлемо в боевых условиях. Командование кораблем понимает, что ремонтные мастерские порта в данный момент перегружены. Однако, если ремонтники не могут провести работу как следует, они, по крайней мере, должны знать о недостатках. „Корсариус“ возвращается отсюда в порт. Кристофер Сим, командир корабля».

Следующие записи сообщали о восстановлении уровня энергии в преобразователе, и Кристофер принял работу без замечаний. Даже с расстояния в двести лет можно было слышать в его голосе удовлетворение.

«Он любил, чтобы последнее слово оставалось за ним», — с удивлением подумал я.

— Окончание ремонта на Эбонае, — заметил я. — Незадолго до того, как взбунтовался экипаж.

— Даты совпадают.

— Боже мой! — произнес я. — Мятаж, Семерка, у нас будет все! Прогони остальное.

Чейз со слабой улыбкой повернулась ко мне:

— Это последняя запись. Больше ничего нет.

Голос ее звучал глухо, над верхней губой выступили капельки пота, хотя воздух оставался еще холодным.

— Значит, экипаж «Тенандрома» все-таки забрал записи! — произнес я неожиданно громко.

— Это же корабельный журнал, Алекс. Его нельзя стереть, нельзя исправить, нельзя унести, в нем нельзя ничего изменить, не оставив следов! Компьютер говорит, что его не трогали.

Чейз склонилась над панелью, ударила несколько раз по клавишам, взглянула на результат и пожала плечами:

— Все на месте.

— Но ведь «Корсариус» вскоре вел бой! Должны же быть записи в журнале! Правильно?

— Да. Не могу представить себе военный корабль, пытающийся действовать и при этом произвольно вести бортовой журнал. По каким-то причинам Кристофер Сим повел экипаж добровольцев в решающий бой, но не удосужился сделать запись в бортовом журнале.

— Возможно, ему было очень некогда, — предположил я.

— Алекс, этого быть не могло.

Она с некоторым трепетом уселась в кресло капитана и ввела в компьютер новые инструкции:

— Давай посмотрим, что получится, если мы пойдем назад.

Опять зазвучал голос Кристофера Симы:

«...Не сомневаюсь, что уничтожение двух боевых крейсеров заставит противника сконцентрировать внимание на небольших военных базах у Димонидеса-два и Чиппевы. Вряд ли может быть иначе. Эти районы станут костью в горле противника, он атакует их, как только соберет достаточные силы. Возможно, ашиуры введут в операцию свои основные соединения...»

— Думаю, это более ранний период войны, — заметил я.

— Да. Приятно знать, что он вел журнал.

Мы послушали, как Сим описывал состав и количество вооруженных сил противника, потом совершил подробный экскурс в психологию ашиуров и их вероятную стратегию нападения. На меня произвело впечатление, что он, по-видимому, был в большинстве случаев прав. Чейз немного послушала, потом встала, пожелав осмотреть остальные части корабля:

— Пойдешь со мной?

— Нет, хочу еще немного послушать.

Видимо, это было ошибкой.

Когда Чейз ушла, я сидел в полумраке, слушая рассуждения о потребности в энергии и комментарии по поводу враже-

ской техники, которые временами прерывались сухими отчетами о боях, описывающими тактику Сима «бей и беги» против крупных флотов противника.

Теперь понятно волнение Гейба! Интересно, знал ли он, за чем охотится?

Постепенно я втягивался в драму давно минувшей войны, видел чудовищные флотилии ашиуров глазами командира, которому удавалось рассеять или, по крайней мере, отклонить их от курса с помощью горстки легких боевых судов. Я начал понимать важность сбора разведанных, станций прослушивания, анализа перемещений флота, анализа психологии вражеских командиров. Казалось, они даже в сортир не могли сходить, чтобы Сим не узнал об этом.

Привлекали внимание отдельные отчеты.

У Санусара деллакондцы при поддержке нескольких союзных кораблей устроили засаду и уничтожили два тяжелых крейсера, потеряв один фрегат. Я прослушал отчет Сима о его налете у Волчков. Были и другие сражения, о многих я никогда не слышал. Но всегда, несмотря на длинную цепочку побед, результат оставался одним и тем же: отступление, подсчет потерь, перегруппировка сил. Деллакондцам никогда не удавалось удержаться и закрепить успех: Симу приходилось отступать снова и снова, поскольку у него не хватало сил.

А затем пришел черед Илианды.

«Мы считаем, что сможем разбить их там, — загадочно заявляет Сим. — Если не там, то, боюсь, уже нигде».

Тут я убедился в правдивости истории Киндрел Ли.

Сим называет, но не описывает средство осуществления своего плана.

Гелион.

Солнечное оружие.

Сим сделал паузу, выказав почти неуверенность.

«Бесспорно, история строго осудит то, что я собираюсь предпринять. Но, боже правый, я не вижу другого выхода».

Эвакуация с Илианды проходила медленнее, чем ожидали.

«Некоторые сопротивляются, настаивают на своем праве остаться. Я не могу им разрешить, и там, где возникает необходимость, мы прибегаем к силе».

И позднее: «Маловероятно, что нам удалось вывезти всех. Но, несмотря на сложившуюся ситуацию, когда появятся „немые“, мы произведем взрыв, как запланировали!»

Напряжение нарастает, армада ашиуров появляется у внешних планет.

«Мы должны все увезти отсюда и прекратить всякое движение прежде, чем они войдут в диапазон сканирования».

Предполагалось пожертвовать несколькими фрегатами и задержать противника, но Сим не может позволить ашиурам догадаться о том, что их обнаружили. Между тем несколько ожидаемых транспортных кораблей не прилетели. Тогда деллакондцы выстлали грузовые отсеки челноков, которые, конечно, годились только для межпланетных перевозок, одеялами и горами одежды, загрузили в них оставшихся людей и ушли.

«Если повезет, их не заметят. Они будут сердиться, некоторые, возможно, насажают себе синяков, но у них есть шанс выжить».

За пять часов до последнего срока эвакуации Сим отзывает рабочие команды, координировавшие эвакуацию, а также спасение предметов искусства и памятников литературы.

«Тариен говорит, что никакая цена не является слишком высокой, чтобы остановить „немых“. Полагаю, он прав».

В последнюю минуту в Пойнт-Эдварде обнаружили еще несколько человек. Их сажают на оставшиеся два челнока. Боевая команда Сима ушла компактной группой, стараясь казаться по возможности меньшей целью на экранах противника. Наконец остался только «Корсариус». Большинство опоздавших погрузились на его борт, и они быстро уходят.

Я поспешно просмотрел следующие записи. «Корсариус» отошел на расстояние полупарсека и остановился, чтобы вести наблюдение. Флот ашиуров приближается, передает сообщение для деллакондцев и предлагает Симу сдаться.

Тот записывает обращение в свой журнал: «Соппротивление бесполезно, — произносит голос противника. Он звучит механически, равнодушно, рассудительно. Никакого намека на экзальтацию. — Спасите жизнь своему экипажу».

Я оглядел мостик. Трудно поверить, что все это происходило здесь. Снаружи в поле зрения вплывал край планеты, туманный в ярком солнечном свете. Где мог находиться Талино?

Станция открыла огонь по кораблям противника из своих жалких орудий. Они были быстро подавлены. Сим сообщает, что несколько эсминцев совершили вынужденную стыковку.

«Сейчас, — добавляет он. И в его голосе звучит невысказанный вопрос. — Сейчас».

Я чувствую его боль и думаю: Мэтт Оландер сидит в баре космопорта. Он выключил автоматику, и в этот момент его отвлекли.

Четыре дня спустя «Корсариус» высадил своих пассажиров на Миллениуме. Я сверился с таблицами. Современный лайнер при перелете от Илианды до Миллениума провел бы около восьми с половиной дней только в пространстве Армстронга. Как же ему удалось?

Вслед за несколькими отчетами о ремонтном обслуживании была и еще одна запись: «Нужно узнать, что произошло. Эта штука еще может сработать. Ее необходимо разрядить и обезопасить».

Потом записи идут с искажениями. Я как раз пытался их прочесть, когда вернулась Чейз.

— Нигде нет никаких останков, — заявила она.

Я рассказал ей о своих находках. Чейз послушала запись, но не стала бороться с искажениями, лишь покачала головой:

— Это код. Он не хотел, чтобы прочли его записи.

— Меня беспокоит его терминология, — сказал я. — «Разрядить и обезопасить». Это тавтология. Сим, как правило, очень точен в выражениях. Что делают с солнечным оружием после разрядки, чтобы оно стало безопасным?

Мы посмотрели друг на друга, и, по-моему, нас осенило одновременно.

— Он говорит о безопасности, — сказала Чейз. — Никто не должен знать о существовании такого оружия.

— Следовательно, необходимо как-то объяснить эвакуацию жителей.

Я опустил в кресло Сима. Оно оказалось мне немного тесноватым.

— Какая удача, что «немые» поступили так нехарактерно для себя в случае с Пойнт-Эдвардом, — тихо произнесла

Чейз. — Это спасло Сима от необходимости отвечать на многие вопросы.

Она долго смотрела на меня. И я понял наконец, почему предприняли атаку на пустой город. И кто ее осуществил.

Потом я нашел в бортовом журнале другие записи. Сим и «Корсариус» снова бросались в бой в десятке различных мест вдоль Границы. Но теперь Сим изменился: в его тоне, а затем и в его комментариях я начал чувствовать отчаяние, растущее пропорционально его военным успехам и последующему отступлению. Я услышал его реакцию на поражение у Гранд-Салинаса, на потери одной за другой союзных планет. Наверное, ему казалось, что нет конца этим черным кораблям. И вот пришло известие о падении Деллакнды. Он произнес шепотом имя Маурины.

Во всех записях о солнечном оружии больше не упоминалось ни разу.

Сим бранил недалёковидность Окраины, Токсикона, Земли, которые чувствовали себя в безопасности из-за большого расстояния и боялись навлечь на себя гнев орды врагов. Союзники относились друг к другу с недоверием и завистью гораздо более глубокими, чем ненависть к завоевателям. Заплатив за победу у Чаппараля потерей пяти фрегатов и легкого крейсера с командой токсиконцев, Сим задал вопрос: «Мы теряем лучших и самых храбрых. А во имя чего?» За этим высказыванием последовало долгое молчание. Потом он произнес немыслимую фразу: «Если они не придут, тогда нам пора заключать свой собственный мир!»

Его настроение становилось все более мрачным. И когда еще два корабля его эскадры погибли у Комо Деса, в нем вспыхнул гнев. «Когда-нибудь Конфедерация будет создана, — устало говорит Сим, — но я не позволю построить ее на костях моих людей!»

Тот же голос, который вынес обвинение спартамцам.

XXIII

Одиночество держит зеркало перед лицом греха. Нелегко убежать от правды в его холодном отражении.

Преподобная Агата Лоулесс. Размышления на закате

Мы вернулись на «Кентавр», чтобы поесть и немного поспать. Но уснуть долго не удавалось. Мы проговорили несколько часов, строя догадки о том, что же в конце концов случилось с капитаном и командой «Корсариуса». Нашел ли экипаж «Тенандрома» на борту останки? И может, выполнил ритуал похорон? Прощальный залп, сообщения домой и забвение? Притвориться, что ничего никогда не происходило?

— Я так не думаю, — сказала Чейз.

— Почему?

— Традиция. Капитан «Тенандрома», предпринявший такие действия, обязан был закрыть бортовой журнал «Корсариуса», внеся последнюю запись.

Она посмотрела в иллюминатор на старый боевой корабль. Его бело-красные ходовые огни сияли на темном небе.

— Нет, готова держать пари, что они нашли его таким же, как и мы. Это — летучий голландец.

Чейз прижала руки к груди, словно в кабине было холодно.

— Возможно, «немые» забрали корабль, выгнали экипаж, а «Корсариус» оставили здесь, чтобы мы потом нашли его и ломали себе голову. Предметный урок.

— Оставили *здесь*? Как они могли предположить, что мы его обнаружим?

Чейз покачала головой и закрыла глаза:

— Мы еще вернемся туда?

— Мы не получили ни одного ответа на свои вопросы.

Чейз что-то сделала в темноте, и в отсек полилась мягкая музыка.

— Там может не оказаться никаких ответов.

— Как ты думаешь, что все эти годы искал Скотт?

— Не знаю.

— Он что-то нашел. Он обследовал корабль и что-то нашел.

Пока мы разговаривали, Чейз развернула «Кентавр» в другую сторону, грустно улыбнулась и призналась, что ископаемый корабль действует ей на нервы.

Я никак не мог прогнать от себя образ отчаявшегося Кристофера Сима. Раньше мне не приходило в голову, что именно он, первый из всех людей, мог подвергнуть сомнению исход войны. Вряд ли, конечно, он обладал даром предвидения. Как оказалось, Сим был обыкновенным человеком. В его отчаянии, в его беспокойстве о жизни товарищей и людей, которых он пытался защитить, я чувствовал разгадку тайны покинутого корабля.

«Когда-нибудь Конфедерация будет создана, но я не позволю построить ее на костях моих людей!»

Чейз уже давно уснула, а я все пытался систематизировать имеющиеся факты и свои догадки об ашиурах, о Семерке, о возможном психическом состоянии Сима, о битве у Ригеля.

Трудно забыть орудия «Корсариуса», направленные в мою сторону во время просмотра той программы. Но разумеется, все случилось не так. План Сима сработал. «Корсариус» и «Кудасай» застали-таки врасплох атакующие корабли и нанесли им значительный урон прежде, чем «Корсариус» разлетелся в пыль во время дуэли с крейсером. Таким, по крайней мере, был официальный отчет.

Но очевидно, подобная версия тоже оказалась ложной. И почему Сим изменил тактику боя у Ригеля? Во время длинной цепочки побед, он всегда лично вел деллакондцев в бой, а здесь предпочел сопровождать «Кудасай».

«Кудасай» понес уцелевшего брата навстречу смерти, которая ждала его у Нимрода. Но Тариен все же дождался успеха своих дипломатических усилий: наконец-то Земля и Окраина взяли за руки и пообещали помощь, а Токсикон даже вступил в войну.

Это каким-то образом стыковалось с легендой о Семерке. Тогда почему их имена остались неизвестными истории? Почему единственный и самый верный источник — бортовой журнал «Корсариуса» тоже хранил молчание на этот счет и фактически умалчивал о самой великой битве? Как сказала Чейз? «Этого быть не могло!»

Да, не могло.

Где-то на границе реальности и интуиции, предшествующей сну, я вдруг понял. Понял с ясной и холодной уверенностью. И если бы мог, то выбросил бы это знание из головы и улетел домой.

Чейз проспала несколько часов. Когда она проснулась, снова было темно, и она спросила, что я собираюсь делать.

До меня уже стала доходить сложность ситуации с «Тенандромом». Кристофер Сим — больше чем часть истории. Мы впутались в дело, ставившее под сомнение краеугольные камни нашей политики.

— Не знаю, — ответил я. — Этот мир — кладбище с тайной виной.

Чейз посмотрела вниз, на закрытый облаками ободок планеты:

— Возможно, ты прав. Тела отсутствуют. Тела отсутствуют, имена отсутствуют, записи в журнале отсутствуют. А «Корсариус», который должен отсутствовать, вращается, как часовой механизм, с периодом обращения шесть часов одиннадцать минут.

— Они собирались вернуться, — сказал я, — поэтому законсервировали корабль.

— Но не вернулись, — возразила Чейз. — Почему?

«За всю историю эллинской цивилизации я не знаю более мрачного, более бессмысленного преступления, чем ненужная жертва Леонида с его героическим отрядом при Фермопилах. Лучше бы пала Спарта, чем бесполезно погубить таких людей».

— Да, где же тела? — спросил я.

Сквозь просвет в облаках, далеко внизу, сверкало море.

Капсула «Кентавра» предназначалась для перемещения от корабля к кораблю или с орбиты на поверхность планеты и не годилась, как я думал, для длительного полета в атмосфере. Она будет неустойчивой при сильном ветре, ее маневрен-

ность — ограничена, а скорость — сравнительно мала. Зато она может сесть на сушу или на воду. И, кроме нее, у нас ничего не было.

Я загрузил в капсулу припасы на несколько дней.

— Зачем? — спросила Чейз. — Что там внизу?

— Не знаю наверняка. Оставлю включенными видеокамеры.

— У меня есть идея получше: давай полетим вдвоем.

Я чуть не поддался искушению, но инстинкт подсказывал мне, что кто-то должен остаться на корабле.

— Они все давно мертвы, Алекс. Какой смысл?

— Талино. И другие. Мы кое-чем им обязаны.

Чейз пришла в отчаяние:

— А что мне делать, если ты попадешь в беду? Я не смогу вытащить тебя оттуда.

— Со мной все будет в порядке. А если нет, если что-то случится, лети за помощью.

Она фыркнула, прикинув, сколько потребуется времени на обратное путешествие:

— Будь осторожен.

Мы проверили системы.

— Не переходи на ручное управление, пока не спустишься, — посоветовала Чейз. — А лучше вообще не надо. Компьютеры сами справятся со сложными ситуациями. Ты едешь в качестве пассажира.

Я было потянулся к ней, но она холодно отстранилась, покачивая головой.

— Когда вернешься, — сказала она так тихо, что я едва слышал.

Я забрался в капсулу, опустил и запер фонарь кабины. Чейз дважды постучала по нему, подняла вверх большие пальцы, повернулась и вышла из шлюза. Я следил за сменой огоньков над выходным люком, сигнализирующих, что отсек герметизирован.

На моем дисплее появилось изображение Чейз.

— Готов?

Я храбро улыбнулся и кивнул.

Красные лампочки в шлюзе загорелись пурпурным светом, потом стали зелеными. Под капсулой разошлись створки люка, и я увидел клочья облаков и жемчужно-голубой океан.

— Тридцать секунд до запуска, Алекс.

— Хорошо.

Я перевел взгляд на панель управления.

— Когда спустишься, там уже будет вечер, — напомнила Чейз. — В твоём распоряжении примерно три часа до наступления темноты.

— Хорошо.

— Сегодня переночуй в капсуле. Ты не имеешь ни малейшего представления о месте, — наверное, тебе лучше оставаться в воздухе. Вообще не садись в темноте.

— Да, мамочка.

— И еще, Алекс...

— Да?

— Сделай, как обещал. Держи видеокамеры включенными.

— Ладно.

Капсула задрожала: включились магнитные двигатели. Потом я стал падать сквозь облака.

Над океаном шел дождь. Капсула спустилась в серую облачность, на высоте около тысячи метров перешла в горизонтальный полет и повернула на юго-запад в соответствии с заранее заданным курсом, идущим параллельно курсу «Корсариуса».

По океану было разбросано несколько тысяч островов, поэтому я никак не мог обыскать их все. Но «Корсариус» оставили на орбите.

Теперь я уверен, что существовал заговор, и у меня не осталось сомнений в том, кто стал его основной жертвой. Но зачем же покидать корабль? Чтобы помучить его? Или показать, что они вернутся за ним? Как бы то ни было, заговорщики, имея в своем распоряжении всю планету, оставили бы его в таком месте, куда можно было попасть без особых маневров.

В кабине пилота я чувствовал себя в тепле и безопасности. Дождь стучал по фонарю крупными медленными каплями.

— Чейз?

— Я здесь.

— Впереди острова.

— Вижу. Как у тебя дела?

— Немного трясет. Не знаю, как поведет себя эта штука, если поднимется ветер.

— Капсула, вообще-то, довольно устойчива, но маленькая, поскольку не предназначена для увеселительных прогулок, Алекс. — Голос Чейз все еще был взволнованным. — Возможно, тебе придется сократить район поиска.

Я планировал осмотреть все в полосе шириной восемьсот километров по обе стороны от линии, проведенной прямо под орбитой «Корсариуса».

— Надеюсь, он и так уже достаточно ограничен.

— Тебе придется попотеть.

— Знаю.

— Сэндвичи у тебя кончатся гораздо раньше, чем острова. Тебе повезло, что не нужно обследовать траекторию по континенту.

— Это не имело бы смысла, — ответил я. — Там слишком холодно.

Наверное, мое замечание показалось Чейз несколько загадочным, но она не стала спрашивать.

Первая группа островов лежала впереди по курсу. Они выглядели безжизненными, в основном песок да скалы, местами покрытые редким кустарником и немногими скрюченными деревьями.

Я полетел дальше.

К закату шторм остался позади. Небеса стали пурпурными, а море гладким, прозрачным и спокойным. Под водой на небольшой глубине скользнуло стадо каких-то крупных черных созданий; у горизонта на западе пылали освещенные солнцем кучевые облака.

Океан был усеян белыми рифами, поросшими папоротниками атоллами, скальными гребнями, пиками и островками. Там были и группы островов длиной в тысячи километров, и обломки скал, затерянные в океане.

Раздался голос Чейз:

— Если бы я знала, что ты ищешь, возможно, я смогла бы тебе помочь.

— Сима и его Семерку, — ответил я. — Мы ищем Сима и его Семерку.

Птиц я не видел, но в небе носились стаи пузырников гораздо более крупных, чем их сородичи на Окраине и Аквариуме. Эти живые газовые пузыри, разновидности которых можно

увидеть на многих планетах, резвились в воздушных потоках, взмывали вверх, синхронно пикировали, кружились в диком хаосе, напоминая воздушные шары, подхваченные порывом ветра.

Все пузырьники, о которых я слышал, относились к животным. Эти же показались мне другими, и позже моя догадка на их счет подтвердилась. Газовые мешки у них были зелеными, да и внешне они больше напоминали растения. Крупные экземпляры двигались медленнее, длинные жгутики тянулись от стебля и покрывали поверхность тела. Я не обнаружил у здешних пузырьников никакого намека на глаза, никаких выступающих частей, ассоциирующихся с животным организмом. У меня возникло подозрение, что экология планеты порождала псевдофауну, не имеющую четких разграничений между растением и животным.

Некоторые приблизились к моей капсуле, но не смогли лететь с той же скоростью, и, хотя меня разбирало любопытство, я решил не замедлять движение.

Я миновал группу необитаемых островов в тот момент, когда угасал последний луч солнца. Они вытянулись цепочкой с поразительно равными промежутками. «Следы ног Создателя» — так Уолли Кэндлз назвал подобную цепочку на Каха Луане. Я уже превратился в эксперта по творчеству Кэндлза.

Кэндлз и Сим: что было известно поэту?

С их молчаливой яростью столкнутся наши дети,
Но Воина уже не будет с ними.
Он бродит теперь по ту сторону звезд,
Там, на далеком Бельминкуре.

Да, подумал я, Бельминкур.

ДА.

Я вышел в Южное полушарие вечером следующего дня и полетел к остроугольному острову с роскошной растительностью, над которым возвышался одинокий вулкан. В тихих зеркальных озерах отражалось небо. И еще там были чудесная естественная бухта и водопад.

«Это же идеальная посадочная площадка», — сказал я себе, опускаясь на узкую полосу пляжа между джунглями и морем.

Выбравшись наружу, я приготовил на костре ужин и смотрел, как «Корсариус» перемещается над моей головой, — тусклая белая звезда в потемневшем небе. Я пытался представить, как бы чувствовал себя, если бы капсула (огни ее кабины весело сияли в нескольких метрах от меня) исчезла. Или исчезла бы Чейз.

Я сбросил ботинки и пошел под звездами к морю, прямо в полосу прибоя. Приливная волна высасывала песок из-под моих босых ног. Изолированность этого мира была почти физически ощутимой. Я включил коммуникатор:

— Чейз?

— Я здесь.

— Мне виден «Корсариус».

— Алекс, ты подумал, что будешь с ним делать?

— Ты имеешь в виду корабль? Не знаю точно, полагаю, нам следует забрать его домой.

— Как? У него же нет двигателей.

— Должен быть какой-то способ. Добрался же он сюда. Послушай, видела бы ты этот берег!

— Ты вышел из капсулы! — сказала Чейз обвиняющим тоном.

— Жаль, что тебя здесь нет.

— Алекс, за тобой нужно следить каждую минуту! У тебя есть там чем защищаться? Я не подумала положить тебе оружие.

— Все в порядке. Здесь нет крупных наземных животных, мне ничего не угрожает. Между прочим, если ты посмотришь на небо, немного севернее, то увидишь нечто интересное.

Я услышал в коммуникаторе движение. Казалось, скопление звезд вращается в небесах: блистающий диск, затмевающий ночь, чудо сверхъестественной красоты. Колесо Уолли Кэндлза.

Я вернулся к капсуле и вынул из ящика одеяла.

— Что ты делаешь, Алекс?

— Собираюсь спать на берегу.

— Алекс, не делай этого.

— Чейз, в кабине тесно, а здесь так чудесно!

Это была правда: шум прибоя завораживал, легкий ветерок имел привкус соли.

— Алекс, ты не знаешь этих мест. Ночью тебя могут съесть.

Я рассмеялся, как смеется человек, когда хочет показать, что о нем излишне беспокоятся. Потом встал перед одной из внешних камер капсулы и помахал рукой. Однако беспокойство Чейз оказалось довольно заразительным, и я, возможно, вернулся бы в кабину, если бы смог сделать это, не роняя собственного достоинства.

Бросив подозрительный взгляд на черную полосу джунглей в десятке метров от меня, я разостлал на песке одеяло поблизости от капсулы:

— Спокойной ночи, Чейз.

— Удачи, Алекс.

Утром я обошел остров вдоль и поперек, но ничего не обнаружил. Разочарованный, я снова отправился в полет над широким океанским простором без единого следа суши. Через несколько часов бесплодных поисков капсула неожиданно попала в шторм. Я поднялся повыше, пытаясь перелететь через него. Всю остальную часть дня мне попадались участки с плохой погодой. Я обследовал еще несколько островов — иногда при ярком свете солнца, иногда под холодным морозящим дождем. Повсюду было полно пузырников, прячущихся от шторма под деревьями или с подветренной стороны скал.

Мои приборы наиболее эффективно работали на небольших расстояниях, поэтому я держался в пятидесяти метрах от поверхности воды. Чейз заставляла меня подняться выше, доказывая, что капсула реагирует на внезапные перемены в воздушных течениях, а резкий порыв воздуха, направленный вниз, может сбросить ее в океан. Однако, несмотря на многочисленные грозы, я не заметил никаких признаков турбулентности.

Вечером третьего дня я осмотрел около двадцати островов. Все они выглядели необитаемыми. Я приближался к очередному острову, большому, очень напоминающему тот, с вулканом, когда вдруг заметил нечто необычное. Я не мог с уверенностью сказать, что это, но каким-то образом оно было связано с облачком пузырников, которые бесцельно кружились над самой поверхностью океана примерно в полукилометре от острова.

Я переключился на ручное управление и снизил скорость.

- Что случилось?
- Ничегошеньки, Чейз.
- Ты теряешь высоту.
- Знаю. Я смотрел на пузырьников.

Некоторые из них среагировали так, будто почувствовали мое появление, однако затем решили, что я не представляю для них опасности.

Ветра нет, океан спокоен, а я не мог отделаться от ощущения, что в картинке что-то не так: вода, небо, псевдофауна...

Волна!

Бело-зеленая, она приближалась с противоположной стороны, катясь по молчаливому океану, и гребень ее на бегу ломался и снова вырастал.

На восточном изгибе длинного узкого острова высились скалы, постепенно переходящие в ярко-зеленый лес и белый пляж. Тихие озера лежали в лесных прогалинах под навесом ветвей.

— Местечко как раз для меня, — с легким раздражением сказала Чейз.

Я спланировал сквозь густой вечерний воздух и посадил капсулу почти у самой воды. Приближающееся к горизонту солнце стало почти фиолетовым. Я откинул фонарь, выбрался наружу и прыгнул на землю. Громко шумел прибой.

Я смотрел на океан, по которому никогда не проплывал ни один корабль. Прекрасный теплый день конца лета, соленый свежий воздух. Если на этой планете имелось подходящее место для осуществления заговора, то оно должно быть именно здесь.

Но я знал, что это не так. Сканеры не обнаружили никаких признаков обитаемости. Ни одно живое существо никогда не стояло на этом берегу.

В океане, за рифами, небольшие пузырьники играли в воздушных потоках.

Волна приближалась. Она почему-то не синхронизировалась с поверхностью: слишком симметричная, слишком целеустремленная, возможно, слишком быстрая. И скорость ее все увеличивалась.

Любопытно.

Я подошел к полосе приборя. Пара огромных раковин — одна почти такой же величины, как капсула, — тихо колыхалась на мелководе. Маленькое создание со множеством ног, почувствовав мое присутствие, быстро зарылось в песок. Однако оставило на виду свой хвост. В воде мелькнул и исчез быстрый проблеск света.

Некоторые пузырьники повернули к волне, и она разгладилась. Пузырники неуверенно закружились, потом поднялись, не вынимая жгутиков из воды. Нескольких, помельче и более яркой окраски, вероятно более молодых, вытолкнули вверх, они совсем оторвались от воды и поднялись в вечернее небо.

Я заворуженно следил за ними.

Ничего не произошло.

Один за другим пузырьники возвращались на поверхность, пока почти вся стая не очутилась в воде. Я предположил, что они питаются местной разновидностью планктона.

Океан оставался гладким.

Но я чувствовал их беспокойство.

Я уже собирался к капсуле, когда волна появилась снова. Гораздо ближе.

Я пожалел, что не захватил с собой бинокль, но он хранился в ящике за сиденьями, и мне не хотелось тратить время на возвращение к капсуле, находившейся в двухстах метрах от меня.

Волна направлялась прямо к пузырьникам, приближаясь по курсу, почти параллельному береговой линии. Она опять, казалось, набирала скорость, становилась все больше. На ее гребне образовалась тонкая полоска пены.

Интересно, какие органы чувств есть у пузырьников? Все, имеющие зрение, уже удрали бы, а они только нервно подпрыгивали на своих тонких жгутиках, напоминающих буксирные тросики, словно были привязаны к океану.

Волна бросилась на них.

Раздался писк, пронзительный вопль, прозвучавший, казалось, на пределе слышимости. Пузырники одновременно взмыли в воздух, как испуганные птицы. Очевидно, они выбрасывали воздух из центрального газового пузыря, пытаясь набрать высоту, но более крупные двигались медленно.

Вся колония успеет уже подняться над поверхностью, когда подойдет волна, почему же в их криках звучит такая паника?

Волна изогнулась острым углом и прошла, не причинив им вреда.

Однако нескольких пузырьков рывком притянуло к поверхности, и волна повлекла их за собой. Двое запутались в жгутках друг друга. А волна снова изменила направление и двинулась к берегу — к тому месту, где стоял я.

— Алекс, что там у тебя происходит, черт побери? — раздался голос Чейз.

— Время кормежки, — ответил я. — Там что-то в воде.

— Что? Не могу рассмотреть. Что это такое?

Надвигающаяся стена воды поднялась выше, стала длинной, почти как весь пляж, пройти который можно было бы минут за пятнадцать.

Я бросился к капсуле, которая оказалась невообразимо далеко от меня. Песок был глубокий, я с трудом бежал, увязая в нем, сосредоточив взгляд на капсуле и прислушиваясь к глухому реву прибоя. Потеряв равновесие, я чуть не упал, но снова пустился бежать, с трудом переставляя одеревеневшие ноги.

Чейз молчала, следя за мной с помощью видеокамер, и это заставило меня подумать о том, что мой рывок через пляж демонстрирует такой ужас, за который мне потом будет стыдно. Все происходило как в замедленной съемке. А наступит ли «потом»?

Я рванулся вперед еще быстрее, мысленно представляя, что мне надо делать, чтобы взлететь. Открыть фонарь кабины. Господи, разве эта проклятая штука заперта? Да! Вон он, серый, блестящий, сияющий, и он закрыт! Включить магнитные двигатели. Задействовать внутренние системы. Снова закрыть фонарь.

Я мог бы включить двигатели на бегу, подав команду в коммуникатор, но для этого мне пришлось бы замедлить бег и успокоить дыхание, а мое тело устремлялось вперед помимо моей воли. Мне все равно не остановить его.

Волна уже входила в зону бурунов — чудовищная, гораздо выше остальных волн, через которые перекачивалась. Проклятая приливная волна. Однако ей почему-то не хватало текучести, будто в ней скрывалось что-то огромное, а сама она была живой. Вода в ней казалась более зеленой, чем океанская, и в солнечном свете виднелись темные нитевидные волокна. Сеть! Паутина!

Резкие крики запутавшихся пузырьников становились все пронзительнее, хотя раздавались все реже. Наверное, их затащило в кипящую воду.

Прилив оставил возле капсулы небольшие лужицы. Густая коричневая вода влилась в них, и они начали выходить из берегов. Длинная медленная мутная волна ворвалась на берег и покатила вверх по пляжу. Она добралась до меня, липла к моим ботинкам, тащила назад, пыталась засосать в песок. Я вырвался и помчался дальше, не замечая вокруг ничего. Мимо со свистом пронеслась тонкая нитевидная полоска. Пляж начал тяжело поворачиваться под ногами. Я уже не мог вдохнуть и упал навзничь. Несколько капель воды попало мне на правую руку, и от резкой боли у меня выступили слезы. Я вытер руку о сухой песок и снова побежал. Вокруг шасси и лестницы водоворотами кружилась вода. Я с трудом пробирался вперед: прежде чем переставить ногу, приходилось вытаскивать ботинок.

На мелководе волна разбилась и обрушилась на пляж.

Лишь один из попавшихся пузырьников еще оставался в воздухе, описывая короткие круги и непрерывно крича, чем усиливал мою панику.

Волна уже закрыла от меня солнце.

В это мгновение раздался крик Чейз:

— Давай, Алекс. Беги!

Отчаянно рванувшись, я преодолел последние несколько метров. Глубина под ногами увеличилась, одежда внизу намочла и начала сгорать, сползая липкими кусками. Еще одна полоска, волокнистая, зеленая, *живая*, обвилась вокруг моей ноги и сильно потянула. Я ухватился за лестницу, стряхнул ботинок, вскарабкался на самый верх, ударил по замку, подождал, пока не откроется фонарь, перекинулся через борт, включил магнитные двигатели и ткнул пальцем в панель компьютера, чтобы задействовать остальные системы. Потом потянул на себя штурвал, и капсула дернулась вверх. Волна ударила в стойку шасси, капсула резко накренилась, и я чуть не полетел вниз. Какое-то ужасное мгновение мне казалось, что капсула сейчас перевернется, мимо просвистело еще несколько нитей. Кончик одной задел ботинок, другая обвилась вокруг шасси.

Я взобрался наконец в кабину, закрыл фонарь. В тот же момент капсула снова накренилась и упала на несколько метров.

У меня возникла дикая мысль выбраться наружу, и я оглянулся в поисках ножа. Мне повезло, ножа не было. Это заставило меня остановиться и подумать.

Я быстро отжал штурвал, дал полную тягу, потом потянул штурвал на себя. Мы прыгнули вперед и вверх, машина затряслась, резко остановилась, так что кости мои хрустнули, и вырвалась на свободу.

Снимая с себя и выбрасывая за борт то, что осталось от одежды, я еще не знал, что лишился шасси.

Подо мною густая липкая вода перекатывалась по острову, заставляя содрогаться от страха при мысли об участии Кристофера Сима и его людей.

Тропические острова уже не казались мне вероятными объектами поиска. По-моему, заговорщики наверняка знали об опасности и искали что-нибудь другое.

Утром следующего дня я мрачно летел в сером дождливом небе. Океан громко шумел, и из тумана вынырнул гранитный пик — острая игла, отполированная ветрами и водой.

Их оказалось много: тысячи башен поднимались из темной воды с севера на юг параллельно орбите «Корсарису». Чейз настаивала, чтобы я поднялся повыше и перелетел через них.

— Нет, это то самое место.

Порывы ветра бросали меня из стороны в сторону среди пиков. Хотя я вел капсулу очень осторожно, но быстро запутался и уже не понимал, где и куда я хочу попасть. Чейз отказалась помогать мне с «Кентавра». В конце концов я вынужден был подняться на несколько тысяч метров и ожидать окончания шторма.

Тем временем стемнело.

Когда я проснулся, красноватое солнце стояло уже довольно высоко, воздух был холодным и чистым.

Чейз пожелала мне доброго утра.

Мое тело одеревенело, мне хотелось принять душ, но ограничился только кофе, после чего опять спустился и поплыл между башнями.

— Где-то здесь, — сказал я Чейз.

В течение дня мне пришлось повторять эту фразу неоднократно.

Шпили сверкали синими, белыми, серыми красками, кое-где на гладкой стене росло дерево или кустик. В вышине кричали птицы, облетая дозором кипящее море. Пузырников видно не было, — наверное, они боялись резких воздушных течений и острых скал. Может, они умнее меня.

— Прямо по курсу, — встрепенулась вдруг Чейз.

Я направил бинокль вниз и посмотрел на то, что она видела на своих экранах. Чейз выключила все экраны, кроме одного, на котором виднелся пик средних размеров, ничем не выделявшийся среди остальных. Признаюсь, я ожидал найти скалу со срезанной вершиной, где можно было бы соорудить какое-нибудь жилье.

Ничего подобного, лишь нечто, напоминавшее широкий карниз, нависающий над пропастью.

Я уже видел его!

Карниз Сима.

Он казался слишком ровным, слишком симметричным, чтобы быть природным образованием.

— Вижу!

Я увеличил изображение. В самой широкой части выступа стоял круглый объект. Купол!

Ни с какой стороны к Карнизу подхода не видно, но это не имело значения.

Как странно! Человек, покоривший световые годы, вынужден был доживать свой век на площадке в несколько сотен квадратных метров.

Кроме Карниза и купола, других признаков человеческой деятельности не было. Сцена имела почти домашний вид. Я представил себе, как она должна выглядеть ночью, с огоньками в окнах купола, когда его знаменитые жильцы, возможно, усаживались за стол и обсуждали свою роль в войне, ожидая спасения.

— Не понимаю. — Голос Чейз дрожал.

— Чейз, под конец Сима покинуло мужество. Он решил спасти что еще можно и договориться с врагом.

На другом конце линии наступило молчание. Потом Чейз сказала:

— Они не могли этого допустить!

— Сим был центральной фигурой в войне. В некотором смысле он и был Конфедерацией. Они не могли допустить ка-

питуляции, пока оставалась хоть какая-то надежда, поэтому остановили его. Единственным способом, чтобы не прибегать к убийству.

— Тариен, — произнесла Чейз.

— Да. Он должен был в этом участвовать. И часть старших офицеров его штаба. Может, даже Таннер.

— Не верю!

— Почему?

— Не знаю. Просто не верю — и все. Они не могли так поступить!

— Как бы то ни было, они сообщили о гибели «Корсариуса», привезли его сюда, высадили Сима и экипаж. Наверное, они собирались вернуться. Однако большинство заговорщиков вскоре погибло. Возможно, они все находились на борту «Кудасая». Если кто-то и уцелел, то у них не хватило духу встретиться со своими жертвами. Исключением была, наверное, Таннер. Во всяком случае, она знала о происшедшем и знала о Колесе. Или она видела его сама, или кто-то другой видел и описал.

Я проплыл над Карнизом.

— Интересно, — сказала Чейз, — знала ли Маурина?

— Нам известно, что Таннер прилетала к ней. Хорошо бы получить запись их беседы.

— Тут что-то не так, Алекс. Посмотри на размеры купола. В нем не могли жить восемь человек.

Не могли. И внезапно меня, словно холодной сталью ножа, пронзила уверенность: я страшно ошибался!

Вот почему никто не знал имен Семерки. Господи! Они оставили его здесь одного!

Опоздав на два столетия, я плавно опускался сквозь соленный воздух.

Дул чистый холодный ветер, ни одна травинка не росла там, ни одно существо не построило себе дом на этой суровой скале. Внизу кипели буруны, виднелись обломки скал, у края мыса из воды торчали, подобно сломанным зубам, несколько камней, над башней возвышался пик с плоским боком. Океан лежал далеко внизу. Как на Илианде.

Я посадил капсулу прямо перед куполом.

Из-за погнутой стойки и пропавшего в битве с псевдофауной поплавок капсула значительно накренилась со стороны

кресла пилота. Направив одну камеру на купол, я выбрался наружу. Вторая камера следила за мной.

— Напоминает спасательный блок на двоих, который имеется на борту «Кентавра», — сказала Чейз. — Если он достаточно укомплектован, Сим мог бы жить в нем долгое время. Если хотел...

На крыше виднелась самодельная антенна, занавески на окнах были задернуты. Море с глухим шумом неустанно билось у подножия горы. Кажется, даже на этой высоте я ощущал водяные брызги.

— Алекс! — Тон Чейз изменился. — Тебе лучше вернуться наверх. У нас гости.

Я машинально взглянул вверх, как будто мог что-то разглядеть:

— Кто?

— Похоже на боевой корабль «немых». Но будь я проклята, если понимаю, что происходит.

— Почему?

— Он на встречном курсе, но летит с околосветовой скоростью. Они не смогут остановиться!

XXIV

Для меня секс — дело второстепенное. В любом случае я предпочитаю ему удовольствие поймать противника в перекрестье прицела.

Алоиз Токсиконский. Из выступления на открытии
Центра стратегических исследований

— Мне нужно еще несколько минут. Сколько у нас времени?

— Примерно полчаса, но все равно ты не успеешь вернуться. Да и какая разница. Единственное, что мы можем сделать, — это помахать ручкой, когда он будет пролетать мимо. Чтобы повернуть и возвратиться к нам, ему понадобится несколько дней.

— Хорошо. — В тот момент меня больше интересовал Карниз. — Наблюдай за ним.

Запасных ботинок у меня не было, а солнце сильно нагрело скалу, поэтому я натянул пару носков и вышел к куполу.

Под действием сил природы он потерял первоначальный цвет, местами выцвел, местами покрылся пятнами. Камнепады оставили на нем вмятины, а подвижки почвы скосили на одну сторону.

Могила Кристофера Сима.

Не очень-то элегантный конец на этом гранитном обломке, под белой звездой корабля, благополучно пронесшего его через столько опасностей.

Дверь была сконструирована таким образом, что при необходимости могла служить воздушным шлюзом. Она оказалась закрытой, но не герметично, поэтому мне удалось поднять ще-

колду и отворить ее. Солнечный свет струился внутрь сквозь четыре окна и фонарь в потолке, освещая жилые помещения, удивительно комфортабельные по контрасту с внешним видом купола. Два мягких кресла с корабля, прикрепленные к полу, несколько столов, компьютер, торшер. В крышку одного столика вделана шахматная доска. Однако фигур нигде не видно.

Интересно, прилетел ли сюда Тариен, проделав долгий путь от Эбоная? Произошло ли между братьями последнее объяснение — возможно, в этой самой комнате? Умолял ли Тариен брата продолжить борьбу?

Они не могли позволить Симу остаться в стороне от битвы. Перед боем у Ригеля Тариен, наверное, почувствовал, что у него нет другого выхода, кроме как схватить брата и под каким-нибудь надуманным предлогом распустить экипаж. Или же разъяренный Кристофер Сим сам сделал это перед встречей с Тариеном. Потом заговорщики выдумали легенду о Семерке, имитировали гибель «Корсариуса», а после окончания боя привезли Кристофера сюда вместе с его кораблем.

Сколько же лет это крохотное пространство служило ему домом?

«Он бы понял, — думал я. — А если бы каким-то образом смог узнать, что и Окраина, и Токсикон, и даже Земля все-таки выступили, он бы, возможно, утешился».

Ячейки памяти компьютера оказались пустыми. Я ожидал найти последнее послание, возможно к жене или к народу, который он защищал. Почувствовав, что стены начали надвигаться на меня, я выбежал наружу, на Карниз, определявший когда-то границы существования Кристофера Сима.

Мне стало холодно. Я обошел его по периметру и вернулся обратно вдоль края пропасти, пытаясь вообразить себя покинутым в одиночестве на этой планете, в тысяче световых лет от живого существа, с которым мог бы перекинуться хоть словом. Наверное, океан показался бы мне привлекательным выходом из положения.

Над моей головой пролетел «Корсариус». Кристофер мог видеть, как корабль перемещается среди звезд и через каждые несколько часов проносится по небосводу, подобно заблудившейся луне.

И тут я заметил надпись, одну-единственную строчку. Слова были глубоко высечены в песчанике, угловатые буквы, ярость которых казалась очевидной, хотя язык был мне непонятен:

ὦ ποποῦ! ὦ Δημοτθένης!

— Чейз?

— Я смотрю.

— Можем найти перевод?

— Пытаюсь. Не вполне понимаю, как ввести изображение в компьютер. Подожди минуту.

Греческий. Сим до конца остался приверженцем классицизма.

Сердце мое стучало, как молот; я думал, какими были его последние дни или... Или годы? Как долго смог Сим выдержать одиночество на Карнизе, под огоньком раз за разом проносившего над ним корабля, единственного звена, связывающего его с домом?

Когда «Тенандром» принес потрясающее известие на Аква-риум и Окраину, решение сохранить все в тайне возникло, наверное, чисто рефлекторно. Я представил поспешные совещания высокопоставленных чиновников, уже озабоченных проблемой распада Конфедерации. Почему бы и нет? Что хорошего могло дать подобное разоблачение? И экипаж «Тенандрома», потрясенный увиденным, с готовностью согласился.

— Алекс, компьютер считает, что это классический древнегреческий.

— Хорошо. Что еще?

— Он говорит, что в его памяти только несколько языков, и все они современные.

— Последнее слово похоже на «Демосфен», — сказал я.

— Оратор?

— Не знаю, может быть. Но зачем ему понадобилось тратить столько усилий на то, чтобы вырезать на стене имя мертвого грека? При подобных обстоятельствах...

— Бессмысленная затея, — заметила Чейз. — У него в куполе стоял компьютер. Почему он не использовал его? Он мог написать все, что хотел, зачем же прилагать столько усилий и резать скалу?

— Средство сообщения — уже сообщение, как сказал когда-то один человек. Возможно, электронная поверхность не могла соответствующим образом передать его чувства.

— Я связалась с компьютером «Корсариуса». В нем имеется только два упоминания о Демосфене. Один — древний грек, другой — современный борец.

— Что о нем сказано? О греке, конечно.

— «Триста восемьдесят четвертый — триста двадцать второй годы до нашей эры. По старому стилю. Величайший из эллинских ораторов. По преданию, родился с дефектом речи, который преодолел, набивая рот галькой и перекрикивая шум моря. Его речи убедили жителей Афин начать войну с Македонией. Наиболее известны три хвалебные речи и три речи на Олимпийских играх. Все датируются около трехсот пятидесятого года до нашей эры плюс-минус несколько лет. Вопреки усилиям Демосфена, македонцы победили, и его отправили в ссылку. Позднее он покончил с собой».

— Тут есть связь, — сказал я.

— Да. Тариен тоже был оратором. Может, это о нем.

— Не удивлюсь.

Вдруг я заметил еще одну надпись на скале, но другими буквами: «Хью Скотт, 3131». Они были вырезаны лазером.

— Всеобщее время, — заметила Чейз. — По времени Окраины это тысяча четыреста десятый или одиннадцатый год. — Она вздохнула. — В конце концов Сим, возможно, простил брата. Может, даже понял, что тот был прав.

— Учитывая обстоятельства, ему пришлось бы простить очень многое.

Ноги у меня болели. Носки не слишком хорошая защита, поэтому мне приходилось двигаться, чтобы не обжечься.

— А где наш гость?

— В пути. Двигается с ускорением. Несется на всех парах.

— Алекс?

— Да?

— Ты думаешь, она его нашла? Со временем, я хочу сказать.

— Лейша?

Я и сам думал об этом с тех пор, как приземлился. Таннер охотилась много лет. «Затерянный пилот» Кэндлза. И Сим, который:

...бродит теперь по ту сторону звезд,
Там, на далеком Бельминкуре.

— У нее не было источников Института Мачесны. Боже мой, она, наверное, все время проводила здесь, делала снимки, пропускала их через компьютер, пытаясь воссоздать нужное созвездие.

— А что думаешь ты?

— Не знаю, но, видимо, этот же вопрос не дает покоя Хью Скотту.

Я удержался от искушения вырезать свое имя рядом с именем Скотта и побрел к капсуле. Когда я уже забирался в кабину, раздался тревожный голос Чейз:

— Алекс, терпеть не могу приносить дурные вести, но появился еще один! И очень крупный!

— Еще один кто?

— Корабль «немых». Линейный крейсер, по-моему. Мне следовало заметить его раньше, а я следила за первым и не очень обращала внимание на другие экраны.

— Где?

— Примерно в десяти часах хода. Тоже на курсе сближения. Идет быстро, хотя резко тормозит. Наверное, экипажу достается. Тем не менее он сможет достаточно замедлить ход и перейти на орбиту. Думаю, тебе лучше вернуться.

— Нет, — ответил я, покрываясь потом. — Чейз, уходи из «Кентавра».

— Ты с ума сошел.

— Пожалуйста, на споры нет времени. Эсминец далеко?

— Около пяти минут ходу.

— У тебя ровно столько времени, чтобы перебраться на «Корсариус». Если ты не сделаешь этого за пять минут, тебе уже никогда этого не сделать.

— Но капсула у тебя!

— Поэтому нечего стоять на месте и болтать. Шевелись. Уходи туда любым способом, но только уходи!

Я немного успокоился, лишь когда услышал голос Чейз:

— Все в порядке. Ты был прав, эти уроды сейчас разнесли «Кентавр» к черту.

Я попытался поймать изображение эсминца на экране капсулы, но он уже оказался вне пределов видимости. Чейз получила его изображение на мониторе «Корсариуса», хотя еще не смогла передать его мне на поверхность. В любом случае это уже не имело значения.

— Вылетаю, — сказал я. — Увидимся через пару часов. Не хочешь пока научиться пользоваться капитанским мостиком Сима? Можешь отправить сообщение на Сараглию.

— Уже отправила, хотя очень удивлюсь, если они его получат. Здесь нет аппаратуры для передач на дальние расстояния. Алекс, кажется, мы тут застряли.

— Прорвемся, у них должен быть звездный двигатель.

Взлетев с Карниза, я направился по пеленгу, который посылала Чейз.

В прохладной кабине, в наступающем вечере печальной планеты я думал о Симе и Скотте. Почему-то печальная судьба Скотта не давала мне покоя.

Может, потому, что Кристофер Сим был слишком далеко?

Или потому, что одержимость Скотта становится и моей одержимостью?

Через несколько часов я причалил к «Корсариусу». К тому времени Чейз сумела включить магнитные двигатели. По крайней мере теперь мы имели возможность передвигаться. Конструкция капсулы не позволяла поставить ее в док боевого корабля, поэтому я просто прицепил ее к корпусу возле люка до тех пор, пока у нас не будет более полного представления о ситуации.

— Ладно, — сказал я, как только снял шлем, — давай выбраться отсюда.

Пока мы шли к мостику, Чейз сказала с несчастным видом:

— Мы не сможем оторваться от них, Алекс.

— Но это же «Корсариус».

— Ему две сотни лет, да дело и не в этом. У нас нет звездных двигателей. Компьютеры ведут себя так, словно они есть, но...

— Нам придется действовать так, будто они на месте. Иначе все остальное уже не будет иметь никакого значения.

— Хорошо. Но если даже двигатели Армстронга где-то спрятаны, нам нужно время, чтобы набрать достаточный заряд для прыжка...

— Сколько нужно времени?

— В том-то и дело. Показания на этот счет должны быть точными, а компьютер говорит — от двадцати пяти до тридцати двух часов.

— Вряд ли нам сейчас стоит беспокоиться о мелочах.

— Наверное. Я все равно уже начала набор мощности. Как только поднялась на борт.

— Когда здесь будут «немые»?

— Примерно через шесть часов.

— Тогда давай двигаться.

— Они догонят нас задолго до начала прыжка. Даже по самым оптимистичным оценкам.

Чейз включила все внутренние системы корабля. Люки открывались при нашем приближении и закрывались за нами.

— Я подумала, что лучше держать отсеки изолированными друг от друга, пока мы не убедимся в надежности работы внутренних систем.

— Правильно, — согласился я. — А почему мы не сможем оторваться от них? По-моему, эта штука должна бегать быстро.

— Возможно. Но они уже идут с большой скоростью, а мы разгоняемся с нуля.

Я мысленно представил себе ситуацию. Похоже, Сим столкнулся с той же проблемой у Хринвара. Вражеские корабли приближаются, нет никаких шансов набрать нужную скорость и уйти от них. Что делать?

— Когда мы сможем выйти на встречный курс?

— Ты хочешь выйти им навстречу?

— Можно сказать и так.

— Зачем облегчать им задачу? — нахмурилась Чейз.

— А если мы проскочим мимо них? Сколько времени у них будет, чтобы развернуться?

— Дьявол! — Ее лицо прояснилось. — Они нас не поймают. Они, возможно, проделают в нашем корпусе большую дыру, когда мы будем пролетать мимо...

— Не думаю, — возразил я. — Они приложили столько усилий ради этого корабля. Смысл нападения на «Кентавр» заключался в том, чтобы не дать нам подняться на борт «Корсариуса». Вряд ли они рискнут уничтожить его.

— Может, и рискнут, если им покажется, что мы собираемся на нем удрать.

— У тебя есть лучшее предложение?

— Нет. — Чейз уселась в кресло пилота. — Ты будешь доволен работой магнитных двигателей. Во всяком случае, мы можем свободно перемещаться в линейном пространстве. Если понадобится, мы сможем долететь на них домой. Всего и лететь-то около пятидесяти столетий.

— Давай посмотрим на корабли «немых», — предложил я.

Над иллюминаторами находился огромный панорамный дисплей. Он потемнел, приняв цвет ночного неба, и на нем появился корабль чужаков. Я сначала даже засомневался, что это корабль, — по крайней мере, корабль, способный нести экипаж. Он выглядел как скопление двадцати гиперболоидов различных размеров и очертаний, медленно вращающихся друг вокруг друга и явно не связанных между собой. В нем лишь смутно угадывалось стилизованное сходство с кораблями инопланетян эпохи Сопротивления. Для сравнения в нижнем правом углу экрана появился силуэт «Корсариуса», не превосходящий по размерам даже самого маленького из компонентов чужака.

— Это точно корабль «немых»?

Чейз покачала головой:

— Не знаю, черт побери. Единственное, в чем я уверена, — что корабль не наш. Эсминец-то точно принадлежал «немым».

Оттолкнувшись от пульта пилота, Чейз повернулась ко мне:

— Ты в самом деле хочешь проскочить мимо этой штуки?

— Да, у нас нет выбора.

— Ладно, — сказала Чейз, вводя команды в компьютер. — Через пятьдесят минут начнем уход с орбиты. На каком расстоянии ты хочешь пройти?

Я подумал:

— Хотелось бы остаться вне дальности выстрела. Имеешь представление, какой она может быть?

— Ни малейшего.

— Ладно, давай попробуем минимум в десять тысяч километров. На таком расстоянии им будет, по крайней мере, трудно попасть. И им придется долго разворачиваться.

— Хорошо. Программа введена. Между прочим, эта штука и в самом деле набирает рабочий запас мощности. Нам хватит

для запуска большого межзвездного двигателя. И запас растет. Думаю, если дойдет до драки, мы тоже сможем хорошенько стукнуть.

— А он не взорвется?

— Как и ты, могу только гадать.

Через несколько минут двигатели «Корсариуса» включились, и Чейз взглянула на меня с места штурмана:

— Исторический момент, Алекс. Хочешь сам нажать кнопку?

— Нет. Действуй.

Улыбнувшись, она нажала на клавиши, и корабль тронулся с места.

— Когда мы уйдем с орбиты, — сказал я, — выкладывай все, что у нас есть. Полную тягу.

— Алекс, «Корсариус» может набирать скорость гораздо быстрее, чем мы думали, но все равно намного уступает возможностям того корабля.

Чужой корабль увеличивался в размерах, начал пульсировать мягким сине-зеленым светом, напоминающим рождественские свечи.

— Рабочий уровень мощности продолжает расти, — объявила Чейз. — Никогда не видела ничего подобного. Этот сукин сын, возможно, еще достаточно силен, чтобы покаутировать того монстра.

— Я бы лучше удрал от него.

В течение часа мы покинули орбиту и повернулись носом к противнику. Чейз сообщила, что другой корабль начал менять курс.

— Чтобы подойти поближе, — сказала она.

— Уходи от него. Попытайся сохранять дистанцию хотя бы в десять тысяч километров.

— Сделаю все возможное. — Она помрачнела. — Если бы, черт побери, хоть один из нас знал, что мы делаем.

Чейз оказалась права: нагрузка при постоянном ускорении измотала нас. Через час моя помощница выглядела обессиленной, а я испытывал сильное сердцебиение. Тогда мы увеличили содержание кислорода в воздухе, и это на некоторое время помогло.

Между тем расстояние между кораблями сократилось.

— Подходим быстро, — заметила Чейз.

— Они не станут стрелять. Единственная причина их появления здесь — захват «Корсариуса».

Чейз явно чувствовала мое сомнение, поэтому мы ждали, а компьютеры отсчитывали время.

Компоненты чужого корабля, казалось, двигались внутри самих себя, создавая карусель огней и топологических форм. Призрачная, нереальная картина.

— Точка наибольшего сближения, — произнесла Чейз. — Отметь.

— Они целятся в нас из лазера, — объявил компьютер бархатным женским голосом.

— Держись, Чейз.

— Черт возьми, Алекс, кое о чем мы забыли...

Ее прервал взрыв. Корабль сильно тряхнуло, заскрежетал рвущийся металл, что-то грохнуло, завывли сирены, замигали аварийные огни. У Чейз вырвалось проклятие.

— Магнитные двигатели. Они уничтожили их первым же выстрелом.

Она мрачно посмотрела на меня, потом на изображение вражеского корабля, достигшего на экране максимальных размеров и начавшего уменьшаться. Красные огни на панелях сменялись пурпурными.

— Корабль восстанавливает герметичность, но у нас проблемы.

Чейз выключила сигналы тревоги.

— Что произошло? — спросил я. — Возникшая при ускорении нагрузка уменьшилась. И значительно.

— Это не моя вина, — объяснила Чейз. — Они проделали дыру в нашей двигательной системе. Если ты не специалист по ремонту магнитных двигателей, то нам предстоит медленная прогулка.

— Ну, будем продолжать движение с теперешней скоростью?

— Мы можем двигаться быстрее, хотя это не так уж хорошо, учитывая, что противник наращивает скорость. Они уйдут вперед, облетят вокруг планеты и поймают нас. Без особенных усилий. А ведь, черт побери, всего этого можно было избежать!

— Как?

— Проблема в том, что никто из нас не смыслит в ведении боя. У нас есть защитный экран, но мы его не включили!

— Проклятье!

— Теперь ты понимаешь, зачем Гейб вез с собой Джона Кайбера. Он специалист по старым корабельным системам. Уж он-то не проглядел бы столь очевидную вещь!

Глаза Чейз наполнились слезами. Я впервые увидел ее настолько подавленной.

— А звездные двигатели? Они не повреждены?

Чейз глубоко вздохнула и нажала несколько переключателей:

— Зажигание включится через двадцать три часа. Знаешь, что у нас было включено? Стандартные противометеоритные экраны! Наше счастье, что они не ударили ядерным зарядом. Дураки!

— Нет смысла расстраиваться. Сколько у нас времени до того, как нас поймают?

Чейз постучала по клавиатуре компьютера:

— Около четырнадцати часов. — Она устало расслабилась в кресле. — Думаю, пора выбрасывать белый флаг.

Она оказалась права. Гигантский корабль обогнул планету, служившую тюрьмой Симу, и ринулся за нами.

Мы пошли в хвостовой отсек посмотреть на магнитные двигатели. Три из них расплавились.

— Удивительно, что мы вообще летим с ускорением, — сказала Чейз. — Хотя оно все равно слишком мало и ничего не изменит.

Остаток времени мы потратили со всей возможной пользой. И главное, получили от компьютера описание системы защитных экранов корабля. Я бы охотно испытал их, но потом предпочел не показывать их «немых» раньше времени. Вероятно, они решили, что система вышла из строя, иначе чем еще можно объяснить ее бездействие в ситуации, которая явно требовала защитить корабль? Убедившись, с некоторым, правда, опозданием, в способности противостоять врагу, мы начали проверять вооружение.

Следя за приближением «немых», мы изучали схемы, беседовали с компьютерами, вникали в детали систем вооружения,

которые управлялись с четырех различных пультов. И я стал понимать, зачем фрегатам требовался экипаж из восьми человек.

— Мы сможем запустить лишь одно-два орудия, — пожаловалась Чейз. — Если бы у нас было больше людей, людей знающих, то даже сейчас мы могли бы прилично провести бой.

— Компьютер, — спросил я, — могут ли «немые» обнаружить, что мы накапливаем мощност?

— Неизвестно.

— Можем ли мы узнать уровень энергии на борту их корабля?

— Ответ отрицательный. Мы можем обнаружить только внешнее излучение, и я могу сделать выводы на основании характеристик массы и маневренности. Но эти оценки дадут лишь абсолютные минимальные значения.

— Значит, они тоже не способны вычислить наши показатели?

— Неизвестно. У нас недостает данных об их технике.

— Алекс, чего ты добиваешься?

— Еще сам не знаю. Хотя предпочитаю, чтобы они считали нас беспомощными.

— Какая разница? — спросила Чейз. — Их защитные экраны включены. Они полагают, что мы опасны.

— Компьютер, каковы возможности противника?

— «Корсарису» нанесен удар мощным лазером с системой автофокусировки. Энергия, затраченная на получение наблюдаемого нами эффекта, свидетельствует о наличии мощности, превосходящей нашу по крайней мере в шесть с половиной раз. Анализ радиоэлектронных средств и физической структуры позволяет предположить создание квазимагнитного энергетического поля в целях обороны и, возможно, нападения. Вероятно, это какая-то разновидность наших защитных экранов. Разумно предположить, что мы встретим значительные трудности при попытке пробить их защитные экраны. Двигательная система, по-видимому, является стандартной. Обнаружены радиально расположенные симметричные двигатели Армстронга, а также магнитный след, характерный для системы линейного привода...

И так далее.

В течение нескольких часов мы продолжали увеличивать расстояние между нашим кораблем и противником. Однако они шли с гораздо большим ускорением, и в конце концов Чейз тихо сообщила мне, что их скорость превысила нашу и поэтому мы начинаем сближаться.

Сине-зеленые огни на экранах становились все ярче. Подойдя ближе, противник начал замедлять движение, возможно, чтобы согласовать наши курсы и скорость.

Чейз и меня испугала точность, с которой дальнобойный лазер уничтожил двигатели, и у нас не оставалось никаких иллюзий насчет исхода боя, если нам все-таки придется вступить в сражение.

Тем не менее мы сосредоточили внимание на своем вооружении. У нас имелись ядерные снаряды, лучевые орудия, протонные пушки и еще полдюжины устройств, о которых я никогда раньше не слышал. Самым многообещающим, то есть самым легким с точки зрения наведения и стрельбы, выглядело орудие, которое Чейз назвала «рассеивателем»: оно стреляло пучком частиц с широким диапазоном энергии — пучком, состоящим из фотонов, горячих электронов и чего-то вроде «супа из частиц». Его воздействие, если верить компьютеру, состояло в кратковременной дестабилизации материи.

— Но вам придется подойти поближе, — предупредил компьютер. — И нужно сначала вывести из строя защитные системы, орудие не сможет пробить их.

— Как это сделать? — спросила Чейз.

В ответ компьютер выдал сложную операцию, требующую быстрого маневрирования и наличия трех операторов.

— Один пульт, — сказал я. — Мы можем обеспечить только одного оператора. Или двух, если обойдемся без пилота.

— Почему бы нам просто не отдать им корабль? — спросила Чейз.

Я видел страх в ее глазах. Вряд ли мне самому в тот момент удалось скрыть свои чувства.

— Не думаю, что мы должны сдать им «Корсариус», — ответил я. — Ни при каких условиях. Ты же видела, что они сделали с «Кентавром». Думаю, у нас есть выход: сразаться или удрать, если сможем.

— Самоубийство, — вздохнула Чейз.

С этим, конечно, не поспоришь. Но у нас в руках превосходный корабль, они жаждали его заполучить, и это может дать нам некоторое преимущество.

— Компьютер, если защита противника отключена, какую цель выбрать для рассеивателя?

— Я бы рекомендовал мостик или двигательную установку. Если обнаружу их местонахождение, я вас проинформирую.

Чейз смотрела в иллюминатор на корабль «немых», который теперь закрывал полнеба.

— С таким же успехом мы могли бы швырять в него камнями, — заметила она.

Мы выключили то, что осталось от наших магнитных двигателей, и летели по инерции с постоянной скоростью. Корабль чужаков перешел на параллельный курс примерно в километре от нас по правому борту. Чейз некоторое время наблюдала за ними, а потом безнадежно покачала головой.

— Им не видно нашу капсулу, — сказала она. — Как насчет того, чтобы установить таймер на одном из ядерных зарядов, взорвать корабль и удрать? Возможно, нам удастся вернуться обратно на планету.

— Тогда тебе придется провести там остаток жизни, — ответил я.

— Сначала нужно остаться в живых. — Чейз, сторбившись, повернулась к экрану. — Интересно, чего они ждут?

— Вероятно, они пытаются придумать способ вытащить нас отсюда, не повредив корабля. Или ждут возвращения эсминца. Между прочим, где он?

— Все еще летит прочь. По моим подсчетам, они смогут вернуть лишь через полтора дня. Зачем им эсминец?

Чейз взглянула в иллюминатор на плывущий рядом с нами гигантский корабль.

— Их защитные экраны включены?

— Да. Сейчас пригодилась бы свеженькая идея. — Ее лицо помрачнело. — У меня мелькнула неприятная мысль. Они могут прочесть наши мысли?

— Не думаю. Для этого нужно находиться на довольно близком расстоянии. Несколько метров, судя по моему опыту обще-

ния с ними. К тому же, если они забираются к тебе в голову, ты это чувствуешь.

— Неприятные твари, правда? — Чейз пробежала пальцами по клавишам. — Уровень энергии перестал расти. Думаю, мы почти полностью готовы к бою. Если, конечно, эти штуки работают.

— Предположим, все в полном порядке. Нам необходимо выжить, поэтому давай придерживаться этого предположения. Если что-то и не в порядке, совершенно не к чему знать об этом заранее.

— Что же нам теперь делать?

— Ждать, — ответил я. — Держи рассеиватель наготове. Если представится возможность применить его, будем стрелять, а потом удирать из всех сил.

— Хромать из всех сил, — поправила меня Чейз.

— Бенедикт! — раздалось из корабельного интеркома.

— «Немой», — прошептала Чейз.

— Не отвечай, — предупредил я.

— Алекс! — Голос был теплый, понимающий, рассудительный. И знакомый. — Алекс, с вами все в порядке? Меня беспокоят ваши системы жизнеобеспечения. Можем ли мы что-нибудь сделать для вас?

С'Калиан. Борец за мир. Идеалист. Друг.

— Я сожалею о гибели «Кентавра». Эсминец должен был лишь не допустить никого на борт артефакта.

— Оставайся у пускового механизма, — сказал я Чейз.

— Куда целиться?

— Выбери себе цель.

— Предпочтительно в направлении центра, — подсказал компьютер. — При отсутствии точных сведений наиболее вероятным расположением двигательной установки является позиция в центре конфигурации.

Снова раздался голос С'Калиана:

— Алекс?

Чейз кивнула:

— Есть цель. Теперь твоя очередь: попытайся уговорить его отключить защитные экраны.

— Алекс, вы же меня слышите. У нас есть возможность решить все мирным путем. Нет необходимости проливать кровь.

Я включил канал. Изображение «немного» появилось на одном из вспомогательных мониторов. Вид у него был заботливый и сочувствующий.

— Вы не получите «Корсариус», С'Калиан.

— Мы его уже получили. К счастью для обоих наших народов, он наш.

— Почему? — спросил я. — Чем он вам так дорог?

— Вы, несомненно, уже догадались, Алекс. — Его голос снизился на октаву. — Секреты Сима будут у нас в безопасности. Мы — не агрессивный вид. Вашему народу нечего бояться.

— Легко сказать.

— У нас не было вашей кровавой истории, Алекс. Для нас война не является нормальным условием существования. Мы не убиваем себе подобных, мы не убивали бы и вас, если бы этого можно было избежать. Сегодня мы все еще живем воспоминаниями о той ужасной войне.

— Это было двести лет назад!

— В этом, — печально сказал С'Калиан, — и заключается разница между нами. Для ашиуров вчерашняя трагедия остается сегодняшней болью. Это не просто История.

— Да, мы уже видели, как вас огорчает насилие.

— Я сожалею о нападении на «Кентавр». Нам очень хотелось избежать ситуации, которая возникла сейчас, но мы не можем допустить, чтобы «Корсариус» вернулся к его создателям. Печальная правда заключается в том, что нам, возможно, все-таки придется отнять у вас жизнь...

— Чего вы хотите?

— Только корабль. Передайте его нам. Я готов обеспечить вам безопасный перелет домой и щедро компенсировать потерю артефакта.

Я смотрел на С'Калиана, пытаюсь прочесть искренность в тщательно подобранном выражении его лица.

— Как будет проходить капитуляция?

— Это не капитуляция, Алекс, — непринужденно ответил С'Калиан. — Это акт мужества в трудных обстоятельствах. Мы просто пошлем к вам десант. Все, о чем мы вас просим, — это

подтвердить свое согласие покинуть корабль. Вас обоих, конечно. — Он кивнул, выражая удовлетворение, что мы приходим к благоразумному решению. — Да, просто покиньте корабль. Перейдите к нам. Я даю самые серьезные гарантии, что с вами будут хорошо обращаться.

— И отпустят?

Он заколебался. Всего лишь на мгновение.

— Разумеется.

Почему-то во время нашей первой беседы его неподвижные губы ужасно смущали меня. Возможно, потому, что тогда я общался с ним через переговорное устройство. Сейчас обстоятельства резко изменились, но разговор все равно нервировал и вызывал у меня ощущение прямого мысленного контакта. Может, я недооценил его и С'Калиан способен даже через пустоту проникнуть в мой мозг?

— Вы готовы покинуть корабль?

— Мы думаем над этим.

Чейз уставилась на экран.

— Очень хорошо. Будем ждать. Из уважения к вашим чувствам мы не предпримем попытки высадиться на корабль до тех пор, пока вы благополучно не прибудете к нам. Кстати, Алекс, я знаю, вам сейчас нелегко. Но настанет день, когда наши расы объединятся в прочной дружбе и вас будут помнить как внесших свой вклад в это благородное дело.

— Почему это так важно? — спросил я. — Зачем вам нужен корабль?

— Он — символ недобрых времен. Положа руку на сердце, я считаю, что он нашелся в неподходящее время. Наши с вами народы опять близки к войне. И корабль, воспоминания, которые он пробудит, могут послужить катализатором новой вспышки враждебности. Мы не имеем права допустить, чтобы так случилось.

Кого он хочет надуть?

Чейз вопросительно посмотрела на меня.

— Для нас это нелегкое решение, — сказал я.

— Понимаю.

— Пожалуйста, дайте нам подумать.

— Конечно.

— Сделай это! — воскликнула Чейз, как только изображение С'Калиана исчезло с экрана. — Вот выход. Они ничего не выиграют, убив нас.

— Эти сволочи действительно убьют нас, Чейз. Они не собираются нас отпускать.

— Ты сошел с ума, — возмутилась она. — Мы вынуждены доверять им. У нас нет выхода. Я не хочу отдать свою жизнь за ископаемое. Ты сам знаешь, что если они не получают корабль, то просто взорвут его вместе с нами. А все наши представления о способах борьбы с подобным монстром — не более чем фантазии. Такая посуда не имеет ни малейшего шанса победить «немых» даже при наличии полного экипажа на борту и с Симом в кресле командира.

— Несколько минут назад ты говорила по-другому.

— Несколько минут назад я думала, что у нас нет выбора.

Во рту у меня пересохло, но я попытался говорить спокойно:

— Я не согласен с тобой, Чейз. Им нужен корабль, и, пока мы остаемся внутри, мы в безопасности. Пока они не могут подняться на борт, они не станут уничтожать его.

— Почему? Если они хотят воспрепятствовать нам вернуться с ним домой, то могут взорвать нас в любой момент.

— Тогда почему они до сих пор этого не сделали?

— Возможно, не хотят убивать без крайней необходимости.

— Ты в это веришь?

— Черт побери, Алекс, я не знаю.

— Ладно. — Я выбрался из командирского кресла и бродил по мостику, пытаюсь рассуждать. — Если ты права, почему они атаковали «Кентавр»? Тогда они не заботились о нашей жизни. Они не хотели допустить нас на борт, потому что им пришлось бы *уговаривать* нас выйти из корабля.

— Возможно, ты прав, — сердито сказала Чейз. — Не знаю. Но я не хочу, чтобы меня убили из-за «Корсариуса»!

— В таком случае сидим на месте. Сколько осталось до запуска двигателей Армстронга?

— Нет никаких двигателей Армстронга! — с отчаянием воскликнула Чейз.

— Перестань, Чейз. Сколько осталось до включения чего бы там ни было? До того, как мы сможем совершить прыжок в гиперпространство?

На глазах у нее показались слезы.

— Примерно полдня. Ты надеешься заставить их ждать?

— Думаю, для нас это лучший шанс. — Я взял ее за плечи и привлек к себе. — Ты со мной?

Чейз долго смотрела на меня.

— Ты погубишь нас обоих, — ответила наконец она.

— Сожалею, что вы считаете себя обязанным придерживаться линии поведения, которая может привести только к кровопролитию. — С'Калиан выглядел по-настоящему огорченным. — Чем еще мне разубедить вас?

— Идите к черту. Вам придется взорвать ваш артефакт. Давайте приступайте! — Я отключил связь.

— Ты говорил убедительно, — невесело усмехнулась Чейз. — Надеюсь, он не принял твой вызов.

Корабль «немых» подплыл ближе. Колебание его компонентов ускорилося.

— Анализ показывает, — заговорил компьютер, — что это, вероятно, является частью системы выработки энергии.

Чейз тихо выругалась.

— Где центр управления? Где они наиболее уязвимы?

— В данный момент информации для выводов недостаточно.

— Твои догадки ничем не хуже компьютерных, — заметил я.

— Думаю, пора включать защитные экраны.

— Нет.

— Почему?

— Нам это ничего не даст. Мы не можем удрать и не можем сражаться. Защитные экраны только отсрочат неизбежное. Давай попробуем приготовить для них сюрприз.

Что-то в моей беседе с С'Калианом продолжало беспокоить меня, и вдруг я понял:

— Почему они с нами так любезны?

— Что ты имеешь в виду?

— Почему они готовы ждать нас у себя на борту, прежде чем послать десант?

Чейз покачала головой:

— Я продолжаю считать, что они, возможно, говорят правду.

— Нет, я скажу тебе, в чем дело: они нам не доверяют. Считают нас вероломными отщепенцами и поэтому держат нас там, где мы будем под наблюдением. То есть они полагают, что мы можем причинить им вред. Каким образом?

Чейз прикрыла глаза, подумала, потом кивнула:

— У меня есть хороший вариант ответа. Им придется отключить защитные экраны, чтобы пропустить десант. На несколько секунд они станут уязвимыми.

Я ощутил прилив возбуждения и страха.

— Они нам не доверяют, — повторил я, думая о шахматной доске Сима. — Может, мы сумеем извлечь из этого пользу.

— Продолжай, — сказала Чейз. — Готова выслушать твои идеи.

— Пойди в хвост, возьми два скафандра, помести их в капсулу и надуй. Постарайся, чтобы они были похожи на нас. Потом настрой управление так, чтобы мы могли запустить ее отсюда.

— Зачем?

— Мне неизвестно, сколько у нас осталось времени, Чейз. Просто сделай это. Ладно? Дай мне знать, когда все будет готово, и возвращайся сюда.

— Хорошо. — Она поднялась и протянула мне руку. — Кстати, на тот случай, если я тебя больше не увижу, — это был дьявольский полет, Алекс.

Несмотря на легкомысленный тон, голос у Чейз прервался, и она быстро вышла. В тишине корабля я слышал, как она идет от одного люка к другому.

— Какое-то движение, — подал голос компьютер.

Схема танца огней чужого корабля изменилась, цвета стали более насыщенными. Он ярко сиял в вечной тьме пространства, его крохотные огоньки кружились вихрем, словно светящиеся насекомые в жерле пушки. Это продолжалось несколько минут.

— Психическая атака, — сказал я компьютеру. — Игра под названием «Кто кого перехитрит».

— Не уверен. Я замечаю знакомую металлическую форму внутри конфигурации. Возможно, многоствольный торпедный аппарат. Восемь стволов. Подобный тип вооружения предназначен для применения против относительно неподвижных

объектов. Скоростная торпеда способна пробить толстую броню и выжечь все внутри. Согласно анализу только один из стволов заряжен.

Проклятье!

— Ее воздействие на «Корсариус»? — спросил я, едва шевеля языком. Черт побери, я не знал, как включить защитные экраны, даже если очень захочу это сделать. — Какова энергия защитных экранов?

— Никакой.

Надо было позвать Чейз, предупредить ее, вызвать обратно. Но я не сделал этого.

Я слышал, как она возится в хвостовом отсеке. На пульте зажглась красная лампочка: открыт внешний люк.

— Они захватили цель, — сказал компьютер.

Зажмурив глаза, я стал ждать.

— Торпеда запущена.

В последний момент я подумал, что мы не сделали ни единого выстрела в свою защиту.

Снаряд пробил нашу металлическую обшивку, подняв бурю на нижних палубах. Снова завывли сирены и остальные корабельные системы, оповещающие о непосредственной и серьезной опасности. Но мы все еще живы!

— Что, черт возьми, там происходит? — осведомилась Чейз. Эхо в наушниках указывало на то, что она находится в скафандре.

— Они выстрелили в нас. У тебя все в порядке?

— Да. Не пора ли включить защитные экраны? — Голос ее слегка дрожал.

— Ты уже закончила?

— Почти. Но может, нам выбросить чучела, забраться сюда самим и выметаться?

— Быстро возвращайся! — приказал я. — Компьютер, сообщи о повреждениях. Почему мы все еще невредимы?

— Торпеда не взорвалась. Если, конечно, это не пустая оболочка. Невозможно сказать наверняка, поскольку она прошла сквозь корабль навывлет.

— Куда она попала?

— В отсеке прямо под мостиком. Потребуется ремонт обеих переборок. За неимением ремонтной команды я изолировал этот участок.

Снова раздался голос С'Калиана:

— Алекс, еще не поздно.

Он умоляюще протянул руки.

— Сукин сын! — тихо произнес я.

— Восхищен вашим самообладанием в данных обстоятельствах. Поймите, мы способны пробить множество дыр в вашем корабле, не повредив важных систем. Ну, какое еще нужно доказательство моей заботы о вашем благополучии? Выбирайтесь оттуда, пока можете. Ваша гибель и гибель вашей... э-э... женщины ни к чему не приведет.

Чейз открыла люк и вошла в кабину.

— Готово к старту, — шепнула она.

Компьютер прервал связь с вражеским кораблем:

— Капитан, они зарядили вторую торпеду.

— Если у тебя есть какая-нибудь идея, — сказала Чейз, — то сейчас самое время.

— Компьютер, соедини меня с «немым».

На экране снова появилось изображение С'Калиана.

— Надеюсь, вы приняли мудрое решение, — произнес он.

— Только вряд ли оно вам понравится. — Я сделал паузу для большего эффекта и постарался принять умеренно безумный вид. — Я собираюсь достать из погребов одну из ядерных мин, засесть здесь и взорвать «Корсариус», ко всем чертям.

— Не верю.

— Это ваше дело.

— Я *видел* вашу душу, Алекс. В каком-то смысле я был вами. Вы не способны совершить подобный поступок. Ваше стремление выжить слишком велико...

Я отключился.

— Вот и все, — сказал я компьютеру. — Не хочу больше никаких переговоров с другим кораблем. Никаких. На все запросы отвечай отказом.

— Бесполезно, — отозвалась Чейз. — Что ты пытаешься сделать? Они тебе не верят и будут искать ловушку. — Ее глаза вдруг широко раскрылись. — Эй, ты, случайно, не всерьез? Мне совсем не улыбается перспектива превратиться в огненный шар.

— Конечно нет. Они тоже не верят. На это я и рассчитываю. Оставайся у рассеивателя. Через шесть минут, когда мы пошлем капсулу в полет, они должны отключить защиту. Когда на приборной панели появится зеленый сигнал, нажми на спуск. Целься куда-нибудь в центр.

Я начал отсчет времени.

— А если защиту не отключат?

— Тогда придумаем еще что-нибудь.

— Какое счастье — знать, что у нас есть план!

— Готова запустить капсулу?

— Да.

Мы ждали. Минуты уходили одна за другой.

— Я хочу, чтобы она двигалась прочь от чужаков. Она должна лететь назад, к планете.

Поняв, Чейз улыбнулась, но тут же заметила:

— Они не купятся. Мы сейчас слишком далеко от планеты. Они поймут, что мы не сможем туда добраться.

— Давай! — скомандовал я.

Она нажала кнопку на панели:

— Капсула ушла.

— «Немые» не поймут, — сказал я. — Вероятно, они не знают о ее возможностях, а если и знают, то будут думать, что мы пытаемся оторваться от них и сбежать. И о ядерном заряде, тикающем внутри этого корабля, тоже будут думать.

Чейз вывела изображение капсулы на экран, и мы стали ждать. Выглядело все как надо: два человека в скафандрах, один склонился над пультом управления.

— Ты похож на пьяного.

— Достаточно правдоподобно, чтобы надуть их.

Она согласилась:

— А мне бы хотелось сейчас быть в капсуле.

— Ерунда. Все кончится благополучно. Постарайся держать капсулу в тени корабля, надо сделать вид, будто мы пытаемся остаться вне поля зрения. Только пусть они ее видят.

— Хорошо, — неуверенно ответила Чейз.

— Торпеда противника нацелена на мостик, — предупредил компьютер.

— Надеюсь, у этой штуки хватит энергии, чтобы вывести их из строя. — Вид у Чейз был скептический.

— Приготовься, у нас всего несколько секунд. Как только зажгутся зеленые лампочки...

— Капитан, — позвал компьютер, — корабль противника снова вызывает нас.

— Не отвечай. Сообщи, когда вызов прекратится.

— Они должны заметить капсулу, Алекс.

— Хорошо. Теперь это может случиться в любой момент.

— Капитан, сигналы от корабля «немых» прервались.

— Алекс, ты уверен, что это сработает?

— Конечно нет.

Мы наблюдали за приборами, смотрели на зеленые огоньки, ждали.

— Замечено повышение активности, — сказал компьютер.

Мы получили изображения одновременно на нескольких экранах, с близкого расстояния. В одном из гиперболоидов открылся люк, и оттуда показался серебристый нос катера.

— А вот и мы, — объявил я. — Это команда по обезвреживанию бомбы.

У Чейз вырвался вздох облегчения.

— В мужестве им не откажешь.

Лампочки мигнули и погасли.

— Они отключили защитные экраны.

Чейз нажала на спуск.

Наш корабль покачнулся, дрогнул, низкий рев заставил содрогнуться переборки.

Я ударил по нескольким кнопкам на пульте, включая наши защитные экраны.

Ослепительный свет хлынул в иллюминаторы, дисплеи погасли. Чейз подбросило вверх, она едва не вылетела из кресла, но продолжала нажимать на клавишу. Включились двигатели коррекции курса.

Что-то ударило в наш корабль. Он содрогнулся, мигнули лампы.

— Протонный удар, — сообщил компьютер. — Защитные экраны выдержали.

Один из мониторов ожил, и мы снова увидели корабль «немых»: его огни бешено вспыхивали, вращались, между ними появились темные пятна, которые увеличивались в размерах. Внезапно свечение померкло, колебания прекратились. Не-

сколько огненных шаров взорвалось, рассыпав фонтаны искр. Когда все закончилось, осталась только темная сеть из шаров и труб.

Чейз выключила рассеиватель.

— Кажется, у нас кончились запасы энергии, — сказала она.

Серебристый десантный корабль промчался мимо и полетел прочь, надеясь, по-моему, остаться незамеченным в общей каше.

Еще один удар потряс наш корабль.

— Второй протонный залп, — сообщил компьютер. — Промчался далеко от цели. Повреждений нет.

— Компьютер, зарядить ядерную ракету.

— Алекс, у нас есть шанс удрать.

Снаружи раздался еще один взрыв. То ли разваливался их боевой корабль, то ли они продолжали стрелять в нас — я не смог определить.

— Через минуту.

— Заряжена и готова к выстрелу, капитан.

— Алекс, что ты делаешь?! Все кончено! Давай убираться отсюда.

— Эти мерзавцы пытались убить нас, Чейз. Я собираюсь прикончить их, пока еще есть такая возможность.

Я прислушался к звукам на мостике: успокаивающая пульсация мощности в переборках, гармоничное гудение систем обработки данных, мягкий шепот интеркома, дыхание Чейз.

— Нет необходимости, — сказала она. — Мне понравилось то, что сделала Таннер в самом начале. Когда она протянула руку, чтобы поддержать «немого».

Подбитый корабль замигал огнями.

— Капитан, он уходит прочь.

— Отпусти их, — настаивала Чейз. — Давай попытаемся не совершить ошибки!

Я сидел, положив палец на спуск.

— Они будут знать, что ты мог уничтожить их и не сделал этого. Они всегда будут об этом помнить.

— Да. Надеюсь, это принесет кому-нибудь пользу.

Мы смотрели, как они уползают в темноту.

Границы существуют только на картах и в умах ограниченных людей. Природа не чертит линий.

Тулисофала. Отрывки, CCLXII (перевод Лейши Таннер)

Иногда я вспоминаю замечание Кристофера Сима о том, что в сражении у Фермопил не было необходимости.

Моя война с ашиурами, кажется, попадает в ту же категорию. Ничего бы не случилось, не проводи я полдня с С'Калианом в Маракаибской группе. Наверное, тот визит был не самым дурацким поступком всех времен, но он, безусловно, занял свое место в первой десятке. Мы едва не потеряли «Корсариус».

Чейз оказалась права относительно двигателей Армстронга — их на корабле не было. Вместо них была гораздо более совершенная система. И примерно через десять часов после инцидента с боевым кораблем «немых», после пятиминутной готовности, объявленной компьютером, «Корсариус» доставил нас домой.

Без тошнотворного погружения в нелинейное пространство Армстронга, без тягостного двухмесячного перелета в сером туннеле, которые мы испытали на пути сюда.

Все походило на замедленную вспышку. Звезды расплылись, потом снова появились. Если бы мы внимательно наблюдали, то увидели бы, что созвездия изменились, исчезло Великое Колесо и из мгновенного смятения возникли знакомые очертания ночного неба Окраины. Солнце Бельминкура исчезло, мы приближались к прекрасному бело-голубому полумесяцу

Окраины. Из системы внешней связи доносились голоса людей, по правому борту плыл серп луны в первой четверти.

Только на очень короткое мгновение у нас возникло физическое ощущение, будто под ногами нет палубы и нет воздуха, чтобы дышать, но оно так быстро прошло, что я даже не уверен, случилось ли это на самом деле.

В суровых условиях той отчаянной борьбы некто (конечно, Рэшим Мачесны и его команда) решил ряд теоретических проблем, связанных с гравитационными волнами, сумев применить их на практике. Поняв, что гравитация, как и свет, по своей природе дуалистична, что она одновременно является и волной и частицей, они пришли к очевидному выводу: гравитацию можно проквантовать. Это знали и раньше, но Мачесны сумел двинуться дальше.

Из этого простого факта вытекает большое количество следствий. Одно из самых важных для нас с Чейз, сидящих в древнем фрегате и сомневающихся в том, что когда-либо вообще попадем домой, заключалось в следующем: крупные физические тела способны совершать квантовые прыжки, подобно электрону. То есть можно перемещаться из точки в точку, не пересекая лежащего между ними пространства.

«Корсариус» был оборудован регулируемым коллектором гравитационных волн, усиленным гиперпроводящими магнитами, предназначенными для снижения электрического сопротивления до отрицательной величины. В результате корабль мог перемещаться в пространстве-времени практически мгновенно.

Ну, вам все это уже известно. Вот как получилось, что мы с Чейз убрались-таки с дальней стороны Дамы-под-Вуалью.

Квантовый двигатель.

Дальность полета, конечно, не является неограниченной. Она зависит от вида двигателя и от имеющихся запасов энергии. Энергия хранится в кольце из сверхпроводника и должна быть подана в момент перехода с почти невероятной точностью. И корабль не может свободно перемещаться даже в пределах этой дальности. Минимальное расстояние, которое он покрывает, немногим больше светового дня. После этого промежутки уменьшаются на бесконечно малую, но постоянно воз-

растающую величину. Это чем-то напоминает станции. Все, очевидно, связано со статистикой и квантовой логикой, а также с принципом определенности Хейза. В результате метод неприменим для очень коротких или очень длинных перелетов.

Теперь мы лучше понимаем, в каких отношениях находились между собой различные заселенные людьми планеты во время войны с ашиурами. По крайней мере, мы с Чейз понимаем. Хотя мы всегда знали об их недоверии друг к другу, нас потрясло то, что деллакондцы скрыли свое открытие от союзников и оно оказалось потерянным на два столетия.

Многое изменилось с тех пор, как мы привели «Корсариус» от Бельминкура.

Почти повсюду установилось политическое единство, Конфедерация, по-видимому, стабилизируется. В конечном итоге мы, возможно, добьемся успеха.

Я рад, что квантовый двигатель не был применен в каких-либо наступательных действиях против ашиуров. Я ничем им не обязан, и все же если из этого можно извлечь урок, то именно такой. Мы получили огромное преимущество в технике, напряжение спало, и некоторые эксперты заявляют, что нельзя иметь серьезных соперников при отсутствии военного баланса сил. Должно быть, перед нами открывается новая эра.

Маракаибская группа все еще находится в Доме Костиева. Я больше никогда туда не возвращался, но желаю им успехов.

Могила Мэтта Оландера до сих пор можно увидеть в окрестностях Пойнт-Эдварда. Иллиандцы просто отмахнулись от рассказа Киндрел Ли.

Сейчас поговаривают о межгалактическом полете. Проблемой остается мощность: путешествие придется совершать путем ряда последовательных, сравнительно коротких прыжков. На перезарядку уходит много времени, и, по оценкам экспертов, полет к Андромеде продлится примерно полтора столетия. Но мы движемся вперед. В основную конструкцию Мачесны уже внесены некоторые усовершенствования, и я надеюсь дожить до того момента, когда разобью бутылку о нос первого межгалактического исследовательского корабля. Мне это обещали.

Если репутация Сима и пострадала, то на очень короткое время. Большинство людей отмахнулись от истории с Бельминкуром — они твердо уверены, что герой погиб у Ригеля.

Существует теория, пользующаяся поддержкой некоторых ученых, и она кажется мне интересной, — предположение, что на Карнизе произошла последняя встреча и братья в конце концов обнялись, расставшись в слезах.

Это возвращает нас к надписи на скале:

ὦ πόποι! ὦ Δημόσθηνς!

Первая ее часть — это возглас страдания, часто используемый героями классической греческой трагедии. Затем: «О Демосфен!» Большинство историков видят в этом дань Кристофера Сима ораторским способностям брата и, следовательно, демонстрацию прощения: я страдаю, о Демосфен! Вот о чем, по-видимому, говорит надпись. Что также свидетельствует в пользу версии о последнем расставании на Карнизе, сопровождавшемся проявлениями горечи и любви, которые и должна была породить подобная встреча.

Но у меня есть сомнения. В конце концов, Демосфен убедил своих сограждан вступить в бессмысленную и самоубийственную войну с Александром Великим!

И если мы не поняли этого восклицания, то, мне кажется, Тариен понял бы.

Нас всегда интересовали отношения Таннер и Сима, причина того, что она неустанно разыскивала его столько лет. Мне кажется, в этом было нечто большее, чем просто сострадание или верность. Чейз склонна видеть здесь романтическую ноту.

— Таннер его любила, — сказала она мне однажды, когда снаружи бушевал ветер и в камине взлетали языки пламени. — Она нашла его. Я уверена. Она бы не сдалась...

Возможно.

Я всегда подозревал, что Таннер участвовала в заговоре. Именно она, а не безымянный офицер или член экипажа видела Колесо. И ею двигала больше вина, чем любовь.

Во всяком случае, он не вернулся. После Ригеля о Кристофере Симе больше никто не слышал. Иногда я думаю о нем,

стоящем на той скале, и больше всего в жизни мне хочется верить, что она спустилась к нему как гром среди ясного неба и забрала его оттуда.

Мне нравится так думать. Хотя я в это не верю.

И наконец, Гейб.

В данное время бортовой журнал «Корсариуса» и личная записная книжка Кристофера Сима, исписанная его почерком, выставлены в экспозиции Института Аккадии. В крыле Габриэля Бенедикта.

ЭПИЛОГ

Скиммер описал дугу, спускаясь в долину Святого Антония, облетел аббатство и сел на посадочной площадке для посетителей возле статуи Девы перед административным зданием. Высокий смуглый человек выбрался из кабины пилота, замигал от солнечного света, оглядел группу строений: спальни, библиотеку и церковь, без видимого порядка разбросанные по склонам долины.

Молодой человек в красных одеждах стоял в стороне, наблюдая за вновь прибывшим. Вдруг он быстро подошел к посетителю:

— Мистер Скотт?

— Да.

— Добро пожаловать к Святому Антонию. Меня зовут Микель Дюбей, я представитель аббата.

Обычно Микель смягчал официальность своего заявления дополнительным замечанием, что он послушник. Однако манеры Скотта не вызывали на откровенность.

— Мы приготовили для вас келью.

— Спасибо. Я не останусь на ночь.

— Вот как? — озадаченно произнес юноша. — Я понял, что вы намереваетесь найти здесь пристанище.

— Да, — ответил Скотт, неожиданно заметив присутствие послушника. — В некотором смысле. Но это займет только полчаса или около того.

Микель стиснул зубы, пытаясь взять себя в руки:

— Аббат пожелал, чтобы я оказал вам любую помощь.

С сильно бьющимся сердцем Хью Скотт последовал за проводником мимо жилых помещений и зоны отдыха. В вечернем воздухе раздавались крики игроков в мяч. Навстречу им прошли два священника, одетые в белое, приветливо поздоровавшиеся с Микелем и его подопечным. До Скотта донеслись обрывки их беседы, которая, по-видимому, имела отношение к физике высоких энергий.

Зазвонил колокол. Большая птица на дереве громко захлопала крыльями, свалилась, ударилась о землю, поднялась на громадные, изогнутые углом ноги и умчалась прочь.

— Она пришла за одним из наших отцов, проводивших девять дней поста в горах, — объяснил послушник. — Мы пытаемся поймать ее и отправить обратно.

— Никогда не видел ничего подобного, — задумчиво сказал Скотт. Глядя на склон горы, он, возможно, совсем не думал о птице, он даже не осознал ее появление.

— Птица с покосов, — прибавил Микель и умолк.

Дорожка извивалась в рощицах цветущего кустарника и карликовых деревьев. Они повернули, пошли вверх по склону. На гребне холма, за железной оградой, Скотт увидел ряды белых крестов.

Он замедлил шаг. День выдался чудесный, а послеобеденное время предназначено для наслаждения, его надо смаковать! Кровь быстрее заструилась в его жилах.

У входа стояли мраморные скамьи, где, очевидно, предполагалось плодотворно размышлять о быстротечности жизни. Взгляд Скотта скользнул к арке, за которой отцы завершали свой последний путь. На ее верхушке стоял крест, а надпись на ней гласила: «Тот, кто учит других, как умирать, должен знать, как *жить*».

«Да, — подумал Скотт. — Сим *знал*!»

— Вон там, сзади. — Микель указал на сектор в тени старых деревьев.

Пройдя вдоль ряда простых белых крестов, Хью с удивлением подумал, что, пожалуй, впервые он не поддался на кладбище игре воображения, навевающей мрачные мысли о собственной бренности. Сегодня его занимали более важные мысли.

— Здесь, сударь.

Послушник остановился возле креста, ничем не отличающегося от остальных.

ДЖЕРОМ КОРТНИ

Умер 11108 А. Д.

Скотт сверился с коммуникатором. Дата соответствовала 1249 году по календарю Окраины. Спустя сорок лет после окончания войны! Глаза его наполнились слезами, и он опустился на одно колено.

Трава шелестела под теплым вечерним ветерком, где-то текла вода, слышались голоса. Его потрясло безвременье этого места.

Когда Скотт поднялся, Микеля уже не было. На его месте стоял другой человек, бородатый, коренастый, в белой сутане апостолов.

— Я отец Тазангалес, — представился он, протягивая руку.

Рука была большой, костлявой, загрубевшей от работы.

— Вы знали, кто он? — спросил Скотт.

— Да. Аббаты всегда знали. Боюсь, епископ тоже знает. Но это необходимо.

— Он прожил здесь сорок лет! — изумленно произнес Скотт.

— Он время от времени жил здесь в течение сорока лет. Он не был членом Ордена, даже не разделял нашей веры, хотя есть доказательство того, что он сочувствовал Церкви. — Аббат печально смотрел на дальние холмы. — Согласно нашим записям он прилетал и улетал довольно часто. Но нам приятно сознавать, что монастырь Святого Антония стал его домом.

— У вас есть какие-нибудь документы? Он делал какие-то заявления? Объяснил, что произошло?

— Да. — Аббат скрестил руки и приветливо посмотрел на своего гостя. — У нас имеется несколько его документов, рукописей. В частности, одна, по-видимому, является попыткой систематизировать зарождение и падение цивилизаций. Полагаю, он продвинулся в понимании этого вопроса дальше других. Еще есть несколько исторических работ, серия философских эссе и мемуары.

Скотт задохнулся от изумления:

— У вас есть такое — и вы никогда не сообщали об этом миру?!

— Он сам просил нас. «Не давайте им ничего, — сказал он, — пока они не придут и не попросят». — Аббат пристально посмотрел Скотту в глаза. — Полагаю, час настал.

Скотт провел пальцами по могильному камню. Несмотря на вечернюю прохладу, тот оказался теплым.

— Думаю, я займу предложенную вами келью. Мне очень надо узнать, что он хотел сказать нам.

Макдевит Дж.

М 15 Военный талант : роман / Джек Макдевит ; пер. с англ. Н. Ибрагимовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. — 352 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-07095-0

Бесследно исчезает звездный корабль «Капелла», не вышедший из гиперпространственного прыжка. Вместе с командой и несколькими сотнями пассажиров без вести пропадает дядя Алекса Бенедикта, и Алексу вместе с имуществом достается в наследство тайна, занимавшая дядины мысли все последние годы. Дело в том, что в туманности Дама-под-Вуалью обнаружено нечто, полностью переворачивающее представления о временах Сопротивления — войны с разумной расой ашиуров, которую земляне вели двести лет назад. Но подробности этой находки официальные власти скрывают настолько тщательно, что Алекс Бенедикт на свой страх и риск отправляется в далекую туманность, чтобы разобраться в о всем самому.

«Военный талант» — первый роман из знаменитого цикла об Алексе Бенедикте.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

ДЖЕК МАКДЕВИТ
ВОЕННЫЙ ТАЛАНТ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Ирина Киселева

Подписано в печать 17.10.2014. Формат издания 60 × 90 1/16.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 22. Заказ № 4402/14.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-00, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

HKNF1509001R

Вполне возможно, что на сегодняшний день Макдевит — лучший рассказчик, работающий в жанре фантастики.

The Washington Post Book World

Зачем читать Джека Макдевита? Вопрос должен звучать иначе:

«Ну и кто тут у нас такой безголовый, что еще не прочел Макдевита?»

SF Site

Макдевит дает научное обоснование идеям классической «космической оперы», созданной Эдмондом Гамильтоном, Ли Брекет и другими писателями старшего поколения.

SF Site

Писатель рассказывает о том, как мы будем жить в отдаленном будущем, что уже само по себе увлекательнейшее из приключений.

SciFi

Твердая научная фантастика от замечательного рассказчика. Книга достойна встать на полку многих любителей НФ.

Library Journal

Если это и развлечение, то умное и заставляющее задуматься...

Писатель привносит стиль, энергию и неожиданный взгляд на вещи во все, о чем бы он ни писал.

The Washington Post Book World

Cover Art © John Harris

Джек
Макдевит

ВОЕННЫЙ
ТАЛАНТ

Вполне возможно, что на сегодняшний день Макдевит — лучший рассказчик, работающий в жанре фантастики.

The Washington Post Book World

Зачем читать Джека Макдевита? Вопрос должен звучать иначе:
«Ну и кто тут у нас такой безголовый, что еще не прочел Макдевита?»

SF Site

Макдевит дает научное обоснование идеям классической «космической оперы», созданной Эдмондом Гамильтоном, Ли Брекет и другими писателями старшего поколения.

SF Site

Писатель рассказывает о том, как мы будем жить в отдаленном будущем, что уже само по себе увлекательнейшее из приключений.

SciFi

Твердая научная фантастика от замечательного рассказчика.
Книга достойна встать на полку многих любителей НФ.

Library Journal

Если это и развлечение, то умное и заставляющее задуматься...
Писатель привносит стиль, энергию и неожиданный взгляд на вещи во все, о чем бы он ни писал.

The Washington Post Book World

Cover Art © John Harris

ISBN 978-5-389-07095-0 01

9 785389 070950

www.azbooka.ru

Джек
Макдевит

ВОЕННЫЙ
ТАЛАНТ

